

МИРЫ ПОЛА АНДЕРСОНА

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПОЛЯРИС»**

WORLDS OF POUL ANDERSON

Volume fourteen

THE TERRAN EMPIRE

THE PEOPLE OF THE WIND

ENSIGN FLANDRY

«POLARIS» PUBLISHERS
1997

МИРЫ ПОЛА АНДЕРСОНА

Том четырнадцатый

ТЕРРАНСКАЯ ИМПЕРИЯ

ДЕТИ ВЕТРА

МИЧМАН ФЛЭНДРИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПОЛЯРИС»
1997

**Миры Пола Андерсона. Т 14 / Пер. с англ. — Рига:
Полярис, 1997. — 351 с.**

Цикл произведений, описывающих взлет и падение могучей Терранской Империи, открывают остросюжетные приключенческие романы «Дети ветра» и «Мичман Флэндри».

Произведения, включенные в данное издание, охраняются законом об авторском праве. Перепечатка отдельных романов и всего издания в целом запрещена без разрешения издателя и переводчика. Всякое коммерческое использование данного издания возможно исключительно с письменного разрешения издателя.

The People of the Wind
Copyright © 1973 by Poul Anderson
Ensign Flandry
Copyright © 1966 by Poul Anderson

© Издательство «Полярис»,
перевод, оформление, 1997

© Издательство «Полярис»,
составление, название серии, 1995

ISBN 5-88132-261-4

МИРЫ ПОЛА АНДЕРСОНА

собрание фантастических произведений
в тридцати томах

ТОМ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ

Уважаемые читатели!

Издательство «Полярис» благодарит вас
за интерес к нашим книгам

и поздравляет с удачным вложением денег.

В каждом томе «Миров Пола Андерсона»
(кроме последнего)

вы найдете аналогичный призовой купон.

Мы рекомендуем сохранить эти купоны
до окончания выхода в свет всего собрания
фантастических произведений Пола Андерсона.

Потому что...

Внимание!!!

Потому что читатели, которые вышлют нам
29 разных купонов (по одному из каждого тома),
получат последний том «Миров Пола Андерсона»

БЕСПЛАТНО!

Каждому, кто соберет и вышлет
в адрес издательства 29 призовых купонов,
мы гарантируем получение по почте бесплатно
последнего тома «Миров Пола Андерсона».

НАШ АДРЕС:

Латвийская Республика, LV-1039, Рига, а/я 22

«МИРЫ ПОЛА АНДЕРСОНА»

собрание фантастических произведений
в тридцати томах

1	«Зима над миром» «Огненная пора»	Терранская империя — 3 Рассказы и повести	16
2	«Победить на трех мирах» «Тау — ноль» «Полет в навсегда»	Терранская империя — 4 «День, когда они возвратились» «Рыцарь призраков и теней»	17
3	«Орион взойдет»	Терранская империя — 5	
4	«Челн на миллион лет»	«Игра империи» «Камень в небесах»	18
5	«Враждебные звезды» «После судебного дня» «Ушелец»	«Ночной лик» «Орбита не ограничена» Рассказы	19
6	«Планета, с которой не возвращаются» «Война двух миров» «Мир без звезд» «Самодельная ракета»	«Звездные нивы» «Звезды тоже из огня»	20 21
7	«Волна мозга» «Сумеречный мир»	Патруль времени — 1	22
8	«Операция "Хаос"» «Танцовщица из Атлантиды»	Патруль времени — 2	23
9	«Три сердца и три льва» «Буря в летнюю ночь»	«Щит времени»	24
10	«Сага о Хрольфе Жердинке»	Психотехническая лига — 1 «Психотехническая лига» «Снега Ганимеда»	25
11	Торгово-техническая лига — 1 Рассказы и повести	Психотехническая лига — 2 «Бескровная победа» «Звездные пути»	26
12	Торгово-техническая лига — 2 «Сатанинские игры» «Обитель мрака»	Психотехническая лига — 3 «Звездолет» «Планета девственниц»	27
13	Торгово-техническая лига — 3 Рассказы и повести	«Аватара»	28
14	Терранская империя — 1 «Дети ветра» «Мичман Флэндри»	Рассказы	29
15	Терранская империя — 2 «Все круги ада» «Восставшие миры»	Рассказы	30

*В содержании отдельных томов после двадцатого
возможны незначительные изменения.*

От издательства

С четырнадцатого тома «Миров Пола Андерсона» начинается самый длинный и подробно разработанный сериал в творчестве писателя — «Терранская Империя», входящий в состав эпического цикла о Технической цивилизации.

Историю становления и развития Империи писатель оставляет как бы за кадром. Во всем цикле этим темам посвящены только два произведения — повесть «Героическая личность», вошедшая в предыдущий том, и роман «Дети ветра», описывающий один из переломных моментов галактической истории: столкновение двух могущественных звездных держав, Терранской Империи и Сферы Ифри.

Возникшая на развалинах Торгово-технической Лиги, Империя принесла мир и стабильность разрозненным мирам, рушащимся под натиском космических варваров. Многие системы не только добровольно входили в ее состав, но даже умоляли об аннексии. Лишь немногие миры приходилось поначалу присоединять силой.

Но когда пространство, занятое земными поселенцами, было покорено, Империя столкнулась с соперниками, не менее развитыми технически и культурно. Это были Сфера Ифри, населенная птицеподобными летающими существами — ифрианами, и Ройдхунат Мерсейи, основная раса которого походила на помесь человека с крокодилом.

Первый и последний удар завоевательной войны был нанесен по Сфере Ифри, менее централизованной и более слабой в военном отношении, чем Мерсейя. Несколько ифрийских планет пали под натиском Империи, но решающая битва, в которой натиск Империи был остановлен, произошла на и близ планеты Авалон, заселенной совместно людьми, колонию которых основал там Дэвид Фолкейн, и ифрианами. Совместная колония смогла отбить атаку имперских войск. История сражения при Авалоне и стала основой сюжета романа «Дети ветра».

Эта битва, дорого обошедшаяся Империи, стала поворотным пунктом в ее истории, ознаменовав переход от расширения к стагнации,

стремлению лишь сохранять достигнутое, но не идти вперед. К моменту рождения Доминика Флэндри этот период длился уже почти три века.

Альфзарский договор, разграничивший сферы влияния Терры и ее основного соперника, Мерсейи, стал лишь символом перехода «горячей» войны в «холодную». Мерсейцы, молодая раса, одержимая идеей собственного превосходства и стремящаяся подчинить себе Галактику, были в этом конфликте нападающей стороной. Возможно, им и удалось бы раздуть тлеющие угли войны, если бы на межзвездной сцене не появился молодой и энергичный военный, лишенный пока титулов и званий, но в избытке наделенный умом и амбициями. Это и был Доминик Флэндри, один из самых обаятельных персонажей Пола Андерсона. Описанием его судьбы и карьеры — от кадета до «серого кардинала» за троном — и заполнен в основном цикл «Терранская Империя».

А в романе «Мичман Флэндри» Доминик еще совсем молод. Ему предстоит раскрыть первый свой заговор, спасти первый народ — и потерять юность вместе с чужой любовью и верой в лучшие порывы души...

ДЕТИ ВЕТРА

ASTOR MTCB

Глава 1

— Нельзя тебе улетать сейчас, — сказал сыну Дэниел Холм. — Война может начаться со дня на день. Возможно, она уже началась.

— Именно поэтому мне и надо лететь, — ответил молодой человек. — Из-за войны созываются круаты по всей планете. Где же мне быть в это время, как не в своем чоте?

В его речи не только проскальзывали птичьи слова — у него даже произношение изменилось. Англик, язык Авалона, складывавшийся под влиянием планха — чистые гласные, переливчатое «р», приглушенные «м» и «н», глубокий, медленный и распевный, — звучал в его устах так, будто он пытался довести до человеческого понимания ифрийские мысли.

Человек на экране воздержался от ответа, который непременно высказал бы в прежние годы: «Ты мог бы побить и со своей семьей», — и вместо этого спокойно ответил:

— Понятно. Ты сейчас не Крис, ты Аринниан. — Отец выглядел очень старым, когда говорил это, и взволнованный сын потянулся к нему, но наткнулся на экран.

— Я не перестаю быть Крисом, папа, оттого, что я еще и Аринниан, — выпалил он. — И если война близка, чоты должны быть готовы к ней, ведь так? Я хочу им в этом помочь — и надолго не задержусь, честно.

— Конечно. Счастливого пути.

— Передай привет маме и всем остальным.

— Почему ты сам ей не позвонишь?

— Ну, я и правда спешу, и что такого особенного в том, что я собрался в горы?..

— Ладно, — сказал Дэниел Холм. — Передам. А ты передай мой привет своим товарищам. — Второй маршал системы Лауры исчез с экрана.

Аринниан отвернулся от аппарата, прикусив губу. Он очень страдал, когда приходилось причинять боль любящим его

людям. Но как они не понимают? Если ты вступаешь в чот, про тебя говорят: «ушел в птицы», будто ты как-то отрекаешься от расы, к которой принадлежишь. Сколько времени он потратил, убеждая своих родителей и несчетное число ортодоксов в том, что он как раз расширяет и очищает свою человеческую сущность...

Ему вспомнился давний разговор с отцом:

— Слушай, папа, не могут два вида обитать на одной планете на протяжении многих поколений без того, чтобы не влиять друг на друга. Почему ты охотишься в воздухе? Почему у Феруна к столу подают вино? А это еще самые поверхностные явления.

— Я все это знаю. Не такой уж я косный, согласись. Все дело в том, что ты совершаешь количественный скачок.

— Тем, что вступаю в клан Ворота Бури? Но ведь чоты принимают людей вот уже сотню лет.

— Не такими толпами, как теперь. И среди них не было моего сына. Я предпочел бы, чтобы ты продолжал наши традиции.

— Кто сказал, что я не стану их продолжать?

— Начнем с того, что ты теперь будешь жить не по человеческим законам, а по законам и обычаям чота. погоди. Это было бы прекрасно, будь ты ифрианином. Но у тебя другие хромосомы, Крис. Те, кто это отрицают, никогда не станут своими ни в той, ни в другой расе.

— Черт, я вовсе этого не отрицаю...

Аринниан отбросил от себя это воспоминание, как будто оно было чем-то вещественным. Необходимость заняться сборами радовала его. Если он хочет добраться до гнезда Литрана засветло, надо поспешить. Конечно, на машине он долетел бы туда меньше чем за час — но кому охота путешествовать закупоренным в металле и пластике?

Дома он ходил голым. Многие люди, ведущие его образ жизни, склонялись к тому, чтобы вовсе отказаться от одежды, заменяя ее узором на коже. Но совсем без одежды тоже нельзя. Даже ифриане почти всегда носят на себе пояс с кошельком. В полете будет прохладно, а перьев у него нет. Аринниан отыскал в своей крошечной квартирке комбинезон и сапоги.

Мимоходом он взглянул на письменный стол, где были нагромождены учебники, справочники, копии из Центральной библиотеки. «Черт! — подумал он. — Жаль бросать — я уже почти доказал эту теорему».

Математика была его небом. Занимаясь ею, он познавал тот же чистый экстаз, который, как казалось ему, испытывает ифрианин, парящий один в вышине. Здесь он соглашался на

компромисс со своим отцом. Он продолжит занятия и станет, как задумал, профессиональным математиком. До тех пор он согласен принимать некоторую финансовую помощь, хотя с семьей жить больше не будет. То немногое, что нужно ему сверх пособия, он заработает сам, как охотник и пастух, живя у ифриан.

Дэниел Холм проворчал тогда, скрывая усмешку:

— У тебя хорошая голова, сынок. Жаль будет, если она пропадет. Но уж слишком много ты в нее вложил. Если бы не твои птичьи дела, ты бы так зарылся в книги, рисование и стихи, что совсем перестал бы двигаться; и твоя задница в конце концов приросла бы к стулу, а ты бы и не заметил. Пожалуй, мне следует сказать спасибо твоим друзьям за то, что они сделали из тебя атлета на свой лад.

— Моим чотовикам, — поправил его Аринниан. Тогда он только что получил свое новое имя и был преисполнен торжественных и серьезных чувств. Тому уже четыре года — теперь он улыбается, вспоминая об этом. Старик был в общем-то прав.

В свои тридцать лет по авалонскому отсчету Кристофер Холм был высок, строен, широк в плечах. Внешность, как и сложение, он унаследовал от матери: продолговатая голова, узкое лицо, тонкие нос и губы, голубые глаза, волосы цвета красного дерева (коротко остриженные, как у всех, кто часто летает на гравиранце); борода пока еще росла не слишком буйно — достаточно было принимать препятствующий ее появлению энзим. Кожа, светлая от природы, потемнела от загара. Лаура, звезда типа G5, давала всего 72 процента излучения по сравнению с Солнцем и, соответственно, меньше ультрафиолетовых лучей; но Авалон находился в 0,8 астрономической единицы от нее, а период его обращения составлял 0,724 земного, поэтому общее облучение, которое он получал, на 10 процентов превышало привычное человеческому роду.

Аринниан привычно, шаг за шагом проверил свое воздушное снаряжение, прежде чем продеть руки в лямки и застегнуть ремень. Аккумуляторы обоих конических цилиндров за спиной должны быть заряжены до отказа и все схемы обязаны работать как часы. В противном случае он не жилец. Одному ифрианину не под силу удерживать человека в воздухе. Это может получиться только у нескольких — причем это всегда бывали пастухи с арканами, которыми они захлестывали своего товарища и несли его, не мешая друг другу. На такую удачу рассчитывать не приходится. Господи, вот если бы ему настоящие крылья!

Он надел кожаный шлем и очки, которые в некоторой степени заменяли затемняющие мембраны. На поясе у него висели нож и пулевой пистолет. Никакая опасность ему не угрожала — на поединок его не вызовут, ведь на круате соблюдается священное перемирие, да и не так уж часты ссоры, в которых затрагивается честь; однако жители Ворот Бури были в основном охотники и постоянно носили при себе оружие. Провизию он с собой не брал. Кормить его будет семья, которой он регулярно отдает свою долю, — они возьмут с собой продукты на грависанях.

Выйдя за дверь, он сразу оказался на улице. На Авалоне всем жилось просторно — его населяли около десяти миллионов людей, четыре миллиона ифриан. Даже здесь, в Грее, который имел некоторое право называться городом, дома были низкие и стояли далеко друг от друга. Живущим здесь или залетным орнитоидам вполне хватало пары высотных зданий.

Аринниан включил тягу, и негасила плавно, но быстро оторвала его от земли. Набрав высоту, он ненадолго задержался, любуясь видом.

Город лежал на холмах вокруг Фолкейнского залива — повсюду зеленели деревья и сузин, пестрели сады. По воде скользили лодки — в основном прогулочные яхты под парусами и на подводных крыльях. В гавани стояло несколько грузовых судов, длинных и красивых с функциональной точки зрения, — их загружали и разгружали многочисленные роботы. Одно входило в порт — с Бренданских островов, судя по курсу, другое направлялось к выходу в Гесперийское море, которое под солнцем искрилось серебром и переливалось сапфиром с пурпурными бликами на северном и южном горизонте.

Лаура стояла низко над пустым западным небосклоном — на закате она золотилась ярче, чем в полдень. Синева неба медленно сгущалась; перистые облака, напоминающие Аринниану нагрудное оперение, предвещали и дальше ясную погоду. Легкий соленый бриз охлаждал ему щеки.

Движение в воздухе было немногочисленным. Пролетело несколько ифриан, сверкая бронзой и янтарем своих крыльев. Пара человек летела на ранцах, как и Аринниан; вдалеке они почти не отличались от стаи грациозных пернатых дракул, которых вечер выманил из пещеры. Порой мелькали воздушные машины, похожие на вытянутые в длину дождевые капли, отражавшие свет с яркостью, недоступной живым существам. Медленно ползли два-три воздушных грузовика, и межконтинентальный лайнер шел к аэропорту. Над Греем никогда не наблюдалось особой суеты.

Однако высоко в небе двигались силуэты, не виданные здесь со времен Смуты: военные патрульные машины.

Война с Терранской Империей... Аринниан содрогнулся и полетел на восток, в глубь материка.

Цель его путешествия уже виднелась далеко за прибрежными холмами и долиной — словно облачная гряда лежала там, на краю света; выше этих гор не было во всей Короне, да и на всем Авалоне, если не считать Оронезии. Люди называли их Андромедами, но Аринниан, даже говоря на англике, пользовался именем планха: Матерь Бурь.

Внизу проплывали поля и пастбища. В окрестностях Грея ифрийские поселения на севере граничили с людскими на юге; обе экологии смешивались с авалонской, и местность походила на шахматную доску. Посеянные человеком злаки, созревшие на склоне лета, золотились среди бескрайних зеленых просторов, где паслись ифрийские мауки и майо. Рощи, где росли дуб и сосна, ветрогнезда и молотовик, вклинивались в почти безлесные луга, поросшие берилловым туземным сузином, где еще встречались бароящеры. Полет изгнал из мыслей Аринниана всякое беспокойство. Пусть Империя атакует Сферу — если посмеет! Он, Аринниан, летит к Эйат — в свой чот, само собой, частью которого себя ощущает, но главное — к Эйат.

Они обменялись взглядом через чинную трапезную. *«Не выйти ли нам отсюда и не побыть ли вдвоем?»* Она попросила разрешения у своего отца Литрана и матери Блаузы; она в самом деле подчинялась родителям, но это был просто ритуал, хотя ритуалы играли здесь очень важную роль. Аринниан, в свою очередь, сказал молодежи, сидевшей рядом с ним на скамье, что ему хочется побыть одному. Они с Эйат вышли вместе. Это не нарушило общей неспешной, часто прерываемой молчалием беседы. Они дружили с детства, и эта дружба пользовалась всеобщим одобрением.

Поселок стоял на плато горы Глядящей-в-даль. В середине возвышалась старая каменная башня, где жили глава семьи, его жена и дети. В более низких деревянных строениях, на дерновых крышах которых цвели янтарный зев и звездочки, жили холостяки и вассалы с семьями. Чуть дальше на склоне располагались сараи, амбары и хлева. Все разом можно было увидеть только сверху, потому что между постройками густо росли ифрийские деревья: плетенка, медное дерево, угловатая молневица, самоцветник, сверкающий под луной, а днем радужный. На клумбах цвели «туземные» растения, лучше приживающиеся здесь, чем «инопланетяне»: мелкая красавица яния, прямой жизнецвет, изящный трилистник и чаша Будды, и лоза-арфа,

слегка звенящая от бриза. Только этот звон нарушал тишину. Ночь здесь, в горах, была холодной. Из рта шел пар.

Эйат расправила крылья. Они были тоньше, чем обычно бывают, хотя их размах достигал шести метров, и ей пришлось опереться на руки и хвост.

— Б-р-р! — засмеялась она. — Настоящий мороз. Давай полетаем. — И она поднялась над землей в легком вихре.

— Ты забыла — я снял свой ранец.

Она уселась на помосте рядом с верхушкой медного дерева. Ифриане не тратят попусту слова — ему предлагалось вскарабкаться к ней. Он подумал, что она его переоценивает — хотя он и лучше лазит по деревьям, чем она. Если в темноте поставишь ногу не туда, запросто можно сорваться. Но он не мог не принять молчаливого вызова, не потеряв при этом ее уважения. Он ухватился за ветку, подтянулся и с шорохом полез вверх.

Поднимаясь, он слышал, как она шепчет что-то уту, который порхал у нее над головой. Эта тварь превосходно ловит дичь, но Эйат уж слишком с ним носится. Что ж — она испытывает потребность кого-то любить, ведь она уже созрела для замужества. Аринниану не очень-то хотелось это признавать. («Почему?» — мельком подумал он.)

Добравшись до помоста, он увидел, что она отдыхает, опираясь на ноги и сгибы крыльев; ут сидел на ее правом запястье, и она его гладила. Почти полная Моргана ослепительно белела над восточным хребтом, и перья Эйат сверкали в ее свете. Хохолок ее темнел на фоне Млечного Пути. В горном небе, несмотря на Луну, сверкали созвездия: Колесо, Мечи, Зирраук, огромный Корабль...

Он сел рядом с ней, обняв колени. Она испустила воркующий звук, радуясь, что он здесь. Он ответил, как умел. На ее четко очерченной мордочке сияли огромные глаза.

Внезапно она встрепелась. Он проследил за ее взглядом и увидел в небе новую звезду.

— Оборонный спутник? — спросила она чуть дрогнувшим голосом.

— Что же еще? Должно быть, это последний, который запустили.

— Сколько их там теперь?

— Об этом не сообщается. — Ифриане не понимали толком, что такое государственная тайна. И что такое государство в человеческом понятии — тоже. Маршалы Ферун и Холм тратили больше энергии на то, чтобы добиться содействия чотов,

чем на саму оборону. — Мой отец считает, что сколько бы их ни было — все равно мало.

— Пустые расходы.

— Ну, если придут терране?..

— Думаешь, они придут?

Слыша тревогу в ее голосе, он легонько потрепал ее по шее и провел пальцами по хохолку. Перышки были теплые, гладкие, искусно сотканые природой.

— Не знаю, — сказал он. — Может быть, вопрос о границах удастся уладить миром. Будем надеяться. — Последние два слова он произнес на англике. Ифриане никогда не заглядывают в будущее. Эйат тоже говорила на двух языках, как все образованные колонисты.

Аринниан снова обратил взгляд на звезды. Сол находится вон там, в Мауке, где четыре звезды обозначают рога... сколько там до него? Да — 205 световых лет. Он читал, что Кветлан и Лаура, если смотреть оттуда, лежат в созвездии Волка. Ни одно из этих трех солнц не увидишь невооруженным глазом через такую бездну. Это всего лишь карлики типа G; и на пылинках, которые вертятся вокруг них, завелась плесень, назвавшая эти пылинки Терра, Ифри, Авалон и любившая их.

— Волк, — задумчиво произнес он. — Какая ирония!

Эйат вопросительно свистнула.

Он объяснил ей, что имел в виду, и добавил:

— Волк на Терре — хищный зверь, если он там еще сохранился. А по-нашему, Сол находится в созвездии, названном именем мирного ручного животного. И кто на кого нападает?

— Я не очень-то следила за событиями, — тихо и не совсем твердо сказала она. — Для меня и всех наших все это очень туманно. Что нам от чужих споров? И вдруг... Может быть, это мы в чем-то виноваты, Аринниан? Может быть, наш народ был слишком резок, слишком неуступчив?

Ее настроение было так необычно и для ифрийского темперамента, и для нее самой, всегда жизнерадостной, что он изумленно уставился на нее:

— Но почему это тебя так волнует?

Она ласкала губами уота, словно ища у него утешения — почему не у него, Аринниана? Тот чистил клювом ее перышки.

— Водан, — едва слышно произнесла она.

— Что? Ага! Так вы с Воданом заключили помолвку? — спросил он надтреснутым голосом. *«Почему меня это так потрясло? Водан — чудесный парень. И он из нашего чота — ей не придется привыкать к чужим порядкам, страдать от перемены, скучать по дому...»* Аринниан окинул взглядом Ворота

Бури. Над узкими долинами, темными и лесистыми, вздымались снежные вершины. С ближней горы спадал водопад, сверкающий под Луной. Над головой порой слышался призрачный крик рожечника, ночной птицы. На Равнинах, в арктических болотах, в выжженных саваннах Новой Гайилы по ту сторону планеты, среди бесчисленных островов, из которых состоит большая часть суши Авалона, — как тосковала бы она по землям своего чота?

«Да нет, я рассуждаю чисто по-человечески. Ифриане не так привязаны к месту, как мы. Мать Эйат родом с берегов Стрельца и часто навещает родные места. Ну а почему бы мне не рассуждать по-человечески? Я ведь человек. Пусть ифрийский образ жизни дал мне мудрость, правоту, даже счастье — нечего притворяться, что я когда-нибудь стану настоящим ифрианином, женюсь на крылатой девушке и заживу с ней в своем гнезде».

— Нет, не совсем так, — говорила она. — Небесный мой друг, разве я могла бы не сказать тебе о своей помолвке и не пригласить тебя на свадебный пир? Но я его... очень полюбила с некоторых пор. Ты знаешь — я не хотела выходить замуж, пока учусь. — Она выбрала для себя трудную, почетную стезю музыканта. — Но потом... я много думала над этим в свой последний любовный период. Я мучилась сильнее, чем когда-либо раньше, и все время представляла себе Водана.

Аринниан вспыхнул и уставился на далекий мерцающий ледник. Ей не следовало говорить с ним о таких вещах. Это неприлично. Незамужняя ифрианка, как и та, чей муж отсутствует, должна сторониться мужчин, когда ее охватывает любовный пыл — и гасить его с помощью работы, занятий, медитации...

Эйат почувствовала его смущение. Она залилась смехом и взяла его за руку, сжав тонкими пальчиками с острыми коготками.

— Да ты, никак, шокирован! С чего бы это?

— Ты бы не стала говорить об этом с отцом или братом. — *«И ты не должна испытывать ничего подобного, Эйат. Никогда. Даже в любовной горячке. Пусть тебе одиноко, пусть ты мечтаешь, но не уподобляйся какой-нибудь потной шлюхе из дешевого отеля. Только не ты, Эйат».*

— Да, у нас в Воротах Бури об этом не говорят. Раньше я думала, не лучше ли мне выйти замуж в чот, где правила не столь строги. Однако Водан... Но ведь тебе, дорогой мой Аринниан, я могу говорить все что угодно — разве нет?

— Да. — *«Ведь я все-таки не ифрианин».*

— Потом мы с ним обсудили это. То есть — не пожениться ли нам. Что скрывать, дети нам сейчас были бы совсем не к стати. Но нам хорошо летается вместе — и родители давно нас уговаривают, им хотелось бы породниться домами. Мы подумывали о том, не остаться ли нам гриккалами первые несколько лет...

— Но ведь это нелегко? — сказал он, чувствуя, как шумит кровь в ушах. — Может быть, сексуальные отношения и не главное в ифрийском браке, но все же они тоже немаловажны. Если вы разлучаетесь в каждый любовный период, то это значит, вы отвергаете друг друга, разве нет? Почему бы не прибегнуть... э-э... к средствам предохранения?

— Нет.

Он знал, почему ее раса, почти полностью, не приемлет контрацепцию. Дети — сильный родительский инстинкт обоих супругов — вот что держит их вместе. Если тебя обнимают хрупкие крылышки и маленькая головка прижимается к твоей груди, ты забываешь о неизбежных трениях и муках супружеской жизни так же, словно ты — счастливый в браке человек.

— Мы могли бы отложить нашу свадьбу до тех пор, пока я не выучусь, а его дело не станет на крыло. — Аринниан вспомнил, что Водан совместно с другими юношами из Ворот Бури, Горячих Вод и Каровых Озер завел лесотехническую фирму. — Но если будет война — каах, ведь он в резерве флота.

Она безотчетно положила руку ему на плечо. Он оперся на локоть, чтобы просунуть свободную руку ей под крылья и обнять ее напрягшееся тельце. А потом стал шептать ей, своей названной сестре с детских лет, все утешительные слова, какие только приходили на ум.

Утром им стало веселее. Не в ифрийской натуре было задумываться и кудахтать, тем более что они были живородящими, и люди-птицы тоже старались отвыкнуть от этой привычки. Сегодня весь клан Литрана, кроме нескольких домочадцев, остающихся смотреть за усадьбой, летит на гору, где собирается окружной круат. По дороге к ним присоединятся другие семьи Ворот Бури, а на месте они встретятся с другими чотами в полном сборе. Как ни мрачен повод для нынешнего собрания, на нем не обойдется без всегдашнего оживления, веселья, деловых разговоров и развлечений.

И рассвет сулил ясный день, и дул попутный ветер.

При звуке трубы Литран спикировал с вершушки своей башни. Все вокруг расправляли крылья, обнажая жаберные

щели, в которых алела насыщаемая кислородом ткань. Крылья хлопали — ифриане отрывались от земли, взмывали вверх с воздушным потоком и строились в ряды. И вот весь отряд полетел на восток, за скалы.

Аринниан держался рядом с Эйат. Она улыбнулась ему и запела. У нее был красивый голос, почти сопрано, превращавший горловую речь планха в сладостное журчание. Походная песня, которая звучала сейчас, предназначалась для Аринниана — он в свое время перевел ее на англик, хотя и чувствовал, что не сумел передать всю экспрессию и яркость слов:

Солнце раннее восходит,
Звезды затмевает
И охотника в полете
Ярко озаряет.
И уже проснулся ветер
В чистом синем небе,
Лишь внизу все спят долины
В покое и неге.
Но краток сон:
Вот красный луч
Туман пронзил,
И бык, могуч,
В траве застыл.
И когти вон!
Вниз в косом потоке ветра,
В свисте, в гуле, в вое!
С неба ясного — разящей
Громовой стрелой!
Вниз, сложив крыла тугие,
Камнем на добычу!
Вторит острый блеск оружия
Радостному кличу.
Клинок уж тут!
Злосчастный бык,
Не зря дрожишь,
Ты от судьбы
Не убежишь —
И когти рвут!
Солнце близится к полудню,
Жаром полыхает.
Он в тени сидит лениво —
Сытый, отдыхает.
Только чу! чело целует
Ветер неумный,
И звенят дождя потоки
Над горою темной.
Затмилась синь.

И шум древес
Над головой.
Стенает лес.
Пора домой.
И когти вскинъ.
Ввысь сквозь ветви и потоки!
Грозно гром грохочет,
Хлещут молнии и вихри,
Ливень крылья мочит.
Не сдастся он, дорогу
В тучах пробивая —
И взмывает, а за ними —
Синева святая.
Как свет горяч!
Ласкает он
Глаза, крыла
И небосклон.
Лазурь тепла.
И когти спрячь.

Глава 2

Авалон совершает оборот за 11 часов 22 минуты и 12 секунд, а ось его наклонена к плоскости орбиты на 21 градус по сравнению с нормой. Поэтому в Грее, который стоит примерно на 43-м градусе северной широты, ночи всегда короткие, а летом и вовсе длятся какой-то миг. Дэниел Холм спрашивал себя, не оттого ли он так устает.

Вряд ли. Ведь он здесь родился. И его предки, прибывшие вместе с Фолкейном, жили здесь на протяжении нескольких веков. И если отдельные люди способны менять свой суточный ритм — он сам не раз проделывал это в космосе, — то и вся раса, безусловно, способна. Медики говорят, что куда опаснее жить при силе тяжести, составляющей всего восемьдесят процентов от земной: это требует перестройки всего жидкостного баланса и кинестезии. Впрочем, испытания людей несравнимы с теми, которым подверглись колонисты другого вида. Ифрианам пришлось заново приспособлять свой цикл воспроизводства к иному дню, году, весу, климату, режиму питания — к иному миру. Неудивительно, что в первые несколько поколений их прирост был невелик. Однако они выжили — и теперь процветают.

Поэтому нелепо полагать, что человек может устать от чего-нибудь, кроме избытка работы — ну и возраст сказывается, несмотря на антисенильные препараты. Впрочем, так ли уж нелепо? Может быть, когда ты стареешь, приближаясь к своим усопшим и ко всем, что ушли раньше их, — ты

приближаешься к своему началу, к родине человека, которую ты никогда не видел, но все же помнишь?

«Хватит, перестань! Кто сказал, что восемьдесят четыре — это старость?» Холм достал из кармана сигару и обрезал кончик, а потом сделал излишне сильную затяжку, раскуривая ее.

Он был невысокого роста и крепкого сложения, носил оливковый мундир и мешковатые брюки — форма людей, служащих в ифрийских вооруженных силах. На примесь монголоидной расы в его крови указывали круглая голова, широкое лицо, высокие скулы, полные губы и короткий нос; кавказской расе он был обязан серыми глазами, кожей, которая была бы светлой, если бы он не отдавал все свободное время охоте и садоводству, а также волосами, которые, хоть и седали на голове, на груди оставались густыми и черными. Бороду он сводил, как большинство мужчин на планете.

Он углубился в последний ворох сообщений, доставленный ему помощниками, когда зажуужал интерком и его уведомили о том, что с ним желает поговорить первый маршал.

— Разумеется! — Начальник Холма, Ферун, только что вернулся с Ифри. Второй маршал собрался включить экран и отвел руку: — Я могу явиться к нему лично. Один момент.

Он вышел из кабинета. В коридоре стояла сутолока — сновали взад-вперед офицеры и гражданские служащие Лаурийского адмиралтейства; вентиляция была перегружена, и ощущались запахи обоих видов — едкий человеческий и дымный ифрийский. Ифриан было больше, обратно пропорционально их доле в населении планеты. Впрочем, они собрались сюда со всей Сферы, особенно со своей родной планеты, чтобы подготовить приграничную область к близкому кризису.

Холм заставлял себя здороваться со всеми, мимо кого проходил. Надо изображать приветливость — это полезно. *«А ведь раньше я делал это искренне».*

Часовой отдал честь, пропуская его к Феруну. (У себя в отделе Холм не терпел церемоний, на которые только время уходит, но уважал их важность, общаясь с ифрианами.) Кабинет являл собой типичную картину: просторная комната почти без мебели, с немногими строгими украшениями. Стол, скамья и все конторское оборудование приспособлены для орнитидов. Вместо светового табло на стене было настоящее большое окно — в него вливался бриз, напоенный ароматом садов, и открывался вид на Грей и на морскую гладь за ним.

Ферун добавил к обстановке несколько инопланетных сувениров и полку с книжками терранских классиков, которых читал на трех языках оригинала для собственного удо-

волевства. В нем, маленьком и темнопером, было нечто от иконоборца. Его чот, Туманный Лес, всегда был одним из самых прогрессивных на Авалоне, внедрял у себя технику в таком же масштабе, как любая человеческая община, и в итоге стал крупным и преуспевающим. Ферун был противником традиций, религии, всякого консерватизма. Он соблюдал необходимые формальности, но никакого удовольствия в этом не находил.

Спрыгнув со своего наместа, он прошел через кабинет и пожал Холму руку на земной лад.

— К-р-р, рад видеть тебя, старый негодяй. — Он говорил на планха — ифрийские глотки не столь гибки, как человеческие (хотя ни один человек тоже не способен выговаривать правильно звуки планха), и Ферун не желал ни носить на себе вокализатор, ни изъясняться с карикатурным акцентом.

— Как дела? — спросил Холм.

Ферун скорчил гримасу. Хотя нет, это неверно сказано. Его оперение было не только сложнее, чем у земных птиц, — оно было более тесно связано с мускулами и нервными окончаниями. Шевеля ими, ифрианин выражает всю гамму чувств — человеку это недоступно. И сейчас по телу Феруна прошла волна раздражения, тревоги, скрытого гнева и опасения.

— Ага. — Холм сел на предназначенный для него стул и втянул в себя ароматный дым. — Ну рассказывай.

Ферун, стуча когтями ног, ходил взад-вперед по узорному полу.

— Скоро я продиктую полный отчет. А если вкратце — то все еще хуже, чем я ожидал. Да, они пытаются организовать единое командование и вбивают в голову каждому командиру мысли о том, что воевать надо по плану. Но у них нет ни малейшего понятия относительно того, как это делается.

— Боже ж ты мой, да ведь мы твердим им об этом целых пять лет! Я-то думал, на этом так называемом флоте так скверно работает связь, что остается только полагаться на свои впечатления, и у меня они, наверно, сложились неправильно — но я все же думал, мы оба думали, что какая-то полуразумная реорганизация все же идет.

— Шла, но застопорилась. Чрезмерная гордость, споры, стычки из-за мелочей. Мы, ифриане — наша доминирующая культура, во всяком случае — не очень-то вписываемся в строго централизованные структуры. Самый веский довод против перестройки наших самостоятельных, не связанных жестко между собой планетарных сил в иерархическую систему терранского типа, который я слышал, заключается в следующем: силы Терры

гораздо мощнее наших, но им приходится контролировать неизмеримо больший участок космоса, чем Сфера; и если они начнут с нами войну, то их линии связи будут так растянуты, что действия под единым командованием обречены на поражение.

— А этим умникам с Ифри не пришло в голову, что Империя тоже не дура? Если Терра объявит войну, то вести ее начнут не с Терры, а из граничащего с нами сектора.

— У нас нет сведений о том, что в близлежащих системах группируются какие-то значительные силы.

— Конечно же, нет! — Холм ударил кулаком по подлокотнику. — Будут они выдавать свои переговоры! Ты бы тоже не стал. Они соберутся в космосе, за много парсеков от любой звезды. Движение между группирующимся флотом и теми планетами, к которым могут подобраться наши разведчики, будет минимальным. На пространстве в несколько кубических светолет они соберут скрытно такую силу, что от нас клочья полетят.

— Ты мне это уже не раз говорил, — сказал сухо Ферун. — И я пересказал все это на Ифри. Но толку чуть. — Он перестал шагать, и в комнате стало тихо. Тень листвы трепетала на полу в квадратах желтого света Лауры. — Как-никак, наши методы спасли нас во времена Смуты.

— Нельзя сравнивать воинствующих вельмож, пиратов, варваров, которые сроду не вылезли бы за стратосферу, не попади им в руки практически самоуправляемые корабли, — нельзя сравнивать этот кровожадный сброд с Терранской Империей.

— Знаю. Но дело в том, что ифрийские методы служили нам так хорошо потому, что они совпадают с ифрийской натурой. И я стал задавать себе вопрос во время этого последнего рейса — не обречена ли на провал наша попытка стать бледной копией нашего противника. Пойми, мы все же стараемся — скоро ты получишь столько подробностей, что тебя от них затощит, — но может статься, что в итоге не получится ничего, кроме путаницы. Я понял следующее: Авалон должен приложить все силы, чтобы помочь в общем деле, но самому Авалону ждать помощи со стороны не приходится.

Снова настала тишина. Холм посмотрел на своего начальника, сотрудника, давнего друга и уже не в первый раз подумал о том, какие они чужие друг другу.

Он поймал себя на том, что смотрит на Феруна так, будто никогда раньше не видел ифрианина.

В маршале, когда он стоял, было примерно сто двадцать сантиметров от ног до кончика гребня; рост самых высоких

ифриан мог достигать ста сорока сантиметров, по грудь Холму. Но туловище имело легкий наклон вперед, поэтому его действительная длина от морды до хвоста была несколько больше. Весил Ферун примерно двадцать килограммов, максимальный вес ифрианина не превышал тридцати.

Голова его была четко вылепленной формы с низким лбом, а мозг помещался в задней, выпуклой части черепа. Костяной валик спереди оканчивался парой ноздрей, почти скрытых перьями, а ниже располагался гибкий рот с острыми белыми клыками и пурпурным языком. Челюсть, слабо обрисованная и довольно хрупкая, сливалась с крепкой шеей. Украшали это лицо большие янтарные глаза и плотный гребень надо лбом — он тянулся через всю голову до половины шеи, служа частично для аэродинамических целей, частично шлемом тонкому черепу.

На торсе впереди выдавалась большая килевая кость, а по обеим сторонам ее нижнего конца помещались руки. И по размеру, и по виду они весьма напоминали костлявые человеческие конечности: перья на них не росли, и кожа у Феруна была желтая, а у представителей другого подвида могла быть коричневой или черной. Кисти уже не столь походили на человеческие. На каждой было по три обычных пальца и по два больших; каждый палец имел на один сустав больше, чем его человеческий эквивалент, а ногти скорее следовало назвать когтями. На внутренней стороне запястья находился еще один, рудиментарный коготь. Кисти были велики по сравнению с руками, и на них змеились мускулы: когда-то они служили для раздирания добычи наравне с зубами. Заканчивалось туловище всеообразным хвостом из перьев, достаточно жестким, чтобы на него опираться.

Сейчас в нем не было нужды: Ферун пользовался своими огромными сложенными крыльями как ногами. В середине каждого ведущего края помещался «коленный» сустав; в полете эти кости смыкались. На «лодыжке» три передних пальца и один задний образовывали ступню; в воздухе они охватывали крыло, укрепляя его и увеличивая чувствительность. Еще три пальца, имевшиеся у ископаемого орнитоида, со временем слились воедино и образовали плечевую кость, торчащую более чем на метр назад. Кожа на внутреннем сгибе крыла была тоже голой, огрубелой — еще один бесперый участок, на котором мог отдохнуть глаз.

У Феруна, как у самца, гребень торчал выше, чем у самок, и был, как и хвост, белым с черной оторочкой — у женщин и

то и другое темное и тусклое. Остальное его оперение было светлее, чем у большинства ифриан — обычно оно разнится от серо-коричневого до черного.

— К-р-р, — гортанный звук вывел Холма из задумчивости. — Что ты уставился?

— О, извини. — У прирожденных хищников это считается более грубым, чем у более терпимых всеядных людей. — Задумался.

— О чем? — смягчился Ферун.

— М-м... ладно, скажу. Я думал о том, как мало значит в Сфере наша порода. Может быть, действительно делать все на ифрийский лад и извлечь из этого все что можно?

Ферун издал звук, выражающий напоминание, и взъерошил местами перья. На англик это можно было перевести примерно так: «Вы не единственные неифриане, подчиняющиеся нашей гегемонии. И не одни вы обладаете современным техническим развитием». Язык планха не столь лаконичен, как можно подумать, пользуясь одними только словами.

— Д-да, — пробормотал Холм. — Но в Империи-то лидируем мы. Большая Терра, разумеется, включает в себя миры и колонии, где обитают отличные от людей существа; и за ее пределами тоже немало имеющих земное гражданство. Но люди занимают больше ведущих постов, чем представители любой другой расы — а то и всех других рас, вместе взятых. — Он вздохнул и уставился на горящий кончик своей сигары. — А что такое люди здесь, в Сфере? Малая горстка на одном-единственном шарике. Да, мы всюду бываем, и нам хорошо живется, но факт остается фактом: мы не самое значительное меньшинство среди многих других меньшинств.

— Ты сожалешь об этом? — очень мягко спросил Ферун.

— О нет, нет. Я только хотел сказать — возможно, в Сфере слишком мало людей, которые могли бы объяснить, что такое флот терранского образца, и создать такой же. Так что лучше уж мы приспособимся к вам, чем вы к нам. Это неизбежно. Неизбежно даже на Авалоне, где нас больше.

— Я слышу опустошенность в твоем голосе и вижу ее в твоих глазах, — сказал Ферун много бережнее, чем обычно. — Ты снова думаешь о своем сыне, который ушел в птицы, верно? Ты боишься, как бы твои младшие дети не последовали его примеру.

Холм собрался с силами для ответа.

— Ты знаешь — я уважаю ваш образ жизни. Всегда уважал и буду уважать. И не забуду, как Ифри приняла мой народ,

когда Терра гнила у него под ногами. Но ведь и мы... мы тоже... достойны уважения. Разве не так?

Ферун подошел к Холму и положил руку ему на колено. Он понимал, что людям иногда надо выговориться.

— Когда он — Крис — начал водиться с ифрианами, летать с ними, я этому только радовался, — продолжал человек, глядя в окно. Время от времени он затягивался сигарой, но делал это машинально, бессознательно. — Крис слишком много сидел над книгами, был очень одинок. Поэтому и друзья из Ворот Бури, его полеты туда... Потом, когда он с Эйат и со всей честной компанией стал летать по всей планете — мне казалось, он делает то же самое, что я в его возрасте, только его есть кому подстраховать в случае опасности. Я думал — может, он тоже в конце концов запишется во флот... До меня слишком поздно дошло, что это не дань старомодному молодечеству. Мы с ним поссорились, и он убежал на острова Щита, где прожил год с помощью Эйат... Да что говорить, ты и сам знаешь.

Ферун кивнул. После того как Дэниел Холм ворвался в дом Литрана с обвинениями, первый маршал сделал все, что мог: вмешался, успокоил обе стороны и предотвратил поединок.

— Да, сегодня мне ничего этого не следовало говорить. Только вот... Ровена ночью плакала. Оттого, что он улетел и не простился с ней. А больше всего ее беспокоит, что происходит с ним, с тех пор как он вступил в чот. Сможет ли он нормально жениться, например? Обычные девушки его больше не интересуют, а девушки-птицы... Ну и младшие тоже. Томми просто с ума сходит по всему ифрийскому. Учитель приходил к нам, чтобы сказать, что наш сын не занимается с компьютером, не сдает контрольных и не посещает консультаций. А Жанна нашла себе пару ифрийских подружек...

— Насколько мне известно, у людей, вступивших в чот, жизнь складывается довольно удачно. Есть свои проблемы, конечно — а у кого их нет? И потом, им станет не так трудно, когда количество таких людей возрастет.

— Послушай, — заговорил, спотыкаясь, Холм, — я ничего против вас не имею. Провалиться мне на месте! Я никогда не говорил и не думал, что Крис как-то позорит себя тем, что делает, — как не сказал бы и не подумал этого, если бы он, скажем, вступил в какой-то монашеский орден. Но одобрить этого я не могу. Это против человеческой природы, как то же монашество. И я постарался узнать как можно больше о лодях-птицах. Да, почти все они утверждают, что счастливы. И, должно быть, сами в это верят. А мне думается, они так и не поняли, чего лишились.

— Пешие, — сказал Ферун. На планха этого было достаточно. Говори он на англике, ему пришлось бы сказать примерно следующее: «И мы лишились своего — те, кто ушел из чотов, чтобы стать одиночками в человеческих общинах». — Влияние, — добавил он, желая сказать: «На протяжении веков многие из нас недовольны тем, как ваши порядки и ваш пример влияют на наши чоты. Подозреваю, что именно поэтому у нас появились здесь группы, более реакционные, чем на родной планете».

— Разве сама идея этой колонии, — ответил Холм, — не предусматривала того, что обе расы дают друг другу право остаться такими, как есть?

— Так записано в Соглашении, и это остается в силе, — сказал Ферун в двух словах и трех жестах. — Никто никого не принуждает. Но как мы можем не меняться, живя вместе?

— Угу. Только потому, что ифриане в целом и Туманный Лес в частности успешно внедряют у себя терранскую технологию, ты считаешь, что дело всего лишь в разумном обмене идеями. Однако все не так просто.

— Я и не говорю, что просто — но время не поймашь в сеть.

— Да. Извини, если я... Ладно, не стану больше толочь воду в ступе, тем более что ты не раз это слышал. Просто у меня дома неладно. — Человек встал со стула и подошел к окну, глядя наружу сквозь облако сигарного дыма. — Давай-ка займемся делом. У меня есть к тебе конкретные вопросы относительно готовности Сферы к войне. А ты изволь послушать, что происходило у нас, пока тебя не было — во всей нашей разбреклятой системе Лауры. Тоже ничего хорошего.

Глава 3

Машина вычислила место своего назначения и снизилась. С высоты ее полета пассажир мог наблюдать дюжину островков, рассеянных в сверкающем море. При снижении они все ушли за горизонт, и в пределах видимости остался только зубчатый конус Сент-Ли.

Экваториальный диаметр Авалона всего 11 308 километров, и его жидкое ядро меньше терранского — масса, равная 0,635 терранской, не может содержать в себе столько же тепла. Поэтому горообразующие силы планеты невелики. Эрозия же происходит быстро. Атмосферное давление планеты на уровне моря равно терранскому и с высотой понижается медленнее

из-за иного градиента тяжести; а быстрое вращение Авалона вызывает частые бури. Вследствие всего этого на планете преобладает низкий рельеф, и самая высокая гора в Андромедах насчитывает всего 4500 метров. Нет на Авалоне и больших массивов суши. Площадь Короны, которая тянется от Северного полюса до тропика Мечей, — всего восемь миллионов квадратных километров, примерно как у Австралии. Экваторию, Новую Африку и Новую Гайилу, расположенные в другом полушарии, следует скорее считать крупными островами, чем мелкими континентами. Вся остальная суша Авалона состоит из островов гораздо меньше этих.

Но существует одно явление гигантского масштаба. В двух тысячах километрах к западу от Грея начинается затонувший горный хребет, вершины которого, выступающие над водой, известны как Оронезия. Хребет тянется на юг, пересекает тропик Копий и доходит до самого Антарктического круга. Таким образом он служит естественным гидрологическим барьером: его западная сторона является границей Среднего океана, восточная — границей Гесперийского моря в Северном полушарии и Южного океана за экватором. Экология этого архипелага невероятно богата — и это сделало его после колонизации социологическим феноменом. Любые эксцентричные индивидуумы, будь то люди или ифриане, могли без помех заселить один или несколько островов и жить так, как им хочется.

Материковые чоты неодинаковы по размеру, организованы по-разному, и у всех разные традиции. Но что бы ни напоминали они собой: кланы, племена, баронства, религиозные общины или республики — в них состоит по многу тысяч членов. В Оронезии чотами порой назывались отдельные семьи; а дети, вырастая и обзаводясь своими семьями, создавали свои, независимые общины.

Такая крайность, правда, была скорее исключением, чем правилом. Чот Высокое Небо, например, был многочисленным, владел всеми рыболовными угодьями на тридцатом градусе северной широты и занимал порядочный участок архипелага. И считался довольно обыкновенным, насколько это слово имеет смысл применительно к ифрианам.

Воздушная машина опустилась на пляже недалеко от поселка. Из нее вышел высокий темно-рыжий человек в сандалиях, в кильте и при оружии.

Табита Фолкейн, видя, как он садится, пошла ему навстречу. — Привет, Кристофер Холм, — сказала она на английском.

— Я здесь как Аринниан, — ответил он на планха. — Удачи тебе во всем, Грилл.

— Извини за бесцеремонность, — улыбнулась она. — Когда ты звонил, то сказал, что хочешь видеть меня по общественному делу. Должно быть, оно имеет отношение к пограничному кризису — и я догадываюсь, что, по решению вашего круата, Западная Корона и Северная Оронезия должны вместе разработать меры по защите Гесперийского моря.

Он неловко кивнул и отвел глаза, не одобряя ее веселого настроения.

Над ними сиял высокий небесный свод с грядями кучевых облаков. В нем парил моряк, высматривая рыбные косяки; летела стая ифрийских шуа под присмотром пастуха и нескольких уотов; туземный птероплерон кружил вокруг лежбища на рифе. Прозрачный зеленый прибой на краю индигового моря набегал на песок, почти такой же белый, как пена. В нескольких километрах от берега бороздили волну траулеры. За пляжем остров круто поднимался вверх. На вершинах холмов еще сохранился бледно-изумрудный сузиновый покров — лишь немногим кустам удалось проползти сквозь сплошную сеть его корней. Но ниже склоны были распаханы. Там шелестел красный ифрийский гроздевик — злак, служащий кормом шуа, и поднимались кокосовые, манговые, апельсиновые и ореховые рощи, насаженные входившими в Высокое Небо людьми. Дул ветер, теплый, но свежий, пахнувший солью, йодом и водорослями.

— Наверное, сочли, что птицы с птицами договорятся лучше, — продолжала Табита. — Вам, горным жителям, нелегко понять нас, морских, и наоборот — уж очень мы разные. Орнитойды будут встречаться с орнитоидами, а? Это понятно, что послали тебя. В твоём районе таких, как ты, мало. Но зачем было прилетать? Нет, я тебе рада — но ты мог просто позвонить...

— Наш разговор может затянуться — на добрых несколько дней. — То, что ему окажут гостеприимство, разумелось само собой: гость в любом чоте — особа священная.

— Но почему я? Я — сугубо частное лицо.

— Ты приходишь от Дэвида Фолкейна.

— Это не так уж много значит.

— Там, где я живу — много. И потом — мы с тобой не раз встречались прежде, и на круатах, и у себя дома, а стало быть, немного знакомы. С незнакомцами я бы не знал, с чего и начать. Ты, на худой конец, можешь подсказать мне, к кому обратиться, представить меня кому надо — правда?

— Конечно. — Она взяла его руки в свои. — И я рада видеть тебя, Крис.

Сердце у него забилося, и он с трудом удержался от того, чтобы не отнять рук. *«Почему я так ее стесняюсь?»* Она была хороша, видит Бог. На несколько лет старше его, высокая, сильная, полногрудая и длинноногая, она предстала во всей красе в короткой тунике без рукавов. Курносый нос, большой рот, широко поставленные зеленые глаза под тяжелыми бровями; на правой щеке — белый шрам, который она не позаботилась свести. Подстриженные чуть ниже ушей волосы выгорели почти добела и развевались, как флаг, вокруг коричневого, чуть веснушчатого лица.

Аринниан хотел бы знать, как она относится к сексу — так же легко, как девушки-птицы Короны, или нет? Те никогда не ложились в постель с мужчинами-птицами, а всегда подбирали себе здоровенных, не слишком интеллектуальных рабочих парней. Может, Табита девственница? Вряд ли. Ни одна женщина человеческого рода, постоянно испытывающая любовный голод, не может сравниться чистотой с Эйат. Однако Высокое Небо — не Ворота Бури и не Каровые Озера — у Табиты нет здесь партнеров своего вида; впрочем, она часто и подолгу путешествует. Он отогнал от себя эти мысли.

— Да ты весь горишь, — засмеялась она. — Я что, нарушила одно из твоих драгоценных правил? — И она отпустила его. — Извини, если так. Но ты воспринимаешь эти вещи слишком уж всерьез. Не будь таким. Обряды или оплошности ничьей чести не затрагивают.

«Ей хорошо, — подумал он. — В этот чот приняли еще ее деда. А ее родители выросли в нем, не говоря уж о ней самой. Теперь у них в чоте каждый четвертый — человек. И здесь очень сильно человеческое влияние — например, коммерческое рыболовство, которое организовала Табита вместе с Драуном, — чисто частное предприятие...»

— Боюсь, что на веселье у нас нет времени, — сказал он. — Впереди нас ждут тяжелые времена.

— Вот как?

— Империя намерена расширить свои владения за наш счет.

— Пошли в дом. — Табита взяла его за руку и повела в поселок. Его крытые тростником деревянные хижины были ниже обычных ифрийских жилищ, но прочнее, чем казались с виду; эти места часто посещали авалонские ураганы. — Да, Империя сильно разрослась со времен Мануэля Первого. Однако что говорит история на этот счет, как она приобретала свою территорию? Некоторые просто присоединились к ней,

находя это выгодным — например цинтианская цивилизация. Кое-что досталось ей путем купли или обмена. Кое-что было и завоевано — но это всегда относилось либо к примитивным обществам, либо к таким, которые никак не могли равняться в космосе с Большой Террой. Мы — орешек покрепче.

— Так ли? Мой отец говорит...

— Угу. Сфера Империи — это четыреста световых лет в поперечнике, наша — около восьмидесяти. Империя контактирует с несколькими тысячами систем вне своей сферы, мы — едва ли с двумястами пятьюдесятью. Зато, Крис, мы лучше знаем свои планеты. Мы более компактны. Общее число ресурсов у нас меньше, чем у Империи, но технология ни в чем не уступает терранской. И потом, мы так далеко от Терры. Зачем ей нападать на нас? Мы ей не угрожаем, просто настаиваем на своих пограничных правах. Если ей нужны новые пространства, она может найти их гораздо ближе к дому — там полно неисследованных солнц, и их легче получить, чем гордую, укрепленную Сферу.

— Мой отец говорит, что мы слабы и не готовы к войне.

— Думаешь, мы потерпели бы поражение?

Он не ответил, и некоторое время слышались лишь вздохи бриза над головой и хруст песка под ногами. Наконец он произнес:

— Никто, наверно, не начинает войну, думая, что проиграет ее.

— Я не верю, что они начнут воевать. По-моему, у Империи хватит разума этого не делать.

— И все-таки нам лучше принять меры. В том числе заняться гражданской обороной.

— Да. Только не так-то легко будет организовать добрую сотню суверенных чотов.

— Возможно, тут-то мы, птицы, и пригодимся, — заметил он. — Особенно старые птицы — такие, как твоя семья.

— Почту за честь помочь. И не думаю, что чоты будут очень уж противиться в этом случае, — она надменно вскинула голову, — когда надо доказать Империи, кто выше летает!

Эйат и Водан летели рядом. Они были красивой парой, оба золотоглазые и золоторукие, он коричневый с охрой, она цвета темной бронзы. Внизу простирались земли Ворот Бури — темные лесистые долины, утесы и обрывы, вершины, где снега граничили с голубовато-серым камнем, клинки водопадов и отдаленные вспышки ледников. Ветер пел «у-у» и гнал позолоченные Лаурой облака по ясному небу; тени облаков неслись

по горам. Молодые ифриане пили холодное дыхание ветра, купаясь в его крученых, тугих, текучих струях. А ветер ласкал их, проникая до самого стержня больших маховых перьев.

— Будь мы такие же, как Аринниан, — сказал он, — мы поженились бы сразу, перед тем как мне явиться на свой корабль. Но у тебя любовный период настанет только через несколько месяцев, а меня к тому времени может уже не быть в живых. Я не хочу обрекать тебя на горе, ничего не оставляя взамен.

— Думаешь, я буду меньше горевать, если не получу права называться вдовой? Я хочу возглавить твой поминальный танец — я ведь знаю, какие места в небе ты больше любишь.

— Зато могут возникнуть всякие проблемы — обязательства по отношению к моему роду и так далее. Нет. Разве наша дружба станет слабее оттого, что ты еще какое-то время не будешь называться моей женой?

— Дружба... — тихо промолвила она и воскликнула: — Простой ночью мне снилось, что мы и вправду стали людьми.

— Такими же похотливыми?

— Такими же любящими.

— К-х-хг. Ничего не имею против Аринниана, но иногда мне кажется, что ты проводила с ним слишком много времени с тех пор, как вы были детьми. Если бы Литран не взял тебя с собой в Грей... — И Водан, видя, как у нее поднимается хохолок, торопливо продолжил: — Да, он твой небесный друг. А значит, и мой. Я хочу только предостеречь тебя: не пытайся, не желай стать человеком.

— Нет-нет. — Эйат, почувствовав рядом нисходящий воздушный поток, взмахнула крыльями и понеслась вниз — горные вершины придвинулись ближе, сверкнул между деревьями пруд, из которого пил дикий жеребец, запел тугой встречный воздух; потом она притормозила и снова взметнулась вверх, рассекая грудью поток, напрягая каждый мускул, заметила горячую струю — гора, видневшаяся сквозь нее, чуть дрожала — и воспарила, со смехом расправив крылья, предоставляя небу держать ее.

Водан подлетел к ней.

— Да разве я променяю это хоть на что-нибудь? — радостно вскрикнула она. — А ты?

Экрем Саракоглу, имперский губернатор сектора Пакс, уже давно намекал адмиралу флота Хуану Хесусу Кахалию и Паломарес, что хотел бы познакомиться с его дочерью. Она пришла с Нуэво Мехико, чтобы вести дом своего овдовевшего

отца, когда тот перенес свою ставку на Эсперансу и снял особняк во Флервиле. Знакомство постоянно откладывалось. Не то чтобы адмирал не любил губернатора — они отлично ладили — и он не сомневался относительно его намерений, хоть тот и слыл большим бабником. Луиза выросла на сухой планете, народ которой, терпя во всем лишения, в гордости недостатка не испытывал и превыше всего ставил честь. Просто и тот и другой были завалены работой.

Наконец, видя успех своих начинаний, Кахаль пригласил Саракоглу к обеду. Однако в последний момент что-то разладилось. Адмирал позвонил домой сказать, что на пару часов задержится. Губернатор был уже в пути.

— Стало быть, вы, донна, должны развлекать меня, пока не подадут на стол, — промурлыкал он, целуя ей руку. — Уверяю вас, это будет совсем нетрудно. — У нее, хоть и маленькой ростом, была красивая фигурка и прелестное смуглое личико. А вскоре губернатор убедился, что она ведет себя очень чинно, умеет слушать мужчину и, что встречается еще реже, задавать ему правильные вопросы.

Они прогуливались по саду. Глядя на розовые кусты и вишневые деревья, можно было подумать, что ты на Терре: Эсперанса держала первенство среди планет-колоний. Солнце, Пакс, в эту летнюю пору еще стояло над горизонтом, но уже окрасило мягкими закатными лучами старую кирпичную стену. В теплом воздухе звучали птичьи трели, и с окрестных лугов наплывали свежие ароматы. Над головой иногда проносились, сверкая, воздушные машины, но Флервиль был не столь велик, чтобы шум движения долетал сюда, на окраину.

Саракоглу с Луизой прохаживались по гравиевым дорожкам и беседовали. Их охраняли, или скорее ненавязчиво опекали. Следом, правда, шла не дузня, а здоровенный четырехрукий горзунийский наемник — при нем можно было флиртовать без опаски.

«Вся беда в том, — думал губернатор, — что она постоянно говорит о серьезных вещах».

Сначала это было даже приятно. Она поощряла его говорить о себе:

— ...да, я граф Анатолийский. Честно говоря, графство у меня маленькое, хоть оно и на Терре. Бюрократ-карьерист. А хотел бы быть художником — люблю возиться с красками и глиной — может, взглянете как-нибудь. Но увы, от имперских аристократов ждут, что они будут служить Империи. Если бы я родился в декадентскую эру! К несчастью, Империя сама собой не управляется...

Внутренне он ухмылялся собственным речам. Чтобы он, в свои пятьдесят три стандартных года, низенький, начинающий толстеть, совершенно лысый, с маленькими глазками, посаженными близко к огромнейшему носу, и с двумя дорогими любовницами во дворце, — чтобы он играл роль мальчишки, строившего из себя *homme du monde*!* Что ж — сейчас это доставляло ему удовольствие, как доставляли удовольствие яркие одежды и драгоценности. Так он отдыхал от суровой действительности, которая не оставляла ему времени улучшить свою внешность путем биоскальпирования.

Но тут она спросила:

— Неужели мы действительно нападём на ифриан?

— А? — Боль в ее голосе заставила его резко повернуть к ней голову. — Да, переговоры зашли в тупик, но...

— Отчего же они зашли в тупик? — Она чуть повысила голос, глядя прямо перед собой, и ее легкий испаньольский акцент стал заметнее.

— А по чьей вине возникали почти все вооруженные инциденты? По вине ифриан. Я не хочу сказать, что они чудовища. Но они хищники по натуре. И у них нет сильной власти — нет вообще никакого правительства, которое могло бы обуздать страсти отдельных группировок. Это и стало камнем преткновения в их усилиях для достижения согласия.

— Насколько же искренними были эти усилия с нашей стороны? — спросила она, по-прежнему не глядя на него. — Насколько старательно вы добивались того, чтобы они не увенчались успехом? Отец ничего мне не рассказывает, но все и так ясно с тех самых пор, как он перебрался сюда — часто ли штаб флота и губернаторская власть размещаются на одной планете? Ясно — что-то готовится.

— Донна, — мрачно сказал Саракоглу, — теперь, когда космический флот способен обратить целые миры в кладбища, нужно готовиться к худшему и принимать необходимые меры безопасности. А кроме того, нежелательно, чтобы области влияния пересекались так, как у Империи со Сферой. Возможно, среди вас, молодежи сравнительно замкнутой системы... возможно, среди вас возникла мысль, что Империя затевает войну, чтобы поглотить всю Ифрийскую Сферу. Это неверно.

— А что же верно? — с горечью спросила она.

— То, что у нас неоднократно происходили кровавые столкновения из-за спорных территорий и противоречивых интересов.

* Светский человек (*фр.*).

— Да. Наши торговцы теряют потенциальную прибыль.

— Если бы только это. Коммерческие несогласия всегда можно решить путем переговоров. Иное дело политическое и военное соперничество. Кому, например, достанется анторанито-краоканское содружество у беты Центавра? Кому-то из нас он непременно достанется, а его ресурсы оченьгодились бы Терре. Ифриане и так уже, подчинив себе Датину, приобрели больше мощи, чем было бы желательно для потенциальной враждебной нам расы. Более того, очистив эту горячую грядицу, мы сможем укрепиться против мерсейской атаки с фланга. — Саракоглу поднял руку, предупреждая протест Луизы. — Да, донна, Ройдхунат далек от нас и не слишком велик. Но он растет с внушающей тревогу быстротой, и частью его идеологии является агрессия. Долг любой империи — заботиться о благополучии далеких потомков.

— Почему бы нам просто не составить договор, не условиться о компенсациях, не поделить все честно и разумно?

Саракоглу вздохнул:

— Население планет не потерпит, чтобы с ним обращались как с неодушевленной собственностью. Ни одно правительство, согласившееся на это, долго не продержится. И потом, — показал он вверх, — во Вселенной столько неизведанного. Мы путешествовали за сотни — а в былые дни и за тысячи световых лет к наиболее интересным звездам. Но неисчислимые мириады их остались в стороне. Кто знает, что выяснится, когда мы наконец доберемся до них? Ни одна здравомыслящая власть, ни людская, ни ифрийская, не уступит слепо таких возможностей чужакам. Нет, донна, это не та задача, которую можно разрешить изящно и окончательно. Придется сделать то, что в наших слабых силах. Сюда отнюдь не входит порабощение Ифри. Я первый признаю за Ифри право на существование, на собственный образ жизни, даже на инопланетные владения. Но положение на границе надо урегулировать.

— Но мы же соприкасаемся с другими владениями и не испытываем от этого никаких хлопот.

— Разумеется. Зачем нам, например, сражаться с существами, которые дышат водородом? Они настолько экзотичны, что мы едва можем общаться с ними. Вся беда в том, что ифриане слишком похожи на нас. Как говорится в старой поговорке, двум сильным, талантливым расам нужна одна и та же недвижимость.

— Но с ними можно ужиться? Целые поколения людей живут с ними бок о бок.

— Вы говорите об Авалоне?

Она кивнула.

Саракоглу представился случай перевести беседу на более легкие темы.

— Да, это действительно интересное явление, — улыбнулся он. — Что вы о нем знаете?

— Очень немного, — смиренно созналась она. — Наслышались кое-чего, когда стала жить на Эсперансе. Галактика так огромна, мы исследовали лишь крошечную ее часть...

— Вы могли бы посетить Авалон. Он недалеко — всего в десяти—двенадцати световых годах. Мне бы и самому хотелось там побывать. Их общество в самом деле необычно, если не уникально.

— Разве вы не поняли? Если люди с ифрианами могут делить одну планету...

— Это разные вещи. Разрешите набросать вам картину вчерне. Я там тоже не бывал, но занимался этой проблемой с тех пор, как получил назначение. — Саракоглу набрал побольше воздуха. — Авалон открыли пятьсот лет назад те же первопроходцы, что обнаружили Ифри. Его признали годным для колонизации, но он был так далек от Терры, что в ту пору никого не заинтересовал; даже имя присвоили ему много позднее. Ифри от нас на сорок световых лет дальше, чем Авалон, зато это была богатая планета, населенная народом, активно осваивавшим современную технику и любопытным в коммерческом отношении.

Около трех с половиной столетий назад одна человеческая община обратилась к ифрианам с предложением. Торгово-технической Лиге суждено было просуществовать еще пять—десять лет, но всем мыслящим людям уже было ясно, что близится кровавая бойня. Та община — самый пестрый народ со старым пионером-торговцем во главе — хотела спасти будущее своих семей, поселившись на далеком Авалоне под протекторатом Ифри, не столь прогнившей, как Техническая цивилизация. Ифриане дали согласие, и некоторые из них, естественно, тоже поселились в колонии.

Потом настала Смута, не пощадившая и саму Ифри. Результаты у нас были примерно сходные — Терра установила мир с помощью Империи, Ифри с помощью Сферы. Авалонцы тем временем, пережив вместе весь этот хаос, спаялись в прочный союз. Теперь же ничего похожего не наблюдается.

Они остановились у шпалеры, увитой виноградом. Он сорвал гроздь и протянул ей. Она покачала головой, и он съел виноград сам. У ягод был немного непривычный, странно

приятный вкус: Эсперанса, в конце концов, все-таки не дом. Солнце уже ушло, в саду собирались тени, вспыхнула вечерняя звезда.

— Полагаю, что ваш план «очищения» предусматривает включение Авалона в Империю, — сказала Луиза.

— Да. Надо учесть, как он расположен, — пожал плечами Саракоглу. — Кроме того, людей там большинство. Мне представляется, что они рады будут присоединиться к нам, а Ифри будет не прочь от них избавиться.

— Тогда есть ли необходимость воевать?

— Мир заключить никогда не поздно, — улыбнулся Саракоглу и взял Луизу за руку. — Не пойти ли нам в дом? Ваш отец, думается мне, скоро придет. Надо приготовить для него шерри.

Он не стал портить вечер, который еще можно было спасти, и не сказал ей, что вот уже несколько недель назад курьерский корабль привез ему то, что он запрашивал: указ императора, объявляющий войну Ифри, который губернатор и адмирал должны опубликовать, когда будут готовы к действиям.

Глава 4

Для кампании против Ифри требовался крупнейший флот, который следовало собрать со всей Империи. Эта операция не бросалась в глаза, и о ней не объявляли официально, хотя слухи ходили. Однако эскадры, охранявшие пограничные системы, ввиду обострения кризиса открыто укреплялись, и там постоянно шли учения.

На орбите в десяти астрономических единицах от Пакса крейсеры планетного класса «Тор» и «Анса» пускали друг другу холостые снаряды в силовые экраны и направляли на них лазерные лучи, держа луч на месте прицела столько времени, сколько нужно, чтобы расплавить броню; сверкали магниевые вспышки, обозначающие смертельную дозу радиации; корабли то и дело включали гравитягу, входили в гиперрежим и выходили из него; пробовались все трюки, какие только были в книгах, и даже те, которые, как надеялось командование, в ифрийские книги еще не вошли. Не менее активно действовали катера класса «комета» и «метеор», носителями которых были крейсеры.

Для стимулирования учений была обещана награда. Тот корабль, который компьютеры объявят победителем, пойдет вместе со всеми катерами на Эсперансу, где весь экипаж отпустят на неделю в увольнение.

Победила «Анса». По всему сектору понеслись извещающие об этом сигналы, и в полумиллионе километров включался двигатель «метеора», который его капитан назвал «Звездный Филин».

— **Наконец-то воскресли!** — возликовал лейтенант Филипп Рошфор. — **Да еще со славой.**

— **Мы этого не заслужили,** — ухмыльнулся стрелок старшина Ва Чау с Цинтии. **Маленький и покрытый белым мехом, он прыгал по столу, убирая посуду, шевелил мохнатым хвостом и топорщил баки вокруг синей мордочки.**

— **Хрена с два не заслужили,** — отозвался механик и оператор компьютера старшина Абдулла Гелу, тощий пожилой сверхсрочник с Хай Бризейла. — **Изображать из себя мертвецов целых три дня не входит в наши служебные обязанности. — Их катер условно погиб в бою и с тех пор дрейфовал, усложняя жизнь службе обнаружения.**

— **Особенно когда дочиста продуешься в покер, а?** — веселился Ва Чау.

— **Больше я с вами не сажусь, сэр,** — сказал Гелу командиру. — **Не обижайтесь, но уж больно вы талантливы на этот счет.**

— **Просто везет,** — ответил Рошфор. — **Так же, как не повезло нам в бою. Наш экипаж действовал правильно — как и вы за карточным столом. В другой раз повезет больше — и вам, и кораблю.**

Это был первый корабль, которым командовал он, свежеспеченный капитан, недавно произведенный из мичманов за отвагу в спасательной операции. И он очень старался не ударить в грязь лицом. Поражение, которое понес его корабль, хоть и неизбежное в тех обстоятельствах, удручало его.

Однако они были в передовом отряде и сражались против двух кораблей противника, а некоторое время связывали еще три; теперь они возвращаются на «Ансу», а потом пойдут на Эсперансу, где достаточно девушек, чтобы обеспечить статистическую вероятность свиданий.

Тесная кабина дрожала и гудела. Из вентиляторов шел фоздух, пахнувший маслом и химикалиями. «Метеор» предназначался для развития высокого ускорения и в релятивистском, и в гиперрежиме и для поражения противника ядерными торпедами; комфорта на нем имелось не больше, чем необходимо для поддержания активности экипажа.

Но за иллюминаторами простирался космос, блистающий россыпью бриллиантовых, мерцающих, разноцветных звезд на бархатной черноте, с серебряным потоком Млечного Пути

и таинственными туманностями соседних галактик. Так бы и сидеть, устремив туда взгляд, отпустив душу странствовать по Божьему храму Вселенной. Но Рошфор — хотя катер шел на автоматическом управлении — предпочитал проявить себя перед подчиненными не только как снисходительный, но и как добросовестный офицер. Он снова включил визор, который смотрел, когда пришло сообщение.

Учебная кассета едва началась. Человек-ксенолог вещал с экрана:

— Теплокровные, пернатые и летающие ифриане птицами не являются: они живородящие, и их детеныши появляются на свет после четырех с половиной месяцев вынашивания; вместо клювов у них рот и зубы. Не являются они и млекопитающими: у них нет волосяного покрова, и молока они не вырабатывают. Губы предназначены для кормления детенышей путем отрыжки. И хотя их грудные жабры напоминают жабры рыб, они служат не для дыхания в воде, а...

— О нет! — вскричал Гелу. — Сэр, может, вы потом просветитесь? Одному дьяволу известно, сколько нам еще придется бездельничать на орбите.

— Война может разразиться в любую минуту, — сказал Ва Чау.

— Кому тогда будет дело до того, как выглядит враг и каким манером он занимается любовью? Корабли у них похожи на наши, а больше мы ничего и не увидим.

— У тебя что, прямой провод с будущим? — буркнул цинтинин.

Рошфор остановил кассету и рывкнул:

— Я переведу звук на узкий луч, если хотите. Но знание вражеской природы может оказаться как раз тем, что спасет нас, когда дойдет до дела. Вам тоже полезно послушать.

— Пойду-ка я проверю генератор номер три, а то мы давненько не включали сверхсветовой режим, — сказал Гелу и ретировался в машинный отсек. Ва Чау уселся рядом с Рошфором. Лейтенант улыбнулся и чуть не сказал ему: «Славный ты паренек. Не для того ли ты поступил во флот, чтобы избавиться от сварливых баб, которые заправляют твоей родной планетой?» Система размножения — продолжала развиваться его мысль — особенности пола, выращивание потомства — похоже, действительно определяет все прочие стороны жизни любого разумного вида. Все как будто подтверждает циничный афоризм, гласящий, что любой организм — это способ, которым молекула ДНК создает другие молекулы ДНК. То есть сочетание определенных химических веществ наследственности в определенном

мире. Но нет, иерусалимский католик не может в это поверить. Биологическая эволюция создает предрасположение, но не предопределяет.

— Посмотрим, как они устроены, ифриане, — сказал он вслух.

— А вы разве не знаете, сэр?

— Очень приблизительно. Столько разных софонтов* в том уголке космоса, который мы вроде как исследовали — а мне нужно было ознакомиться со своими новыми обязанностями. А в свободное время и развлечься ведь надо, — ухмыльнулся Рошфор.

Он опять включил экран. На нем появился ифрианин, который ходил на своих сложенных крыльях: шаг был сравнительно медленный, неровный, не предназначенный для больших расстояний. Ифрианин уперся в землю руками, встал на них, расправил крылья и вдруг стал прекрасен.

Под каждым крылом у него имелись вертикальные щели. Когда он поднял крылья, кожистые клапаны, прикрывавшие отверстия, открылись. Щели расширились, превратившись в пурпурные рты. Крупный план показал за рядами пылезаститных ресничек тонкую складчатую ткань.

Крылья опустились, и щели снова сомкнулись, подобно кузнечным мехам. Лектор сказал:

— Вот что позволяет столь тяжелому телу, при тяжести и плотности газа, почти равных земным, подниматься в воздух. Масса ифриан более чем вдвое превышает массу самых крупных летающих существ на сходных планетах. Грудные жабры, накачиваемые взмахами крыльев, всасывают кислород под давлением и подают его непосредственно в кровь. Таким образом они дополняют легкие, которые не слишком отличаются от легких нелетающих животных. Ифрианин получает энергию, необходимую для взлета, — и движется в воздухе быстро и грациозно.

Картинка уменьшилась, и существо в голографическом изображении замахало крыльями и ракетой взвилось ввысь.

— Само собой разумеется, — продолжал сухой голос, — что источником энергии служит соответственно ускоренный обмен веществ. Постоянно летающий ифрианин поглощает много пищи. Она состоит в основном из мяса и небольшого количества сладких плодов. Его аппетит — это, без сомнения, еще один фактор, усиливающий общую тенденцию хищников селиться мелкими, обособленными группами на обширной территории,

* Термин Андерсона, обозначающий разумное существо. (Здесь и далее примеч. пер.)

которую инстинкт обязывает их защищать от всякого вторжения.

Лучше понять ифриан поможет нам то, что известно об эволюции этого вида, — или же выводы, которые мы можем сделать на основе известного нам.

— Подозреваю, что выводов больше, чем знаний, — заметил Рошфор, очень, однако, увлекшийся лекцией.

— Мы считаем, что гомеотермические — проще говоря, теплокровные формы жизни на Ифри произошли не от рептилий или рептилоидов, а непосредственно от амфибий — даже от существ, подобно рыбам имеющих легкие. В любом случае у теплокровных сохранился орган, напоминающий жабры. Виды, прижившиеся на суше, потом утратили его. Среди них было то маленькое, вероятнее всего обитавшее на болотах животное, которое впоследствии стало предком софонта. От жизни на деревьях у него развились перепонки, помогавшие ему перелетать с ветки на ветку. Со временем перепонки превратились в крылья. Жабры приспособились к воздушной среде и стали использоваться для дополнительной подачи воздуха.

— Так всегда, — заметил Ва Чау. — То, что мешает на одной ступени, начинает помогать на следующей.

— Ифриане способны и парить в воздухе, — продолжал лектор, — но лишь благодаря огромной площади своих крыльев, а грудные жабры как раз и обеспечивают работу этих крыльев.

В остальном праифрианин, должно быть, весьма напоминал земных птиц. — На экране появилось несколько изображений гипотетических ископаемых существ. — У него имелась аналогичная водосберегающая система выделения — без отдельных мочевыводящих органов, — которая позволяла сохранить вес и компенсировала потерю влаги жабрами. Развился у него также легкий костяк — однако кости были сложнее птичьих и складывались из замечательно прочного двухфазного материала, органическим компонентом которого был не коллаген, но субстанция, выполнявшая функции костного мозга земных млекопитающих. Однако животное не стало облегчать свой вес путем замены зубов на клюв, как поступили многие ифрийские орнитоиды, например уот — это существо напоминает ястреба, но исполняет функции собаки. Прасофонт продолжал жить в своих влажных джунглях, не изменяясь, соответственно образу жизни.

То, что детеныши рождались крошечными и беспомощными — ведь самка не могла летать на дальние расстояния с тяжелым плодом, — возможно, объясняет сохранение и раз-

витие пальцев на крыльях. Детеныш мог цепляться по очереди за каждого из родителей, когда они летали в поисках пищи; а до того как научиться летать, он мог спастись от врагов, влезая на деревья. Ноги же приобретали все большую способность хватать добычу и манипулировать предметами.

Кстати, короткий внутриутробный период не означает, что ифрийский младенец рождается со слаборазвитой нервной системой. Благодаря быстрому обмену веществ клеточное деление зародыша тоже происходит быстро. Этот процесс скорее формирует тело, нежели увеличивает его размер. Однако ифрийскому младенцу требуется больше заботы и больше пищи, чем человеческому. Родителям приходится ухаживать за ним совместно и вдвоем нести его в полете. Возможно, здесь ключ к тому равенству полов — или состоянию, близкому к равенству, — которое мы находим во всех ифрийских культурах.

Кроме того, в первобытных условиях невозможно было бы сохранить большое количество младенцев. Этим, возможно, объясняется то, что женские особи овулируют только раз в год — в ифрийский год, равный примерно половине земного, — и не овулируют в течение двух лет после родов. Сексуальное влечение открыто проявляется у них лишь в эти периоды — но тогда достигает почти непреодолимой силы и у мужских, и у женских особей. Возможно, поэтому с развитием разума территориальный инстинкт получил культурную поддержку. Родители заинтересованы в том, чтобы уберечь своих овулирующих дочерей брачного возраста от случайных самцов. А супружеские пары не желают делить свои редкие, богатые ощущения с посторонними.

Половой цикл не является абсолютно жестким. Например, отрицательные эмоции, горе часто вызывают овуляцию. Это, безусловно, древний природный механизм, позволяющий быстро восполнить потери. Такое слияние Эроса и Танатоса в ифрийской психике делает почти все их искусство общения и особенно мышление недоступными для человека. Некоторые женщины могут овулировать по желанию, хотя это считается ненормальным; в прежние времена таких убивали, теперь избегают из боязни подпасть под их власть. Излюбленный злодей ифрийской беллетристики — это мужчина, который гипнозом или иными методами может вызвать у женщины это состояние. Главное проявление гибкости половой системы — это тот факт, что ифриане сумели приспособить свой цикл воспроизводства, как и все остальное, к условиям многих колонизированных планет.

— По мне, человеком быть лучше, — сказал Рошфор.

— Не знаю, сэр. На первый взгляд их сексуальные отношения выглядят проще, чем у вас или у нас: либо ты в настроении, либо нет — и кончен разговор. Однако мне иногда думается, что они тоньше и сложнее, чем у нас — и лучше приспособлены ко всей их психологии.

— Вернемся, однако, к эволюции, — говорил лектор. — По всей вероятности, большая часть ифриан пережила нечто похожее на плиоцен в земной Африке. Орнитоидам пришлось выйти из редущих лесов в богатые растительностью саванны. Там они развились из пожирателей падали в охотников на крупную дичь, аналогично тому, как это происходило у древних людей. Ноги превратились в руки, способные изготавливать орудия. Локтевые когти стали ступнями для поддержки туловища и передвижения по земле, а сложенные крылья начали заменять ноги.

И все же разумные ифриане остались чисто плотоядными существами, притом неуклюжими на земле. Первобытные охотники, как правило, наносили удары сверху — копьями, стрелами, топорами. Поэтому для того чтобы убить самую крупную добычу, достаточно было немногих воинов. Им незачем было объединяться, чтобы вырыть ловушку мамонту или встать против грозного льва. Общество по-прежнему делилось на семьи или кланы, которые редко воевали друг с другом, но и особо не общались.

Эволюция, покончившая с каменным веком, была обусловлена не развитием земледелия, как это было у человека. У ифриан все началось с систематической пастьбы, а затем и одомашнивания крупных травоядных — таких, как мауки, и более мелких длиннорогих майо. За этим последовало изобретение ползьев, колеса и прочего, что позволило ифрианам легче передвигаться по земле. Земледелие появилось позднее как придаток к скотоводству, для выращивания кормов. Избыток пищи освободил время для путешествий, торговли и широкого культурного обмена. Отсюда возникли более сложные и крупные социальные ячейки.

Их нельзя назвать цивилизациями в строгом смысле, поскольку на Ифри никогда не было настоящих городов. У крылатого и поэтому мобильного народа не было нужды селиться тесными группами ради поддержания более близких отношений. Однако центры оседлости все же возникали. Они были промышленными — например, горнодобывающими и металлургическими; торговыми и религиозными; укрепленными на случай поражения одной группы другой в воздушном бою. Но все они были мелкими, и население не оседало в них надолго. Кроме

баронов с их дружинами, в таких поселениях обитали в основном рабы с подрезанными крыльями — а в наши дни их заменили автоматы. Подрезка крыльев — самый простой способ удержать раба; но поскольку перья отрастают быстро, пленных обычно обещали отпустить на волю после определенного срока верной службы и тем обеспечивали их покорность. Поэтому рабство так глубоко укоренилось в доиндустриальном ифрийском обществе, что не полностью исчезло и по сей день.

«Ну а мы воскрешаем его в Империи, — подумал Рошфор. — В рамках закона, конечно, — как наказание, скажем, чтобы получить какую-то пользу от осужденных преступников; и все же мы воскрешаем то, что у ифриан уже отмирает. В чем мы тогда нравственнее их? И в чем правее? — Рошфор выпрямился на стуле. — Я — человек».

Гибкая блондинка со старомодным эсперансийским пристрастием к простоте туалета, Ева Дависсон составляла приятный контраст с Филиппом Рошфором, что ясно сознавали они оба. Он был высокий, худощавый, хотя и атлетически сложенный молодой человек с правильными чертами лица, широким носом и полными губами, смутный и с блестящей гривой выщипанных черных волос. Его форма граничила с пределом пышности, допустимой для офицера — пилотка набекрень, выгоревшая под солнцем Империи, окаймленный золотом голубой мундир, алые кушак и плащ, белоснежные брюки, заправленные в низкие сапоги из настоящей бычьей кожи.

Они сидели в тихом флервильском ресторанчике у окна, открытого в сады и звезды. Живой сонорист играл что-то старое и сентиментальное; ароматные, чуть пьянящие испарения наполняли воздух; парочка небрежно поглощала горячее, больше внимания уделяя шампанскому. И несмотря на все это, Ева не улыбалась.

— Эту колонию основали люди, верившие в мир, — сказала она скорее скорбным, чем обвиняющим тоном. — Здесь много поколений подряд не было никакой армии — люди полагались на добрую волю тех, кому помогали.

— Добрая воля кончилась с приходом Смуты.

— Знаю, знаю. Я не участвую в демонстрациях, и мне все равно, что скажут мои друзья, когда узнают, что я встречалась с имперским офицером. И все же, Фил, солнце по имени Пакс, планета по имени Эсперанса* готовятся к войне. И это горько.

* Названия означают Мир и Надежда (лат.).

— Было бы горше, если бы напали на нас. Авалон недалек, и они скопили там большие силы.

Ее пальцы сжали ножку бокала.

— Чтобы Авалон напал на нас? Я встречалась с авалонцами, с обеими расами. Они прилетали сюда торговать или как туристы — я и сама не так давно побывала там. Я хотела просто посмотреть живописную планету, но меня так чудесно принимали, что не хотелось возвращаться.

— Должно быть, люди там переняли ифрийские манеры. — Рошфор сделал длинный глоток, смакуя вино и надеясь, что оно прогонит его раздражение. Он не собирался этим вечером говорить о политике. — Как приятные, так и менее приятные.

Она пристально посмотрела на него в слабом свете и тихо сказала:

— У меня такое впечатление, что вы не одобряете смешанных колоний.

— В общем, да. — Он мог поддакивать ей, со всем соглашаться, увеличивая тем свои шансы уложить ее потом в постель. Но это было не в его духе, причем девушка нравилась ему и чисто по-человечески. — Я считаю, что надо быть самим собой и отстаивать свое мнение.

— Вы прямо супрематист, — сказала она — довольно мягко, впрочем.

— Если это означает, что человечество — правящая раса и большинство лидеров Технической цивилизации происходит из нее — да, меня, пожалуй, можно назвать супрематистом, — признался он. — Это не значит, что мы за свою историю не нагрешили и не натворили глупостей или что мы имеем какое-то право угнетать других. Я признаю, что мы можем быть наилучшими друзьями с ксенософонтами. Просто не надо им подражать.

— Вы считаете, что Терранская Империя — это сила, творящая добро?

— В целом да. Она совершает и зло — но этого никому из смертных не избежать. Наш долг — исправлять ущерб... и насаждать ценности, которые Империя, несмотря ни на что, хранит.

— Вы, наверное, видели не так уж много зла.

— Потому что я с Терры? — хмыкнул Рошфор. — Дорогая, вы напрасно воображаете, будто родную систему населяют исключительно аристократы. Мой отец — мелкий чиновник Социодинамической Службы. Его работа вынуждала нас постоянно странствовать. Я родился в Селенополисе — это космический порт и промышленный центр. Несколько впечатля-

ющих лет я провел на Венере, бедной и преступной планете, которая так и не сумела достичь уровня Терры. Во флот я поступил рядовым — не из протеста, а из мальчишеского желания посмотреть Вселенную, и в школу пилотов меня направили только через два или три года; тем временем я познакомился с изнанкой не одного мира. В космосе есть что исправлять. Давайте же исправлять, а не разрушать. И защищаться! Черт, — сказал он откровенно, — я хотел разговорить вас, чтобы вы не были так серьезны, и вот вам результат.

Девушка засмеялась и подняла свой бокал:

— Тогда давайте поможем друг другу выйти из серьезного настроения.

Так они и сделали, и отпуск Рошфора стал оправдывать себя. К счастью, потому что через две недели его отозвали: «Анса» уходила в космос. За много световых лет от Пакса она присоединилась к флоту, который скрытно группировался в темных просторах Вселенной, — и сотни кораблей двинулись к Ифрийской Сфере.

Глава 5

Совещание велось по селектору — как почти все совещания в эти дни. Это противоречило старым авалонским правилам хорошего тона, зато сэкономило время, а времени, как сознавал Дэниел Холм, оставалось в обрез.

Обстановка была достаточно накаленной. Два из трех голо-изображений, казалось, вот-вот соскочат с экранов в кабинет Холма. Он, несомненно, производил на своих собеседников такое же впечатление.

Мэтью Викери, президент людского парламента, грозя пальцем и тряся пухлыми щеками, заявил:

— У нас тут не военный режим — напоминаю вам на тот случай, если вы позабыли. Наше законное гражданское правительство одобрило ваши оборонные меры последних лет, хотя лично я, как вам известно, всегда считал их чрезмерными. Когда я представляю, что можно было бы сделать на эти деньги, деньги налогоплательщиков, останься они в частных руках — какую пользу обществу могли бы принести... Дай вам, военным, волю — и вы начнете строить базы в четвертом измерении, чтобы защитить нас от вторжения из будущего.

— Вторгаются всегда из будущего, — сказал Ферун. — И очередное вторжение ничего хорошего нам не сулит.

Холм скрестил ноги, откинулся назад, выпустил сигарный дым в лицо Викери на экране и процедил:

— Избавьте нас от своих ораторских шуточек. У нас тут не предвыборное собрание. Зачем вы создали нас троих для разговора?

— Причина этому — ваш произвол, — отпарировал Викери. — Чашу переполнил ваш последний приказ о недопущении неифрийских кораблей в систему Лауры. Вы представляете себе, какую торговлю мы ведем — не только с Империей, хотя и этим многие живут, но с независимыми цивилизациями вроде Краокана?

— А вы представляете, как легко терранам запустить замаскированный робот-спутник на авалонскую орбиту? — возразил Холм. — Несколько тысяч мегатонн, взорванные на такой высоте в ясный день, могут поджечь половину Короны. Или, скажем, у нас совершает посадку мирное торговое судно. Компьютеры сознательного уровня сейчас почти не используются, поскольку почти не ведется новых космических исследований, но такой компьютер можно создать — и вложить в него стремление к самоубийству. Бомба взорвется внутри городских защитных экранов; генераторы отключатся, оставив без всякой обороны то, что уцелеет, а радиоактивные осадки загрязнят всю округу. Это вы, Викери, зарезали половину ассигнований, запрошенных нами на строительство убежищ.

— Истерия, — сказал президент. — Чего достигнет Терра, взорвав одну бомбу? Да я и не думаю, что будет война — если мы сумеем обуздать собственные горячие головы. Возьмите эту смехотворную программу гражданской обороны, которую вы нам навязали. — Викери перевел взгляд на Феруна и Лио. — Конечно, у молодежи теперь появился прекрасный предлог всюду лезть, загораживать всем дорогу, распоряжаться движением — они чувствуют свою значимость, и их не волнует ни общественная, ни финансовая цена всего этого. Но если этот флот, который мы строили и укомплектовали по вашему настоятельному требованию, напрягая свои промышленные мощности и истощая свои ресурсы — если этот флот действительно так силен, как утверждают, то терраны к нам и близко не подойдут. Если же он не столь силен, то кто здесь пренебрегает своим долгом?

— Мы находимся недалеко от столицы сектора, — напомнил ему Ферун. — Терраны могут начать с нас, вложив в удар всю свою мощь.

— Меня уже давно на это программируют. Спасибо, но я предпочитаю программироваться сам. Послушайте, — продолжил Викери, несколько остыв, — я признаю, что ситуация критическая. Мы все здесь — авалонцы. Если я нахожу какие-то

ваши предложения неразумными, я открыто заявляю это народу и парламенту. Но в конце концов мы заключаем компромисс как разумные существа.

Ферун взъерошил лицевые перья. Викери, похоже, не заметил этого или не понял, что это означает. Лио с Каровых Озер сохранял невозмутимость. Холм буркнул:

— Продолжайте.

— Я должен выразить протест и против ваших действий, и против того, как вы их осуществляете. У нас не военное положение, и в Соглашении не предусматривается возможность его провозглашения.

— Потому что в прежние времена в этом не было нужды, — сказал Холм. — Опасность была ясна и очевидна. Не думаю, что нам и теперь нужно военное положение. Адмиралтейство отвечает за местную оборону и за связь с вооруженными силами всей Сферы...

— Что отнюдь не дает вам право останавливать торговлю, или заводить потешную гвардию, или делать что-либо еще, нарушающее нормальный ход жизни на Авалоне. До сих пор я и мои коллеги признавали необходимость некоторых мер. Но теперь назрела необходимость напомнить вам, что вы слуги народа, а не его хозяева. Если народ желает, чтобы ваша политика и дальше осуществлялась, пусть он заявит об этом своей законодательной власти.

— Но круаты высказались за создание гражданской обороны и за предоставление Адмиралтейству широких полномочий, — проскрипел Лио с Каровых Озер. Старый великан с побелевшими перьями сидел в своем замке с видом на скалы и глетчер.

— Парламент...

— Все еще дебатирует, — перебил Холм. — Терранская Империя таких сложностей не знает. Если вам нужна формулировка, считайте, что мы действуем по законам чота.

— У чотов нет правительства, — покраснел Викери.

— А что такое правительство? — очень тихо спросил Лио, виван Верховного круата.

— То есть как? Законная власть...

— Да. Источник любого закона — это традиция. Источник любой власти — это сила оружия. Правительство есть учреждение, которое принуждает к чему-либо народ на законном основании. Верно ли я прочел ваших человеческих философов и вашу историю, президент Викери?

— Да... но...

— Вы забыли, кажется, что чоты не более единодушны, чем ваши человеческие фракции. Они оставались и остаются при своем. Хотя большинство и проголосовало за последние оборонные меры, меньшинство громко выступило против, считая, как и вы, президент Викери, что опасность преувеличена и не оправдывает таких усилий.

Лио замолчал, и всем стало слышно, как свистит ветер в его жилище. Мимо пролетели двое его внуков. Один держал обоженный меч — знак войны, который переносили от дома к дому, у другого был бластер. Верховный виван продолжил:

— Три чота отказались внести свой вклад. Я и мои собратья пригрозили им оэрраном. Если бы они не уступили, мы произнесли бы его. Настолько серьезной мы считаем ситуацию.

У Холма перехватило горло. *«А мне он этого не сказал! Конечно — с чего бы он стал говорить»*. Ферун замер на своей скамье, став таким же неподвижным, как Лио. Викери задержал дыхание и вытер внезапно вспотевший лоб.

«Я почти сочувствую ему, — подумал Холм. — Столкнуться с действительностью таким образом!»

Мэтью Викери следовало бы остаться экспертом-ревизором, вместо того чтобы лезть в политику, крутилось где-то в глубине потрясенного сознания Холма. Там он был бы безобиден, даже полезен: межвидовая экономика — подлинная страна чудес, и знать о ней все просто невозможно. Беда в том, что на таком малонаселенном шарике, как Авалон, правительство мало что решает, кроме вопросов экологии и обороны. В последние десятилетия, когда человеческое общество стало меняться под влиянием ифриан, его роль сделалась еще скромнее. (Эта мысль больно кольнула Холма.) Нетрудно было набрать голоса, баллотируясь на такой чисто административный пост. Вот самые реакционные человеческие круги и выбрали Викери, который С Тревогой Смотрел на Угрозу Ифриализации. (Может быть, не без оснований?) Больше у президента нет никаких особых полномочий в эти грозные времена.

— Как вы понимаете, это сообщение строго конфиденциально, — сказал Лио. — Если слух об этом разойдется, чоты, о которых идет речь, могут счесть сопротивление вопросом чести.

— Да, — прошептал Викери.

И снова наступило молчание. Сигара Холма, догорев, обожгла ему пальцы. Он затушил ее. Она воняла. Он закурил новую. «Я слишком много курю, — подумал он. — И, пожалуй, слишком много пью последнее время. Зато работа все же делается, насколько обстоятельства позволяют».

Викери облизнул губы.

— Это тоже усложняет дело... не так ли? Могу я спросить прямо? Я должен знать, не намекаете ли вы на то, что вас могут вынудить совершить государственный переворот?

— Мы найдем своей энергии лучшее применение, — сказал Лио. — Ваша парламентская деятельность могла бы быть полезней.

— Но вы же понимаете — я не могу отречься от своих принципов. Я должен говорить то, что считаю нужным.

— В Соглашении записано, — сказал Ферун, — «Люди, живущие на Авалоне, заверяются честью в том, что они имеют свободу слова, печати и массового вещания, при условии не нарушать ничью личную честь и не раскрывать секреты обороны против инопланетного врага». — Цитата прозвучала резко даже по ифрийским меркам.

— Я хотел сказать... — Викери сглотнул. Нет, он не зря столько лет занимался политикой. — Я хотел только сказать, что оставляю за собой право на дружескую критику и встречные предложения, — произнес он со своей обычной легкостью. — Вызывать гражданскую войну мы, разумеется, не станем. Нам следует, наверное, подробно обсудить политику беспристрастного сотрудничества.

За его штампованными фразами все еще чувствовался страх. Холму казалось, он читает в мыслях Викери всю значительность того, что сказал Лио.

Каким образом регулирует агрессивная, надменная, разбитая на кланы и территории раса общественные вопросы?

Как это было и на Терре, различные ифрийские культуры в различные периоды своей истории решали их по-разному, и ни один вариант не был вполне удовлетворительным и не просуществовал долго. Когда в Сферу проникли первые исследователи, самой преуспевающей и прогрессивной культурой была планка, которая напрашивалась на сравнение с эллинской. Быстро осваивая современную технику, она вскоре вобрала в себя всех ифриан, приспособливая их к меняющимся условиям.

Это было тем легче, что система не требовала единообразия. В своих владениях — будь они на материке или на клочке суши в море — каждый чот был независимым. Его законы определяла традиция, а традиция тоже постепенно меняется с годами, как все живое. Чоты перебрали все: племенной строй, анархию, деспотизм, свободную федерацию, теократию, клан,

семейную и корпоративную формы — и прочее и прочее, для чего нет слов в человеческом языке.

Порядок внутри чота поддерживали скорее обычай и общественное мнение, чем свод законов и насилие. Семьи редко жили по соседству друг с другом, потому и трения были минимальными. Самой обычной санкцией было нечто вроде гривны, высшей — взятие в рабство. Между ними существовало объявление вне закона: нарушитель на какой-то срок, порой и на всю жизнь, становился изгоем, и любой мог убить его безнаказанно. Оказание помощи преступнику влекло за собой такую же кару. Могли приговорить и к изгнанию — а тот, кто возвращался раньше срока, тем самым ставил себя вне закона. Для ифрианина это было суровое наказание. С другой стороны, недовольные могли свободно покинуть дом (в небе загородку не поставишь) и попроситься в чот, который был им больше по вкусу.

Требовался, конечно, какой-то орган, который разбирал бы проступки и выносил приговор. А также улаживал бы споры между чотами и заботился о всеобщем благе. Так в древние времена возник круат — периодическое собрание взрослых жителей определенной территории, на которое могли явиться все желающие. Круат обладал правовой и в какой-то мере законодательной властью, но не административной. Тот, кто выигрывал спор или предлагал какой-то план или указ, должен был заручиться общим согласием — или же опереться на ту силу, которую мог собрать.

С расширением сообщества планха региональные круаты начали выбирать делегатов на годовой круат, который собирал жителей более обширной территории. Годовые круаты, в свою очередь, посылали представителей на Верховный, всепланетный, круат, который собирался раз в шесть лет или при каких-либо чрезвычайных обстоятельствах. На каждом уровне избирались лица, ведущие круат — виваны. В их задачу входило толкование законов (то есть обычаев, прецедентов, решений) и разбор всех накопившихся дел. Однако эта система была не совсем советской, поскольку каждый свободный взрослый мог участвовать в круате любого уровня.

На Терре этот порядок не прижился — он там возник только тогда, то не закончился кровью. Но ифриане не так многоречивы, как терране, не так суетливы, не так поддаются нажиму и не так нуждаются в жизненном пространстве на протяжении своей истории. Благодаря современным средствам связи, компьютерам, хранилищам информации и учебной тех-

нике система круатов распространилась по всей планете, а потом и по всей Сфере.

Но в процессе развала общество столкнулось с проблемой администрации. Нужно было финансировать некоторые общественные работы. Каждый чот вносил свой вклад на эти цели, но средствами этими должен был кто-то распоряжаться. Следовало пресекать действия, представляющие угрозу для природной или социальной среды, какую бы выгоду ни извлекали из таких действий отдельные чоты. Но машины принуждения у ифриан не существовало, да им и в голову не пришло создать ее как таковую.

Вместо нее мало-помалу сложилось следующее: если неповиновение становилось угрожающим, виваны соответствующего круата налагали на виновных оэрран. Это решение принималось после глубоких раздумий и с самыми торжественными церемониями. Означало оно призыв ко всем, проживающим на определенной территории, во имя собственных интересов и особенно во имя чести поднять оружие против ослушников.

В прежние времена оэрран, наложенный на чот, означал конец этого чота — всех оставшихся в живых обращали в рабов, имущество делилось между победителями. Позднее оэрран стал ограничиваться арестом и изгнанием названных лидеров — но он по-прежнему оставался вопросом чести. Если оэрран отвергали, как случалось, если вина, по мнению большинства, не соответствовала жестокости наказания, объявившим его виванам не оставалось ничего, кроме самоубийства.

Вследствие особенностей ифрийского характера оэрран у них работал не хуже, чем полиция у людей. Если твое общество, человек, не совсем разложилось — часто ли ты обращаешься в полицию?

Ни одному из тех, кто знал Лио с Каровых Озер, даже в голову бы не пришло, что он говорит несерьезно, угрожая разорвать Авалон пополам.

Глава 6

Там, где могучий Стрелец впадает в залив Кентавров, стоит второй город Авалона — единственное, кроме Грея, поселение, которое заслуживает этого названия. Кентаври возник как речной, морской и космический порт, промышленный и торговый центр — и потому с самого начала стал человеческим городом, подобным многим городам Империи: многолюдным, оживленным, шумным, веселым, слегка порочным и порой

опасным. Бывая здесь, Аринниан становился Кристофером Холмом — как по имени, так и по поведению.

Теперь он был тут по оборонным делам. Он не удивился, когда его назначили начальником западнокоронской службы гражданской обороны, когда эта служба кое-как сложилась, в их обществе семейственность была нормой. Удивляло его скорее то, что он неплохо справлялся и ему это даже нравилось — это ему-то, всегда презиравшему «стадного человека»! За какие-то несколько недель он наладил учения во всем своем районе и заложил основы штаба, связи и снабжения. (Помогало, конечно, то, что очень многие авалонцы были страстными охотниками и часто собирались вместе для облав, а Смута оставила по себе память, которую нетрудно было оживить; и главное, всегда можно было посоветоваться с Дэниелом.) Такие же службы гражданской обороны возникали повсюду. Западной Короне надо было согласовать действия с Морским Братством, и для этого созвали конференцию. Она поработала плодотворно и, в общем, оправдала надежды, которые на нее возлагались. После нее Аринниан сказал:

— Грилл, а не пойти ли нам куда-нибудь отпраздновать? Боюсь, теперь нам нескоро представится случай. — Говорил он это не под влиянием порыва — он обдумывал эти слова последние пару дней. Табита Фолкейн улыбнулась:

— Конечно, Крис. Все куда-то идут.

Они шагали по улице Жизнецвета, держась за руки; стояла субтропическая жара, и он чувствовал, как смешивается их пот.

— А... а почему ты почти всегда называешь меня моим человеческим именем? — спросил он. — И говоришь со мной на английском?

— Потому что мы с тобой люди. Нам не хватает перьев, чтобы говорить на планха так, как надо. А почему ты против?

Он не сразу нашел слова для ответа. *«Такой прямой вопрос оскорбителен, только очень близкий друг может его задать. Да нет, она, видно, снова забыла о том, что она птица».*

— Посмотри — и поймешь почему, — сказал он, обведя рукой широкий круг. И спохватился, что сам не слишком-то вежлив.

Но девушка не обиделась. Улица шла вдоль канала, засоренного отбросами, загроможденного баржами, зажатого стенами грязных десяти—двенадцатизэтажных домов, что уходили высоко в ночное небо. Звезды и белая половинка Морганы меркли перед блеском, огнем, сиянием и свечением кричащих вывесок: ГРОГ-ГАВАНЬ, ТАНЦЫ, ЕДА, НАСТОЯЩАЯ ЗЕМ-

НАЯ ЭРОТИКА, ДОМ ВЕСЕЛЬЯ, ПОСЕТИТЕ МАРИЮ ХУАНУ, ИГРА, ОБНАЖЕННЫЕ ДЕВУШКИ, ССУДЫ, ПОКУПАЙТЕ... ПОКУПАЙТЕ... ПОКУПАЙТЕ. Мостовые были загружены машинами, на тротуарах толкались пешеходы: моряк, пилот, плотогон, рыбак, охотник, фермер, проститутка, секретарша, пьяный, еле стоящий на ногах, еще пьяный, наступающий на блюстителя порядка, тощий, заросший оборванец, проповедующий на углу, — бесконечный поток, крик, говор, шум машин, шарканье ног, хриплые вопли из динамиков. Возняло дымом, горючим, канализацией, плотью — и ко всему этому примешивался запах окрестных болот, не противный сам по себе, но здесь отвратительный.

Табита опять улыбнулась:

— Зато весело, Крис. Ведь и мы с тобой пришли сюда развлекаться.

— Как ты можешь... — выговорил он. — Тебе это не идет.

И поймал себя на том, что слишком пристально на нее смотрит. Они оба были в тонких рубашках с коротким рукавом, в кильтах и сандалиях; одежда липла к мокрому телу. Но она, несмотря на потную кожу и горячий женский запах, который он не мог не ощущать, казалась здесь порождением моря и чистого неба.

— Немножко вульгарности иногда не мешает, — дружески ответила она. — Даже такому пуританину, как ты, Крис.

— Нет-нет, — запротестовал он, боясь, как бы она не сочла его наивным. — Я разве что слишком разборчив. Но здесь бывал часто — и да, мне нравилось. Я хотел сказать только, что горжусь своей принадлежностью к чоту — а тем, что члены моей расы предпочитают жить в свинарнике, гордиться не приходить. Разве ты не видишь — здесь все то же самое, от чего стремились уйти пионеры.

Словечко, которое Табита произнесла в ответ, его ошеломило — Эйат никогда такого не сказала бы. Девушка усмехнулась:

— Ну, если хочешь, скажем «чушь». Я читала записки Фолкейна. Ему и его людям нужно было только пространство, где можно жить свободно — и больше ничего. — Она увлекла его за собой. — Мы, кажется, собирались пообедать? — Он молча кивнул.

В благопристойной тишине «Феникса» он несколько успокоился. Еще и потому, надо сознаться, что там было прохладно и одежда не так откровенно облипала Табиту, как на улице.

Обслуживали здесь живые официанты. Табита заказала коктейль с кошачьим цветком, а он отказался.

— Ладно тебе, — сказала она. — Вылезай из своей скорлупы.

— Нет. Я правда не хочу, спасибо. Зачем притуплять свои ощущения, когда тебе так хорошо? — нашелся он.

— Где-то я это уже слышала. Так говорят в Воротах Бури?

— Да. Но не думаю, чтобы и в Высоком Небе употребляли наркотики.

— Нет, конечно. Разве что на священных пирах. Ведь почти все мы придерживаемся старой веры. — Она посмотрела на него долгим взглядом. — Твоя беда, Крис, что ты слишком стараешься. Расслабься. Общайся больше со своими. Много ли людей, с которыми ты по-настоящему в близких отношениях? Раз-два и обчелся, бьюсь об заклад.

— В последнее время я общался с очень многими, — ошестинился он.

— Да — и получал от этого удовольствие, несмотря на обстоятельства, разве нет? Я ни в чью жизнь не лезу — но человек, который пытается стать ифрианином, — это ворона в павлиньих перьях, к какому бы он полу ни принадлежал.

— Что ж, после трех поколений тебе, наверно, тесно в своем чоте, — сказал он, со всей доступной ему тщательностью дозируя сарказм. — Ты и среди людей немало пожила, верно?

— Несколько лет бродяжила, — кивнула она. — Была траппером, моряком, старателем — весь Авалон исходила. А свою долю в нашем с Драуном деле я заработала за покерным столом. Черт, иногда легче изъясняться на планха! — засмеялась она и серьезно добавила: — Но не забывай — я была маленькой, когда мои родители пропали в море. Меня удочерила ифрианская семья. Они-то и подали мне мысль о странствиях: таков обычай в Высоком Небе. И моя преданность и благодарность чоту стали еще сильнее, если это возможно. Просто так получилось, что я — человек и сознаю это. Давай поговорим о чем-нибудь не столь серьезном. Мне так не хватает этого на Сент-Ли.

— Я, пожалуй, тоже выпью, — сказал Аринниан.

Это помогло. Вскоре они уже весело вспоминали о былом. Ее жизнь, безусловно, была богаче приключениями, чем его, но и с ним случалось разное. Порой, в те времена, когда он скрывался от родителей на затерянных в море островах Щита, или в тот раз, когда ему пришлось биться со спатодонтом на земле, с одним только копьём, потому что его товарищ лежал со сломанным крылом, он подвергался большей опасности, чем когда-либо она. Но ее интересовали менее бурные его переживания. Она никогда не бывала за пределами планеты,

если не считать экскурсионного полета на Моргану. Он, сын офицера космолота, имел возможность повидать всю систему Лауры — и спаленный солнцем Элизуим, и многочисленные луны Камелота, и темный, одолеваемый кометами Утгард. Рассказывая о застывшем голубом покое Фаззии, он прочел несколько гомеровских строк; она пришла в восторг, попросила еще, полюбопытствовала, что еще написал этот самый Гомер, и разговор перешел на книги.

Кухня здесь была смешанная, как почти всюду на планете: густая томатная похлебка из местной рыбы, пудинг с говядиной и шуа, салат из листьев гроздевика, груши, кофе с добавкой ведьмина корня. Напиток, напоминающий виноградное вино, поддерживал веселое настроение. Аринниана не шокировало даже то, что Табита под конец закурила трубку — он знал ее приверженность этому пороку.

— Может, заглянем в Гнездо? — предложила она. — Вдруг там Драун. — Ее компаньон стал ее начальником в службе обороны, и в Кентаври она находилась в качестве его адъютанта. Но чотская табель о рангах сложнее и в то же время более гибка, чем у Техников.

— Давай, — вяло согласился Аринниан.

— Не хочешь? — поддразнила она. — А я-то думала, ты предпочтешь ифрийскую резиденцию любому другому месту в городе.

В Гнезде была единственная в городе таверна для орнитондов, в которой те почти не бывали.

— Мне кажется, этот кабак — дурное место, — нахмурился он. И поспешно добавил: — Для них. Я не такой уж чистоплюй.

— Однако ты не возражаешь, когда люди копируют ифриан. Так далеко не улетишь, сынок. — Она встала. — Заглянем в бар Гнезда, выпьем — может, там сидит кто из друзей или выступает хороший бард. А потом в танцевальный зал, а?

Его пульс забился быстрее, и он кивнул, радуясь, что она в таком хорошем настроении. Хотя никакая техника не позволила бы им участвовать в ифрийских воздушных танцах, скользить по паркету вместе с другой птицей, пожалуй, не менее чудесно. И поскольку он ни с одной еще не был так близок, может быть, Табита — ибо этой душевной ночью она и вправду была Табитой, не летуньей Грилл... может быть...

Он не раз слышал, как мускулистые олухи рассказывают о своих ночках с девушками-птицами — не столько хвастливо, сколько с уважением. Для него и таких, как он, женщины-

птицы были товарками, сестрами. Но Табита так настойчиво подчеркивала, что оба они — люди...

Они доехали на такси до Гнезда, самого высокого здания в городе, и поднялись на крышу на гравелифте, поскольку никто не взял с собой летательное снаряжение. Открытый бар защищал от дождя прозрачный витриловый навес, через который на этой высоте звезды были видны, несмотря на электрическую свистопляску внизу. Моргана уже спустилась за низкий западный горизонт, но еще не серебрила реку и залив. На востоке громоздились грозовые тучи, и свежий ветер приносил оттуда рокот разрядов. Насекомые вились у неярких флюорошаров на столиках. Оживления не наблюдалось, несколько темных фигур сидело на высоких табуретах перед выпивкой или наркокурильницами, сновал робот-официант между столиками, и гудела стальная арфа в записи.

— Вот тоска, — сказала разочарованная Табита. — Ладно, посмотрим, нет ли тут знакомых.

Они пошли бродить по залу, и Аринниан вдруг воскликнул:

— Хой-а! Водан, экх-хирр.

Его чотовик вскинул глаза в явном замешательстве. Он сидел в обществе довольно общипанной особы, которая утрюмо уставилась на пришельцев.

— Доброго полета, — поздоровался Аринниан на планха; но ответ, хоть и произвольный, заставил его перейти на английский. — Не ожидал увидеть тебя здесь.

— Доброй посадки, — сказал Водан. — Мне надо явиться на корабль через несколько часов. Транспорт отправляется с базы на острове Халцион. Я прилетел пораньше, чтобы не быть застигнутым бурей; у нас рядом с домом прошли три смерча.

— Ты жаждешь боя, охотник, — сказала Табита самым изысканным образом.

«Это верно, — подумал Аринниан. — Он рвется в бой. Только вот... если уж он не мог до последней минуты остаться с Эйат, то он скорее должен был медитировать, летая под луной — или, на худой конец, пировать с друзьями...» Он представил Табиту.

Водан ткнул когтем в сторону своей спутницы, весьма неуважительно:

— Куэнна. — Та втянула голову и встопорщила перья, тщетно пытаясь изобразить независимость.

Аринниан не мог придумать предлога, чтобы уйти. Они с Табитой сели за столик, постаравшись устроиться поудобнее.

Когда к ним подъехал робот, они заказали густое, крепкое новоафриканское пиво.

— Как ветер дует? — спросила Табита, затянувшись трубкой.

— Хорошо — я бы желал для тебя такого же, — учтиво ответил Водан. И обратился к Аринниану с чуть наигранным, но тем не менее искренним энтузиазмом: — Ты, конечно, знаешь, что последние несколько недель я провел на учениях.

«Да. Эйат не раз говорила мне об этом».

— Сейчас мне дали короткий отпуск. Мой корабль требует мастерства. Я расскажу тебе о нем. Это новый торпедоносец, похожий на терранский «метеор» — красавец, стальное копьё! Я был горд украсить его тремя золотыми звездами.

«“Эйат” значит “три звезды”».

Водан продолжал говорить. Аринниан взглянул на Табиту. Она и Кузнна смотрели друг другу в глаза. Перья ифрианки то топорщились, то опадали — даже он понимал этот немой язык.

«Да, дорогуша, длинная желтая пешеходка, я такая, какая есть, а кто ты, чтобы задирать передо мной свой и без того вздернутый нос? Кем еще могла я стать, если, как только выросла, поняла, что любовный жар приходит ко мне, стоит только подумать о нем — и значит, нет мне другого места во всей Вселенной? Да, да, все это я уже слышала: лечись, моя... Так вот, добрая ты душа, в чотах не любят больных, и я не прошу ни у кого помощи. У Кузны свой курс, получше твоего — а ведь ты такая же, как я, так ведь, человечница?»

Табита подалась вперед, погладила тощую лапку, не боясь когтей, улыбнулась, глядя в покрасневшие глаза, и прошептала:

— Хорошей погоды тебе, девочка.

Пораженная Кузнна отпрянула. На мгновение показалось, что она бросится на девушку, и Аринниан потянулся к ножу. Но она сказала Водану:

— Уйдем-ка лучше.

— Не сейчас. — Ифрианин неплохо скрывал свое смущение. — Одним только тучам известно, когда я теперь увижу своего брата.

— Пошли, — тихо повторила она. Аринниан уловил легкий мускусный запах. Ифрианин за соседним столиком встопорщил гребень и повернул к ним голову.

Аринниан мог себе представить, чего сейчас хочется Водану: прогнать ее, обругать, ударить, только что не убить —

ведь она безоружна. Но все это было бы уступкой — даже не традиции, а простым приличиям.

— Нам тоже пора — вот только допьем свое пиво, — сказал он. — Я рад, что встретил тебя. Попутного тебе ветра. — Водан испытал явное облегчение. Он вежливо попрощался и отлетел вместе с Куэнной. Город поглотил их.

Аринниан не знал, что сказать. Он был благодарен за то, что здесь так темно: лицо у него пылало. Он смотрел в сторону. Наконец Табита мягко сказала:

— Бедная пропащая душа.

— Кто, ночная летунья? — вдруг взорвался он. — Я таких и раньше знал. Дегенератки с преступными замашками. Счастье, если Водану не перережут горло в той грязной дыре, куда она его заведет. Я знаю, как это бывает. Он летал здесь одинокий, не зная, чем заняться — горец, который, может, и не видывал таких, как она. Она подвернулась, напустила феромонов, чтобы его возбудить — ух!

— Тебе-то какая печаль? Ну да, он твой друг, но не думаю, чтобы это жалкое существо было способно на что-то большее, чем выманить у него немножко денег. — Табита глотнула дым. — Знаешь, — сказала она, — это наглядный пример культурной отсталости ифриан. Человеческие идеи подействовали на них до определенной степени, и теперь они не умерщвляют тех, кто отклоняется от нормы. Но медицина у них на нуле — они не развивают ее ни ради реабилитации, ни ради простого милосердия. Когда-нибудь...

Он почти не слушал ее.

— Водан должен жениться на Эйат, — сказал он, стиснув зубы.

— Да? — подняла брови Табита. — На той, о которой ты мне говорил? А тебе не кажется, что она порадовалась бы тому, что он немножко развлекся и забылся?

— Нет, не кажется! Она слишком чиста. — Аринниан осекся и подумал: «Может, рискнуть? Мне тоже не помешало бы забыться». — Но если ты относишься к этому так легко, — буркнул он, — может, займемся тем же самым?

Она устремила на него долгий взгляд. Молния сверкнула ближе, и раздался тяжелый раскат. Аринниан остыл, и ему стоило труда не отводить глаз и не ежиться.

— Ты злишься, да, Крис? — усмехнулась наконец она. — Но и надеешься тоже.

— Прости, — выдавил он. — Я н-не хотел проявлять неуважения. Я сказал это к примеру — чтобы ты поняла, почему я так расстроен.

— Я могла бы возмутиться, — улыбнулась она скорее сочувственно, чем игриво, — если бы не знала, что ты сказал это вовсе не к примеру. Отвечаю: нет, спасибо.

— Я так и думал. Мы, птицы... — Он не договорил, устался в свою кружку и осушил ее одним глотком.

— Кто это «мы»?

— Ну... наше поколение, скажем...

Она кивнула, и ее волосы отразили слабый свет.

— Понимаю, — серьезно сказала она. — Мы неразборчивы, как каккелаки, и не слишком уважаем своих партнеров, но не трогаем птиц другого пола. Ты умный парень, Крис; авалонцы не склонны к самоанализу, но ты-то должен понимать, почему это происходит. Разве тебе не хочется иметь жену, детей?

— Конечно, хочется. Очень.

— Я уверена, почти всем этого хочется. И почти все птицы прошлых поколений завели семьи, поняв наконец самих себя. Но нашу ситуацию не назовешь универсальной. Мы, птицы, действительно отличаемся от других людей тем, что не терпим любопытства к себе. Поэтому статистических данных о нас нет. Да и сама проблема вышла наружу лишь потому, что теперь все валом повалили в чоты. А твой личный опыт, Крис, невелик. Скольких птиц из многих тысяч ты знаешь настолько близко, чтобы иметь доступ в их личную жизнь? Тебе надо поближе изучить своих сородичей — тем более что мы, птицы, хорошо научились разгадывать мимику лица и тела. — Трубка Табиты погасла. Она выбила ее и сказала: — Говорю тебе — твой случай не столь типичен, как ты думаешь, и не столь серьезен. Но мне очень хотелось бы, чтобы разумные во всем прочем люди, уходя в птицы, не тратили жизнь на то, чтобы победить свою природу.

В нем снова проснулся гнев. Кто она такая, чтобы поучать его?

— Погоди-ка...

Табита допила свое пиво и поднялась:

— Я иду к себе в отель.

— Как? — опешил он. Она взъерошила ему волосы.

— Прости. Но боюсь, что если мы сейчас не расстанемся, то здорово поцапаемся. А я слишком хорошо к тебе отношусь. Встретимся в другой раз, если захочешь. А теперь я залезу в постель и закажу в Центральной библиотеке что-нибудь из Гомера.

Ему не удалось ее разубедить. Больше всего, пожалуй, огорчило его, как спокойно она отметала все его уговоры. Наконец,

холодно распроставшись с ней, он поплелся к ближайшему телефону.

Первая женщина, которой он позвонил, была на работе. Рабочий день на оборонных заводах продолжался от семи до пятнадцати с минутами часов плюс сверхурочные. Вторая его знакомая заявила, что муж дома и она его сейчас позовет; Крис извинился, сказав, что неправильно набрал номер. Третья была свободна. Эта толстушка болтала без умолку, а мозгов у нее было как у барьера. Да какая разница?

Проснулся он на заре. Она вспотела во сне, и ее дыхание отдавало алкоголем. Он удивился, почему воздух такой горячий и липкий. Сломался кондиционер? Нет — ведь было объявлено, что если нужно будет включить силовые экраны, то потребуется столько энергии, что Контроль Среды будет вынужден отключить...

Силовые экраны!

Аринниан вскочил с постели. Дождь перестал, хотя небо было пасмурным, но сквозь сплошной покров Аринниан разглядел вспышки. Он пошарил глазами по пыльной, захлавленной комнате и включил головид.

Вытянутое изображение диктора повторяло снова и снова:

— ...объявлена война. Сегодня курьер с Ифри доставил в Грей известие о том, что Терра объявила войну.

Глава 7

— Наша стратегия проста, — говорил адмирал Кахаль. — Я предпочел бы, чтобы она была еще проще: массовое сражение обоих флотов, и победитель получает все.

— Вряд ли ифриане окажут нам такую любезность, — заметил губернатор Саракоглу.

— Да. Начнем с того, что для этого они недостаточно организованы. Централизованные действия не в их характере. Кроме того, они должны сознавать, что открытое сражение неминуемо проиграют — хотя бы потому, что уступают нам числом. Предполагаю, что они предпочтут затаиться — и будут совершать вылазки, уничтожать наши мелкие корабли, охотиться на наши грузовые транспорты. Нельзя идти прямо в Сферу с подобной угрозой в арьергарде. Слишком дорого нам это обойдется. Нас может постигнуть катастрофа, если мы окажемся между внутренними и внешними их силами.

— Следовательно, начнем с захвата их отдаленных баз.

— Основных баз. Нас не должны беспокоить мелкие новые колонии или второстепенные союзники, у которых по несколько

кораблей на планете. — Кахаль показал светящейся указкой на темный экран, где яркими точками горели звезды их сектора. Их были тысячи на этом пространстве в несколько условных парсеков, и мало кто смог бы назвать их по именам. Кахаль смог бы. Он сознавал, что это не так уж важно — для такой информации существуют компьютеры. Но это было одним из проявлений его военного дара.

— Ближайшая к нам — это Лаура, — сказал он. — Дальше идут Гру и Крау, образующие с ней треугольник. Дайте мне их — и я обязуюсь пойти прямо на Кветлан. Тогда им придется собрать все, что у них есть, чтобы защитить свою родную звезду! А поскольку мои тылы и линии снабжения к тому времени будут сравнительно обеспечены, я дам то самое решающее сражение.

— Угу. — Саракоглу потер свой массивный подбородок, скрипя щетиной: он так заработался, что забывал мазаться ингибитором после депиляции. — Значит, первый удар будет по Лауре?

— Разумеется. Но не всей армадой. Мы разделимся натрое. Два соединения медленно начнут продвигаться к Гру и Крау, но нападать на них не станут, пока не будет покорена Лаура. Все три соединения достаточно сильны, но я хочу сначала прощупать ифрийскую тактику — и проверить, не прячут ли они в своих перьях какой-нибудь неприятный сюрприз.

— Они могут, — ответил Саракоглу. — Вы знаете, что разведданные относительно их оставляют желать много лучшего. Шпионаж в нечеловеческих обществах нелегко наладить — а изменники среди ифриан почти не встречаются, по крайней мере такие, которые что-то знают.

— Но почему бы не заслать агентов в то почти целиком человеческое поселение Лауры?

— Заслали, адмирал, заслали. Но в этих мелких замкнутых общинах они смогли узнать только то, что и так широко известно. Вам следует учесть, что люди Авалона больше не думают, не говорят и даже не ходят так, как люди Империи. Подражать им не представляется возможным. А подкупить опять-таки очень мало кого удастся. Более того, авалонское Адмиралтейство создало железную систему обороны. Их второй по старшинству, Холм его фамилия, в свое время, похоже, облетел всю Империю, и официально, и неофициально. И обучался в одной из наших академий. Ему знакомы наши методы.

— А я слышал, что он за последние годы не только во много раз увеличил лаурийский флот, но и хорошо укрепил свою планету. Да, им придется заняться в первую очередь.

Этот разговор происходил несколько недель назад. Теперь настал день (условный день среди нескончаемой звездной ночи), когда терране подошли вплотную к противнику.

Кахаль сидел один среди гудящей тишины своего супердредноута «Валендерей» в окружении экранов и нескольких радиальных километров металла, техники, оружия, брони, энергии, населенных тысячами живых существ. Но в эту минуту он думал только о том, что лежит снаружи. В большой иллюминатор он видел тьму с алмазными роями звезд — и крошечную Лауру, далекую, за целых девятнадцать астрономических единиц от него, но золотую и яркую, очень яркую.

Флот вышел из гиперрежима и шел к ней на гравитяге. Большинство кораблей намного опережало флагман. Встречи с противником следовало ждать с минуты на минуту.

Адмирал скривил правый угол плотно сжатого рта. Кахаль был высокий, тощий, остроносый; туго стянутые волосы и острая борода остались черными, хотя его возраст близился к седьмому десятку. Форма его была настолько проста, насколько допускало его звание.

Адмирал непрерывно курил. Вынув последнюю сигарету из обожженного рта, он растоптал ее, словно червяка. *«Почему так трудны эти последние минуты ожидания? Не потому ли, что я посылаю людей в бой, а сам остаюсь в безопасности?»*

Его взгляд упал на фотографию покойной жены — она стояла среди высоких деревьев перед их домом в Вера Фе. Адмирал хотел было оживить снимок, но передумал и включил плеер.

Зазвучала музыка, которую любили они оба, почти забытая на Terre, но бессмертная в своей торжественной ясности — «Пассакалия» Баха. Адмирал откинулся назад, закрыл глаза и отдался целебным звукам. Долг человека в этой жизни — выбирать наименьшее зло из всех возможных.

Прожужжал сигнал вызова, и адмирал очнулся. На экране появился командир корабля:

— Сэр, Третья передовая эскадра докладывает о начале боевых действий. Подробности неизвестны.

— Хорошо, гражданин Фейнберг. Докладывайте мне немедленно все самое худшее.

Скоро информация пойдет потоком, с которым не справится ни один живой мозг. Ее пропустят через целую сеть людей и компьютеров — останется только надеяться, что дошедшие до него выжимки будут иметь хоть что-то общее с действительностью. Но первые сообщения всегда помогают почувствовать пульс боя.

— Есть, сэр. — Экран погас.

Кахаль выключил музыку.

— Прощай покамест, — прошептал он и встал. В каюте была еще одна вещь, принадлежавшая лично ему, — распятие. Адмирал снял фуражку, опустил на колени и перекрестился.

— Отче, прости нас за то, что мы творим. Смилуйся, Отче, над всеми погибшими. Аминь.

— Получено сообщение, маршал, — сказал ифрианин. — Столкновение с терранами примерно в двенадцати астрономических единицах от нас, в направлении Копий. Обе стороны открыли огонь, но потерь пока как будто нет.

— Благодарю. Продолжайте держать меня в курсе. — Холм выключил интерком. — Много мне толку от твоих сообщений! — простонал он.

Он сделал в уме расчет. Свет, радиоволны, нейтрино проходят астроединицу минут за восемь. Новости уже устарели на полтора часа. Может быть, первая пробная стычка мелких передовых кораблей уже закончилась, и обломки побежденных несутся по бешеным орбитам, а победители жгут топливо так, будто у них в реакторах маленькие солнца, пытаюсь набрать кинетическую скорость для переформирования. А может быть, к передовым подошли более крупные силы с обеих сторон и перебрасываются боевыми ракетами.

Маршал выругался и хлопнул кулаком о ладонь.

— Если бы у нас была гиперсвязь... — Но это нереально. «Мгновенный» импульс, посылающий корабль за предел естественной скорости, может быть использован для передачи сообщения примерно за один световой год — но не настолько глубоко в поле тяжести звезды, где корабль рискует развалиться, перейдя на нерелятивистский режим; это может сойти с рук лишь при абсолютно верной настройке, а кто в ней уверен на войне? И если бы у терран тоже была гиперсвязь, война с ними была бы совсем безнадежным делом — тогда как сейчас оно безнадежно лишь наполовину. *«На кой черт я опять пережевываю эту муру?.. Ферун там — а я здесь!»*

Он вскочил, подошел к окну и уставился на улицу. Сигара у него в зубах дымилась, как вулкан. День был оскорбительно хорош. Осенний бриз нес соленый запах с залива, который сверкал и переливался в блеске Лауры, и запах садов, окружающих дома. Вдали в голубой дымке виднелись холмы северного побережья. Над головой мелькнули крылья. Холм ничего не замечал.

К нему подошла Ровена.

— Ты же знаешь, дорогой, — ты должен был остаться. — Ее грива по-прежнему отливала золотом, и она была такой же тонкой истройной в своем комбинезоне.

— Ну да. В резерве. Тылы, компьютеры, связь. Может, Ферун лучше меня разбирается в космической войне, но это я создал оборонное заграждение вокруг планеты. Мы договорились обо всем несколько месяцев тому назад. Для меня нет никакого бесчестия в том, что я подчинился доводам рассудка. — Он обнял жену. — Но Боже мой, Ро, я не думал, что это будет так тяжело!

Она положила его голову себе на плечо и погладила поседевшие волосы.

Ферун из Туманного Леса хотел свою жену взять с собой. Варр сопровождала его на протяжении всей его карьеры, рожала и растила детей на борту семейных кораблей, сопровождающих каждый ифрийский флот, обучала и возглавляла ракетные службы. Но теперь она заболела, и медики не успели поставить ее на ноги до начала войны. Все стареют, как ни странно. Ему не хватало ее суровой поддержки.

Однако ему некогда было вспоминать об их прощании. На флагман поступали все новые и новые рапорты. Начинала складываться картина боя.

— Смотри, — сказал он. Компьютеры только что внесли изменения в световую схему на экране, где были обозначены солнца, планеты и цветные искорки кораблей. — Бой идет здесь, здесь и здесь. В других местах источники нейтринных потоков еще проверяются.

— Очень скудная информация, — при помощи перьев ответил его адъютант.

— Пока да — уж очень велики расстояния. Однако пробелы мы можем восполнить путем рассуждений, если допустим, что их адмирал знает свое дело. Я почти уверен, что он хочет взять нас в клещи с двух сторон. С юга и севера эклиптической плоскости — вот так. А дальше у него должны быть резервы. Чтобы не растягиваться, рискуя тем самым быть обнаруженными, они должны наступать прямо от Пакса. Я бы лично держал их поближе к эклиптике. Стало быть, когда сомкнутся клещи, их надо ожидать вот отсюда.

На мостике их было только двое, при всей обширности помещения. Ифрианам нужно много места, чтобы расправить крылья. Экраны связи, компьютеры, офицеры и рядовой состав прочно связывали их с кораблем, и более тонкие нити — с тем пространством, что темнело и сверкало снаружи, где

завязался смертельный бой. Лязг и грохот в корабельных отсеках едва доносился до них сквозь глубокий гул двигателей. Теплые струи воздуха, пахнувшего корицей и янтарным зевом, шевелили им перья. Запах крови включают, только если флагман вступит в бой — экипаж быстро вымотается, если применять сильные стимулы.

В планы Феруна не входило так рано вводить в дело свой супердредноут. Мощный флагман — его последняя ставка. Тогда он покажет терранам, что корабль не зря назвали в честь места одной старой битвы на Ифри. Это название значилось на англичке на обоих бортах: «Адова Скала».

На экране возник новый рой искорок. Яркость соответствовала типу корабля, насколько позволял анализ нейтринных потоков. Адъютант вздрогнул, и его гребень встал торчком.

— Еще вражеские корабли — так много и так скоро? Похоже, дядя, наше дело плохо.

— Мы это предвидели. Пусть эта игрушка тебя не гипнотизирует. Я бывал и в худших переделках. Наполовину состою из пересаженной ткани и боевых ран. Однако еще держусь в воздухе.

— Прости, дядя, но почти все твои сражения были полицейскими акциями в пределах Сферы. А теперь мы имеем дело с Империей.

— Я все это сознаю. Кроме того, я прошел высший курс военного дела, и теоретический и практический, — мимически выразил Ферун и добавил вслух: — Компьютеры, роботы, машины — это только половина воинского искусства. Есть еще живые мозги и сердца.

Царапая ногтями по полу, он подошел к иллюминатору и выглянул в него. Его наметанный глаз заметил среди звезд огонек корабля. Остальной его флот был невидим в пространстве, по которому раскинулся.

— Бой возобновляется, — произнес голос из интеркома.

Ферун неподвижно ждал продолжения. Ему вспомнились слова из одной старой земной книги — он любил их читать: «Страх царя подобен рыку льва: кто пробуждает в нем гнев, грешит против собственной души».

Часы складывались в дни, и оба флота в бескрайнем пространстве космоса нащупывали врага, чтобы вцепиться ему в горло.

Заметьте себе: при линейном ускорении, равном земной силе тяжести, корабль из «спокойного старта» может покрыть

одну астрономическую единицу — около 149 миллионов километров — часов за пятьдесят. В конце этого периода он приобретает скорость 1060 километров в секунду. Еще один такой период — и он увеличит скорость вдвое и покроет расстояние в четыре раза большее. Какое бы количество энергии ни вырабатывали термоядерные двигатели, какая бы маневренность ни достигалась с помощью гравитяги, действующей наперекор той сети зависимостей, которую мы называем космосом, — столь крупные величины не так легко изменить.

А тут еще огромнейшие расстояния — даже между планетами. Объем сферы радиусом в одну астроединицу вмещает тринадцать миллионов планет вроде Земли; увеличение радиуса в десять раз означает, что объем увеличится в тысячу. Самые чувствительные приборы нескоро исследуют такие глубины и ничего не покажут точно, если только искомым объект не где-то по соседству, и не скажут, где этот объект в данный момент, если сигналы не превышают скорости света. Пока растет удручающе неполный запас информации, меняются не только параметры боя, меняются уравнения. Обнаруживается, что вы потеряли целые часы, двигаясь совсем не в ту сторону, и потеряете еще целые часы или дни, стараясь поправить дело.

И вдруг почти рядом с вами оказывается противник, идущий со скоростью, почти равной вашей, и завязывается бой, который может кончиться через несколько секунд.

— Номер седьмой — пуск! — предупредил робот-диспетчер и вышвырнул «Звездного Филина» навстречу врагу.

Двигатели включились, и их гул отозвался глубоко в теле Филиппа Рошфора, пристегнутого к пилотскому креслу. Над приборной доской и за каждым его плечом иллюминаторы сияли солнцами. Лаура, затемненная, чтобы не слепила глаза, выделялась маленьким диском между двух перламутровых крыльев зодиакального света.

Просигналил и зажегся радар, показав стрелку на пустом экране. У Рошфора екнуло сердце. Он невольно глянул в ту сторону и увидел цилиндрический предмет, приближающийся к огромному боку «Ансы».

Во время запуска антигравитационный экран на соответствующем участке корабля-носителя отключается. Торпеду отразить нечем. Если она поразит цель... Несколько килотонн в вакууме действуют не столь разрушительно, как в воздухе или в воде; и корабль-носитель бронирован и герметизирован против взрыва и теплового удара, а также хорошо экранирован от жесткой радиации. Однако он все же будет тяжело ранен — возможно, изувечен, а людей разорвет на куски, изжарит заживо среди воплей, молящих о смерти.

Блеснул энергетический луч. За этим последовала ослепительная вспышка. Датчики передали информацию соответствующему компьютеру. Через секунду после взрыва прозвучал мелодичный сигнал: «Цель поражена». Один из лазеров Ва Чау разделался с торпедой.

— Отлично! — крикнул Рошфор в интерком. — Молодец, стрелок! — И настроил свои детекторы на поиск судна, которое должно быть где-то поблизости, раз выпустило эту торпеду.

Цель обнаружена. Захват. «Звездный Филин» ринулся вперед. «Анса» таяла среди созвездий.

— Дай мне примерное время выхода на цель, Абдулла, — сказал Рошфор.

— Он, кажется, нас заметил, — с каменным спокойствием ответил Гелу. — Все теперь зависит от того, попытается он уйти или будет приближаться... Угу, так и есть — драпанет. — «Если честно, я на его месте сделал бы то же самое, раз крейсер выплевывает катера, — подумал Рошфор. — Шкипер и так проявил храбрость, подойдя столь близко». — Можем перехватить его минут через десять, если допустить, что он идет на предельном ускорении. Но не думаю, что кто-то еще сумеет нам помочь, а если будем ждать помощи, он уйдет.

— Ждать не будем, — решил Рошфор. Он передал по лазеру о своих намерениях командованию эскадрой на борту крейсера и получил добро. Ему хотелось бы при этом, чтобы пот не прошибал его так обильно. Однако он не боялся: пульс бился сильно, но ровно, и он никогда еще не видел звезд с такой ясностью и точностью. Хорошо, что он обладает врожденным мужеством, которое еще развилось после психотренинга в Академии.

— Если одержите победу, — сказал командир, — идите в сектор... (последовала цепочка цифр, и компьютер записал ее) и действуйте по своему усмотрению. По нашим данным, там находится легкий боевой корабль. Мы с «Ганимедом» постараемся подавить его оборону. Удачи.

Голос умолк. Катер понесся, быстрее с каждой секундой, пока баллистические приборы не подали сигнал к торможению. Рошфор отдал соответствующий приказ. Ни с того ни с сего ему вдруг вспомнилась слышанная когда-то лекция: «Решения должны принимать люди: пилоты, стрелки, все члены экипажа. А машины исполняют эти решения — прокладывают курс, ведут по нему корабль, заряжают, стреляют, делая это быстрее и точнее, чем дано нервам и мускулам. Есть машины, которые также способны принимать решения: это компьютеры

сознательного уровня. В прошлом такие применялись. Но хотя их логические способности намного превышают ваши или мои, им всегда не хватает чего-то — интуиции, предвидения, как ни назови. Кроме того, они слишком дороги, чтобы широко использоваться в военных целях. Вы же, господа, представляете собой многоцелевые компьютеры, да еще заинтересованные в том, чтобы выжить в бою. Компьютеры этого вида широко доступны и, если не считать затрат на программирование, производятся за девять месяцев без применения квалифицированного труда». Рошфор, бывало, говорил младшим соуэеникам, что, если они в этом месте не засмеются, им снизят три балла.

— Выходим на цель, — сказал Гелу.

Вспыхнули силовые лучи. Плавающие фотоны, отмечающие их путь, были самой ничтожной частью заключенной в них энергии.

Вражеский луч лизнул «Звездного Филина». Автоматы отвели катер в сторону, не успел лазер прожечь его тонкую броню. Взвыли боковые двигатели. Внутреннее поле тяжести не сумело полностью компенсировать внезапную высокую перегрузку. Ремни, пристегивающие Рошфора к креслу, напряглись и закрипели, и тело отяжелело.

Потом все прошло. Вернулась нормальная сила тяжести. Они уцелели. Не придется, пожалуй, даже латать корпус: если в них и попали, отверстие так мало, что заварится само. Вот он, враг — его видно невооруженным глазом!

Руками и командой Рошфор направил свой катер прямо на его акулообразный корпус. Он рос с чудовищной быстротой. Из него ударили два луча. Рошфор твердо держал вектор. Он надеялся, что это поможет Ва Чау найти источники и подавить их, пока они не причинили серьезного вреда. Вспышка! Еще вспышка! Лучи померкли.

— Отлично! Торпеды готовы!

Ифрийский корабль приближался, и уже виден был знак у него на борту — колесо с цветочными лепестками вместо спиц. Точно — они рисуют картинки на своих катерах, так же как мы даем своим имена. Интересно, что это означает? Ему говорили, что некоторые ифрийские катера стреляют ядрами. Но это не слишком опасно, если относительная скорость составляет десятые доли километра в секунду.

Ифрианин пустил торпеду. Ва Чау сбил ее точным попаданием. Торпеда «Звездного Филина» попала в цель.

Взрыв произошел так близко, что огненные газы закрыли терранам видимость. В борт ударил осколок, и «Филин» загу-

дел. Потом прошел мимо и очутился один в пустом космосе. Враг превратился в облако, которое быстро таяло — осколки металла, а возможно, и костей вскоре остынут, станут метеоритами; они уходили за корму и через несколько минут исчезли из виду.

— Извините за выражение — йеху-у! — нетвердо сказал Рошфор.

— Ближе рвануло, — заметил Гелу. — Надо будет пройти антирадную обработку, как вернемся.

— Угу. Но мы еще не закончили. — Рошфор отдал распоряжение о смене вектора. — Веселей, ребята — вы показали себя молодцом.

Они еще не добрались до места, когда радостный голос по радио и еще одна короткая вспышка сказали им о том, что осиный рой катеров и торпед доконал вражеский крейсер.

Глава 8

Медленно сближались и соприкасались участки космоса, где шла война. Корабли не вытягивались в линию. Строй невозможно было бы удержать — кроме того, любое жесткое формирование навлекло бы на себя ядерный огонь. Лишь эскадры катеров могли какое-то время следовать свободным эшелонам. Если два крупных корабля сходились на сотню километров, это считалось близким расстоянием. Однако запоздывание информации стремилось к нулю, надежность обнаружения повышалась, и все чаще завязывались смертельные схватки.

Появилась возможность довольно точно определять, что и где противник вводит в игру, а стало быть, обдумывать действия флота и руководить им.

В докладе Кахаля Саракоглу, записанном на пленку, говорилось: «Если все ифрийские системы столь же сильны, как Лаура, нам потребуется весь имперский флот для их подавления. Здесь у них имеется, или имелось, около половины от числа моих кораблей — то есть шестая часть сил, которые мы сочли достаточными для занятия всей Сферы. Это, конечно, не значит, что их силы распределены пропорционально. Им, по нашим меркам, не хватает тяжелых судов. Зато истребителей, а также корветов и торпедоносцев на удивление много. Я очень рад, что ни одно другое вражеское солнце, за исключением самого Кветлана, не может даже отдаленно сравниться с Лаурой!

Однако наши успехи удовлетворительны. Говоря попросту — подробный технический отчет прилагается, — половина того, что у них осталось, отступает к Авалону. Мы намерены последовать за ними, уничтожить их и таким образом овладеть планетой.

Остальной их флот понемногу уходит в космос. Несомненно, они замышляют укрыться среди необитаемых планет, лун и астероидов системы, где у них могут быть базы, и продолжать войну методом налета. Это будет скорее досаждать нам, нежели представлять угрозу, и когда мы оккупируем их планету, правительство их отзовет. Крупные суда, способные двигаться в гиперрежиме, могут уйти на соединение с другими силами Сферы — но это опять-таки не настолько уж серьезно.

Нельзя сказать, что я недооцениваю противника. Они сражаются умело и упорно. Должно быть, они намерены задействовать оборонный пояс своей родной планеты вкупе с отходящими к ней кораблями. Дай Бог — скорее ради них, чем ради нас, а особенно ради безвинных женщин и детей обеих рас планеты, — дай Бог, чтобы у их лидеров хватило ума капитулировать, пока мы не причинили им слишком большого вреда».

В небе сияла половинка Авалона, сапфировая с серебром, такая маленькая и родная среди звезд. Из ее тени выходила Моргана. Ферун вспомнил, как ночами летал под нею с Варр, и прошептал: «Луна восторга моего, ущерба ты не знаешь...»

— Чего? — переспросил Дэниел Холм с экрана.

— Так — задумался, — вздохнул Ферун. — Времени у нас в обрез. Они идут. Я хочу удостовериться, что ты не возражаешь в целом против плана сражения.

Лазерному лучу требовалось несколько секунд, чтобы дойти от флагмана до штаба. Ферун вернулся к своим воспоминаниям.

— Еще как возражаю! — буркнул Холм. — Я тебе уже говорил. Ты привел «Адову Скалу» слишком близко. Первоклассная мишень.

— А я тебе говорю — мы больше не нуждаемся в ней как во флагмане. — *«Хотел бы я, чтобы было иначе, но мы понесли слишком жестокие потери»*. — Зато нам пригодится ее огневая мощь — ну, и потом она действительно послужит приманкой. Вот почему я никогда по-настоящему не собирался уводить ее на Кветлан. Там она — лишний корабль. А здесь — ключ нашей обороны. Если нам повезет, она уцелеет. Я знаю, наш план не гарантирует успеха, но это — лучшее, что могли придумать

мои люди, компьютеры и я сам за этот срок; а ты знал заранее, что срок будет коротким. Менять что-то сейчас — значит навлечь на себя беду.

Настало молчание. Корабль шел вперед, и Моргана отходила от Авалона.

— Что ж... — обмяк Холм. Он похудел, и скулы у него торчали, как верхушки скал. — Ты прав, пожалуй.

— Дядя, сообщают о начале боевых действий, — сказал адъютант Феруна.

— Уже? — Первый маршал Авалона посмотрел на экран. — Слышишь, Дэниел Холм? Попутного тебе ветра. — И он выключил связь, прежде чем человек успел ответить. — Ну а теперь, — сказал он адъютанту, — мне нужен новый расчет оптимальной орбиты для этого корабля. Просчитай ходы терран... лучшие с их точки зрения, в свете имеющихся у нас данных... и соответственно продумай наши.

В космосе сверкали взрывы. Далеко не каждый из них означал попадание в цель, но огонь все учащался.

«Три Звезды» отошли от своего крейсера. Детекторы катера сразу же засекли движущийся объект. Через несколько секунд поступил результат анализа: терранский «метеор», возможен перехват, сопровождения не наблюдается.

— Добыча! — пропел Водан. — Через пять минут выйдем на выстрел.

По катеру прокатилось «ура». Две с лишним недели маневрирования в тесной металлической скорлупе, не считая тех редких, кратких часов, когда флотилия вступала в бой, были тяжким испытанием.

Их новый вектор указывал прямо на Авалон. Планета росла в небе — Водан летел к Эйат. В победе он не сомневался. «Три Звезды» оснащены на совесть. Размером он превышал соответствующий по классу имперский катер — ифрианам требуется больше места; поэтому ускорение противника было чуть выше. Зато у ифриан была сильнее огневая мощь.

Водан убрал ноги с насеста и повис на ремнях, расправив крылья. Он медленно взмахивал ими, накачивая богатую кислородом кровь в свое сильное, быстрое тело. Каждая клетка в нем трепетала и пела. С кормы доносился шорох — все четыре члена его экипажа следовали его примеру. Вокруг сверкали звезды.

Все внимание Дэниела Холма сосредоточилось на трех макетах в его кабинете. Карта Авалона показывала расположение

планетарных установок. Почти все они были замаскированы и, как надеялся Холм — он молился бы об этом, будь он верующим, — оставались неизвестными врагу. Вокруг голографического глобуса двигалось по многочисленным орбитам множество точек. Многие станции были смонтированы всего несколько дней назад на подземных заводах-автоматах — тоже секретных, как полагалось — и тогда же запущены в космос. Третий экран, наконец, показывал то, что было известно о перемещении кораблей.

Холму очень хотелось закурить, но во рту уже горчило от дыма. Эх, выпить бы сейчас! Да нет, не выйдет. Он позволял себе только те наркотики, которые помогали ему держаться на ногах не слишком дорогой ценой.

Он смотрел на экран с картиной космического боя. *«Да. Они явно намереваются захватить наш флагман. Идут к нему со всех сторон».*

Маршал подошел к окну. Снаружи было еще темно, но первые проблески дня уже обрисовывали дома и зажигали залив. Небо над головой отливало пурпуром, и звезды виднелись расплывчато сквозь негазкраны. Настройка экранов постоянно менялась, чтобы обеспечивать защиту и в то же время пропускать воздух. От этого в атмосфере возникали легкие завихрения, холодные и чуть влажные. Но пейзаж оставался безмятежным. Бури бушевали в космосе и в сердцах обитателей планеты.

Холм был одинок — так одинок, как никогда в жизни, хотя в любой момент мог разбудить скрытые силы своего мира. Да, это мог сделать только он; компьютеры лишь советовали. Так, должно быть, чувствует себя пехотинец перед атакой.

— Есть! — крикнул Рошфор.

Он увидел пятнышко света в поставленном на предельное увеличение иллюминаторе. Оно постепенно росло, превращаясь в иголку, в веретено, в игрушечный кораблик — и наконец, в поджарого остроносого охотника с тремя золотыми звездами на борту.

Их векторы почти совпадали. Катера приближались один к другому медленнее, чем к планете. «Странно, — думал Рошфор, — что “Анса” подошла так близко, не встретив никакого сопротивления. Может, они обороняются так, для видимости? Очень не хотелось бы для видимости убивать кого-то». Авалон был прекрасен. Левая сторона его большого диска светилась лазурным, бирюзовым, индиговым, играла тысячью оттенков синего под чистым покровом облаков, с зелеными, коричневыми

и бурными проблесками суши. На правой стороне царила тьма, лишь луна озаряла таинственным светом облака и океаны.

Ва Чау сделал пробный выстрел. Результата не последовало — расстояние было слишком велико. Но скоро оно сократится. Теперь Рошфор уже без всякого увеличения видел вражеский катер — пока только как огонек. Но он двигался на фоне звезд, твердо идя своим курсом в отличие от небесных огней.

Космос пылал пожаром на тысячу километров вокруг гигантской «Адовой Скалы». Она не пыталась уйти — да ей это и не удалось бы, учитывая ее массу. Она кружила по орбите вокруг своего мира. Вражеские корабли атаковали ее, обстреливали, уходили и вновь разворачивались для броска. Их было много — она одна, хотя и окруженная роем «метеоров» и «комет». Ее огневая мощь, однако, устрашала — так же как мощь ее приборов и компьютеров. Она до сих пор оставалась неповрежденной. Когда нужно было отключить часть силового экрана, чтобы выпустить снаряд, лазеры охраняли образовавшуюся брешь.

В ее корпус били лучи — но ни один не удерживался на месте достаточно долго, чтобы расплавить тяжелую броню. Бомбы, испускающие смертоносную радиацию, взрывались за пределами ее защиты. Гамма-кванты и нейтроны слой за слоем откладывались на внутренних экранах. Но последние из них, проникавшие все же в отсеки, где находились живые существа, были так немногочисленны, что обычные медикаменты сводили их действие на нет.

«Адова Скала», построенная в космосе, никогда не коснется поверхности планеты. Сама по себе маленькая планета, она сбивала корабль за кораблем, если они осмеливались подойти слишком близко.

Сверхновая Кахаля была сильнее. Но он не собирался рисковать «Валендереем». Его мощная броня и вооружение предназначались для того, чтобы защищать командование флота. Узнав о сражении, адмирал посмотрел на свой экран.

— Мы теряем мелкие суда. Она съедает их, — произнес он почти про себя. — И мне очень не хочется посылать туда корабли покрупнее. Вражеская оборона, оказывается, гораздо сильнее, чем мы ожидали, скоро мы почувствуем это на себе. Однако пока скорости и маневренность не привели нас к успеху. Нужен чисто силовой перевес, чтобы одолеть это чудовище; а пока мы не одолеем его, мы бессильны что-либо

сделать с планетой. Итак... — потянул он себя за бородку, — «Персей», «Малая Медведица», «Регул», «Юпитер» и их катера должны с ней справиться... достаточно быстро и достаточно далеко от планеты, чтобы отразить и то, что пустят оттуда.

Тактические компьютеры одобрили и разработали его решение. Адмирал отдал приказ.

Водан увидел прошедшую мимо торпеду.

— Хорошо! — крикнул он. Если бы сила его торможения была на несколько мегадин меньше, эта ракета могла бы попасть в него. Торпеда притормозила и развернулась, вновь наводясь на цель, но стрелок Водана сбил ее.

Терранский катер шел ниже и левее. Приборы Водана показывали, что он использует больше боковую тягу, чем продольную. Пилот, должно быть, планирует пересечь ифрианину дорогу всего за несколько километров от его носа, выпустить завесу, затемняющую радар, и попробовать поразить противника лазерными лучами, прежде чем тот приблизится на дальность выстрела. Поскольку ифриане, в отличие от терран, не сражаются в скафандрах — как можно сохранить здравый рассудок после нескольких часов в этой тесной оболочке? — дыра в корпусе убьет их всех.

«Ишь ты, сын зирраука», — весело подумал Водан. Это было почти то же самое, что вновь парить в воздухе, несмотря на медленность и неуклюжесть космического сражения. За время их поединка Авалон вырос так, что занимал весь носовой иллюминатор. Пожалуй, они ближе к атмосфере, чем это благо-разумно при их скорости. Пора кончать.

И Водан понял, как это сделать.

Он продолжал постепенно замедлять ход, будто намереваясь отклониться от курса. Терранин скорее всего подумает: «Он раскусил мой план. Как только я ослеплю его радар, он уйдет в сторону. Но мы идем не в гиперрежиме. Со скоростью лучей ему не сравниться. И они накроют весь конус его возможных перемещений».

Однако для этого орудийной башне нужен постоянный вектор. Иначе в уравнинии появится слишком много неизвестных, и мишень получит отличный шанс уйти. Какую-то долю минуты, если Водан угадал правильно, «метеору» будет помогать его превосходящая мобильность. А у Водана — превосходящее оружие.

Терранин ожидает торпеды, которую легко сбить. Но он не представляет себе, какой пучок энергии может сосредоточить на нем его противник, если включит все свои лазеры на предельную мощь. Водан произвел вычисления, и стрелки приготовились.

«Метеор» повернул наперерез, крошечный на фоне сияющего Авалона, и вдруг испустил облако мерцающего тумана. Оно мгновенно разошлось, превратившись в завесу. И скрыло оба корабля.

Металлическая пыль рассеялась, вновь открыв огромный, спокойный Авалон. Водан прекратил огонь — лазеры могли перегореть. «Метеор» не отвечал. Водан включил увеличение и увидел дыру у него в корме, около двигателей. Из дыры вырывался воздух, и вода застывала призрачно-белой пылью, прежде чем исчезнуть в беспредельности. Ускорение прекратилось.

Радость переполнила Водана.

— Попали! — крикнул он.

— Как бы он не выпустил все торпеды разом, — предостерег механик.

— Нет. Посмотри отсюда, если хочешь. Поражен его энергоблок. У него осталось только то, что есть в конденсаторе. Если он сможет использовать свой запас на полную мощь, в чем я сомневаюсь, все равно не сумеет придать снаряду нужную начальную скорость.

— К-х-нг. Прикончим его?

— Поглядим — может, они сдадутся. Стандартный диапазон... Вызываю имперский «метеор». Вызываю имперский «метеор».

«Еще один трофей для тебя, Эйат!»

«Адова Скала» содрогалась и звенела. Внутри стоял гул. Пахло дымом, слышались крики, звучали команды, топали ноги, хлопали крылья. Взрывались переборки, обнажая отсек за отсеком. Опускались герметические экраны, отделяя искореженный металл и разорванные тела от живых.

«Скала» сражалась. Ее еще долго смогут удерживать уцелевшие автоматы, прикрывая отход оставшегося экипажа.

Последним уходил Ферун со своими помощниками и несколькими рядовыми из Туманного Леса, которым было даровано право оставаться рядом со своим виваном. Они пробирались по дрожащим, стонущим коридорам. По сторонам темнели отсеки, где флюоропанели вместе с обшивкой были содраны с могучего скелета.

— Долго ли еще до того, как ее разнесут на куски? — спросил кто-то позади Феруна.

— Какой-нибудь час, — прикинул он. — Ее строили на совесть. Авалон ударит раньше, это точно.

— Когда именно?

— Это решит Дэниел Холм.

Они набились в шлюпку. Ферун сел за руль. Внутреннее поле подняло катер; клапаны медленно отошли вбок; шлюпка вышла в звездную ночь и понеслась к дому.

Ферун оглянулся на изодранный, покореженный, изрешеченный флагман. Расплавленный металл местами застыл безобразными наростами, местами еще светился. Если бы обстрел сосредоточился на участках с пораженной защитой, пара мегатонных ракет могла бы превратить судно в газ и пепел. Но вероятность точного попадания на средней дальности была слишком мала, чтобы противник стал рисковать суперснарядами, которые «Скала» еще могла сбить. Лучше держаться подальше и плавить ее мелкими взрывами.

— Лети с ветром, — прошептал Ферун. В этот миг он забыл свои новоприобретенные чужие взгляды и весь принадлежал Иффри, Туманному Лесу, Варр, предкам и детям.

Авалон ударил. Шлюпка закачалась. Затмились иллюминаторы под невыносимым натиском света. В самой шлюпке освещение вышло из строя. Иффриане прижались друг к другу в реве, жаре и тьме.

Потом все прошло. Шлюпка почти не пострадала. Сработали аварийные системы, включился свет и наружная видимость. Сзади чернела «Скала» на фоне медленно гаснущего пожара, занявшего полнеба.

— Сколько же это мегатонн? — выдохнул кто-то из рядовых.

— Не знаю, — сказал Ферун. — Думаю, достаточно, чтобы искрошить тех терран, которых мы втянули в бой.

— Чудо, что мы сами уцелели, — сказал его адъютант. Все перья на нем стояли дыбом и тряслись.

— Газы рассеялись на многие километры, — пояснил Ферун. — Правда, у нас тут нет генератора защитного поля. Но к тому времени когда фронт достиг нас, даже скорость, эквивалентная нескольким миллионам градусов, не могла намного поднять нашу температуру.

Настала тишина. Вдали еще сверкали разрывы и шарили лучевые мечи. Глаза смотрели в глаза. Здесь все достаточно разбирались в технике. Ферун произнес это за них:

— Ионизирующая радиация, первичная и вторичная. Не могу сказать, какую дозу мы получили. Все счетчики зашкалило. Но до дому, во всяком случае, долетим.

Он сосредоточился на управлении. Его ждала Варр.

Рошфор ощупью пробирался по «Звездному Филину». Генератор внутреннего поля тяжести полетел, и наступила невесомость. За стенками скафандра больше не было воздуха. Тишина давила Рошфора, и он слышал биение своего сердца так же ясно, как чувствовал. Пот выступил на лбу, на носу, на щеках, смотровое стекло запотело, и свет казался мглистым. Он шел откуда-то из вакуума, плотный и яркий.

— Стрелок! — прохрипел Рошфор в микрофон. — Стрелок, ты здесь?

— Боюсь, что нет, — раздался в наушниках голос Гелу, говорившего из машинного отсека.

Маленькое тельце плавало рядом с полуоторванной панелью. Луч пронзил насквозь и скафандр, и тело, спалив его так, что лишь несколько сгустков крови летало вокруг.

— Готов наш Ва Чау, да? — спросил Гелу.

— Да. — Рошфор прижал цинтианина к груди, с трудом сдерживая слезы.

— От прицельного пульта что-нибудь осталось?

— Нет.

— Я, пожалуй, сумею подключить конденсатор к двигателям. От планеты нам на этом не оторваться, но авось сможем сесть, не испарившись по дороге. От пилота потребуется много выдумки. Возвращайся-ка лучше на свой пост, шкипер.

Рошфор открыл шлем убитого, чтобы закрыть выкатившиеся глаза, но веки не хотели опускаться. Он привязал тело куском оборванного провода и вернулся к своему креслу.

Рация мигала — кто-то вызывал их. Рошфор машинально, поглощенный горем, подключил клемму к скафандру и нажал кнопку приема.

Гортанный и в то же время звенящий голос говорил на английском с акцентом:

— ...имперский «метеор». Вы живы? Говорит авалонский корабль. Отзовитесь, или будем стрелять.

— Слыш... слыш... — Сдержав всхлипывания, Рошфор ответил: — Да, говорит капитан.

— Мы примем вас на борт, если хотите.

Рошфор вцепился в спинку кресла, ноги уносило на корму. В ушах гудело и трещало.

— Ифри соблюдает военную конвенцию, — продолжал чужой голос. — Вас допросят, но не причинят вреда. Если откажетесь, будем вынуждены из предосторожности уничтожить вас.

— Кх-х-х... м-м-м...

— Отвечайте! Мы и так уже чересчур близко от Авалона. Опасность попасть под перекрестный огонь возрастает с каждой минутой.

— Да, — услышал Рошфор собственный голос. — Конечно. Мы сдаемся.

— Хорошо. Вы, как я вижу, не запускаете двигатель. И не надо. Мы идем на сближение. Связывайтесь и прыгайте в космос. Мы подцепим вас транспортным лучом и подберем очень скоро. Как поняли? Повторите.

Рошфор повторил.

— Вы хорошо сражались, — сказал ифрианин. — Проявили истинное мужество. Почту за честь принять вас на борт. — И умолк.

Рошфор кликнул Гелу. Они обязались проводом вокруг пояса, вылезли в шлюз и приготовились выйти. В нескольких километрах виднелся корабль с тремя звездами на борту, летящий к ним, как орел.

В небесах вспыхнул огонь.

Когда погасла рваная красная вспышка, Гелу пробубнил:

— Аллах акбар, аллах акбар... Они исчезли. Что это было?

— Прямое попадание, — сказал Рошфор. Шок нарушил его немоту, он ощутил, как пробуждаются в нем силы, и в мозгу вспыхнул свет — такой же, как только что осенивший их, но холодный. — Они знали, что мы беспомощны и у нас поблизости нет друзей. Но они, несмотря на то что сказал капитан, забыли, как видно, о своих собственных друзьях. Это пошло в ход оружие на планете. Должно быть, в этих снарядах полно самонаводящихся торпед. Наши моторы молчали, а его — нет. Торпеда нашла его по излучению.

— Разве в них нет схем опознавания?

— Очевидно, нет. Чтобы действовать в таком масштабе, авалонцы жертвуют качеством ради количества и полагаются на свое знание расположения кораблей. Они не могли ожидать, что какой-то подойдет так близко. Бой идет гораздо дальше. Думаю, эту торпеду пустили как раз туда, в какое-нибудь имперское соединение, и она случайно прошла мимо нас.

— Угу. — Они висели между светом и мраком, тяжело дыша. — Некому нас теперь подвезти.

— Значит, надо браться за дело. Пошли.

Рошфора, несмотря на новообретенное спокойствие, потрясла мощь авалонского отпора.

Глава 9

Когда катер замер и прекратились грохот и тряска, оставив только невыносимый жар и запах гари, Рошфор лишился сознания.

Он выплыл из небытия через пару минут. Над ним стоял Гелу.

— Ты в порядке, шкипер? — голос механика, казалось, шел откуда-то издалека, а его потное, закопченное лицо расплывалось перед глазами.

— Нормально, — пробормотал Рошфор. — Дай-ка мне... еще стимулятку...

Гелу дал таблетку со стаканом воды, благостно омывшей деревянный язык и пересохшее небо.

— Рука Фатимы, ну и посадочка! — с трудом выговорил механик. — Я уж думал, нам конец. Как это ты ухитрился?

— Не помню.

Таблетка подействовала, вернув капитану ясность мысли и ощущений и придав ему немного энергии. Теперь он мог вспомнить, что делал в эти последние безумные минуты. Тех эргов, что сохранились в конденсаторах, не хватало на то, чтобы полностью погасить скорость катера относительно поверхности планеты... Рошфор использовал их для управления, для защиты от атмосферного трения, способного воспламенить корабль. «Филин» проскочил полпланеты по тропопаузе*, как скачет камушек по поверхности воды, и понесся вниз по длинной линии, в конце которой они, по всему, должны были утонуть — дыра в корме не поддавалась починке, а герметичный машинный отсек своей тяжестью потянул бы их на дно, — однако он, Филипп Рошфор, помнит, углядел в море цепь островов и рухнул на один из них...

Некоторое время он дивился тому, что жив. Потом отстегнулся, и они с Гелу возблагодарили Бога, каждый по-своему, помолившись заодно о душе Ва Чау. К этому времени корпус остыл настолько, что они отважились выйти в шлюз. Внешний его клапан оторвало, и катер ушел глубоко в землю.

— Хороший воздух, — сказал Гелу.

Рошфор с благоговением сделал первый вдох. Не только оттого, что в кабине было жарко и воняло — ни одна очистная система космического корабля не сравнится с живым миром. Воздух, льющийся ему навстречу, благоухал озоном, йодом, зеленью, цветами; он был мягкий, но свежий от бриза.

* Переходный слой атмосферы от тропосферы к стратосфере.

— Похоже, тут стандартное терранское давление, — сказал Гелу. — Как может планета подобного типа удерживать столько газа?

— Ты ведь и раньше бывал на таких.

— Конечно, но никогда особо не интересовался. А теперь, когда мне вернули Вселенную, охота стало узнать, как она устроена.

— Магнетизм помогает, — рассеянно объяснил Рошфор. — Ядро тут маленькое, зато вращение быстрое, поэтому гауссов* немало. Кроме того, полю приходится удерживать меньше заряженных частиц, поэтому последние отщепляют меньше газовых молекул. Доля ультрафиолетовых и рентгеновских лучей тоже меньше. Солнце здесь ближе — и дает освещение на десять процентов выше, чем терранское — но оно холоднее, чем наш Сол. Частота распределения энергии здесь ниже, а звездный ветер слаб.

Рошфор осваивался с новой силой тяжести. Теперь его вес равнялся четырем пятым его веса на корабле, в поле стандартной терранской силы тяжести. Потеря шестнадцати кило сначала чувствуется — тело переполняют легкость и радость, которые ни потеря друга, ни вероятность плена не в силах погасить, — а потом начинаешь воспринимать это как должное.

Рошфор выглянул и осмотрелся. В уцелевшие иллюминаторы он уже видел, что эта местность необитаема. Внутренняя часть острова была холмистой, и склон вел к берегу, где разбивался белый прибой, слышный почти за километр. Дальше до самого горизонта простиралось море цвета сиенита — горизонт, несмотря на малый радиус Авалона, не казался ближе, чем на Земле или на Эсперансе. Небо было синее и ярче, чем то, к которому привык Рошфор. Солнце стояло низко и опускалось вдвое быстрее, чем на Терре. Золотой диск казался больше, чем терранское Солнце. Выходил бледный спутник, по угловому диаметру равный четверти терранской Луны. Рошфор знал, что он и в самом деле меньше Луны, но прилив вызывает в два раза выше.

В небе порой мелькали искры — отражение чудовищных взрывов в космосе. Рошфор предпочитал не думать о них. Для него война, по всему видно, кончена. Хоть бы она поскорей кончилась и для всех остальных, чтобы не гибли больше живые существа.

Он стал присматриваться к окружающей его природе. Его катер пропахал и обжег плотный покров низкой бериллово-зеленой поросли, покрывавшей весь остров.

* Гаусс — единица измерения силы магнитного поля. (Примеч. ред.)

— Вот почему, наверно, на планете нет естественных лесов, — произнес он, — да и животная жизнь на низкой стадии развития.

— Период динозавров? — спросил Гелу, провожая взглядом стаю неуклюжих крылатых существ. У них было по четыре ноги — а у прочих позвоночных на планете в основном по шесть.

— В общем, рептилоидов, у которых развивается нечто вроде шерсти или эффективно работающего сердца. Однако им не устоять против млекопитающих и крылатых форм. Поселенцам пришлось немало потрудиться, чтобы основать свою смешанную колонию, и множество земель у них пустоует, включая весь экваториальный континент.

— А ты и правда много знаешь о планете.

— Мне все это было интересно. Ну и... не хотелось, чтобы авалонцы были для меня только мишенями. Мне казалось, что я обязан хоть что-то знать о народе, с которым собираюсь воевать.

Гелу смотрел в глубь острова. Там все-таки росли редкие кусты и деревья. У последних стволы были или низкие и толстые, или тонкие и гибкие, чтобы выдерживать сильные ветра, вызываемые быстрым вращением планеты. Несмотря на осень, многие цветы еще цвели — очень яркие, алые, желтые и пурпурные. На некоторых растениях виднелись гроздья плодов.

— Местная растительность для нас съедобна? — спросил Гелу.

— Да, конечно. Они никогда не добились бы таких успехов в колонизации, если бы не пользовались местными ресурсами. Кое-каких веществ здесь не хватает — витаминов и прочего, завезенных сюда домашних животных по этой причине пришлось генетически подправлять. Мы заболели бы, если бы питались чисто авалонской пищей. Однако это случилось бы нескоро, и я читал, что на вкус здесь почти все приятно. К несчастью, хватает и ядовитых растений, и я не знаю, как их отличать.

— Хм. — Гелу нахмурился и потянул себя за ус. — Надо бы связаться с кем-нибудь, чтобы нас подобрали.

— Не спеши. Сначала надо разузнать побольше. Наших запасов хватит на несколько недель. Может, нам удастся... — он осекся. — А пока что нам надо исполнить один долг.

Им пришлось начинать с розысков в железном хаосе кирки и лопаты; травянистый покров был плотным, а под ним — упорная глина. Закат уже отгорел, когда они похоронили Ва Чау.

Полная луна дала бы им достаточно света: благодаря высокому альбедо, угловому размеру и освещенности она была втрое ярче терранской. Но на небе был только тонкий серпик, который вскоре погас. Похоронную службу читали при свете двух ярких, как белые лампы, соседних планет и бесчисленных звезд. Созвездия были почти те же самые, которыми Рошфор любовался на Эсперансе с Евой Дависсон. Три-четыре парсека — пустяк для Галактики.

«И жизнь тоже? Так говорит моя вера».

— Тебе, Отче, в той форме, в какой мы тебя представляем, вверяем мы это существо — нашего товарища; даруй ему покой, какой и нам даруешь. Господи помилуй, Господи помилуй, Господи помилуй.

Зловещие вспышки в небе начали меркнуть.

— Отойти, — сказал Кахаль. — Перегруппироваться на широких орбитах.

— Но, адмирал, — запротестовал начальник штаба, — их корабли воспользуются этим шансом, чтобы уйти в глубокий космос.

Кахаль переводил взгляд с экрана на экран. На него смотрели лица — человеческие, и не только, — офицеров Империи. Нелегко было смотреть в их глаза.

— Придется с этим смириться, — сказал он. — То, с чем смириться нельзя, — это потери, которые мы несем. Лаура — это только пролог. Если мы возьмем ее такой ценой, что придется ждать подкрепления, дав Ифри время на реорганизацию, вся наша стратегия рухнет. И война будет долгой и дорогостоящей. — Он вздохнул. — Будем честны, граждане. Разведанные об этой системе никуда не годились. Мы не имели понятия, что Авалон так сильно укреплен...

На орбите — сотни автоматических станций, энергия которых питает не двигатели, а защитные экраны и боевые лазеры; приближаться к ним смертельно опасно. Между ними и защищаемой ими планетой курсируют грузовые суда, доставляя все нужное для того, чтобы роботы продолжали стрелять.

На планете и на луне — сеть детекторов, пусковых установок, энергетического оружия, слишком тяжелого для космических кораблей; многие погребены глубоко в камне или на дне океана, кое-что находится под землей или на плаву. Корабль или снаряд имеет очень небольшой шанс проникнуть туда из космоса — и все значительные точки защищены негиполями.

В воздухе патрулирует осиный рой истребителей, готовый накинуться на любого, кто все же проникнет в атмосферу.

— ...и защитники планеты блестяще воспользовались нашим невежеством. Они вынудили нас принять боевой порядок, при котором их техника причинила нам наибольший ущерб. Мы попали в ловушку между планетой и их флотом. А этот флот, хотя и уступает нам в численности, в данных обстоятельствах действует непропорционально эффективно.

У нас нет выбора. Мы должны изменить эти обстоятельства — и быстро. Если мы окажемся вне досягаемости их оборонной техники, их флот снова почувствует наше превосходство и наверняка разойдется по окраинам системы, как и сказал капитан К'тхак.

— А потом, сэр? — спросил кто-то из людей. — Что мы будем делать потом?

— Произведем переоценку ценностей.

— Сможем ли мы подавить их тем, что у нас в наличии? — поинтересовался другой.

— Не знаю, — сознался Кахаль.

— Как им это удалось? — вскричал третий офицер с забинтованным лицом. Его корабль был среди пострадавших. — Несчастливая колония, каких-то четырнадцать миллионов населения, в большинстве скотоводы — как это возможно?

— Поймите, — мягко ответил ему Кахаль, зная, что наркотики притупляют не только боль, но и мозг, — если есть избыток атомной энергии, богатые природные ресурсы, высоко развитая автоматизация — то не нужно больше ничего, кроме воли. Машины производят машины — по экспоненте. Через несколько лет полностью налаживается военное производство, которое может быть ограничено только наличием полезных ископаемых; а такой малонаселенный, в основном аграрный мир, как Авалон, должен обладать большим их запасом. Думаю, — продолжал размышлять вслух адмирал — все лучше, чем думать о том, как пострадал его флот, — что та же пасторальная экономика помогла сохранить в секрете затрачиваемые ими огромные усилия. Более прогрессивное общество развивало бы уже существующую промышленность, которая у всех на виду. А руководство Авалона, получив карт-бланш от своих избирателей, начинало с нуля — и в тех районах, где никто не живет. Да, граждане, — кивнул он, — надо сознаться, что нас провели. Будем спасать, что можем, — выпрямился он.

Стали обсуждать методы и средства. Терранский флот, потерявший больше одной десятой своего состава, оставался гигантским. Рассеянный в столь же гигантских просторах космоса, он пребывал в непрерывном движении. Организовать его плановое отступление непросто. Неизбежны просчеты, непредвиденные боевые потери. И нужно продемонстрировать авалонским капитанам, что у них появился реальный шанс покинуть поле боя — они должны быть уверены, что это не просто тактический маневр противника и что они своим отходом не предадут свой народ; иначе авалонцы будут биться до последнего и унесут с собой слишком много терран.

Наконец люди и компьютеры занялись разработкой деталей, были предприняты первые шаги к отступлению, и Кахаль смог остаться один.

«Но так ли это? — думал он. — Буду ли я теперь один? Призраки толпятся вокруг».

Нет. Это поражение — не его вина. Он действовал на основе неверной информации. Саракоглу... Нет, губернатор — только штатский, в обязанности которого, между прочим, входила и разведка, и он добросовестно помогал готовиться к войне. Разведуправление флота... но Саракоглу говорил верно: шпионаж против Ифри — вещь недостижимая. Кроме того, разведка... как и весь флот, и вся Империя, — слишком малая величина по сравнению с огромными, нечеловеческими, враждебными пространствами; возможно, в конце концов окажется, что все попытки удержать владычество Человека бесплодны.

«Ты сделал все, что мог». И неплохо — Кахаль это понимал. Он потерпел не поражение, а временную неудачу. Благодаря дисциплине и твердому руководству флот потерял гораздо меньше, чем мог бы: он сохранил свою сокрушительную мощь; он получил урок, который пригодится ему в дальнейшем.

Однако призраки останутся.

Кахаль опустился на колени. «Христос, простивший солдат, помоги мне простить самого себя. Святые, не покидайте меня, пока я не завершу свою работу. — Он перевел взгляд с распятия на фотографию. — И ты, Елена, что должна любить меня и в небесах, ибо не было препятствий для твоей любви — храни меня. Не отнимай свою руку».

Под летящими катил волны темный, мерцающий Средний океан. Над ними сияли звезды и Млечный Путь, морозный в теплой ночи. Впереди тучей вздымался остров. Табита слы-

шала, как бьется прибой — барабанный гром в тихом воздухе.

— Они уверены, что эта штука села именно здесь? — спросил один из полудюжины ифриан, сопровождающих ее и Драуна.

— Или здесь, или в море, — проворчал ее компаньон. — Зачем еще нужна гражданская оборона, если не для проверки показаний детекторов? Теперь тихо. И осторожно. Если это имперский катер...

— То они потерпели крушение, — закончила за него Табита. — И беспомощны.

— Почему же они тогда не обратились за помощью?

— Может, у них рация сломалась.

— А может, они что-то замышляют. Хорошо бы. Этой ночью у нас много свежих покойников. Чем больше терран отправится с адским ветром, тем лучше.

— Следуй своему же приказу и молчи, — отрезала Табита.

Порой она серьезно подумывала, не разорвать ли ей свое партнерство с Драуном. С годами она убедилась, что он по-настоящему не верит в старых богов и выполняет обряды не ради традиции, как большинство жителей Высокого Неба; нет, ему доставляли радость кровавые жертвоприношения. И он не однажды убивал на поединке, причем вызов исходил от него, хотя потом должен был собирать по крохам на пеню семье убитого. И если он почти не причинял зла своим рабам, то все же имел их — что, на взгляд Табиты, было худшим из зол.

Однако он был предан друзьям и, на свой надменный лад, великодушен; его мореходные таланты превосходно сочетались с ее руководящими качествами; с ним было весело, когда он этого хотел; жена у него была славная, а младшие детишки просто прелесть, и они любили свою тетю Грилл, которая носила их на руках.

«А я-то сама разве совершенство? Отнюдь. Если учесть, как блуждают у меня мысли...»

Они пролетели над берегом дальше, в глубь острова. В фотоувеличительные очки все виделось ей серебристо-серым, с редкими вкраплениями высокой растительности; на камнях при свете звезд переливалась роса. (Как там, наверху? Передают, что враг отброшен, но...) Ей хотелось бы лететь обнаженной в этом ласкающем, головокружительно пахнущем воздухе. Однако служба требовала комбинезона, панциря, шлема, сапог. Может, то, что опустилось здесь, — разбитый авалонский корабль, а может... Хой!

— Глядите, — показала она. — Свежий след. — Они развернулись, перевалили через гряду холмов и увидели разбитый корпус.

— Точно, терране, — сказал Драун. Она видела, как трясутся от нетерпения его гребень и хвост. Он закружился в воздухе, глядя в увеличитель. — Вон они, двое. Хай-я-я-я!

— Стой! — завопила Табита, но он уже пикировал.

Она, проклиная несовершенство гравиранца, бросилась за ним. Следом неслись все остальные, прижимая бластеры к груди. Драун оставил пистолет в кобуре, вынув взамен полуметровый, тяжелый, кривой нож — фао.

— Стой! — кричала Табита сквозь свист рассекаемого воздуха. — Позволь им сдаться!

Люди, стоявшие рядом с холмиком свежей земли, слышали их и поднимали головы. Драун испустил свой боевой клич. Один потянулся за оружием. Но ураган уже обрушился на него. Крылья хлопали так, что гудели концевые перья. В двух метрах от земли падающий Драун взмыл вверх. Его правая рука с ножом описала короткую дугу — левая направила клинок. Голова терранина слетела с плеч и жутко подскочила, упав на сузин. Тело стояло еще миг, извергая кровь, а потом осело, как марионетка, у которой ослабли нитки.

— Хай-я-я-я! — вскричал Драун. — Пусть несут тебя адские ветры впереди моих чотовиков! Скажи Иллариану, что они идут!

Второй терранин пытался, уже достав свое оружие. Он выстрелил — вспышка и треск в темноте.

«Сейчас убьют и его». У Табиты не было времени на раздумье. Она летела в хвосте отряда. Человек, глядя вверх обезумевшим взором, целил в Драуна, в его ширококрылую тень — тот еще не изготовился для второго броска. Табита сзади вцепилась в человека и прикрыла его собой. Они упали — ранец не мог удержать их обоих. Она стукнулась лбом о корень и проехала щекой по сузину.

Человек затих. Она отстегнула ранец и склонилась над ним, не обращая внимания на боль, головокружение и бешеную работу своих легких. Он был жив — просто потерял сознание, ударившись виском о камень. Курчавые черные волосы слиплись от крови, но он шевелился, и его глаза отражали звездный свет. Он был высокий и крепкий по авалонским меркам... люди с такими хромосомами селятся обычно вокруг более сильных солнц, чем Лаура.

Ифриане снизились. Ветер шуршал в их перьях. Табита поднялась с пистолетом в руке и, заслонив собой терранина, выдохнула:

— Назад. Его вы не убьете. Он мой.

Глава 10

Ферун из Туманного Леса прибыл в Грей, уладил свои дела и попрощался со всеми. Дэниелу Холму он сказал:

— Пусть будет твоей подругой удача, первый маршал.

У человека искривились губы:

— Но неужели тебе осталось всего... всего...

Ферун кивнул. Гребень его опал; те перья, что еще остались на нем, побелели; он еле говорил, но усмехался по-старому.

— Да. Боюсь, что медики не смогут произвести регенерацию в том случае, когда все клетки до последней облучены. Жаль, что Империя не обстреливает нас ртутными парами. Тебя бы, правда, это не устроило.

«Да, вы лучше нас переносите отравление тяжелыми металлами, — в который раз подумал Холм, — и хуже — жесткое облучение». Ферун продолжал скрипеть:

— Я и сейчас держусь только на лекарствах да на честном слове. Почти все, кто был со мной, я слышал, уже умерли. Но я, перед тем как успокоюсь, должен передать тебе свои полномочия и свои знания, верно?

— Мне! — не сдержался наконец человек. — Мне, своему убийце?

Ферун застыл.

— Слезь-ка с этого насеста, Дэниел Холм. Если б я верил, что ты взаправду упрекаешь себя, я не оставил бы тебя на этом посту — а то и в живых: подобные дураки бывают опасны. Ты действовал по моему плану, и он чертовски хорошо сработал, кх-нг?

Холм стал на колени и прислонился головой к хрупкой груди друга. Кость была острая, плоть истаяла, кожа горела лихорадочным жаром, и внутри колотилось сердце. Ферун оперся на руки, обнял человека крыльями и поцеловал.

— Я летал выше благодаря тебе, — сказал он. — Если война позволит, почти меня присутствием на моих похоронах. Путного тебе ветра.

Он вышел. Адьютант усадил его в машину и повел ее на север, к лесам его чота и к Варр, которая ждала его.

— Разрешите представиться. Я Хуан де Хесус Кахаль и Паломарес с Нуэво Мехико, командующий флотом Его Имперского Величества. Ручаюсь вам словом имперского офицера, что говорю по узкому лучу, при помощи автоматических реле, и наша беседа записывается, но не прослушивается; а запись будет засекречена.

Двое на экранах перед ним молчали, и адмирал начал каздым нервом ощущать металлическую скорлупу вокруг себя, пульс корабельных машин и легкий запах химикалий из вентиляции. Интересно, что они о нем думают? По старому ифрианину — как его, Лио? — ничего не скажешь. Да, Лио — он, очевидно, представляет гражданскую власть. Сидит как статуя, только желтые глаза горят огнем. Дэниел Холм все время в движении, сует сигару в рот и вынимает, барабанит пальцами по столу, левая щека подергивается тиком. Он тощий, запущенный, небритый, чумазый — ни следа имперской опрятности, но и смирения никакого. Он-то и спросил наконец:

— Зачем?

— *Por que?* — удивленно переспросил Кахаль. — Почему я связался с вами и предложил провести это совещание? Чтобы обсудить условия, разумеется.

— Нет — зачем эта секретность? Впрочем, я не верю, что вы ее обеспечиваете, как не верю вам во всем остальном.

Кахаль вспыхнул. *«Нет, только не впадать в гнев».*

— Как вам угодно, адмирал Холм. Поверьте хотя бы в то, что я обладаю некоторой долей здравого смысла. Не говоря уж о моральных соображениях, по которым я могу желать прекращения бойни и материальных затрат, я, согласиться, предпочел бы избежать дальнейших потерь. Поэтому мы отошли от Авалона и Морганы и не совершаем агрессивных действий со времени окончания сражения на прошлой неделе. Мы рассмотрели свои возможности, и я готов к разговору; надеюсь, и вы тоже хорошо все обделали. Я не заинтересован в огласке и шумихе. Они могут пригодиться, лишь когда практические решения уже достигнуты. Отсюда конфиденциальный характер наших переговоров. Надеюсь, вы позволите мне высказаться так откровенно, как я того желаю, зная, что ваши слова ни к чему вас не обязывают.

— Нет, обязывают, — сказал Холм.

— Прошу вас. Вы разгневаны и убили бы меня, если бы могли, но ведь вы такой же военный, как и я. Нас обоих связывает долг, каким бы неприятным он порою ни был.

— Чего вы хотите?

— Я уже сказал — обсудить условия. Я сознаю, что мы втроем не сможем договориться о капитуляции, однако...

— Отчего же не сможем, — прервал Лио на тихом, сухом, с сильным акцентом англичке. — Если вы опасаетесь трибунала, мы предоставим вам убежище.

— О чем вы? — открыл рот Кахаль.

— Мы должны быть уверены, что это не уловка. Предлагаю вам выводить свои корабли поодиночке на низкую орбиту и сдавать их. Доставка домой экипажей будет налажена позднее.

— Вы... вы... — заикался Кахаль. — Сэр, мне сказали, что ваш титул переводится как «судья» или «знаток закона». Судья, сейчас не время для шуток.

— Если вы не хотите сдаваться, — сказал Холм, — что же тогда обсуждать?

— Вашу капитуляцию, *por Dios!** — Кахаль стукнул кулаком по ручке кресла. — Я не намерен играть словами. Вы и так достаточно долго нас задерживали. Однако ваш флот разбит. Его остатки разбросаны по просторам космоса. Небольшая часть наших сил может выследить их поодиночке. Мы контролируем все пространство вокруг вас. Помощи извне получить вы не сможете. То, что неосмотрительно пришлют из других систем, будет разбито наголову — и тамошним адмиралтействам это известно. Если они и направят куда-то свои жалкие силы, то это на Кветлан. — Он подался вперед. — Нам ненавистна мысль о бомбардировке вашей планеты. Пожалуйста, не вынуждайте нас к этому.

— Да валяйте, — сказал Холм. — Нашим перехватчикам полезно будет поупражняться.

— Но... вы полагаете, что нарушить блокаду... О, я знаю — планета велика. И небольшое судно может порой проскользнуть мимо наших сетей обнаружения, патрулей и станций. Но это судно должно быть очень маленьким, и успех ему далеко не всегда обеспечен.

Холм свирепо затянулся сигарой и ткнул ею в облако дыма.

— Ну конечно! — рявкнул он. — Обычная техника. Если космический флот уничтожен, планета должна сдаться, или вы превратите ее в радиоактивный шлак. Самое занятие для человека, а? Так вот, мои коллеги и я еще несколько лет назад знали, что война будет. Мы знали, что нам никогда не собрать флот, равный вашему — уж больно много за вами, ублюдками, народов и планет. Но оборона... Адмирал, ваши линии снабжения и связи очень растянуты. Пограничные миры не настолько оснащены, чтобы произвести все, что вам нужно; кое-что должно поступать из глубин Империи. А мы у себя — и можем быстро получить все, что нам только понадобится. С вами схватиться мы не можем. Но чертовски хорошо можем сбить все, что вы будете в нас кидать.

— Абсолютно все?

— Ну что ж, когда-нибудь при случае вы безусловно сможете бросить боевую ракету, большую и грязную. Мы это сознаем, и в гражданской обороне созданы команды обезвреживания.

* Бог мой! (*исп.*)

Вероятность того, что она попадет во что-нибудь важное — это все равно что набрать ройял-флеш. И ни один ваш корабль с лазером, достаточно сильным для того, чтобы уколоть попку младенцу, не подойдет к нам и близко. А наше фотонное планетарное оружие не знает ограничений ни в размере, ни в массе; целые реки могут охлаждать их генераторы, пока они вышибают вас из нашего неба. Теперь скажите — ради какого дьявола мы должны сдаваться?

Кахаль онемел, чувствуя себя так, будто его ударили сзади.

— Однако не помешает узнать, какие условия вы нам предлагаете, — бесстрастно сказал Лио.

«Спасает лицо? Эти ифриане слынут сатанински гордыми, но не до безумия же». В Кахале проснулась надежда.

— Условия, разумеется, почетные. Ваши корабли будут реквизированы, но не станут использоваться против Ифри, экипажи могут вернуться домой, а офицеры — сохранить личное оружие. То же относится к вашей оборонной технике. Вы должны будете согласиться на оккупацию и сотрудничать с военным правительством, но мы постараемся всемерно уважать ваши законы и обычаи, жители получают право подавать жалобы, и обидчики — терране будут наказываться не менее строго, чем авалонцы. Впрочем, если население будет вести себя как подобает — не думаю, что многим доведется увидеть в глаза имперского космофлотчика.

— А после войны?

— Ну, это решать Короне, но я полагаю, что вас включат в реорганизованный сектор Пакса, а губернатор Саракоглу, как вам должно быть известно — умный и гуманный человек. Империя, насколько это возможно, допускает местное самоуправление и сохранение старых порядков.

— Допускает. Вот ключевое слово. Ну хорошо. Допустим, у нас сохранится некоторая демократия. Сможем ли мы остановить поток иммигрантов, которые рано или поздно составят большинство?

— Нет... не сможете. Гражданам Империи гарантирована свобода передвижения. Для того-то и существует Империя. Проклятье, не можете же вы эгоистически загораживать дорогу прогрессу только потому, что сами предпочитаете архаизм.

— Обсуждать больше нечего. До свидания, адмирал.

— Нет, подождите! Подождите! Не можете же вы единолично обречь весь свой народ на войну!

— Если круаты и парламент решат по-другому, вас уведомят.

— Но послушайте, вы обрекаете их на смерть понапрасну! — вскричал Кахаль. — Эта граница все равно будет покорена. Ни вы, ни вся Ифрийская Сфера не в силах этому помешать. Единственное, что вы можете, — это продолжать кровавый, смертоубийственный фарс. И будете наказаны худшими условиями мира, чем могли бы заключить. Послушайте, это же не одностороннее соглашение. Вы входите в Империю. Вас ждут торговые договоры, контакты, вам обеспечивается защита. Окажите нам содействие сейчас — и я клянусь, вы станете привилегированным государством-клиентом, со всеми вытекающими отсюда преимуществами. Жители смогут вскоре получить терранское гражданство. Постепенно весь Авалон войдет в Большую Терру. Бога ради, будьте же реалистами!

— Мы и так реалисты, — сказал Лию.

Холм ухмыльнулся, и оба экрана погасли.

Кахаль какое-то время сидел, уставясь в пространство. *«Не может быть, чтобы они говорили всерьез. Не может быть»*. Дважды он чуть было не распорядился, чтобы их вызвали опять — может, они просто по-детски упрямятся, хотят, чтобы Империя их упрасивала...

Но он не сделал этого. *«Нет. У Империи свое достоинство, и я должен его соблюдать»*.

Он принял решение. Пусть вступает в действие план номер два. Часть его флота блокирует Авалон. Много сил для этого не понадобится. Главная задача — не дать богатым авалонским ресурсам уплыть на Ифри, а авалонскому флоту — нанести ущерб эшелонам снабжения. Блокада потребует больше живой силы и техники, чем оккупация, но Кахаль вполне обойдется тем, что останется.

Вся суть в том, чтобы не терять набранной инерции. Освободившиеся корабли немедленно пойдут на соединение с теми, что штурмуют Крау и Гру. Он возглавит первый отряд, его заместитель — второй. То, чему они научились здесь, очень им пригодится.

Адмирал был уверен, что при тех солнца одержит быструю победу. Разведка не смогла раскрыть степень вооруженности Авалона, но сам факт наращивания вооружений обнаружила: этого не скроешь. Адмирал знал также, что ни на одной другой планете Сферы нет своего Дэниела Холма, который годами побуждал бы свой народ готовиться к войне. Он знал, что флоты всех прочих ифрийских колоний малы и плохо координируются, а миры безоружны.

Кветлан, главное солнце, укреплен лучше. Но если он, Кахаль, молниеносно разгромит весь близлежащий сектор, то у

противника, надо надеяться, хватит ума сдаться, прежде чем Империя поразит его в самое сердце.

«И несколько дрожащих молекул, зафиксировав перемирие, отдадут нам Авалон. Очень хорошо. Все лучше, чем сражаться... Сознают ли это авалонцы? Или они хотят продержаться еще хоть несколько недель, сохраняя иллюзию свободы? Что ж, надеюсь, они сочтут цену этого — реквизиции, запреты, переустройство целого общества, без чего в противном случае можно было бы обойтись, — что они сочтут эту цену не слишком высокой. Потому что смириться с ней придется в любом случае».

Ферун покинул Туманный Лес перед рассветом.

В тот день его край оправдывал свое название. С моря пришел холодный, мокрый, слепящий туман. Он полз между толстых стволов молотовика, пронизывал молневицу; влага капала с ветвей на опавшие листья и со стеклянным звоном падала в лужицы вокруг звучащих стеблей мечей горя. А в глубине суши, где еще царил старый Авалон, громовое дерево распугало объедающих его зверей, и его гул дошел до самого дома Феруна, отразившись эхом от щитов предков на стенах.

Стая слеталась. В ночи прозвучала труба. Вышли вперед сыновья Феруна, чтобы приветствовать своих чотовиков. Они несли на носилках тело отца. Его уты порхали вокруг, удивленные неподвижностью хозяина. Вдова шла во главе процессии, а по бокам — дочери, их мужья и взрослые дети с горящими факелами.

Зашумели крылья, и вся стая поднялась ввысь, оставив внизу белый, с голубыми тенями туман, освещенный бледными проблесками с востока. На западе, над морем, в королевском пурпуре мерцали последние звезды.

Стая все поднималась, пока не достигла предельной высоты, доступной живым существам. Здесь воздух был тонок и холоден, но снежные вершины Матери Ветров на границе сумерек уже заггло еще скрытое с глаз солнце.

Процессия все время направлялась на север. Дэниел Холм и его семья, летевшие следом в своих ранцах и дыхательных масках, видели, как блестят крылья клина, словно огромный наконечник копья. Факелы, едва видимые во главе, мерцали, как меркнущие звезды. Порой доносились рыдания — и ничто, кроме них, не нарушало тишины.

Они достигли дикого края скал, валунов и быстрых потоков. Здесь сыновья Феруна остановились. Расправив крылья, они вместе с матерью парили в первом теплом утреннем потоке.

Рядом кружили ближайшие родственники, а дальше, хором — весь чот. Солнце взошло над горами.

К Феруну приблизился новый виван Туманного Леса. Он протрубил в рог и трижды выкрикнул имя покойного. Варр, склонившись, поцеловала мужа. Тогда виван произнес слова новой веры, которой минуло уже две тысячи лет:

— Высоко летал дух твой с попутным ветром, но вот спустился на тебя крылатый Бог-Охотник. Ты встретил его гордо и сражался с ним как подобает — честью было для него встретиться с тобой. Пусть же то, что побывало в его когтях, станет водой и листвой, улетит с ветром, а душе да будет вечная память.

Сыновья Феруна наклонили носилки. Тело упало вниз, а следом полетели факелы.

Варр взмыла, готовясь к небесному танцу. Сотня родных последовала за ней.

Вдали, вися между пустотой и неоглядностью, Дэниел Холм сказал Кристоферу:

— А терране полагают, будто мы сдадимся.

Глава 11

— Мы собрались на большой авалонский круат, — говорил Лио с Каровых Озер, — чтобы свободные люди могли выразить свою волю. Враг увел от нас большую часть сил, с которыми пришел к нам. Но это не победа, поскольку этот флот будет биться с остальной Сферой. И вблизи осталось достаточно кораблей, чтобы отрезать нас от Вселенной. Они скорее всего не станут нападать на наш мир, но обнаружат и искоренят наши базы на соседних планетах и расправятся с многими нашими кораблями в космосе. Мы не имеем возможности перейти в наступление — остается полагаться на действия наших братьев за пределами планеты. Зато обороняться можем до бесконечности. Однако нельзя ручаться за целостность Авалона, если враг предпримет решающее усилие. Вражеский адмирал заявил, что в конце концов непременно покорит нас. Возможно, это правда. Он заявил также, что с нами обойдутся лучше, если мы сдадимся теперь же и не будем продолжать войну, хотя мы в самом лучшем случае будем подчиняться имперским законам и обычаям. Это правда.

Говорившие от вашего имени отклонили требование о сдаче, как и обязывал их долг, до вашего решения. Теперь я напоминаю вам об опасности продолжения войны и об угрозе тяжелого мира в случае поражения. Напоминаю также, что, если

мы решим продолжать сопротивление, народ Авалона должен будет дать нам дополнительные права и подчиниться военной диктатуре вплоть до окончания войны. Итак, что скажут чоты?

Виван и его братья стояли на старинном месте круатов, Первом острове Гесперийского моря. Позади был дом Дэвида Фолкейна; лужайка перед ним спускалась к берегу и прибою. Но не было на ней ни киосков, ни палаток, не стояли на якорях корабли и не летали роями делегаты, собираясь под деревьями. На торжественное собрание не было времени. Все избранные на региональных круатах и те, кто записался выступать, были соединены с планетой электронной связью.

В доме трудились за своими компьютерами операторы. Как ни молчалив обычный ифрианин, как неохотно ни изображает он из себя дурака, говоря ясные всем вещи — теперь, когда около двух миллионов взрослых, имеющих право голоса, решали столь животрепещущий вопрос, поступающие вопросы и комментарии требовалось фильтровать. Желаящие высказаться должны были ждать своей очереди.

Аринниан знал, что его вызовут непременно. Он сидел впереди всех, рядом с Эйат перед огромным экраном на самой низкой скамье. За ними амфитеатром расположилось семейство Литрана и Блаузы — хозяин с хозяйкой на самом верху. Медленная речь Лио лишь подчеркивает тишину в этом просторном, темном, увешанном оружием зале, так же как редкий шорох крыльев и скрип когтей, когда кто-нибудь шевелился. В воздухе стоял дымный запах ифрийских тел. Ветерок из окна, за которым шел дождь, добавлял запахи сырой земли и колыхал знамена, свисавшие с высоких стропил.

— ...сообщит относительно...

На экране появился скотовод. За ним виднелась северокоронская степь со стадом вдали, связка четвероногих зиррауков, ведомая крылатым юношей, и современная летательная машина.

— Производство мяса на Широких Равнинах в этом году было удовлетворительным, — говорил оратор. — Прогнозы на будущий сезон тоже оптимистичны. Мы загрузили семьдесят пять процентов планируемого запаса в противорадиоактивные бункера и намерены загрузить остальное к середине зимы. Подробная информация содержится в Центральной библиотеке. У меня все. — В кадре вновь появились верховные виваны, тут же давшие слово представителю другого района.

Эйат схватила Аринниана за руку. Он почувствовал учащенный пульс в ее пальцах, и коготки двух крайних слегка

оцарапали его. Он взглянул на нее. Ее бронзовый гребешок стоял торчком, янтарные глаза горели. Между губ сверкали клыки.

— Они что, до скончания века собираются толочь воду в ступе?

— Нужно знать всю правду, чтобы решить, — шепнул он в ответ, чувствуя спиной неодобрительные взгляды.

— Чего тут решать, когда Водан в космосе?

— Ты больше поможешь ему, если будешь терпелива. — Кто он такой, чтобы давать ей советы? Эйат, в конце концов, молода (я тоже, но сегодня чувствую себя старым), и не жестоко ли, что она не получит весточки от своего жениха до самого конца войны. Ни один корабль не отважится войти в пределы разящих лучей Авалона.

Хорошо, что известно хотя бы — Водан среди тех, кто отступил. Слишком много погибших кораблей носится по своим орбитам. Терран, правда, погибло еще больше благодаря ловушке, подстроенной Феруном и Холмом. Но даже один убитый ифрианин — это чересчур много, а миллион убитых терран — чересчур мало.

— ...вызывается начальник западнокоронской службы гражданской обороны.

Аринниан вскочил, понял, что сделал это зря, но решил, что лучше уж останется стоять, чем снова усаживаться.

— Э-э... Аринниан из Ворот Бури. У нас все налажено — мы оснащаем, обучаем и назначаем добровольцев на посты сразу же, как только они поступают. Но нам нужны еще бойцы. Я хотел бы напомнить всем, что весь состав гражданской обороны, за исключением офицеров, занят только часть дня, и график службы вполне можно совместить с основной работой. Наша секция ведет совместные с северными оронезийцами действия по всему архипелагу, и мы намерены расширять свою деятельность в южном и восточном направлениях, пока не возьмем под контроль также острова Брендана, Щита и Огненные острова, чтобы защищать весь периметр Короны.

Я хотел бы указать от имени своего отца, первого маршала, на значительную брешь в обороне Авалона, а именно на Экваторию, где нет ничего, кроме немногих лазерных и ракетных установок. Да, континент необитаем, но терранам это тоже известно, и если они задумают высадить десант, то не станут заботиться о сохранении туземной экологии. Я охотно выслушаю все предложения на этот счет и передам их по соответствующим каналам. — Во рту у него пересохло. — У меня все.

Он сел на место. Эйат снова взяла его за руку, на этот раз поласковее. Вопросов ему, благодарение судьбе, никто не задавал. Он вполне свободно мог обсуждать чисто технические вопросы с теми, кто в них понимает, но два миллиона — это многовато для человека, не имеющего склонности к политической полемике.

Выступления тянулись нескончаемо. И все же от начала собрания до того момента, как Лио, собрав голоса, объявил, что восемьдесят три процента высказались за продолжение сопротивления, прошло всего часов шесть. В чисто человеческом обществе такое было бы невозможно.

— Ну что ж, — сказал Аринниан в шуме расправляемых крыльев, — так и следовало ожидать. — Эйат потянула его за собой:

— Пошли. Надевай ранец. Я хочу размяться перед обедом.

В сумерках шел дождь, холодный и пахнущий небом. Поднявшись выше туч, они повернули на восток, подальше от своих чотовиков, которые тоже решили размяться. Снежные вершины и ледники вонзались в темно-синее небо, где мерцали ранние звезды и несколько движущихся искорок орбитальных крепостей. Они летели молча, потом она сказала:

— Я тоже хочу вступить в гражданскую оборону.

— А? Ну конечно, пожалуйста.

— Только не в летучий патруль. Я знаю — это очень важная служба, и приятная, когда погода не очень плохая; но я не хочу получать от службы удовольствие. Смотри, вон восходит Камелот. Может быть, Водан сидит на его мертвой луне и ждет случая рискнуть своей жизнью.

— Ну а чем бы ты хотела заниматься?

Ее крылья работали уверенней, чем голос.

— Ты, должно быть, с головой завален работой, а будет еще хуже. А штат у тебя, конечно, очень невелик, иначе ты бы не уставал так. Может, я смогу тебе помочь?

— М-м... ну что ж...

— Буду твоей помощницей, твоей девочкой на побегушках, даже твоей личной секретаршей. Все, что для этого нужно, я могу усвоить методом энцефалограммы и через несколько дней начну.

— Не надо. Это тяжело.

— Переживу. Испытай меня. Не справлюсь — выгонишь, и мы останемся друзьями. Но я верю, что смогу. Может, даже получше кого-нибудь, кто не знает тебя столько лет и кому можно будет дать другую работу. Я девушка способная и энергичная, разве нет? И... Аринниан, я так хочу быть рядом

с тобой, пока не кончится это ломающее крылья время. — Она протянула ему руку, и он поймал ее.

— Хорошо, небесная подружка.

Она летела в слабом свете, такая прекрасная, каких нет ни под солнцем, ни под луной.

— Да, завтра мы проведем голосование, — сказал Мэтью Викери.

— Какие, по-вашему, будут результаты? — спросил Дэниел Холм.

— А вы как думаете? — вздохнул президент. — Конечно, фракция сторонников войны не соберет в парламенте такого же большинства, как на круаках. Некоторые депутаты останутся при своих убеждениях, невзирая на свою почту. Однако я видел анализ этой почты, и телефонных звонков, и... Вы получите свою проклятую резолюцию. Получите чрезвычайную власть и приостановку действий гражданского правительства, которую испрашивали. Я бы очень хотел, чтобы вы прочли парочку этих писем и просмотрели парочку кассет. Может, их фанатизм напугает вас так же, как меня. Я даже не предполагал, что в нашей среде таится столько латентного безумия.

— Разве это безумие — сражаться за свою родину?

— Да, — прикусил губу Викери, — если этим ничего нельзя достигнуть.

— Ну, кое-чего мы таки достигли. Мы пробили ошутимую брешь в терранской армаде. И держим здесь еще больше кораблей, чем уничтожили — а в противном случае они отправились бы на Иффри.

— Вы в самом деле верите, что Сфера способна одолеть Империю? Холм, Империя не может позволить себе уступить. Встаньте на минуту на их точку зрения, если можете. Она — единственный хранитель мира среди тысяч абсолютно различных народов; единственный страж, охраняющий границы от вторжения чужаков — и варваров, и цивилизованных хищников, обладающих ядерным оружием. Империя должна быть более чем всемогуща. Она должна поддерживать веру в свою непобедимость, иначе адский котел взорвется.

— Я плачу над участью бедной Империи, но пусть Его Величество решает свои проблемы за счет кого-нибудь другого. И, как видите, терране больше не кидаются на Авалон.

— А им это не нужно. Если будет нужно, они вернуться — сильнее, чем были. — Викери набрал в грудь воздуха. — Признано, ваша азартная игра оказалась выигрышной...

— Простите. Не игра, а помещение капитала. И не мое, а наше.

— Но разве вам не ясно, что теперь мы можем использовать его только для заключения сделки? Мы можем добиться отличных условий — я имел дело с губернатором Саракоглу и знаю, что он строит нам почетный договор. Если рассудить здраво — что такого страшного в том, чтобы войти в Империю?

— Ну, для начала мы нарушили бы этим свою присягу Иффри. Извините, приятель. Честь не позволяет.

— Вы произносите устаревшие слова, а я говорю вам — задул ветер перемен.

— По мне, это тоже довольно избитая фраза. Ферун любил повторять еще более старую. Как это там? «Прекраснейший их час».

Табита Фолкейн отчалила от пристани и быстро потянула за два шкота, один за другим. Кливер и грот заскрипели, поймали ветер и туго надулись. Легкая открытая лодка накрепчилась так, что пена закипела у перил правого борта, и понеслась в море. За волнорезом она закачалась на волнах.

— Мы планируем! — воскликнул Филипп Рошфор.

— Да. У нее есть подводные крылья. Осторожно, не набейте шишку. — Она надела шлем. Рой повернулся, и лодка перешла на другой галс.

— И нет кия? А как же поперечное сопротивление?

Табита кивнула на изогнутые листы над каждым бортом, которые поворачивались согласно движению лопастей сверху.

— Вот — это ифрийское изобретение. Они больше знают о ветре, чем люди или людские компьютеры.

Рошфор залюбовался великолепным видом. Вплоть до самого горизонта катились валы, синие с лиловым и зеленым переливом, сверкающие под солнцем, причудливо украшенные пеной. Они плескались и шипели, набегая. С них слетала пыль, она оставляла соль на губах и подхлестывала кровь, касаясь голой кожи. Воздух был прохладный, но не холодный, и певуче-живой. За кормой с ошеломляющей скоростью таяли изумрудные холмы Сент-Ли.

Рошфор, однако, признался себе, что лучшая часть пейзажа — это высокая, загорелая девушка, что стояла у руля с трубкой в зубах, птицей вроде ястреба на плече, а ее выгоревшие волосы развевались по ветру. На ней был один только килт, липший от ветра к бедрам, не считая, конечно, ножа и бластера.

— Сколько туда, вы говорите? — спросил он.

— Километров тридцать пять. Пара часов при нашей скорости. Мы можем остаться там до заката — назад пойдем, ориентируясь по звездам, так что у вас хватит времени насмотреться вдоволь.

— Вы так добры, донна, — осторожно сказал он.

— Нет, — засмеялась она, — я рада предлогу покататься немного. Особенно занимают меня острова водорослей-атлантида. Это целые экологические системы — порой они бывают больше, чем настоящие острова. А рыбачий разведчик сказал мне, что на краю того острова, к которому мы идем, пасется кракен. Надеюсь, мы его застанем. Редкое зрелище. Это мирное существо, но мы не будем рисковать и подходить слишком близко к такой громадине.

— Я говорю не только о нашей прогулке. Вы принимаете меня, военнопленного, словно гостя.

— Что тут такого? — она пожала плечами. — Мы не даем себе труда запираť своих немногих пленников. Все равно никуда не уйдут. — Она открыто посмотрела на него. — И потом, я хочу узнать вас поближе.

«Насколько близко?» — с екнувшим сердцем подумал он.

— А еще, — опечалилась она, — я стараюсь... как-то загладить то, что произошло. Вы должны понять, что Драун убил вашего друга не ради забавы. Драун бывает... горяч, тот схватился за оружие, а у нас все-таки война.

— Война будет не всегда, донна, — отважился улыбнуться он.

— Меня зовут Табита, Филипп — или Грилл, когда я говорю на планха. Вы, конечно, планха не знаете. Ну ничего. Я хотела бы, чтобы вы до возвращения домой убедились, что мы, ифриане, не чудовища.

— Мы, ифриане? — поднял он брови.

— А как же? Авалон входит в Сферу.

— Недолго еще он будет в нее входить. — И торопливо добавил: — Но до тех пор я сделаю все, чтобы доказать вам: терране тоже не чудовища.

Он не понимал, как она может так весело усмехаться.

— Ну, если вам приятно так думать — сделайте милость. Здесь у нас приятного мало, развлечься особенно нечем. Плавание, рыбная ловля, катание на лодке, прогулки — ну и чтение: я люблю приключенческие книги, и у меня их полно, есть и терранские. Вот как будто и все. Я — единственный человек, постоянно живущий на Сент-Ли. Но мое дело и мои обязанности офицера гражданской обороны постоянно вынуждают меня отлучаться.

— Ничего, продержусь.

— Какое-то время да. Настоящие ифриане не питают к вам вражды. Для них война — нечто безличное, вроде голода, когда надо кого-то убить, чтобы накормить детей; но ведь при этом к жертве не испытываешь ненависти. Разговорчивыми их не назовешь, но если вы играете в шахматы, то несколько партнеров себе найдете. — Табита убавила и закрепила грот. — На Авалоне нет массовой продукции развлечений, какая, я слышала, есть в Империи. На экране вы не увидите почти ничего, кроме новостей, усыпительно серьезных образовательных программ и классических пьес, которые вам, вероятно, ничего не скажут. Так что... когда соскучитесь, скажите мне, и я устрою вас в городе — в Грее или Кентаври.

— Не думаю, что я соскучусь, — сказал он мягко. И честно добавил, глядя вдаль: — Я даже чувствую себя виноватым за то, что не так уж страдаю и даже радуюсь своему фантастическому везению.

— Ха! — ухмыльнулась она. — Когда-нибудь я объясню вам, в чем именно вам повезло. Вы оказались на неосвоенном острове, дорогой мой — это старый Авалон с множеством образчиков вредной флоры и фауны.

— Разве нужно вооруженному человеку, который держится начеку, опасаться здешних животных?

— Ну, спатодонта вы, конечно, успели бы застрелить, пока он вас не загрыз, хотя рептилоида не так легко убить. Однако я не поставила бы на вас против стаи ликоящеров; а если бы по вашим брюкам полезли каккелаки... — Табита скривилась. — Все они, правда, водятся в тропиках и на материке. Здесь у вас возникли бы хлопоты с растениями, которые имеются повсюду. Вы могли, скажем, задеть ветви дерева-хирурга, проходя мимо. И как раз за теми холмами, где мы вас нашли, я заметила уйму адских кустов. Только ифриане могли бы выжить, вдохнув их испарения.

— Брр! Какой это неисправимый романтик дал планете такое имя?*

— Внучка Дэвида Фолкейна, когда он решил поселиться здесь, — ответила она, снова обретя серьезность. — И оба они были правы. Задача состояла как раз в том, чтобы дать туземной среде шанс выжить. Возьмем кентавров, из-за которых и не заселяют Экваторию — они делают из кости и камня нечто вроде орудий и могут этак через миллион лет стать разумными существами. Кстати, на их охране настояла именно

* Остров Блаженства в кельтской мифологии.

Ифри, охотница Ифри, а не люди-пионеры. Посмотрите-ка вокруг. Это наш мир. Нашим он и останется.

«Нет, — подумал он, и день померк для него, — ты ошибаешься, Табита-Грилл. Мой адмирал будет колошматить твоих ифриан до тех пор, пока они не уступят и не отдадут вас моему императору».

Глава 12

Одна огненная неделя сменяла другую, и терранская армада продвигалась вперед.

Кахаль понимал, что его кампания, несмотря на неудачное начало, войдет в учебники. Именно благодаря решению, которое он принял относительно Авалона. Теперь каждый дурак мог бы разбить врага наголову с такой силой, как у него. Как и предполагалось, ни одна колониальная система даже отдаленно не могла сравниться по вооруженности с тем, что он встретил в лаурийской. Тамошние жители довольно умело использовали то, чем владели, но победить не имели никакой возможности.

Итак, любой мясник, не жалея ни жизни, ни кораблей, разнес бы врага в пух и прах за пару месяцев. Данные разведки и собственное мнение Кахалья говорили о том, что именно таких действий ожидает от него противник. Если бы адмирал действовал так, враг бы, в свою очередь, вел затяжные бои, посылал в Империю рейдеров, пытался втянуть в войну третью сторону, например Мерсейю — в общем, старался бы сделать войну настолько дорогой для Терры, чтобы она предпочла перемирие.

Кахаль сомневался, что такая стратегия оправдала бы себя даже в самых благоприятных для противника обстоятельствах. Он знал людей, заседавших в Политкомитете. Однако он полагал, что его долг перед обеими державами состоит в том, чтобы избежать войны на износ. Поэтому он решил не продвигаться шаг за шагом, закрепляя за собой каждую победу, а нанести решающий удар.

Крау и Гру пали через несколько дней после того, как терране вышли на их отдаленные орбиты. Кахаль оставил в каждой системе немного кораблей и некоторое количество оккупационных войск, в основном технических, в их обитаемых мирах.

Эти силы выглядели просто смехотворными. Маршал Руза собрал превосходящий флот и попытался отбить Крау. Терране, занимающие систему, обратились за помощью и держались,

пока она не подошла. Часть главного флота вернулась с ошеломляющей быстротой и разбила Рузу.

На третьей планете Гру взбунтовались чоты и перебили часть гарнизона. Тогда по ним нанесли ракетный удар из космоса. Ракет потребовалось не так уж много. Затем мятежных виванов расстреляли, проявив должное уважение к их сану. Некоторые из них перед смертью призвали свой народ оказывать содействие спасательным командам, направленным с Эсперансы в пораженные районы.

Флот между тем шел на Кветлан, на ходу простирая вокруг свои шупальца и захватывая систему за системой. Кахаль почти не давал себе труда оккупировать их. Достаточно было разбивать их флоты и двигаться дальше. Через шесть недель противник потерял все свои позиции вокруг главного солнца.

Армада находилась теперь в глубине Сферы, более чем за пятьдесят светолет от ближайшей старой имперской базы. У орнитонидов не было лучшей возможности отрезать флот от Империи, чем теперь. Если бы они собрали все свои силы для решающей битвы — не на одном месте, разумеется, а на большом пространстве, ведя бой несколько недель подряд, — имперский флот все равно превышал бы их числом. Однако им бы постоянно поступали боеприпасы, а терранам — нет.

Кахаль предоставил им эту возможность. И они не замедлили ею воспользоваться.

Битва при скоплении Ярро длилась восемь стандартных дней, от начала до бегства последних уцелевших ифриан. Причем первые два дня были лишь вступлением, а последние три — окончательной подчисткой. Подробности войдут в учебники. Коротко говоря, Кахаль воспользовался двумя основными преимуществами. Первым из них была внезапность: он сумел сохранить в секрете большое количество транспорта с боеприпасами, сопровождавшего его. Вторым была организованность: он мог играть на своем флоте, как на музыкальном инструменте, вновь и вновь заманивая разобщенные вражеские отряды в смертельные ловушки.

Налицо, возможно, было и третье преимущество — гениальность. Когда эта мысль пришла Кахалю в голову, он назначил себе епитимью.

Остатки сил Сферы откатились на Кветлан. Кахаль не спешил за ними.

Ифри была чуть поменьше Авалона, чуть посуше, с более тонким облачным покровом, и массивы ее суши лучше просматривались из космоса — красновато-ржавые, освещенные

солнцем более холодным и желтым, чем Лаура. Однако планета среди звезд выглядела очень красиво. Кахаль время от времени отводил взгляд от лица на экране и посматривал в тот иллюминатор. Верховный виван Траувэй сказал:

— Вы проявили смелость, явившись к нам домой. — Он бегло говорил на англике и пользовался вокализатором для лучшей четкости произношения.

Кахаль посмотрел в немигающие желтые глаза и ответил:

— Вы согласились на переговоры. Я полагаюсь на вашу честь. — *«А также на свою "Сверхновую" и на ее конвой. Надо напомнить ему об этом».* — Эта война для меня — несчастье. Мне очень не хотелось бы выжигать ваш мир или продолжать истреблять ваш храбрый народ.

— Это было бы не так просто, адмирал, — медленно сказал Траувэй. — У нас есть оборонная техника.

— Нам это известно. Виван, могу ли я говорить прямо?

— Да. Ведь эта беседа, как вы понимаете, ни к чему нас не обязывает.

— Это так, хотя ее смотрят полмиллиарда ифриан. Лучше бы не смотрели. Я прямо-таки чувствую их.

«Что у них за правительство? Не то чтобы демократическое — на него нельзя навесить ни один терранский ярлык, и даже правительством его нельзя назвать. Может, нам, людям, есть чему поучиться у них? Все, что бы мы ни пробовали, в конце концов рушится, и единственный ответ, который мы, каждый раз находим, — это грубая простота Цезаря.

Стоп, Хуан! Ты офицер Империи».

— Я благодарю вивана, — сказал Кахаль, — и призываю его и его народ поверить в то, что мы не станем больше нападать на вас, если нас не вынудят к этому или если мы не получим такого приказа. В настоящий момент у нас для этого нет причины. Наша цель достигнута. Мы можем закрепить свои законные права на границе. Всякое сопротивление нам было бы спорадическим и, извините за выражение, жалким. Сравнительно небольшие силы могут блокировать Кветлан. Да, отдельным кораблям иногда будет удаваться пробиться сквозь блокаду. Но в целом вы будете отрезаны от своих внесистемных владений, союзников и сторонников. Судите сами, долго ли продержится Сфера как политическое единство в таких условиях.

Подумайте также о том, что вы, решив обороняться, станете постоянным бельмом на глазу Империи. Рано или поздно она непременно разделается с этой помехой. Я не говорю, что это справедливо — но это правда. И я сам отдам приказ открыть

огонь. Мне останется лишь уйти в отставку, если я сочту подобные меры чересчур драконовскими. Но у Его Величества много адмиралов.

Звнящая тишина окружила распятого Христа. Наконец Траувэй спросил:

— Вы призываете нас сдаться?

— Заключить перемирие.

— На каких условиях?

— Взаимное прекращение огня, разумеется... окончательное прекращение! Захваченные корабли и прочую военную технику Терра оставит за собой, но пленных обе стороны вернут. Мы оставим свои войска в системах, в которые мы вошли, и займем требуемые Империи миры, которые еще не заняли. Местные власти и население будут подчиняться военному правлению. Мы, со своей стороны, гарантируем уважение законов и обычаев, свободу слова, если она не будет использоваться в подстрекательских целях, и право жаловаться, временную экономическую помощь, как можно более скорое возобновление нормальной торговли — и всем жителям предоставляется право продать свою собственность на открытом рынке и оставить свою планету. Некоторая часть моего флота будет базироваться близ Кветлана и постоянно курсировать по системе, но высаживаться у вас без приглашения и мешать торговле не станет — возможен лишь досмотр с целью убедиться, не перевозятся ли войска или оружие.

По перьям вивана прошла рябь. Кахалю хотелось бы знать, что это значит. Голос Траувэя остался невозмутимым:

— Вы все-таки требуете, чтобы мы сдались.

— Нет, сэр, не требую, — покачал головой человек, — это значило бы превысить свои полномочия. Мирный договор — дело дипломатов.

— На что мы можем надеяться, если заранее признаем свое поражение?

— На многое. — Кахаль набрал побольше воздуха. — Я почтительно предлагаю вам посоветоваться с вашими знатоками человеческой социодинамики. На вас, грубо говоря, оказывают влияние две вероятности: положительная и отрицательная. Отрицательная — это ваша способность возобновить войну. Почти вся ваша промышленность осталась нетронутой, у вас имеются корабли с храбрым личным составом, а ваша родная звезда хорошо защищена и может достаться нам дорогой ценой.

Виван и весь ифрийский народ! Я торжественно заверяю вас в том, что Империя не желает разорять Сферу. Зачем нам

это? Помимо лишних расходов и опасности, это значило бы лишиться высокоразвитой цивилизации. То, что нам нужно, то, к чему мы стремимся, — это ваша дружба. Эта война, собственно, и затевалась ради того, чтобы устранить поводы для трений. Пойдемте дальше рука об руку.

Я не могу, конечно, предсказать, каким будет окончательный мирный договор. Но обращаю ваше внимание на многочисленные документы, подписанные Империей. Они совершенно ясны — и совершенно правдивы, ибо Империи выгодно, чтобы ее слову верили.

Сфере придется расстаться с некоторыми территориями, но можно будет договориться о компенсации. В конце концов, там, где вы не граничите с нами, вам открыта вся Вселенная.

Кахалю оставалось надеяться, что он прочел свою речь хорошо. Ее составляли специалисты, и он репетировал часами. Но если эксперты рассудили неверно или он сам напортил...

«О Боже, пусть кончится эта бойня... и прости меня, если я в глубине души составляю план захвата этой планеты».

Траувэй оставался неподвижным еще несколько минут, а потом сказал:

— Нам необходимо подумать. Пожалуйста, будьте готовы дать нам необходимые справки, если понадобится.

Где-то на корабле ксенолог, всю жизнь посвятивший изучению ифриан, вскочил со стула, смеясь и плача одновременно:

— Война окончена! Война окончена!

По всему Флервилю звонили колокола — бронзовый гул собора сливался с переливом церкви поменьше. Ракеты летели ввысь, взрываясь разноцветными снопами на фоне летних звезд. На улицах толпился народ, пьяный скорее от счастья, чем от спиртного: люди дули в рожки, кричали, и каждую женщину поцеловала добрая сотня незнакомцев, вдруг вспыхнувших к ней любовью. Днем по улицам под звуки труб маршировали имперские космофлотчики и гудели над головой эскадрильи самолетов и мелких космических судов. Но настоящее веселье пришло в столицу Эсперансы и сектора Пакс ночью.

Высоко на холме Экрем Саракоглу смотрел из оранжереи губернаторского дворца на галактику городских огней. Он знал, почему город бурлит — шум докатывался до него, как отдаленный прибой — и почему так ярко сияет. Частичная причина — пацифистские традиции колонистов; сегодня они могут перестать ненавидеть своих братьев, носящих имперскую форму. «Однако, — подумал он, — подозреваю, что тут говорит и чисто животное облегчение. На этой планете пахло

страхом со времен первых пограничных инцидентов, а с официальным объявлением войны страх еще сгустился. Один ифрийский рейд, не замеченный вовремя нашими кордонами, — и вот небо над головой вспыхивает огнем...»

— Мир, — сказала Луиза. — Я не сразу поверила.

Саракоглу посмотрел на ее маленькую фигурку. Луиза Кармен Кахаль и Гомес не оделась в веселые тона, придя к нему обедать. Ее платье, хотя и соответствовало всем требованиям этикета, было из простого серого вельвля. Из украшений — только крошечный золотой крестик на груди и несколько синтетических бриллиантов в волосах. Они сверкали в ее высоко подобранных черных локонах, как ночные солнца там, над головой — или как слезы, что повисли у нее на ресницах.

Губернатор, облекший свою внушительную фигуру в кружева, оборки, тигровый арктоновый жилет, короткие зеленые штаны из иридона, белоснежные шиммерлиновые чулки и нацепивший драгоценности везде, где только можно, отважился потрепать ее по руке.

— Вы боитесь, как бы война не возобновилась? Нет. Это невозможно. Ифриане не безумны. Согласившись с условиями перемирия, они признали поражение даже не столько перед нами, сколько перед самими собой. Ваш отец скоро вернется домой. Его работа закончена. — Он вздохнул, надеясь, что не слишком театрально. — А вот моя будет потруднее.

— Из-за переговоров?

— Да. Последнее слово, конечно, останется не за мной — однако я полномочный представитель Терры, и Империя будет целиком полагаться на мое мнение и мнение моих помощников. Как-никак, наш сектор по-прежнему граничит со Сферой, и теперь в него войдут новые миры.

Ее взгляд был слишком пронизателен для такой молодой девушки.

— Вы станете очень важным лицом, не так ли, ваша светлость? — прохладно, если не холодно, спросила она.

Саракоглу обрывал увядшие лепестки с фуксии. Рядом благоухал коричный куст — ифрийское растение.

— Что ж, это верно. Я не хотел бы вам лгать, донна, и напускать на себя ложную скромность.

— Сектор расширяется и реорганизуется. Вам, возможно, пожалуют более высокий титул или произведут в рыцари. А потом скорее всего отзовут домой и сделают лордом-советником.

— Мечтать не возбраняется.

— Вы способствовали этой войне, губернатор.

Саракоглу провел рукой по лысому черепу. *«Ладно. Если она не понимает или ей все равно, что это из-за нее я отослал Хельгу и Жоржетту (сплетня об этом, конечно, уже дошла до нее, хотя она не сказала ни слова, не подала и виду). — что ж, я могу и вернуть их; а если они не захотят, в других недостатка не будет. Эта моя мечта, без сомнения, лишь вечный дурацкий отказ мужчины признать, что он стареет и толстеет. Я успел узнать, с какими приправами лучше всего глотать разочарование».*

Но сколько в ней жизни, когда она стоит вот там среди цветов».

— Я способствовал тому, чтобы покончить с трудным положением, пока оно не стало еще хуже. Ифриане — не святые мученики. Они расширяли сферу своего влияния, насколько им только позволяли их ресурсы. И при этом гибли люди. Донна, я присягал Terre.

Но она все не спускала с него глаз.

— Однако вы понимали, что это благоприятно отразится на вашей карьере, — по-прежнему спокойно сказала она.

— Разумеется. Но поверите ли вы, что это не упростило, а очень осложнило мою жизнь? Я действительно думал, что очистка границы принесет пользу. И думаю сейчас, что сумею лучше других переустроить Сферу, да и восстановить отношения с Ифри; а затем, если посчастливится, добьюсь своего и в Политкомитете, проведя в жизнь кое-какие реформы. Что же мне — отказаться от этой работы, чтобы совесть была спокойна? И неужели так дурно, что эта работа приносит мне радость? — Саракоглу достал из кармана портсигар. — Возможно, на эти вопросы следует ответить «да». Но как может смертный быть в этом уверен?

Луиза сделала к нему пару шагов. Он, несмотря на бьющееся сердце, сохранил на лице скорбную полуулыбку.

— О, Экрем... Извините — ваша светлость...

— Не извиняйтесь, донна, я польщен.

Она не предложила, чтобы и он называл ее по имени, но сказала, улыбаясь сквозь слезы:

— И за мои намеки тоже извините. Я не хотела. Я ни за что не пришла бы к вам сегодня, если бы не считала вас... порядочным человеком.

— А я даже не смел надеяться, что вы придете, — сказал он почти искренне. — Вы могли бы сегодня праздновать с вашими сверстниками.

Бриллианты сверкнули — она покачала головой:

— Нет, не в такой день! Вы слышали, что у меня был жених? Он погиб в бою два года назад. Превентивная акция, что

называется — усмирение каких-то племен, которые отказались последовать «совету» имперского резидента. Так вот. Сегодня я не нашла слов, чтобы возблагодарить Бога. Мир — слишком огромный дар, чтобы выразить это словами.

— Вы же дочь адмирала. Вы должны знать, что мир никому в подарок не достается.

— А войны? Они даются даром?

Их прервало деликатное покашливание. Саракоглу обернулся, думая, что это дворецкий пришел предложить им коктейли, и вид флотской формы привел его в раздражение.

— Да? — рывкнул он.

— На одну минуту, сэр, — нервно сказал офицер.

— Умоляю простить меня, донна. — Саракоглу склонился над восхитительно тонкой рукой Луизы и вышел с офицером в холл. — Итак?

— Курьер из системы Лауры, сэр. — Офицер дрожал и был бледен. — Пограничная планета Авалон, знаете ли.

— Как не знать? — Саракоглу приготовился к худшему.

— Так вот, сэр, они получили известие о перемирии, но не согласны с ним. Говорят, что будут продолжать войну.

Глава 13

Худой бородатый человек на экране сказал тоном, близким к отчаянию:

— Господа, вы ведете себя так... словно вы сумасшедшие.

— Мы в этом не одиноки, — ответил Дэниел Холм.

— Так вы намерены отколоться от Сферы? — воскликнул адмирал Кахаль.

— Нет. Мы намерены в ней остаться. Нам тут хорошо. И имперские бюрократы нам ни к чему.

— Но перемирие...

— Разумеется, огонь открывать не будем. Авалон никому не хочет зла.

Кахаль стиснул зубы.

— Нельзя выбирать в соглашении только те пункты, которые вам нравятся. Ваше правительство заявило, что Империя может оккупировать эту систему вплоть до подписания окончательного мирного договора.

Лео с Каровых Озер приблизил свою серебряную голову к сканнеру, передавшему его изображение в кабинет Холма и на корабль Кахаля, круживший по орбите.

— У ифриан заведено не так, как у терран, — сказал он. — Миры Сферы связаны друг с другом обетом взаимной вер-

ности. Если наши собратья не в силах больше помочь нам, это не дает им права приказывать нам, чтобы мы прекратили защищаться. Напротив, честь обязывает нас сражаться, чтобы тем помочь им.

Кахаль потряс кулаком.

— Господа, — прохрипел он, — вы, кажется, полагаете, что теперь у нас Смута и ваши противники — это варвары, у которых нет ни цели, ни организации и которые уйдут, натолкнувшись на ваш отпор. Так вот, вы имеете дело с Терранской Империей, которая мыслит в категориях столетий и правит тысячами планет. Для вас не потребуются ни такие сроки, ни такая сила. Практически весь флот, покоривший Сферу, можно теперь сосредоточить вокруг вашего шарика. Так оно и будет, господа. Если вы напрашиваетесь на это — так и будет. — Он прожег их взглядом. — У вас сильная оборона, но вы сами понимаете, как ее можно подавить. Сопротивление не принесет вам ничего, кроме разрушений и гибели тысяч и миллионов. Вы советовались с ними?

— Да, — сказал Лео. — Между известием о капитуляции Ифри и вашим прибытием круаты и парламент голосовали еще раз. Большинство за то, чтобы держаться.

— Каково же большинство на этот раз? — спросил прощательный Кахаль. Увидев, как у ифрианина вздыбились перья и дернулось лицо, он кивнул: — Мне не хотелось бы воевать с потенциально ценными подданными Его Величества, а уж тем более с женщинами и детьми.

— Скажите, адмирал, — заволновался Холм, — нельзя ли эвакуировать всех лишних и тех, кто не хочет оставаться... до начала боевых действий?

Кахаль помолчал с застывшим лицом и сказал так, словно у него болело горло:

— Нет. Я не собираюсь помогать врагу избавляться от того, что его связывает.

— Так вы намерены возобновить войну? — спросил Лео. — Разве нельзя соблюдать прекращение огня до тех пор, пока не будет подписан мирный договор?

— А если этот договор отдаст Авалон Империи, вы подчинитесь?

— Возможно.

— Нет, это неприемлемо. Лучше всего покончить с этим теперь же. — Кахаль заколебался. — Разумеется, потребуются время на то, чтобы все уладить и вызвать сюда армаду. Юридически прекращение огня отменяется, когда мой корабль отойдет на обусловленное расстояние. Но война некоторое время

останется в статус-кво, и фактически прекращение огня по отношению к Авалону и Моргане будет пока соблюдаться. Я посоветуюсь с губернатором Саракоглу. Заклинаю вас и всех авалонцев тоже посоветаться друг с другом и использовать эту передышку для принятия единственно мудрого решения. Если вы захотите что-то сказать нам, вам стоит лишь передать по радио просьбу о переговорах. Чем скорее вы это сделаете, тем более мягкого — и уважительного — обращения сможете ожидать.

— Принято, — сказал Лио. Последовало прощание, и экран с Кахалем погас.

Холм и Лио посмотрели друг на друга через разделяющие их километры. За спиной у маршала беспокойно зашевелился Аринниан.

— Он не шутит, — сказал Холм.

— Насколько справедлива его оценка наших сравнительных возможностей? — спросил виван.

— Она довольно верна. Мы не сможем удержать всю его силу, если она навалится на нас. Со всеми кораблями, которые он сюда соберет, и с бомбардировкой через наш пояс сможет проникнуть достаточное количество техники. Остается положиться на нежелание Империи портить первоклассную недвижимость... ну и на личную нелюбовь этого человека к негасмерти.

— Ты говорил, у тебя есть какой-то план.

— Мы с сыном думаем над ним. Если в нем будет какой-то смысл, о нем услышишь и ты, и все, кому положено. А пока что, Лио — думаю, ты так же занят, как и я. Попутного тебе ветра.

— Летай высоко, Дэниел Холм. — И его экран тоже погас.

Маршал, нахмуясь, раскурил сигару, встал и подошел к окну. Снаружи стоял ясный зимний день. В Грее не выпадал снег, как в горах или на северных землях, и сузин зеленел на его холмах круглый год. Зато дул ветер, холодный и бодрящий, свинцовый залив был весь покрыт белыми барашками, на людях хлопали и бились плащи, ифриане в воздухе боролась с изменчивыми воздушными потоками.

Аринниан подошел к нему, но должен был облизнуть губы, прежде чем заговорить.

— Отец, есть у нас шанс?

— Выбора у нас точно нет.

— Почему? Можно проглотить свою проклятую гордость и сказать народу, что война проиграна.

— Тогда нас сместят, Крис. И ты это знаешь. Ифри могла сдать — ее ведь не оккупируют. Другие колонии смирились с оккупацией, поскольку всем ясно, что плетью обуха не перешибешь. Мы отличаемся от них и в том и в другом. — Холм покосился на сына сквозь синий дым. — Ты, часом, не боишься?

— Во всяком случае не за себя. За Авалон — да. Вся эта риторика насчет свободы. Разве свободны трупы в обугленной пустыне?

— Мы же не обрекаем себя на уничтожение. Мы рискуем быть уничтоженными — а это другое дело. Суть в том, чтобы на нас обломали зубы.

— Если Авалон войдет в Империю и нас не устроят условия, мы можем эмигрировать в Сферу.

Маршал обвел пальцем окно.

— А где мы еще найдем это? И что останется от того, совсем особенного, общества, которое создали мы — и наши предки? — Он поднял и сказал задумчиво: — Я как-то читал книгу по истории колонизации. Ее автор высказывает одну интересную мысль. Он говорит, что надо оставлять побольше почвы под травой, фитопланктоном, прочей естественной растительностью — все равно. Это нужно для сохранения атмосферы. А эта растительность — часть экологической системы, поэтому приходится охранять также разные виды животных, почвенных бактерий и так далее. Так вот, поскольку надо сохранять биосферу, то дешевле — и легче, и продуктивней — добывать продукты питания и все такое из нее, чем синтезировать. Поэтому колонисты в сходных с Террой мирах почти всегда становятся земледельцами, скотоводами, лесоводами и так далее, а еще горняками и промышленниками.

— Ну и что?

— А то, что ты вырастаешь в свой мир поколение за поколением. Мир — это не стены и не машины, это живая природа, это дерево, на которое ты лазил маленьким, и поле, которое расчистил твой дед, и вон тот холм, на котором ты впервые поцеловал девушку. Его воспевали твои поэты, его рисовали твои художники, в нем разворачивалась твоя история, твои пращуры возвращали свои кости его земле, и с тобой будет то же. Он — ты, а ты — он. Ты не больше способен отдать его кому-то, чем вырвать сердце из своей груди. — Холм снова взглянул на сына: — Мне казалось, ты должен чувствовать это сильнее меня, Аринниан. Что с тобой?

— Все из-за этого человека, — промолвил сын. — Он не пугал разными ужасами — он предостерегал, он убеждал. И я

тогда представил себе, что может быть. Представил себе мать, ребят, тебя, своих чотовиков...

«Эйат, Грилл. Грилл-Табиту. В эти недели мы работали вместе — она, Эйат и я... Три дня назад мы летели — я в середине, они по бокам — проверять базу подводных лодок. Сверкающие бронзой крылья и развевающиеся светлые волосы; золотые глаза и зеленые глаза; острый угол килевой кости и тяжелые груди... Она чиста. Я знаю, это так. Я изобретал самые разные предлоги, чтобы повидать ее, побыть с ней. Но этот проклятый бойкий терранин, которого она держит в своем доме, этот дешевый космополит, слышит ее веселый смех, немного хриплый голос чаще, чем я».

— Признай за нами нашу честь, — сказал отец.

«Эйат скорее умрет, чем сдастся». Аринниан расправил плечи.

— Да. Конечно, папа.

Холм слегка улыбнулся:

— В конце концов, это у тебя зародилась оч-чень интересная мысль, которую мы собрались обсудить.

— Собственно, это не я автор. Я говорил с Табитой Фолкейн — знаешь ее? И она обронила эту идею, так, полушутя. А потом я подумал — что, если...

— Хм... Похоже, она девушка с головой. Особенно если в эти дни она сохранила способность шутить. — Холм подметил устремленный в пространство взгляд сына, отвел глаза и сказал: — Ну, за работу. Сначала посмотрим карту, да?

Можно было догадаться, о чем он думает. Внезапное ободрение и морщинки вокруг глаз выдавали его. *«Ну-ну. Крис наконец-то встретил женщину, которая для него не секс-машина и не ифрианка. Сказать Ро или нет? Скажу пока только, что мы с сыном снова вместе».*

В окрестностях Сент-Ли зима означает дожди. Они лили, они шумели, они обманывали и ласкали, под ними хорошо было ходить раздетым, а когда они ненадолго утихали, то оставляли за собой радугу.

Но все-таки много времени приходилось сидеть дома, разговаривая или слушая музыку. Ясный вечер терять было нельзя.

Табита с Рошфором шли вдоль берега, сплетая пальцы. По случаю теплой погоды на нем был только кильт с кинжалом у пояса — подарком Табиты, под пару ее собственному.

Полная Моргана вставала из восточных вод. Ее диск, почти без пятен, ослеплял белизной, и звезды рядом с ней казались маленькими и нежными. Ее свет бежал, дробясь, от горизонта до волн прибоя, венчая их бледным огнем: она озаряла дюны,

и верхушки деревьев, стоящих слева темной стеной, будто парили в воздухе. Ветра не было, и прибой бил ровно и глухо, словно сердце. Запахи листвы и земли сплетались с дыханием моря. Пески возвращали тепло дня и слегка скрипели, сладко уступая нажиму босой ноги.

— И все это погибнет? — с болью сказал Рошфор. — Будет сожжено, отравлено, разорвано в клочья? И ты!

— Мы полагаем, что этого не случится.

— Говорю тебе — я знаю, что вас ждет.

— Бомбардировки не избежать?

— Это будет крайняя мера. Если вы, авалонцы, в своем безумном высокомерии не оставите выбора, тогда... — Рошфор осекся. — Прости. Мне не следовало этого говорить. Просто это известие задело меня за живое.

Она сжала его руку:

— Я понимаю, Фил. Ты не враг.

— Ну что плохого в том, чтобы войти в Империю? — Он показал на небо. — Смотри. Солнца за солнцами, солнца за солнцами. Они могли бы стать твоими.

— Хотелось бы... — вздохнула Табита. Она как зачарованная слушала его рассказы о мирадах этих миров. Внезапно она улыбнулась, блеснув зубами в одевавшем ее лунной свете. — Нет. Ловлю тебя на слове: ты покажешь мне, как обещал, Терру, Ансу, Добрую Надежду, Цинтию, Воден, Диомед, Виксен — все чудеса, о которых ты мне нарасказал, когда настанет мир.

— Если мы будем еще в состоянии.

— Будем. Ночь так хороша, что в это нельзя не верить.

— Боюсь, что я не могу принять твою сторону, — медленно сказал он. — И это тоже причиняет мне боль.

— Не можешь? То есть — ты ведь смелый человек, я знаю, и способен наслаждаться жизнью, как бы она ни повернулась. — Ее голос дрогнул и ресницы опустились. — Насколько это возможно.

Он приостановился и взял ее другую руку. Они немного постояли молча.

— Я попытаюсь, — сказал он, — ради тебя. Ты поможешь мне?

— Я буду помогать тебе во всем, Фил.

Они уже целовались — сначала шутя, когда почувствовали себя легко друг с другом, потом серьезнее. Сегодня она не удерживала ни его рук, ни своих.

— Фил и Грилл, — прошептала она наконец. — Фил и Грилл. Дорогой, я знаю один мыс в паре километров отсюда. На нем

растут деревья, но сквозь них видны луна и море. И трава там густая и мягкая...

Он пошел за ней, сам не веря в свою удачу. Она засмеялась глубоким грудным смехом.

— Да, я все продумала заранее, — пропела она. — И вот уж несколько дней поджидаю случая. Ты не против того, чтобы тебя соблазнили? Может, нам и правда немного осталось.

— Вся жизнь с тобой — и то слишком мало, — проговорил он.

— Тебе придется помочь мне, любовь моя. Ты у меня первый. Это тебя я ждала.

Глава 14

Аринниан окликнул Эйат снизу:

— Хой-я! Спускайся и пошли. — Он усмехнулся и добавил на английском: — Нам, важным персонам, ждать некогда.

Она сделала еще один круг. Солнце у нее за спиной превратило ее крылья в бронзу, окруженную золотым ореолом. «Она будто сама солнце, — подумал он, — или ветер, или еще что-нибудь дикое и прекрасное над этой железобетонной пустыней». Потом она захлопала крыльями, затормозила в воздушном вихре и стала рядом с ним, тревожно поглядывая на торпедообразную машину позади него.

— Нам обязательно лететь в этой штуке?

— Да — перед нами ведь добрых полпланеты. Но вот увидишь — это не страшно. К тому же полет продлится недолго. Не пройдет и часа — и мы на Сент-Ли. — *У Табби.* — Ну, давай руку.

Она послушалась. Когтистые пальчики, которые могли бы его растерзать, доверчиво покоились в его руке, тонкие и теплые. Он повел ее по трапу. Она и раньше, конечно, летала в машинах, но только в прозрачных витриловых, типа «зеница», хрупких и потому медленных.

— С этой проблемой придется вплотную столкнуться чотам вроде Ворот Бури, где все в основном охотники, — сказал он. — Клаустрофобия. Вы слишком ограничиваете свои передвижения, соглашаясь летать только в прозрачных машинах.

— Водан терпит еще и не такое, — вскинула она голову, — и мне стыдно за свои колебания, Аринниан.

— Да, я надеюсь, что и ты увидишь то же, что и Водан. Ему ведь нравится в космосе, правда?

— Д-да. Он говорил мне. Он не хотел бы служить там постоянно, но мы задумали посетить разные планеты после войны.

— Вот мы сегодня и попробуем убедиться, что не только цель, но и само путешествие — это нечто особенное. М-м, а знаешь, Эйат, мы могли бы отправиться двумя парами... Ладно. Садись сюда.

Он усадил ее в кресло второго пилота, хотя она была пассажиркой, и пристегнул ремни.

— Обычно в этом нет необходимости, — объяснил он. — Такой флиттер летает в космос — на нем можно запросто добраться до Морганы, а если надо, то и до ближних планет — поэтому его внутреннее поле настраивается на разную силу тяжести. Но мы сейчас пойдем по верхним слоям атмосферы, чтобы не вызвать сверхзвукового хлопка. И хотя на войне сейчас вроде бы ничего не происходит и над нами целая завеса космических крепостей, все-таки...

Она потерялась хохолком ему о плечо.

— Ну конечно, Аринниан.

Он пристегнулся сам, проверил приборы, получил добро и взлетел. Первые стадии полета управлялись дистанционно, чтобы вывести машину из пляски неагравных полей, охранявших космопорт. Потом Аринниан набрал высоту так быстро, как только допускали правила, и в верхних слоях стратосферы настроил машину так, чтобы сделать время полета минимальным.

— О-о-о, — выдохнула Эйат.

Они плавно неслись вперед. Из иллюминаторов открывался вид на все стороны. Внизу — серебристый океан Авалона. Вокруг — пурпурные сумерки, солнце, луна, несколько звезд: беспредельность, холодная и безмятежная.

— Картинки-то ты видела, — сказал Аринниан.

— Да. Но это не одно и то же. — Она схватила его за руку. — Спасибо тебе, дорогой мой небесный друг.

«И я лечу к Табби, рассказать ей про план, который может принести нам успех — и потребует от нас совместной работы. Как смею я чувствовать себя таким счастливым?»

Они летели молча, как заведено у ифриан — такое молчание сближает теснее, чем человеческая болтовня.

На пути им встретилась сплошная облачность, но, пробившись сквозь нее, они увидели жемчужно-серое небо, индиговое, в белых кружевах, море и густо-зеленый остров. Маленькое посадочное поле было устроено на склоне горы в нескольких километрах от поселка, где жила Табита. Когда Крис ей звонил, она пообещала встретить их.

Он отстегнулся чуть дрожащими пальцами. И, не задержавшись, чтобы помочь Эйат, заторопился к шлюзу. Дверь

открылась, опустился трап. Бриз взъерошил волосы — теплый, влажный, пахнувший янией, растущей вокруг поля. Табита стояла рядом и махала ему.

Левой рукой. Правой она держала руку терранина.

— Ты что, весь день собираешься там стоять, Крис? — крикнула она через полминуты.

Он спустился. Те двое отпустили друг друга и подали ему руки по человеческому обычаю. Табита при этом ногой гладила ногу Рошфора. На ней не было ничего — только узор на коже. В нем содержался банальный мотивчик — сердце, пронзенное стрелой.

Аринниан поклонился.

— Нам нужно обсудить одно срочное дело, — сказал он на планха. — Лучше всего сразу отправиться к Драуну.

Оказалось, что компаньон и начальник Табиты ожидает их у нее дома.

— У меня чересчур много детворы и вассалов, — проворчал он. — А дело, должно быть, секретное, иначе ты бы просто позвонила — хотя от тебя тут уже в глазах рябит.

— У меня они всегда желанные гости, — холодно заметила Табита.

Аринниан не мог разобраться — действительно атмосфера так напряжена или напряженность существует только внутри его. Тощий, покрытый шрамами Драун не топорщил перья, однако сидел в угрюмой позе — опираясь на хвост и крылья — и беспрестанно поглаживал свой кинжал. Табита смотрела на Рошфора уже не с такой нежностью, как на поле, а будто ища у него опоры.

Посмотрев по сторонам, Аринниан отметил в ее гостиной кое-какие перемены. Ему нравилась эта комната. Табита проектировала свой дом сама. Потолок с флюоропанелью был низким по ифрийским стандартам, чтобы придать гармонию пропорциям. На полированном дубовом полу лежали сузиновые циновки, в стенах из медного дерева были проделаны большие окна; кресла, маленькие столики, каменная урна с цветами. В комнате, безупречно чистой, царил уютный беспорядок: тут подставка с трубками и жестянка с табаком, здесь книга, там модель корабля, которую строила хозяйка.

Однако сегодня Аринниан увидел здесь учебные книги по Авалону и гитару, заказанную, должно быть, недавно — Табита на ней не играла. Занавес, за которым была ее спальня, был не задернут, и там виднелась новая кровать из дерева и кожи — двуспальная.

Эйат тронула его крылом. Ей нравился Драун. Аринниан почувствовал идущее от нее тепло.

— Да, — сказал он. — Дело действительно тайное. — Он посмотрел в глаза Рошфору: — Вы, кажется, изучаете планха. Далеко ли вы продвинулись?

Терранин улыбнулся странно застенчиво для врага-инопланетянина, совратившего девушку, иногда именуемую Грилл.

— Не сказать чтобы очень, — признался он. — Пару фраз могу сказать, если вы не сочтете мой акцент ужасающим.

— У него чертовски хорошо получается, — сказала Табита и обняла его.

Держа ее за талию, Рошфор заявил:

— Я все равно не сумею передать ваши планы своим, если вас волнует это, гражданин — то есть Кристофер Холм. Но лучше я сразу же проясню ситуацию. Свои для меня — это Империя. Заступая на свой пост, я принес присягу, и пока что не имею возможности подать в отставку.

— Хорошо сказано, — промолвила Эйат. — Мой жених тоже бы так счел.

— Что такое честь для терранина? — фыркнул Драун. Табита метнула в него яростный взгляд. Не успела она ответить, Рошфор, не понявший, видимо, эту фразу, продолжил:

— Вы сами видите, что я... собираюсь остаться на Авалоне после войны. Чем бы она ни кончилась. Однако я вижу лишь одну вероятность ее исхода. Кристофер Холм, я влюбился не только в эту даму, но и в ее планету. Могу ли я убедить вас смириться с неизбежным, прежде чем Табби и Авалон постигнет ужасная участь?

— Нет, — ответил Аринниан.

— Так я и думал, — вздохнул Рошфор. — Ладно, пойду погуляю. Часа будет достаточно?

— О да, — сказала Эйат на англике.

— Я люблю ваш народ, — улыбнулся Рошфор.

— Я тебе нужна? — спросила Эйат Аринниана. — Ты ведь будешь объяснять им общий замысел — я это уже слышала. — Она издала легкий свистящий звук, существовавший только в авалонском диалекте планха и заменяющий смехок. — Знаешь, как жены убегают от старых шуточек своих мужей?

— А что ты будешь делать?

— Погуляю с Ф... Филиппом Хроаш-Фором. Он был там, где и Водан.

«И ты туда же?» — подумал Аринниан.

— И он друг Грилл, нашей подруги, — добавила Эйат.

— Иди, если хочешь.

— Значит, через час. — Постукивая ногтями и шурша перьями, Эйат подошла к терранину и взяла его под руку. — Пойдем; нам надо о многом поговорить, — сказала она на своем певучем английском.

Он снова улыбнулся, коснулся губами губ Табиты и вышел с ифрианкой. В комнате настала тишина, нарушаемая только вздохами деревьев снаружи. Аринниан продолжал стоять на месте. Драун скалил зубы. Табита порылась в своих трубках, выбрала одну и стала набивать, вся уйдя в это занятие.

— Меня не вини, — сказал Драун. — Я бы развалил его надвое, как его лысого друга, если б Грилл не воспротивилась. Знаешь, она не разрешила мне даже сделать кубок из черепа.

Табита застыла.

— Ладно, скажи, когда его пыл тебе надоест. Я вспорю ему брюхо на алтаре Иллариана.

Она подскочила к нему. Рубец взбух у нее на щеке, словно кость.

— Ты что, хочешь, чтобы я разорвала наше партнерство? Или вызвала тебя на поединок?

— Табита Фолкейн может жить, как ей угодно, Драун, — сказал Аринниан.

— А-р-р-рх, может быть, я сказал лишнее, — пробурчал тот, взъерошив перья и оскалившись. — Только вот долго ли нам еще сидеть в этой клетке из терранских кораблей?

— Сколько нужно, столько и просидим, — отрезала Табита, все еще бледная и дрожащая. — Ты хотел бы кинуться на них и погибнуть, как безмозглый герой какой-нибудь саги? Или вызвать на наши головы боеголовки, способные поджечь весь континент?

— Почему бы и нет? Все в конце концов умирают. Вот был бы фейерверк! — ухмыльнулся он. — Лучше всего, конечно, послать Терру с ветерком в ад, но раз это, к несчастью, невозможно...

— Я бы лучше проиграла войну, чем погубила бы планету, любую планету, — сказала Табита. — Тем более ту, на которой есть жизнь. И я скорей бы отдала эту планету, чем видеть, как она гибнет. — Ее голос окреп, и она смотрела прямо на ифрианина. — Вся твоя беда в том, что старая вера поощряет то стремление убивать, которое пробудила в тебе война — а убивать некого.

«Возможно, — без слов сказал Драун. — Но я хотя бы не сплю с врагом».

Табита предпочла оставить его мимику без внимания и спросила Аринниана:

— Можно ли изменить эту ситуацию? — почти робко улыбаясь при этом.

Он не улыбнулся в ответ и сказал:

— Да. Сейчас я объясню вам, что мы задумали.

Орнитойды не любят долго ходить пешком, а беседовать на лету невозможно, поэтому Эйат повела Рошфора на конюшню. Часто бывая здесь в последнее время, она знала, где что находится. Тут держали нескольких зиррауков и одну лошадь для Табиты. Родство этих животных ограничивалось общей принадлежностью к теплокровным четвероногим — зиррауки не были млекопитающими в точном смысле слова; но служили они для одной и той же цели, хотя были мельче лошадей.

— Сможешь ты оседлать свое животное? — спросила Эйат.

— Да — я научился этому, пожив здесь. Раньше-то я видел лошадей разве что в зоопарке, — небрежно ухмыльнулся он. — Может, спросим разрешения?

— Зачем? Во всех цотах подчиняются обычаям своих гостей, а в Воротах Бури не принято спрашивать, можно ли что-то взять, когда ты в доме у друзей.

— В доме у друзей? Хотел бы я взаправду чувствовать себя так.

Эйат, держась рукой за столбик, расправила крыло и погладила его перьями по щеке.

Они оседлали своих скакунов и поехали бок о бок по дорожке между рощ. Листья шелестели под морским бризом, серебристые под ярким, лишенным теней светом. Мягко ступали копыта, не поднимая пыли в этом влажном воздухе.

— Ты добрая, Эйат, — застенчиво произнес Рошфор. — И почти все твои сородичи были добры ко мне. Боюсь, что не относящийся к людям пленный не мог бы надеяться на такое на заселенной людьми планете.

Эйат не сразу нашла слова. Она говорила с ним на английском, и ради практики, и из вежливости. Сейчас ей не хватало понятий. Единственная фраза, которую она сумела составить, грешила тавтологией:

— Не обязательно ненавидеть для того, чтобы сражаться.

— Однако это не мешает. Если ты, конечно, человек, — криво улыбнулся он. — Вот и Драун...

— О, он не питает к тебе ненависти. Он всегда такой. Я... как это? Жалею его жену. Нет, не то что жалею — это ведь значило бы, что я чувствую себя выше ее, да? А она вот терпит.

— Почему она не уйдет от него?

— Из-за детей, конечно. А может быть, она не так уж несчастна. У Драуна могут быть свои хорошие стороны, раз

Грилл остается его компаньоном. И все-таки я в браке буду гораздо счастливее.

— Грилл... — покачал головой Рошфор. — Боюсь, что я навлек на себя ненависть твоего... брата Кристофера Холма.

— Конечно, — прошептала Эйат, — ты ведь занял место, которое так хотел занять он. Прямо-таки слышно, как его сердце обливается кровью.

— А ты не держишь на меня зла? Вы ведь с ним так близки.

— Мне больно видеть, как он страдает. Но это пройдет. И потом, я беспокоилась, не слишком ли он к ней привязался. — *«Вот об этом не надо, девочка»*. Эйат посмотрела на человека. — Мы говорили о том, что нас не касается. Лучше расскажи мне о звездах, на которых ты побывал, о пространствах, которые пересекал, и о том, как приходится воевать там.

— Ну, не знаю, — сказала Табита. — Уж очень все неопределенно.

— Назови мне хоть одну стратегию, которая была бы определенной, — ответил Аринниан. — Вся суть в том, что, удастся план или нет, условия все равно изменятся. У Империи отпадет повод нас бомбить, появится веская причина не делать этого, и Авалон будет спасен. — Он посмотрел на Драуна. Тот засмеялся:

— Одобряю ли я, ак-х? По мне, любой план хорош, если позволяет убивать терран.

— А ты уверен, что они высадутся именно там, где надо? — спросила Табита.

— Конечно, нет! — рявкнул Аринниан. — Мы сделаем все, что можно, чтобы они по логике выбрали именно этот район. Кроме всего прочего, мы готовим нескольких дезертиров. Терране вряд ли заподозрят, что их послали мы — ведь улететь с планеты не так уж трудно. Оборонная техника не занимается объектами, направляющимися в космос.

— Хм. — Табита задумчиво провела большой красивой рукой по своему квадратному подбородку, крупному рту. — Если б я была офицером терранской разведки и кто-то, будто бы сбежавший с Авалона, пришел ко мне с такой историей, я бы поместила его под... как этот поганый прибор называется? — под гипнопроб.

— Несомненно, — коротко кивнул Аринниан. — Но дезертиры будут настоящие. Мой отец дал задание ловким людям позаботиться об этом. Подробности я не знаю, но могу угадать. У нас ведь есть и паникеры, и те, которые хотят сдаться, потому что убеждены, что мы в любом случае проиграем.

А есть сомневающиеся, и первые им доверяют. Предположим... ну, например, президент Викери вызывает потенциального предателя для секретной беседы. И говорит ему, что сам бы охотно сбежал, но для него это равносильно политическому самоубийству, зато он может помочь некоторым людям передать кое-что терранам. Понятно? Я не хочу сказать, что именно так все и будет — я не знаю, насколько мы можем довериться Викери, — но детали проработают люди моего отца.

— А перемещение военной техники сделает историю правдоподобной. Превосходно, — злорадно произнес Драун.

— Вот за этим я и прибыл, — сказал Аринниан. — Моя задача побеседовать с начальниками гражданской обороны и заняться координацией наших общих действий. — Встав со стула, он начал прохаживаться взад и вперед перед Табитой, не глядя на нее. — А здесь у вас особый случай, — отрывисто произнес он. — Нам очень помогло бы, если бы кто-то из их же людей передал им ту же информацию.

Она со свистом выдохнула воздух. Драун подался вперед, опершись на ноги.

— Да, — сказал Аринниан. — Твой разлюбленный Филипп Рошфор. Ты скажешь ему, что я прилетел сюда, потому что беспокоюсь за Экваторию. — И он пересказал ей подробности. — Потом я придумаю себе какое-нибудь дело на соседних островах и полечу туда на ранце вместе с Эйат. Наш флиттер останется здесь, без всякой охраны, разумеется. Ты ведь позволяешь ему свободно гулять повсюду, не так ли? Ясно, что он предпримет.

Табита так стиснула черенок трубки, что он сломался, и даже не заметила, что чашечка упала, разбросав пепел и угли.

— Нет.

Аринниан с неожиданной для себя смелостью стал перед ней и взглянул ей в глаза:

— Он значит для тебя больше, чем твой мир?

— Закогти меня Бог, если я стану так его использовать.

— Если он столь благороден, что даже в мыслях не злоупотребит твоим доверием, чего тебе бояться?

— Я не собираюсь уступать ему в том, что касается чести.

— Какая может быть честь у этого ублюдка? — хмыкнул Драун.

Она перевела взгляд на него и потянулась к столику, на котором лежал нож.

— Ну ладно, ладно, — пробормотал тот, отступая.

Все трое испытали облегчение, когда последовавшая за этим тишина прервалась. Кто-то начал колотить в дверь. Аринниан,

стоявший ближе всех, открыл. Это был Рошфор, приведший лошадь и зирраука. Он нервно дышал, и кровь отхлынула от его смуглого лица.

— Еще не пора, — сказал ему Аринниан.

— Эйат... — начал тот.

— Что? — Аринниан схватил его за плечи. — Где она?

— Не знаю. Мы... ехали верхом и разговаривали. И вдруг она закричала. О Господи, у меня не идет из головы этот крик. Потом взмахнула крыльями, взвилась и исчезла за вершинами деревьев, не успел я и рта раскрыть. Я подождал и...

Подошедшая Табита хотела оттолкнуть Аринниана, но, видя, как его пальцы впились в плечи Рошфора, остановилась.

— Фил, — сказала она тихо. — Дорогой, подумай. Она, должно быть, услышала что-то ужасное. Что это было?

— Не представляю. — Терранин морщился от хватки Аринниана, но не пытался вырваться. — Она спрашивала меня... ну, про то, как воюют в космосе. Про то, что я сам испытал. Я и рассказал ей про свой последний бой перед нашей вынужденной посадкой. Ты помнишь. Я тебе тоже рассказывал.

— Может, я о чем-то не спросила?

— Ну да, в общем, я сказал ей, что рассмотрел рисунок на авалонском катере, а она спросила, какой он был.

— И какой же?

— Я сказал какой. А что, не надо было?

— Какой был рисунок?

— Три золотые звезды, расположенные по гиперболе.

Аринниан отпустил Рошфора и ударил его кулаком в лицо. Рошфор покачулся и свалился на пол. Аринниан вытащил нож и... сдержал себя. Растерянный Рошфор сел, изо рта у него текла кровь. Табита опустилась на колени рядом с ним, сама едва владея собой.

— Ты не мог этого знать, дорогой. Ты сообщил ей о том, что ее возлюбленный погиб.

Глава 15

К ночи поднялся ветер. В небе клубились рваные чернотинные тучи, освещенные горбатым серпом несущейся среди них Морганы. В просветах порой мигали звезды. Внизу во тьме бил о берег прибой, а сверху во тьме стонали деревья. Холод вынудил людей одеться как следует. Табита с Рошфором шли по дюнам.

— Ну где же она? — хрипло спрашивал он.

— Наедине с собой.

— В такую погоду, которая, того и гляди, станет еще хуже? Слушай, пусть ее ищет Холм, мы могли хотя бы...

— Они сами о себе позаботятся. — Табита плотнее запахнулась в плащ. — Не думаю, чтобы Крис взаправду надеялся найти ее — разве что она сама захочет, чтобы ее нашли, а это сомнительно. Просто ему надо что-то делать. И главное — расстаться с нами хоть ненадолго. Ее горе — это его горе. Ифриане всегда переживают самое острое горе наедине.

— Святые угодники! Ничего себе кашу я заварил!

Он маячил рядом высокой тенью. Она протянула руку в темноте, ухватившись за реальность его руки.

— Повторяю тебе — ты не мог этого знать. И лучше ей было услышать это вот так, чем терзаться еще много недель или месяцев, не погиб ли он еще более страшной смертью. Теперь она знает, что он ушел сразу, не успев даже почувствовать этого, только что одержав победу над доблестным врагом. И ведь не ты убил его. Его убила наша ракета. Или, скажем лучше, война — все равно что лавина или молния.

— Грязная война, — прохрипел он. — Неужто мы ею еще не насытились?

Она в приступе ярости отпустила его руку.

— Твоя драгоценная Империя может прекратить ее в любой момент, сам знаешь.

— Она уже кончилась бы, если бы не Авалон. Какой смысл тянуть? Вы только вынудите их начать бомбежку.

— Чтобы весь космос узнал, что такое Империя. Это дорого им обойдется впоследствии. — *«О Фил, единственный мой!»* — Ты знаешь, мы рассчитываем, что они все-таки не чудовища и хорошо понимают, в чем их интерес. Не будем больше говорить об этом.

— Приходится говорить. Табби, вы с Холмом... но все дело, конечно, в старом Холме и в других стариках, людях и ифрианах, которым все равно, сколько молодых погибнет — лишь бы они уцелели сами и утвердили свою маразматическую волю...

— Перестань. Прошу тебя.

— Не могу. Теперь вы задумали какой-то новый безумный план и полагаете, что благодаря ему вашей маленькой колонии удастся устоять против всех этих звезд. Если этот план хоть как-то сработает — катастрофа неминуема. Потому что это может продлить войну, обострить ее... нет, я не в состоянии спокойно стоять в стороне и смотреть, как ты в этом участвуешь.

Она остановилась. Он тоже. Они долго смотрели друг на друга в тусклом переменчивом свете.

— Не беспокойся, — сказала она. — Мы знаем, на что идем.

— Сомневаюсь. Что это за план?

— Я не должна говорить тебе этого, дорогой.

— Конечно, — с горечью сказал он, — что из того, если я не сплю ночами и мои дни отравлены страхом за тебя. Слушай, я ведь неплохо разбираюсь в том, что касается войны. И в психологии имперского командования тоже. Я мог бы довольно точно угадать, как оно будет реагировать на ваши действия.

Табита потрясла головой, надеясь, что он не увидит, как она закусил губу.

— Скажи, — настаивал он. — Какой от меня вред? Зато мой совет... Может, ваш план не такой уж бесшабашный. Если б я был в этом уверен...

— Прошу тебя. Прошу, — с трудом выговорила она.

Он положил руки ей на плечи. Лунный свет вошел в его глаза, превратив их в пустые озера.

— Если ты любишь меня, ты скажешь.

Она стояла в потоках ветра. *«Я не могу ему лгать. Или могу? И клятву тоже не могу нарушить. Или могу?»*

— Что там Аринниан велел сказать ему?

«Нет, я не испытываю тебя, Фил. Фил, я... выбираю меньшее из двух зол: ведь ты не хотел бы, чтобы твоя женщина нарушила свою клятву, правда? Я даю тебе счастье, пусть короткое, говоря неправду, которая все равно не повлияет на твое поведение. А потом, когда ты все узнаешь, я на коленях буду просить у тебя прощения».

Она оцепенела, услышав свой собственный голос:

— Ты даешь слово?

— Не использовать то, что услышу, против вас? — Долю секунды он молчал. За спиной у него шипели волны. — Да.

— О нет! — потянулась она к нему. — Я совсем не хотела...

— Я дал тебе слово, любовь моя.

«В таком случае... — подумала она. — О нет. Я не могу сказать ему правду, не посоветовавшись сначала с Ариннианом, который, конечно, будет против, а Фил все равно будет несчастен, испытывая страх за меня — и за своих флотских друзей, предупредить которых не позволит ему его честь...»

Они стиснула кулаки под хлопающим плащом и торопливо заговорила:

— Собственно, ничего такого важного здесь нет. Ты ведь слышал про Экваторию, необитаемый континент. Там у нас ничего нет, кроме нескольких широко разбросанных батарей и тощей охраны. Да и та сидит в казармах, поскольку нет

смысла патрулировать такую огромную территорию. И Криса это беспокоит.

— Да, я случайно слышал, как он говорил тебе об этом.

— Он убедил отца в том, что защита Экватории недостаточна. Занявшись этим вплотную, они, в частности, обнаружили, что Скорпелунское плато совершенно открыто. Окружавшие горы, потоки воздуха и прочее отгораживают его от всего света. Если бы враг прорвался через орбитальные крепости и быстро высадился там, то на высоте пятидесяти километров он был бы уже вне досягаемости тех немногих лучей, которые мы бы на него направили, и уж конечно справился бы с теми ракетами и авиацией, которую мы бы бросили на подмогу. А высадившись, десант окопался бы и создал — как его? Плацдарм. Вот мы и хотим укрепить этот район. Только и всего.

Она замолчала. У нее кружилась голова. *«Я что, выпалила все это на одном дыхании?»*

— Понятно, — сказал он, тоже помолчав. — Спасибо, милая.

Она поцеловала его — очень нежно из-за его разбитого рта.

Поздней ночью ветер утих, собрались тучи и пошел дождь, медленный, как слезы. К рассвету он прекратился. Ослепительная Лаура поднялась из великих вод в чистое синее небо, и каждый листик и стебелек на острове заиграли бриллиантами.

Эйат поднялась с утеса, на котором просидела последние часы, не в силах больше бороться с непогодой. Сначала ей было холодно — она промокла и окоченела. Но воздух хлынул в ее ноздри и грудные жабы, кровь пробудилась, и мускулы ожили.

Вверх, вверх, говорила себе она, поднимаясь по огромной спирали. Море смеялось, но остров еще видел сны, и единственным звуком был шелест ее маховых перьев.

«Ты тоже стал солнцем, Водан, когда умирал».

Отчаяние уже ушло — его выжгла работа крыльев, выдул ветер, смыл дождь; Водан был бы доволен. Она знала, что боль будет не так легко исцелить, но чувствовала себя способной победить ее. В глубине уже пробуждалась печаль, словно огонь очага, над которым можно погреть руки. Пусть не оставляет ее эта печаль, пока она жива; пусть Водан живет в ней и после того, как она встретит другого и передаст своему новому возлюбленному его мужество.

Она покружила. Со своей высоты она видела не один, а несколько островов, раскиданных по выгнутой ртутной глади мира. *«Я еще не хочу возвращаться. Пусть Аринниан подождет*

меня... дотемна? — В ней проснулся голод. Она истратила слишком много энергии. — *Спасибо за голод, за то, что надо поохотиться — за удачу, ха!»*

Далеко внизу стая казавшихся крохотными птероплеронов снялась со своего рифа и промышляла рыбешку у поверхности воды. Эйат наметила добычу, нацелилась и кинулась вниз. Когда она прикрыла глаза пленкой, чтобы защитить их, мир немного расплылся и потускнел; но тем острее она воспринимала поток сжатого воздуха, свистящий вокруг; когти, сомкнувшиеся на сгибе каждого крыла, откликнулись на малейшую перемену угла, скорости и энергии.

Тело знало, когда сложить крылья и начать падение — и когда раскрыть их снова, затормозить с шумом, взмыть чуть вверх — и выбросить руки. Кинжал ему не понадобился. Шея рептилоида сломалась от одного столкновения.

«Ты похвалил бы меня, Водан!»

Ноша, хоть и не тяжелая, мешала ей — теперь приходилось подниматься широкими витками. Она села на прибрежную скалу, растерзала свою добычу и поела. У сырого мяса был легкий, почти неразличимый привкус. Внизу гремел и разбивался прибой.

Поев, Эйат полетела в глубь острова, теперь уже медленно. Она доберется до верхних плантаций и отдохнет там среди деревьев и цветов, в кружевной тени; потом опять поднимется в воздух; и все это время будет вспоминать Водана. Они так и не поженились, и ей нельзя возглавить его погребальный танец — поэтому сегодня она станцует ему свой, только для них двоих.

Она снизилась над фруктовым садом. От испарений, идущих от листьев и земли, в нем стоял легкий белый туман. Восходящие струйки воздуха ласкали ее. Она впивала запахи цветущей земли и легкими, и жабрами до шума в голове и звона в ушах. «Водан, — грезилась она, — будь ты рядом, мы улетели бы вдвоем. Мы нашли бы место, где бы ты укрыл меня своими крыльями».

И он как бы пришел. Над головой захлопали крылья, и в воздухе повеяло мужчиной. Ее разум помутился. *«Я, кажется, теряю сознание. Лучшие сесты»*. Она нетвердо слетела вниз и тяжело опустилась наземь.

Вокруг стояли апельсиновые деревья, невысокие и не очень густо посаженные; в листьях у них таинственно мерцали золотые фонарики. Недавно прополотая и взрыхленная почва лежала, обнаженная, под небом. Коричневая, мягкая и влажная, она ласкала ноги, тепло спящего солнца согревало ее. Свет

лился вниз, одуряющие запахи — вверх, и они сливались в одно.

Крылья на миг затмили Лауру. Он опустился. Она узнала Драуна.

Его гребень стоял торчком. Каждое перышко вокруг ухмыляющегося рта говорило: «Я так и знал, что найду тебя вот так, после того что случилось»

— Нет, — взмолилась она и расправила крылья, чтобы взлететь.

Напрягшийся Драун шагал к ней, раскинув руки и скрючив пальцы.

— Красавица моя, красавица, — хрипел он. — Кх-р-р.

Она взмахнула крыльями, и сила влилась в нее, но не ее сила. Эта сила сокрушила ее, как она сама крушила свою добычу.

— Водан! — вскричала она и кое-как оторвалась от кружащейся колесом земли, медленно и тяжело. Драун настиг ее и схватил когтями ног за крыло; оба упали.

Она царапала ему лицо и тянулась к ножу. Он ухватил ее за обе руки и притянул к себе.

— На самом-то деле ты не хочешь со мной драться, — шептал он, щекоча ей ухо. — Нет ведь? — Он обвил ее руки вокруг своей шеи и прижал ее к себе. Его широкие крылья вновь затмили солнце, а потом закрыли ей глаза.

Она стиснула его и охватила крыльями под этим покровом. И зажмурилась так, что перед глазами заплескали огоньки. «Водан, — промелькнуло сквозь шум в голове, — я буду думать, что он — это ты».

Но Водан не бросил бы ее потом лежать измученной и истерзанной, какой нашел ее Аринниан.

Табби еще спала, Холм все искал свою бедную подругу, Драун недавно улетел, сказав, что посмотрит, нельзя ли чем помочь, вассалы и рыбаки занялись своими делами. В утреннем поселке было тихо.

Рошфор прокрался обратно в спальню. Табита — одна из немногих известных ему женщин, которые даже в такой час хороши. Большое, крепкое, коричневое тело не обмякало и не отекало; короткие светлые кудри спутались так, что пальцы сами тянутся поиграть с ними. Она дышит глубоко и ровно, без храпа, хотя рот чуть приоткрыт и видны белые зубы. Наклонившись над ней в полосках света, падавших сквозь жалюзи, он не уловил никакого неприятного запаха — пахло только ею. Видны были следы высохших слез.

Его рот скривился. Разбитая губа болела меньше, чем сердце. Это из-за него она плакала, когда они ночью вернулись домой. «Ну конечно, сегодня ничего не выйдет, милый, — шепнула она, приподнявшись над ним на локте и поглаживая свободной рукой его щеку, грудь и бок. — Сначала это несчастье, потом еще новые заботы, от которых голова пухнет, — только чертовски толстокожий мужик смог бы после всего этого. Не плачь. Ты не умеешь, и тебе будет только хуже. Подожди до завтра или до будущей ночи, Фил, любимый. У нас вся жизнь впереди».

«Добрая доля моего ада заключалась как раз в том, что я не мог тебе сказать, почему мне так тяжело.

Я бы поцеловал тебя... но ты можешь проснуться и... Святители небесные, святая Жанна, взошедшая на костер за свой народ, помогите мне!»

Если он будет смотреть слишком долго, она и в самом деле проснется. Он медленно досчитал до ста и выскользнул за порог.

Крыши домов и вершины горы невыразимо ярко вырисовывались на небе, в котором сверкали вдали чьи-то крылья. Самые мягкие оттенки зеленого и бурого сияли, не уступая красному. Воздух наполняли ароматы земли и моря, плещущего за волнорезом. *«Нельзя вынести столько красоты сразу».* Рошфор быстро пошел по тропинке между фруктовых садов и вскоре выбрался на дорогу к посадочному полю.

«Все равно ничего не получится. Там будет охрана, или я не смогу попасть внутрь, или еще что-нибудь. Я просто гуляю, вот и все. От того, что я посмотрю, никакого вреда не будет.

Посмотрю и вернусь к завтраку. И ничего не случится, только ее авалонцы погибнут — может быть, несколько миллионов, может быть, и она тоже; погибнут и мои товарищи — ни за что, из-за одной только гордости — хотя их можно было бы спасти. Может, потом она поймет, что я сделал это ради того, чтобы война скорее кончилась и она осталась жива».

Вокруг было тихо. В это время года на плантациях никто не работает.

Пусто было и на посадочном поле. Для такого движения, которое существовало на Сент-Ли, вполне хватало автоматической наземной службы.

Космический флиттер стоял закрытый. Рошфор подавил вздох облегчения, но тут же подумал: «Должно быть, дверь прикрыли только от дождя. Здесь не боятся воров.

Ну а любопытная детвора?

Если кто-то меня увидит, скажу, что это меня и беспокоило. Табби поверит».

Он подкатил передвижной трап, используемый для разгрузки, к стройному корпусу. Ботинки стучали по ступеням. Устройство люка было ему знакомо, и он сразу нашел крышку, за которой должна быть панель внешнего управления. Крышка легко отошла вбок, и за ней не оказалось ни кодового устройства, ни сигнализации — только кнопка. При нажатии внешней клапан с урчанием открылся и, словно язык, вывалился трап.

«Отче, да будет воля Твоя». Рошфор шагнул через порог.

Ифрийский корабль очень походил на терранский сходного типа. Это неудивительно, если учесть, что крылатая раса переняла науку космических полетов от человека и авалонские космические суда зачастую водят люди. Сиденья и пульт управления в рубке можно было приспособить для обоих видов. Надписи были на планха, но Рошфор разобрался в них. Через пять минут он понял, что сможет поднять этот корабль и вести его.

Он стукнул кулаком о ладонь — и взялся за дело.

Глава 16

Аринниан нес Эйат в поселок. Его гравиронец не смог бы поднять их обоих, и Аринниан бросил его. Она пару раз говорила ему, что может лететь или идти сама, но таким слабым шепотом, что он ответил «нет». После тех нескольких слов, которые она выдохнула ему в грудь, когда он склонился над ней, они почти не разговаривали.

На руках он бы далеко ее не унес. Она висела вниз головой у него за спиной, держась когтями ног за плечи, а руками обнимая его за пояс. Так носят детей, только ее приходилось держать еще за крылья. Он изрезал свою рубашку, чтобы обмыть ее раны дождевой влагой с листьев и перевязать. Раны не были серьезными, но рубашка ушла почти вся. Теперь он чувствовал кожей ее тепло (нет, жар) и ее шелковистые перья; и запах ее любовного томления, словно тяжелые духи, обволакивал его и проникал внутрь.

«Вот что хуже всего, — думал он. — Это состояние продлится долго — пару недель, если дать ему выход. Сойдись она с ним снова...

Раскаивается ли она? Как можно каяться в том, с чем не можешь справиться? Конечно, она оглушена, изранена, с трудом соображает — но чувствует ли она себя непоправимо оскверненной? И должна ли?

Я перестал понимать свою небесную подружку».

Он брел со своей ношей вперед. Он почти не отдыхал, пока искал ее. Его ломило, во рту пересохло, в голову словно песка насыпали. Мир сузился до тропинки, по которой он должен пройти стелюшко-то километров — очень уж эти километры длинные. Тропинка все сужалась и сужалась, и в мире не осталось больше ничего, кроме предательства. Он старался не думать о нем, напевая в такт шагам детскую песенку: «Взял, снял, положил. Взял, снял...» Тогда стало слишком заметно, как болят ноги, как дрожат колени, как горят руки; он поневоле вернулся к изменам. Терра — Ифри, Ифри — Авалон. Табита — Рошфор. Эйат — Драун: нет, Драун — Эйат... Водан — как ее там, это жуткое существо из Кентаври, да, Кузнна... Эйат — кто угодно, теперь она принадлежит всем... нет, она может управлять собой, выбирать, оставаться чистой, даже если она больше не девушка, принадлежавшая только ветру. Эти руки, обхватившие его живот, так часто сжимавшие его руки, еще недавно обнимали Драуна; эти губы, которые пели для него, а теперь молчат, выпускали стоны, такие же, как издает любая шлюха... *«Прекрати это! Прекрати сейчас же!»*

Возникший впереди поселок вернул его к реальности. Никого как будто не видно. Это хорошо. Он спокойно доставит Эйат домой. Ифрийские химики изобрели аэрозоль, заглушающую феромоны — ее, конечно, можно будет достать по соседству. Благодаря ей местные самцы не станут ошиваться у Эйат под окнами — а там она достаточно окрепнет, чтобы добраться с ним до флиттера и улететь домой, в Ворота Бури.

Дом Табиты стоял открытым. Она, должно быть, услышала его шаги и дыхание и вышла на порог.

— Привет. Ты нашел ее? Хой! — И Табита бросилась к ним. Раньше это зрелище доставило бы ему радость. — С ней все хорошо?

— Нет. — Он, тяжело ступая, вошел в дом. Прохлада и тень внутри относились словно к другой планете.

— Неси сюда, — подросла Табита. — На мою кровать.

— Нет! — остановился Аринниан. Хотя... если бы не ноша, он пожал бы плечами. Почему, собственно?

Он уложил Эйат. Она повернула одно крыло под себя, а другое упало до самого пола.

— Спасибо. — Ее едва было слышно.

— Что случилось? — нагнулась над ней Табита. И ощутила запах, который ифрианин учуял бы за много километров. — Ох, — стиснула зубы она. — Вот оно что.

Аринниан ушел в ванную, влил в себя несколько стаканов холодной воды и принял самый ледяной душ из всех воз-

можных. Приняв стимтаблетку, он снова ожил. Табита ходила взад-вперед, ухаживая за Эйат.

Потом оба встретились в гостиной. Она шепнула ему на ухо — он чувствовал ее дыхание:

— Я дала ей успокоительное. Через несколько минут заснет.

— Ладно, — ответил он сквозь стиснутые от ненависти зубы. — Где Драун?

— В чем дело? — попятилась Табита, широко раскрыв зеленые глаза.

— А ты не догадываешься? Где он?

— Зачем тебе Драун?

— Я его убью.

— Нет! Крис, если это был он, то они не могли с собой совладать. Ни он, ни она. Ты же знаешь. Шок и горе вызвали преждевременную овуляцию, и он случайно...

— Не случайно, — сказал Аринниан. — А если он действительно случайно пролетал мимо, то должен был убраться при первом же запахе, который учуял, как всякий порядочный мужик. И уж во всяком случае не должен был так зверствовать. Где он?

Табита встала перед экраном телефона, еще бледнее, чем тогда, когда Драун насмехался над ней. Аринниан оттолкнул ее. Какой-то миг она упиралась, но при всей своей силе не могла устоять против него.

— Он дома, ты угадала. И с шайкой вооруженных дружков вокруг себя.

— Нужно же как-то удержать тебя от необдуманных поступков. Крис, у нас война. Он занимает слишком важный пост. Будь Фил здесь, ты бы никогда... Мне что, принести пистолет?

Аринниан сел.

— Твой хахаль не помешал бы мне позвонить откуда-нибудь еще, — рявкнул он. Она отступила. — И твой дурацкий пистолет не помешает. Уймись.

Он знал номер и набрал его. Экран осветился: Драун — и, так и есть, еще двое с бластерами на боку.

— Я ждал этого, — сразу же сказал ифрианин. — Послушай меня. Что сделано, то сделано, и никакого вреда от этого не случилось. Так гласит и наш закон в подобных случаях — требуется только уплатить пеню за оскорбленную гордость и обеспечить ребенка, если он будет. Детеныш вряд ли получится на такой ранней стадии, а что до гордости, то ей самой это понравилось. — Он ухмыльнулся и посмотрел за плечо человеку. — Так, что ли, красуля?

Аринниан повернул голову. Эйат вышла из спальни. Глаза ее были широко открыты, но затуманены снотворным, которое

уже начало действовать. Она тянула руки к изображению на экране.

— Да. Иди ко мне, — простила она. — Нет. Помоги мне, Аринниан. Помоги.

Он не смог двинуться. К ней подошла Табита и увела ее обратно.

— Видишь? — сказал Драун. — Никакого вреда. Ведь вы, люди, насилуете своих женщин, и частенько, как я слышал. А я не так устроен. И что тебе от того, если другие получают порой то же удовольствие, которое ты можешь получать хоть сто раз в году?

Аринниан сдержал позыв рвоты, и его глотку обожгло огнем. Сказанные им слова прозвучали глухо и как бы отдаленно, но их смысл стал сверхъестественно четким:

— Я видел, в каком состоянии она была.

— Ну, может, я чуть перевозбудился. Это все из-за вас, людей. Мы смотрим на вас и начинаем перенимать. Улавливаешь? Ладно, я заплачу за все повреждения, которые будут перечислены в медицинском свидетельстве. Даже поговорю о возможной уплате за гордость с ее родителями. Устраивает это тебя?

— Нет.

Драун чуть приподнял гребень:

— А должно бы. По закону и по обычаю, у тебя нет больше никаких прав в этом деле.

— Я убью тебя.

— Чего? погоди махать крыльями! Убийство...

— Поединок. Здесь присутствуют свидетели. Я тебя вызываю.

— У тебя нет повода, говорю я!

На этот раз Аринниан имел возможность пожать плечами.

— Тогда вызови меня ты.

— За что?

— Неужели обязательно нужны формальности? — вздохнул человек. — Какие там бывают смертельные оскорбления? Сказать, что я сделаю, когда буду пролетать над тобой? Нет, это слишком банально. Придется выложить все, что я думаю о твоей натуре. К этому я добавлю, что чот Высокое Небо — это куча дерьма, раз в нем проживает такая тварь.

— Довольно, — так же спокойно сказал ифрианин, хотя его перья встали дыбом и крылья затряслись. — Я тебя вызываю. Перед лицом моих богов, твоих богов, перед памятью наших предков и будущим наших потомков я, Драун из Высокого Неба, честью твоей призываю тебя, Кристофер Холм, имену-

емый Ариннианом из Ворот Бури, встретиться со мной в бою, из которого выйдет живым только один из нас. В присутствии честных свидетелей, которых я назову...

Подскочила Табита и скинула Аринниана со стула. Он свалился на пол, вскочил и увидел, что она стоит между ним и экраном. Левой рукой она отталкивала его, а правую простерла к экрану, словно желая удержать своего компаньона.

— Вы что, с ума сошли оба? — крикнула она, почти срываясь на визг.

— Слова произнесены, — обнажил клыки Драун. — Разве что он попросит у меня прощения.

— Его я не прощаю, — сказал Аринниан.

Табита, задыхаясь, смотрела то на того, то на другого. По щекам у нее потекли слезы — но она не замечала этого. Потом она повесила руки и уронила голову.

— Послушайте-ка меня, — сказала она хрипло. Они замерли. Аринниан похолодел, и его затрясло. Табита сжала кулаки. — Честь не велит поступать так, чтобы один из тех, в ком нуждаются ваши чоты и весь Авалон... был убит или искалечен. Подождите до конца войны. Вызываю вас на это.

— Согласен, если мне не придется встречаться и разговаривать с этим пешеходом, — неохотно вымолвил Драун.

— Если ты хочешь, чтобы мы сотрудничали по-прежнему, — сказал Табите Аринниан, — тебе придется быть нашей посредницей.

— Как это возможно? — осклабился Драун. — После того, что ты сказала об ее чоте?

— Ничего, как-нибудь, — вздохнула Грилл. И встала. Церемония кончилась. Экран погас.

Силы покинули Аринниана. Он покаянно сказал:

— Я не хотел оскорблять твой чот. Прошу у тебя прощения, предлагаю тебе пеню.

Она, словно не замечая его, подошла к двери и выглянула за порог. «Любовника высматривает, — устало подумал он. — Пойду посижу под деревом, пока Эйат не встанет, потом заберу ее на флиттер».

Под горой раздался грохот, от которого задребезжали стекла. Табита застыла. Гром ушел вверх, затихая с каждым мгновением. Она бросилась бежать, крича: «Фил!» «Ага, — подумал Аринниан. — Так и есть. Еще одна измена».

— Вольно, лейтенант. Садитесь.

Смутный, красивый молодой человек застыл на стуле. Хуан Кахаль отвел глаза и стал перебирать бумаги на столе. В каюте

было очень тихо. «Валендерей» кружил вокруг Пакса на таком расстоянии, что Сол казался всего лишь самой яркой из звезд — где-то там рядом Эсперанса, на которой ждет его Луиза.

— Я очень внимательно прочел рапорт относительно вас, лейтенант Рошфор, в том числе и то, что вы показали, — сказал наконец адмирал, — хотя рапорт был длинный. И поэтому послал за вами курьера.

— Но что я могу добавить, сэр? — молодой человек говорил так же напряженно, как и держался. Но когда Кахаль снова встретился с ним взглядом, ему вспомнился тот зверь на Нуэво Мехико, в Сьерре де лос Боскес Секос — красивый зверь, загнанный в конец каньона и ожидающий охотников.

— Во-первых, — сказал адмирал, — я хочу лично извиниться перед вами за гипнотестирование, которому вы подверглись по возвращении из плена. С преданными офицерами так не обращаются.

— Я все понимаю, сэр. Меня это не удивило, и допрашивающие меня люди вели себя вежливо. Надо же было вам убедиться, что я не лгу. — Что-то мелькнуло за его маской. — Хотя бы вам.

— М-м, гипнотест открывает все до мельчайших деталей, верно? Но огласки это не получит, сынок. Ты подчинился высшему долгу.

— Зачем нужно было доставлять меня сюда лично, сэр? То немногое, что я мог сказать, уже содержится в рапорте.

Кахаль, откинувшись назад, изобразил на лице дружескую улыбку:

— Скоро узнаешь. Для начала мне нужна кое-какая дополнительная информация. Что будешь пить?

— Сэр? — опешил Рошфор.

— Шотландское, бурбон, ржаное, текилу, водку, аквавит или что-нибудь не терранское? Коктейль, ликер? У нас тут неплохой буфет. — Рошфор все молчал, и Кахаль добавил: — Я лично перед обедом выпью мартини. Обедать мы будем вместе, само собой.

— Вместе? Адмирал очень любезен. Да, мартини. Благодарю.

Кахаль распорядился. Обычно он пил шерри, в тех редких случаях, когда пил вообще; но подозревал, что у Рошфора другие вкусы. А мальчику надо расслабиться.

— Курите, — предложил он. — Я не курю, но дым мне не мешает, а губернатор подарил мне вот эти сигары. Он признанный знаток.

— Бл... благодарю вас... после еды, сэр.

— Ты не то, что я. — Кахаль вел светский разговор, пока не принесли коктейли в больших и холодных бокалах. Он поднял свой.

— A vuestra salud, mi amigo*.

— Ваше здоровье... — Тень улыбки промелькнула по лицу Рошфора. — Bonne sante, Monsieur l'Amiral**.

Они пригубили.

— Не стесняйся, — сказал Кахаль. — Такому известному храбрецу, как ты, нельзя бояться даже высшего начальства. Непосредственного командира — другое дело, а меня не надо. Я ведь ничего тебе не приказываю. Скорее прошу у тебя помощи и совета.

Рошфор уже ничему не удивлялся.

— Не представляю, чем я могу помочь, сэр. — Кахаль подал ему пример, отпив из своего бокала. Напиток адмирала, в бокале, помеченном его гербом, был разбавлен. Он не хотел спаивать Рошфора — он хотел, чтобы лейтенант пришел в себя и оживился.

— Ты знаешь, наверное, что ты единственный пленный, которому удалось уйти, — сказал адмирал. — Это можно понять. Наших у них не больше пары дюжин, с таких же, как у тебя, подбитых кораблей, и тебе замечательно повезло. Но ты можешь не знать, что с Авалона к нам прибывает и другая публика.

— Перебежчики, сэр? Я слышал, там существует недовольство.

— И трусость, и жадность, — кивнул Кахаль, — и прочие достойные мотивы — а также желание извлечь все, что можно, из безнадежной ситуации и избежать худшего. Они являются поодиночке, один за другим — несколько десятков уже набежало. Всех их, естественно, допрашивают, еще старательнее, чем тебя. Твой психопрофиль имеется в досье — разведке просто нужно было убедиться, что с ним ничего не проделывали.

— Они этим не занимаются, сэр, — заговорил Рошфор, обретя дар речи. — Самым страшным преступлением на Авалоне считается лишение кого-то чести. Этим ты лишаешь чести и себя. — Он осекся. — Прошу прощения, сэр.

— Не извиняйся. Наш разговор принимает как раз нужное направление. Позволь мне, однако, продолжить. Первые перебежчики не сказали ничего интересного. Потом... Не стану

* За ваше здоровье, друг мой (исп.).

** Ваше здоровье, господин адмирал (фр.).

распространяться — хватит и одного примера. Городской торговец, разбогатевший на коммерции с ближними имперскими мирами. Он не возражает, если мы возьмем его планету — лишь бы его собственность не пострадала и можно было бы получить добавочную прибыль от войны. Кто он — презренная личность или реалист? Неважно. А важно то, что он кое-что знал, а еще кое-что доверили ему для передачи нам высокопоставленные лица, тайно стоящие за мир.

Рошфор взглянул на Кахаль из-за края бокала:

— Вы опасаетесь ловушки, сэр?

— Перебежчики безусловно говорят искренне, — развел руками адмирал. — Но не накачали ли их дезинформацией? Твой рассказ служит веским подтверждением того, что рассказали они.

— О континенте Экватория? Не стоит обижать разведку флота. Я, может быть, не стал бы бежать, если бы не верил, что узнанное мной имеет решающее значение. Однако я знаю очень мало.

— Ты знаешь больше, чем ты думаешь, сынок. — Кахаль потянул себя за бородку. — К примеру, анализ вражеского огня по данным, полученным в первой битве за Авалон, действительно показывает, что Экватория — их слабое место. Ты пробыл там несколько месяцев. Слышал их разговоры. Видел их лица, лица знакомых тебе людей. Как скажешь — их это действительно беспокоило?

— Х-м-м... — Рошфор выпил еще. Адмирал неприметно нажал кнопку, давая сигнал повторить. — Экватория не входит в ведение той... той дамы, у которой я жил. Кристофер Холм, старший сын их главнокомандующего... да, я бы сказал, он действительно беспокоился.

— Что это за место? Особенно эта самая Скорпелуна. Мы собираем все данные, какие можем, но при таком количестве миров кто, кроме их обитателей, может что-то знать об их незаселенных районах?

Рошфор порекомендовал пару книг. Кахаль не стал говорить ему, что компьютеры разведки, должно быть, давно уже их отыскали.

— Ничего определенного сказать не могу, — продолжал лейтенант. — Я понял, что это большое, засушливое плато, окруженное горами, которые на Авалоне считаются высокими, где-то в середине континента, который, как известно адмиралу, невелик. Там, кажется, водится дичь, но вообще-то местными ресурсами прожить нельзя... — Он сделал многозначительную паузу. — Противнику это тоже не удастся.

— И поскольку им придется переплывать океан, они окажутся еще дальше от дома, чем мы от своих кораблей, — произнес Кахаль.

— Высадка будет опасной, сэр.

— Сначала мы подавим местные батареи. А эти славные, отгораживающие от всего горы...

— Я рассуждал так же, сэр. Из того, что я успел узнать о производстве, транспорте и общей ифрийской расхлябанности, так быстро укрепить район они не сумеют. Даже в том случае, если их насторожит мой побег.

— Предположим, мы это сделали, — перегнулся через стол Кахаль. — Предположим, мы создали базу для авиации и ракет «земля—земля». Как по-твоему, что будут делать авалонцы?

— Они будут вынуждены сдаться, сэр, — тут же ответил Рошфор. — Они... я не претендую на понимание ифриан, но человеческое большинство... по моему мнению, они держатся ближе к краю пропасти, чем стали бы мы, но они не безумны. Если мы окажемся там, на планете, и сможем поразить все, что у них есть, не разрушая полностью их любимую планету — эта перспектива и заставляет их драться — но избирательно, теряя при этом свои жизни... Извините, — потряс он головой. — Что-то я запутался. И потом, я могу ошибаться.

— Твои впечатления совпадают со всеми ксенологическими трудами, которые мне довелось читать. Кроме того, ты обязан ими своему уникальному опыту. — Принесли новый коктейль. Рошфор замялся. — Бери, — поощрил его Кахаль. — Я хочу, чтобы ты вспомнил все, что знаешь об их обществе и окружающей среде. Предстоит принять нелегкое решение. То, что ты мне скажешь, конечно, не повлияет на меня напрямую. Но мой долг — собрать все фрагменты, какие только можно.

Рошфор пристально посмотрел на него:

— Вы хотите все же высадить десант, не так ли, сэр?

— Конечно. Я ведь не машина для убийства. И мои начальники тоже.

— Я хотел бы этого. Господи Иисусе, — перекрестился он перед распятием, — как бы я этого хотел. — Он отставил свой бокал и добавил: — Одна просьба, сэр. Я расскажу все, что знаю. Но если вы примете решение высадиться, могу ли я пойти в головном отряде? Вам понадобятся там «метеоры».

— Это крайне опасно, лейтенант, — предупредил Кахаль. — Мы не уверены, нет ли у них там скрытых резервов.

Так что вначале могут быть потери. Ты заслуживаешь лучшей участи.

Рошфор так стиснул бокал, что раздавил бы его, будь тот из стекла, а не из витрила.

— Я прошу как раз того, чего заслуживаю, сэр.

Глава 17

Имперская армада окружила Авалон, и битва возобновилась.

Снова кидались в бой корабли и летели ракеты, вспыхивали стрелы лучей, загорались и гасли огненные шары на протяжении многих тысяч километров. Наблюдатели с планеты видели на сей раз, как вспышки час от часу становятся все ярче — наконец они стали слепить глаза, лишая мир красок и отбрасывая мгновенные тени. Битва приближалась к Авалону.

Все, однако, было рассчитано. Кахаль принял решение и провел его в жизнь так быстро, как только было возможно — пока враг не успел укрепить свой слабый участок. Теперь адмирал не рисковал попусту. Да этого и не требовалось. Ситуация в корне отличалась от прежней. Сейчас у него было втрое больше сил, и не стоило беспокоиться об остатках авалонского флота, могущих еще выползти из дебрей лаурийской системы. Патрули сообщали, что, согласно приборам, их корабли группируются за одну или две астрономические единицы. Поскольку они явно не собирались бросаться в огонь, Кахаль счел излишним обстреливать их.

Он даже не отдал приказания окончательно уничтожить флагман Феруна, когда его роботы опознали врага и возобновили огонь. Флагман находился слишком далеко, и на нем осталось ничтожно мало боеприпасов, чтобы тратить на него усилия. Легче было обойти эту несчастную старую развалину с громохочущими в ней костями.

Вместо это Кахаль отдал приказ о методическом подавлении обороны планеты. Внешним ее поясом были орбитальные крепости — несколько крупных, а в основном помельче, сторожившие на сотнях орбит под самыми разными углами к эклиптике. У них были свои преимущества перед космическими кораблями. Их постоянно снабжали снизу. Полностью автоматизированные, они были менее гибкими, но более прочными, чем плоть и нервы. Самые мелкие оставались необнаруженными, пока им не представлялось случая напасть на идущий мимо Терры корабль.

Так было во время первой битвы. Впоследствии осаждавший планету флот завел все до одной, немало уничтожил и воспрепятствовал попыткам вывести в космос. Не могли заставить терран врасплох и залпы с планеты. У космических кораблей имелись свои преимущества — например мобильность.

Тактика Кахаль сводилась в основном к тому, что он бросал в бой эскадру за эскадрой на высокой скорости и ускорении. Выходя на цель, они разряжали в нее все, что могли, и немедленно меняли вектор, чтобы избежать ответного огня. Если первый заход не увенчивался успехом, за ним тут же следовал второй, третий, четвертый... пока цель не поражалась и станция не разлеталась на осколки в облаке пара. Не испытывая необходимости защищать свои тылы и линии снабжения, Кахаль мог не жалеть боеприпасов — и не жалел.

При таком порядке движения корабли были почти безнадежными мишенями для ракет, которым надо было пройти сквозь атмосферу, преодолевая притяжение планеты, с нулевой начальной скоростью. Авалонцы вскоре тоже поняли это и временно прекратили огонь.

В планы Кахаль не входило уничтожение всей орбитальной техники. Для этого ему пришлось бы ждать поступления дополнительных боеприпасов из Империи — а он спешил. Он считал нужным, впрочем, обезвредить луну — Моргану взяли в кольцо и некоторое время поливали таким огнем, что горы крошились и по долинам текла лава.

Терране занимались только теми крепостями, которые в своем изменчивом движении могли бы помешать высадке десанта в назначенный адмиралом день. Ограничив таким образом свою цель, Кахаль имел возможность сфокусировать на ней всю свою мощь. И через пару раскаленных добела авалонских дней он проник так глубоко, как не удавалось еще никому при наличии столь сильной обороны.

Потери при этом были неизбежны. Они увеличились, когда терранские корабли начали летать так низко над атмосферой, что стало возможно задействовать лазеры и ракеты. Следующей задачей стало подавление как раз этих установок.

Капитан Ион Мунтяну, командующий артиллерией корабля Его Величества «Фобос», проводил совещание с офицерами.

— Нам доверена особая миссия, как вы и сами могли заключить, видя, что для нее выделено судно нашего класса. Мы не просто залепим пластырем то место, которое причиняет беспокойство. Наша цель — город. Я вижу руку. У вас вопрос, мичман Оцуми?

— Да, сэр. Два. Каким образом и зачем? Мы убедились на опыте, что если потратить достаточное количество торпед, ведя огонь достаточно долго, то некоторые из них определенно проникнут за негалопа и взорвутся там, где надо. Но это касается военных объектов. Их города наверняка защищены гораздо лучше.

— Есть хорошая поговорка насчет яиц и курицы, мичман. Разумеется, лучше. Там мощная усовершенствованная техника, и вокруг несколько поясов ракетных установок «планета—космос». Мы будем вести обстрел самыми мощными своими снарядами, запрограммированными на взрыв в субстратосфере. Порядок обстрела, диаграмму которого я сейчас продемонстрирую, позволит по крайней мере одной ракете достичь этого уровня, прежде чем ее перехватят. Если же этого не произойдет — начнем сначала.

— Сэр, неужели это будет ракета континентального охвата?

— Нет-нет. Успокойтесь. Вы же знаете, что наш корабль не приспособлен для их ношения. И наши приказы не предусматривают необратимую порчу недвижимого имущества Его Величества. Наши подарки будут увесистыми, но чистыми, и разрядятся высоко, в основном в форме излучения. Взрывная волна не очень-то помогает против негалопа. Мы подпустим дыма в центр города, а окраины, как докладывает разведка, там возгораемые.

— Сэр, я не хочу докучать вам, но с какой целью мы это делаем?

— Готовится десант. Поэтому планета некоторое время будет под обстрелом. Этот город, Кентаври, у них главный космопорт и промышленный центр. Нельзя допустить, чтобы оттуда выслали что-нибудь против наших друзей.

На лбу у Оцуми выступил пот.

— Но женщины, дети...

— Если противник хоть что-то соображает, он давно уже эвакуировал весь балласт, — отрезал Мунтяну. — Да мне, впрочем, наплевать. В прошлый раз я потерял здесь брата. Если вы уже выплакались, перейдем к делу.

Куэнна медленно летела над каналом Жизнецвета. Настала ночь — ясная, какие редко выдаются в слякотную зиму Дельты. Город к тому же был затемнен, и на небе виднелись звезды. Они пугали Куэнну. Так много холодных, злых огоньков. Да еще говорят, будто это не просто огоньки. Это солнца. Оттуда пришла война, которая все перевернула.

Сначала все шло хорошо — тут бывало много ифриан с тугими кошельками, и она часто забывалась с мужчинами, не

сознавая ничего, кроме своего влечения к ним; а в промежутках ей хватало на выпивку и наркотики, которые помогали оставаться веселой — в особенности на вечеринках. Она слышала, что вечеринки придумали люди. (Кто это сказал? Она попыталась вспомнить его лицо, тело. Может, и вспомнила бы, если бы не все эти голоса, музыка и веселящий дым.) Хорошая выдумка. И война, казалось бы, тоже. Сплошная любовь, сплошной смех, потом спишь, а если просыпаешься с дурным вкусом во рту и ломотой в голове, пара таблеток мигом поставит тебя на ноги. А потом все испортилось. Не стало больше флотских. Гнездо опустело — ночь за ночью, и никого, хоть вой под ту музыку, которую там крутят. Люди тоже почти все уехали, а те, что остались — она бы и против человеческой компании не возражала, — сидят под землей. Тихие черные ночи, беспросветное одиночество днем, и деньги вышли — еле хватает на еду, не говоря уж о бутылке или колесах, чтобы отогнать дурные сны.

Хлоп-хлоп крыльями. Должен найтись кто-нибудь такой же одинокий, раз бои возобновились. «Я тоже одинока, — звала она. — Кто бы ты ни был, я люблю тебя». Ее голос звучал слишком громко в неподвижном теплом воздухе, над грязными водами и мертвыми мостовыми, среди темных стен, под жуткими звездами.

— Водан? — позвала она чуть тише. Она запомнила его лучше всех, почти как тех первых, что были с ней столько лет назад, что и считать не хотелось. Он был славный и скучал по своей девушке — будто та общипанная дурочка его стоила. Да нет, ты глупа, Куэнна. Звезды съели его, Водана.

Она вскинула хохолок. И у нее есть своя честь. Она не боится полуночных улиц. Скоро рассветет, и можно будет без боязни лечь спать.

Солнце взошло внезапно.

Куэнна видела, как оно заполнило все небо — и тут же опять настала ночь, потому что глаза у летунии вытекли. Она не знала об этом — на ней горели перья. Ее вопль потонул в грохоте — это супербыстрые молекулы воздуха проникли за неаполя, и она уже ничего не сознавала, когда у нее лопнули барабанные перепонки и сосуды. Охваченная болью, она бросилась в канал, промахнулась и рухнула прямо на пылающий дом. Особой разницы не было — в канале кипела вода.

Удар по Кентаври, помимо морального эффекта и подавления военного потенциала, должен отвлечь большое количество авалонских сил на спасательные работы. Время операции

было хорошо рассчитано. Всего три часа спустя в оборонном поясе образовалась щель, и в нее прошла первая волна десанта.

Рошфор шел в первом отряде. Он не успел натаскать свой наспех подобранный экипаж, но ребята оказались способными, и «Метеор» выполнил свою работу с вдохновением, которого Рошфор не находил в себе. Они прикрывали неповоротливые орудийные корабли, пока те не ушли ниже опасного потолка. И сбили пару вражеских снарядов. Хотя космический флот не рассчитан на действия в атмосфере, торпедоносец обладал удовлетворительной маневренностью, достаточной огневой мощностью, а управляющие им головы были и вовсе выше среднего. Простые роботизированные машины не могли его одолеть.

Проводив своих подопечных за безопасный предел, Рошфор повел свой катер, согласно заданию, на самый источник снарядов. Он находился за горами, в ярко-зеленом устье реки. Терранские катера, пикируя на базу один за другим, послали лучи и торпеды в ее негаполя и бункера, стали на хвосты, унеслись в стратосферу, развернулись и вернулись на второй заход. Третьего уже не понадобилось. Среди скал, разрушенных сверхзвуковым хлопком, зияли воронки. Рошфору хотелось бы забыть, каким красивым этот каньон был еще недавно.

Вернувшись на Скорпелуну, он увидел, что весь конвой уже высадился. Из транспортов потоком шли десантники и механики, из грузовых судов — машины. В небе кишели патрульные заградители. Последующие несколько дней были весьма суматошными. Под кипучей деятельностью скрывалась истерия. Кто мог знать, чем располагает враг?

Однако ничего не произошло. Собрали и включили экранные генераторы. Поставили оборонные лазеры и ракетные установки. Воздвигли ангараы для техники, бараки для людей. Противник так и не атаковал.

Воздушная разведка и космические приборы обнаружения сообщали о значительной активности неприятеля на других континентах и на островах. Что-то, безусловно, готовилось, но немедленной угрозы не было.

Открылась вторая брешь, и в нее хлынула вторая волна, не встретившая никакого сопротивления. Скорпелунский плацдарм разрастался, как чернильное пятно.

Кахаль, цель которого теперь стала явной, продолжал уничтожать космические крепости, умножая щели в обороне. Про-

делав их достаточно, он отвел основные силы немного назад, и оттуда на планету стали поступать войска и техника.

Последние авалонские корабли порой совершали налеты на имперский флот, рыскали вокруг — волки, слишком истощенные, чтобы представлять собой угрозу. Seriously ими не занимались. Главное было — не нарушать негласного перемирия. Поэтому Империя, не предпринимая больше никаких наступательных действий, окапывалась на планете, закрепляя свою победу, чтобы база могла не только защитить себя, но и занести кулак над всем Авалоном.

Являясь протеже самого адмирала, Филипп Рошфор, недавно произведенный в старшие лейтенанты, получил, согласно своей просьбе, постоянное назначение на планету. Поскольку космические торпедоносцы больше не требовались, он стал патрулировать в воздухе на двухместном скиммере — знаменитых грависанях.

Его напарником был капрал космической пехоты, Ахмед Насутюн, девятнадцати стандартных лет от роду, новоиспеченный выпускник Новой Дьявы.

— Знаете, сэр, мне все говорили, что эта планета — просто чудо какое-то, — с усиленной скорбью в голосе сказал он шепотом. — Вступай во флот — и увидишь Вселенную, ага?

— Этот район нетипичен, — кратко ответил Рошфор. — Да и что можно назвать типичным на целой планете?

Скиммер летел низко над Скорпелунским плато. Колпак они закрыли из-за жары. Трубка Хильша и самозатемняющийся витрил как могли боролись с этой жарой, пылающим небом, беспощадным солнцем. Единственными звуками были шум мотора и свист рассекаемого воздуха. На горизонте стояли в дымке горы, голубые и нереальные. А вокруг лежала пустота. Из твердой красной почвы торчали кусты — везде одинаковые, куда ни посмотришь: низкие, с красными листьями, пахнущие лекарством. Местность была не такой уж ровной. Тут и там поднимались угловатые столовые холмы и столбы, поверхность пересекали глубокие сухие расселины. В отдалении виднелись редкие шестиногие животные, пасущиеся под защитой своих зонтичных мембран. Больше ничего живого не наблюдалось — лишь дрожал от жара воздух да бродили пыльные вихри.

— Не знаете, долго ли нам еще здесь сидеть? — спросил Насутюн, беря термос с водой.

— Пока не подготовимся. И не очень-то налегай на воду. У нас еще несколько часов впереди.

— И почему только они не сдаются, сэр? В нашей палатке перехватили их передачу — ведь это не запрещено, правда? — и передача шла на английском. Не очень понятно — у них такой акцент, да еще фразы вроде: «Терране зацепились только одной ногой»; пока сообразишь, что они хотели сказать, теряешь нить. Но, черт возьми, сэр, никому не хочется их убивать. Почему бы им не взяться за ум и...

— Шш-ш! — поднял руку Рошфор. Радиоперехватчик показывал, что кто-то подает сигнал. Рошфор настроился на нужную волну.

— Помогите! О Господи, помогите! Техническая группа номер три — дикие звери — примерно тридцать четыре километра на северо-северо-восток от лагеря — помогите!

Рошфор развернул скиммер.

Они прибыли на место через несколько минут. Взывавший о помощи отряд, десять человек на вездеходе, производил здесь геологическую съемку, исследуя возможность строительства в грунте подземной ракетной шахты. Все были вооружены, хотя никаких неприятностей, кроме жары, не предвиделось. Стая шестиногих, передвигающихся скачками тварей размером с собаку застигла их в нескольких сотнях метрах от машины.

Двоих человек повалили и растерзали. Трех, в ужасе бросившихся к вездеходу, окружили поодиночке. Одного уже пожирали на глазах Рошфора и Насутьона. Остальные держались стойко, спина к спине, и непрерывно стреляли. Однако этих чешуисто-щетиновых зверей убить было почти невозможно. Смертельно, казалось бы, раненные, они все еще лязгали зубами.

Рошфор заорал в передатчик, чтобы слали подкрепление, и послал машину вниз. Рыдающий Насутьон стрелял, однако, исправно. Но прежде чем всех ликоящеров перебили, погибло еще двое.

С тех пор каждая группа, покидающая лагерь, сопровождалась с воздуха, что очень тормозило работу.

— Нет, доктор, я больше не верю, что это психогенное. — Майор посмотрел из окна барачного лазарета на ненатурально быстрый закат, которому пыльная буря придавала оттенок запекшейся крови. Ночь принесет облегчение от этой жуткой жары... в виде пробирающего до костей холода. — А поначалу верил. Но ваши успокоительные больше не помогают. И симптомы проявляются все у большего количества людей — вам это известно лучше, чем мне. Резь в животе, понос, мышечные боли и жажда, которую вызывает не только эта проклятая

сушь. Да еще дрожь и головокружение. Даже говорить неохота, до чего важную работу я сегодня запарол.

— Я и сам думаю с большим трудом. — Военный врач провёл рукой по виску, оставив грязный след — хотя горячий воздух высушивал пот сразу же, не давая ему скопиться. — И перед глазами частенько все расплывается? Вот-вот.

— Как насчет отравляющих веществ в окружающей среде?

— Отсутствуют. Вас не было в первой партии, майор. А я был. И разведка, и история заверяли нас в том, что Авалон сравнительно безопасен. Однако даю вам слово — не успели мы разбить лагерь, как научная команда занялась проверкой.

— А если допросить авалонских пленных?

— Мне сказали, что это было сделано. Высылались даже группы для захвата языков. Но вряд ли кто-то, кроме немногих специалистов, может что-то знать о самой недоступной части необитаемого континента.

— А специалистов авалонцы, само собой, убрали подальше. — Майор устало вздохнул. — Так что же обнаружила ваша команда?

Врач взял стимуллетку из открытой коробочки на столе.

— В местной почве высокая концентрация тяжелых металлов. Однако ничего угрожающего. Надо дышать этой пылью несколько лет, чтобы вам понадобилось лечение. Растущий здесь кустарник использует эти элементы в своем обмене, как и следовало ожидать, и мы предупредили, чтобы их ветки не жевали и не жгли. Органических аллергенов не обнаружено. Биохимия людей и ифриан настолько схожа, что каждый вид может есть почти все, что ест другой. Если этот район уж настолько опасен, не кажется ли вам, что средний колонист должен был хотя бы слышать о нем? Я сам с Терры — со среднезападного побережья Северной Америки... о Боже... — Врач на миг отвел глаза от Скорпелуны, но тут же встряхнулся: — Мы там жили среди олеандров. Разводили их из-за цветов. Оказалось — они ядовитые для тех, у кого к ним есть чувствительность.

— Должна же быть какая-то причина, — настаивал майор.

— Мы ищем ее. Если бы кто-то предвидел, что эта планета окажет такое сопротивление, ее изучили бы вдоль и поперек до начала всякой войны. А теперь уж поздно.

Оставшиеся авалонские катера то и дело пытались прошмыгнуть мимо терранских заградителей на высокой скорости и максимальном переменном ускорении. Около половины их было уничтожено; остальные прошли и вскоре вернулись в космос.

Выяснилось, что они обменивались сообщениями с планетой. При соответствующем кодировании и использовании лазерных лучей за одну-две секунды можно передать огромное количество информации.

— Ясно, что они обсуждают какой-то ход, — рычал Кахаль на своих помощников. — Не менее ясно, что, если мы попытаемся их выследить, они разбегутся и скроются, спрячутся среди астероидов и лун, как делали раньше. А в нужный момент сойдутся. Я не собираюсь отвлекаться, господа. Наш флот останется на месте.

Тем более что наблюдения все больше и больше подтверждали: колонисты, на суше и на море, под водой и в небесах, наконец-то готовятся нанести ответный удар.

Рошфор слышал крик добрую минуту, прежде чем сообразил, что кричат. «Иисусе, — пробилось сквозь пелену в его мозгу, — что со мной такое?» Мускулы протестовали против усилия, нужного для разворота скиммера. Пальцы превратились в сардельки. Обмякший Насутьон сидел рядом молча, как все последние дни (недели? годы?). Его мягкие щеки ввалились и заросли черным пушком.

И все же машина Рошфора прибыла туда, где уже парило несколько скиммеров. Только вот помочь было нечем. Энергетические лучи сотнями сжигали букашек вроде тараканов, двадцати сантиметров длиной, которые кишели между кустами. Нельзя было спасти людей из сухопутного патруля, которых те уже облепили и теперь пожирали. Рошфор не стал смотреть, кто из пилотов добьет мучеников сверху из милосердия. Он опустилса пониже и стал подбирать живых. От большого Насутьона, после того как он увидел все это, не было никакого толку.

Каккелаки, почуяв, видимо, мясо в своем голодном краю, осадили главную базу. Летать они не могли, но передвигались на удивление быстро. Все усилия уходили только на то, чтобы держать их за огненным кордоном.

Тем временем на Экватории высадились авалонцы. Они передвигались такими мелкими отрядами и так быстро — при своем легком снаряжении, — что обстрел ни к чему бы не привел. Все, кто высадился на Скорпелуне, были ифрианами.

Комендант вызвал к себе ведущих военных медиков и планетологов. Снаружи бушевал шторм, обычный в период равноденствия, завывая в беззвездной ночи; ветер, смешанный с пылью, сотрясал металлические стены. Волнами накатывала жара,

— Да, сэр, — сказал главный врач. Он числился во флоте, а не в десантных войсках, и носил звание контр-адмирала. — Доказательства не оставляют сомнений. — Он вздохнул, но буря заглушила вздох. — Будь у нас лучшее оборудование и больше персонала... Впрочем... это лучше оставить для следственной комиссии или трибунала. Суть в том, что недостаток информации завлек нас в смертельную ловушку.

— Слишком много миров, — покачал головой исхудалый штатский планетолог. — И каждый слишком велик. Кто может знать?

— Пока вы тут болтаете, — сказал комендант, — люди лежат там в жару и судорогах. С каждым днем все больше. Говорите. — Он хрипел от гнева и подавляемых рыданий.

— Мы все время подозревали отравление тяжелыми металлами, — сказал медик. — Вновь и вновь делали пробы. Но концентрация каждый раз не превышала допустимых пределов. И вдруг, за одну ночь...

— Неважно, — прервал планетолог. — Главное — результат. Кустарник, который растет здесь повсюду... мы знали, что он потребляет, например, мышьяк и ртуть. А в литературе описан адский куст, испускающий ядовитые испарения; имеются и его изображения. Мы не знали того, что наши кусты — это разновидность адских; они совершенно не похожи на своих сородичей. Возьмите, к примеру, розы и яблони. Кроме того, мы не знали даже, как действует токсин известного вида, не говоря уж об этих. Это можно будет определить лишь после публикации оригинальных наблюдений, когда будет выделено это вещество... Запас знаний в любой науке растет так медленно...

Комендант ждал.

— Испарения содержат тяжелые металлы, — продолжал медик, — в сочетании... с набором молекул, о котором не имеет понятия ни один автор, которого я читал. Их действие заключается в том, что они блокируют некоторые ферменты. Защита организма полностью подрывается. Атомы металлов совершенно не выводятся. Каждый микрограмм попадает в жизненно важные органы. Пациента тем временем ослабляет еще и то, что белковые процессы также идут ненормально. Совместный эффект нарастает по экспоненте. Человек внезапно переступает порог.

— Понятно... — сказал комендант.

— Мы, старшие офицеры, еще не в таком плохом состоянии, — сказал ему планетолог. — Как и наши помощники. Мы почти все время проводим в помещении. Но младший

состав... — Он потер глаза. — Да и я не сказал бы, что хорошо себя чувствую.

— Что вы рекомендуете? — спросил комендант.

— Эвакуацию, — ответил главврач. — И не рекомендую, а говорю, что у нас нет иного выбора. Нашим людям нужна немедленная помощь.

Комендант кивнул. Сам больной, чудовищно уставший, он ждал этих слов вот уже несколько дней и потихоньку принимал меры.

— Сняться завтра же нам не удастся, — проговорил он. — Не на чем — почти весь транспорт вернулся в космос. Кроме того, паническое бегство подставит нас под огонь авалонцев. Отправим пока что самых тяжелых и отзовем всех в главный лагерь. Корабли будут прибывать за нами своим чередом. — Верхняя губа у него дергалась, и комендант не мог с ней совладать.

Когда терране начали отступать, их враги нанесли по ним удар.

Ракетами «земля—земля» они не пользовались. Человеческий контингент, впрочем, приступил к строительству таких баз по всему экваторийскому континенту. Трудности это не представляло. Авалонцам нужны были только ракеты короткого диапазона, не требовавшие почти ничего, кроме пусковых установок, и авиация, нуждавшаяся лишь в ангарах и бараках для персонала. Самой трудной задачей была сборка тяжелых лазеров на вершинах гор над Скорпелуной.

А ифриане развернули на плато партизанскую войну. Гораздо меньше подверженные действию местных токсинов, они оставались в полном здравии, и их не обременяли скафандры, респираторы, дыхательные повязки, которые судорожно натягивали на себя люди. Им, крылатым, не нужны были летательные машины, которые радары, гравары и магнитоскопы могли засечь за несколько километров. Зато они могли выскочить из какого-нибудь укрытия, полить огнем и металлом колонну на марше, забросать гранатами вездеход, прошить очередью скиммер — и уйти, не дожидаясь ответа.

Но и у них случались потери.

— Хай-я-я! — завопил Драун из Высокого Неба, кидаясь в солнечном блеске вниз с утеса. Внизу, по дну сухого оврага, ползла колонна терран, возвращаясь на базу с брошенной стройплощадки. Пыль, окутавшая каждого, делала их еще более безликими, чем истрепанная военная форма. Их сопровож-

дало несколько броневигов и несколько самолетов. Грависани везли штабелъ тел, быстро превращающихся в мумии.

— Попутного вам адского ветерка! — В руках у Драуна застучал автомат. Отдача нарушала его равновесие в диких завихрениях нагретого воздуха. Он радовался тому, что его крылья так крепки и искусны.

Ифриане бросались вниз следом за ним, стреляли и взмывали снова. Люди падали, словно мешки. Поднявшись за пределы их огня, Драун увидел, что уцелевшие строятся в каре, укрепленное броневидами и артиллерией, прикрытое сверху самолетами. «Все-таки в храбрости им не откажешь, — подумал он. — Не оставить ли их в покое? Но ведь так и было задумано — дожидаться, когда они сомкнут ряды, и потом бросить в середину торденитовую бомбу».

— За мной!

Снова вниз — трещат выстрелы, сверкают лучи, и вдруг такой знакомый жалобный крик за спиной. Драун притормозил, обернулся — его старший сын Ниесслан, надежда рода, падал по спирали вниз с полуоторванным крылом. Отряд пронесся мимо.

— Я иду, мой мальчик! — Драун скользнул вслед за сыном. Ниесслан лежал без чувств. Его кровь обагрила пыль. Вторая атака ифриан провалилась — их смяли, прежде чем они успели приблизиться к каре. Помня приказ избегать лишних потерь, они поднялись вверх и пропали из виду. К Драуну двинулся взвод. Он встал над Ниессланом и стрелял, пока мог.

— Уничтожить все, что у них еще осталось на орбите, — приказал Кахаль. — Нам нужна свобода для прохода наших транспортов.

— Хр-р-м, — прочистил горло его начальник штаба, — известно ли адмиралу, что вражеские корабли...

— Да. Они идут к планете. Ясно как день, что все, кто может сесть, постараются это сделать. Остальные будут их прикрывать.

— Может быть, организовать заграждение?

— Нечем. Расправа с этими фортами опустошит наши арсеналы. Первый наш долг — вытащить своих людей из той мясорубки, в которую мы... их послали. — Кахаль втянулся. — Если можно будет выделить какие-то крохи из боя на орбите — пусть тогда займутся авалонцами, но очень экономно расходуют боеприпасы и полагаются в основном на лучевое оружие. Не думаю, чтобы им удалось много сбить. Остальных придется пропустить — возможно, себе на беду. — Он осклабился. —

Как вечно твердил нам в Академии старый профессор Ву Тай: — помнишь, Джим? «Лучшее, что может лежать в основе решения, — это наша оценка вероятностей».

Тропические штормы Авалона более свирепы, чем может вообразить себе житель планеты с более низким облучением и не таким быстрым вращением. Отправка тяжелобольных была отложена на сутки. Кроме угрозы потерять транспорт, следовало опасаться и того, что такой ливень убьет кое-кого из пациентов еще по дороге от барака до трапа.

Более или менее здоровые, прибывшие позднее, занялись постройкой дамб. Радио, треща от атмосферных помех, сообщало, что по всем оврагам несутся потоки.

Ничто из этого не волновало Рошфора. Он находился где-то посредине: слишком слаб для работы, но недостаточно болен для немедленной отправки. Он сидел, съезжившись, на стуле среди сотни таких же, как он, в душном вонючем бункере, боролся с ознобом и тошнотой, накатывавшими на него волнами, и вспоминал порой смутно Табиту Фолкейн, а порой — Ахмеда Насутьюна, умершего три дня назад.

Авалонские корабли, сумевшие прорваться сквозь строй, садились на Экватории, и офицеры гражданской обороны распределяли их по местам.

Шторм наконец отбушевал. С разорванной имперской базы поднялись первые корабли — боевые, прокладывавшие путь для наскоро организованных госпиталей в воздухе. К ним присоединились истребители с орбиты.

Тогда наземная и воздушная техника Авалона открыла перекрестный огонь. В битву вступили космические корабли колонистов.

Дэниел Холм сидел перед сканнером, передававшим его слова и изображение на самые мощные передатчики планеты и дальше, где его непременно должны были услышать:

— ...Мы загородили им путь к отступлению. Вы не сможете разгромить нас так быстро, чтобы успеть спасти, по нашим оценкам, четверть миллиона человек. Даже и без нашего сопротивления половина из них не доживет до начала лечения. И мне не хочется говорить, насколько необратимы могут быть повреждения внутренних органов, нервов и мозга, не поддающиеся регенерации.

Но мы можем их спасти. Мы, авалонцы. У нас все подготовлено. Койки, персонал, диагностическое оборудование, коллодирующие препараты, восстановительные процедуры. Будем

приветствовать ваши инспекционные комиссии и ваших медиков. Мы не желаем играть живыми людьми, как пешками. В ту же минуту, как вы согласитесь возобновить перемирие и отвести свой флот достаточно далеко, чтобы мы могли заранее подготовиться к атаке, — в ту же минуту наши спасательные команды вылетят в Скорпелуну.

Глава 18

Палата была чистая и удобная, но в ней лежало сорок мужчин, а экрана не имелось — да и мало кого заинтересовала бы местная программа. Оставалось либо читать, либо молотить языком. Большинство предпочитало последнее. Рошфор уже давно попросил себе наушники, чтобы читать без помех. Не снимал он их почти круглые сутки.

Поэтому хор восторженной похабщины до него не дошел. Он очнулся только от прикосновения к плечу. «Что, уже завтрак?» — подумал он, поднял глаза от «Населения Гайилы» и увидел Табиту.

Сердце подскочило и понеслось галопом. Руки так затряслись, что он с трудом снял наушники.

Она стояла спиной к шумной, пропахшей антисептиком палате так, словно позади не было ничего, кроме окна, открытого в синеву и цветение весны. Простой комбинезон скрывал ее формы. Но по лицу было видно, что она похудела. Скулы выступили сильнее, кожа стала еще темнее, а волосы, наоборот, светлее под солнцем жарче того, что светит над Греем.

— Табби, — прошептал он и потянулся к ней.

Она взяла его руки в свои, но не сжала и почти не улыбнулась при этом.

— Здравствуй, Фил, — услышал он памятный гортанный голос. — Ты выглядишь лучше, чем я думала, когда мне сказали, что ты лежишь сразу под тремя капельницами.

— Видела бы ты меня вначале, — сказал он нетвердым голосом. — Ну, как ты? Как все?

— У меня все хорошо. Как почти у всех, кого ты знаешь. Драун и Ниесслан убиты.

— Очень жаль, — солгал он.

— Я бы приехала раньше, — сказала Табита, отпустив его руку, — но пришлось дожидаться отпуска, а потом искать тебя по компьютеру в списке пациентов и добираться сюда. У нас еще многого не хватает, и организация оставляет желать

лучшего. — Зеленые глаза смотрели серьезно. — Но я была уверена, что ты на Авалоне — живой или мертвый. Хорошо, что живой.

— Как я мог оставаться вдали... от тебя?

Она опустила глаза.

— Как твоё здоровье? Врачи слишком заняты, чтобы вдаваться в детали.

— Ну, когда я окрепну, меня хотят переправить в имперский флотский госпиталь, а там мне вынут печень и вырастят новую. На это уйдет около года, земного года — и я должен поправиться. Они мне это обещали.

— Превосходно, — деловым тоном сказала она. — Тебя хорошо здесь лечат? Уход нормальный?

— Да, если учесть обстоятельства. Но ребята, которые тут лежат, не совсем подходят мне для общения, а медикам, и авалонским, и имперским, некогда с нами разговаривать. Я был чертовски одинок, Табби, пока ты не пришла.

— Постараюсь прийти еще. Ты же знаешь, я на службе, а почти весь отпуск мне придется провести на Сент-Ли, приводя в порядок дела.

Его охватила слабость. Он откинулся на подушки и уронил руки на одеяло.

— Табби... ты не могла бы подождать... этот год?

Она медленно покачала головой и посмотрела ему в глаза:

— Может, мне надо было притвориться, пока ты не окрепнешь, Фил. Но я не умею притворяться, да и ты этого не заслуживаешь.

— Это из-за того, что я сделал...

— И из-за того, что сделала я. — Она наклонилась и, отведя трубки, положила руки ему на плечи. — Но ведь мы не стали ненавидеть друг друга, верно?

— Тогда почему бы нам друг друга не простить?

— Мне кажется, мы уже простили. Но разве ты не понимаешь? Когда боль утихла и я снова получила способность думать, я поняла, что все ушло. Ну да — дружба, уважение, дорогие сердцу воспоминания. А больше ничего.

— Разве этого недостаточно... чтобы начать сначала?

— Нет, Фил. Теперь я понимаю себя лучше, чем прежде. Если бы мы попытались — я знаю, как рано или поздно стала бы обращаться с тобой. А этого я не хочу. Хочу сохранить в чистоте то, что у нас было.

Она нежно поцеловала его и выпрямилась.

Неловкий разговор продлился еще немного, а потом он отпустил ее под предлогом, что ему надо отдохнуть — в этом

была доля правды. Когда она ушла, он в самом деле закрыл глаза и надел наушники, чтобы не слышать голосов своих сотоварищей.

«Может, она и права. И моя жизнь не кончена. Переживу, наверно, и это». Он вспомнил девушку из Флервиля и подумал, что хорошо бы его перевели в госпиталь на Эсперансе, когда — и если — перемирие станет миром.

Табита остановилась надеть гравиринец, оставленный в гардеробной. Госпиталь построили наспех на окраине Грея. (Она вспомнила, какие протесты встретило распоряжение маршала Холма, когда часть военной промышленности начала работать на медицину — и это в то время, когда война должна была вот-вот возобновиться. Комментаторы заявляли, что планируемые им мощности недостаточны для жертв массовой бомбардировки и слишком велики для пострадавших в сражении меньшего масштаба. Маршал ворчал в ответ: «Делаем что можем» — и упорно пробивал свой проект. Помогло то, что его поддержало командование гражданской обороны. Они знали, что замышляет маршал на самом деле — те, кто ценой нелегких усилий заставлял молчать орудия.) Табита стояла на склоне холма, покрытом изумрудным сузином и усеянном кустами ризника и чашами Будды — под ним раскинулся город, весь в садах, а дальше поднимался крутой берег и сверкал Фолкейнский залив. Ветер гнал ватные облачка и нес аромат жизнцевата, нашептывая что-то.

Она вдохнула его прохладу, такую пьянящую после Экватории. Да — для кого-то. Табита чувствовала себя странно опустошенной.

Зашумели крылья, и рядом опустилась ифрианка.

— Доброго тебе полета, Грилл, — сказала она.

Табита заморгала глазами — и узнала.

— Эйат! А тебе — доброй посадки. — *«Какой унылый у нее голос, какие тусклые перья. Я не видела ее с того дня на острове».* Табита взяла когтистую ручку в обе свои. — Как чудесно, что ты здесь, дорогая. Как поживаешь?

Поза Эйат, ее перья и пленка, затянувшая глаза, ответили на это без слов. Табита склонилась и обняла ее.

— Я тебя искала, — пробормотала та. — Всю битву я просидела дома — и еще долго оставалась там, пасла скот; мне надо было побыть одной, и говорили, что планета нуждается в мясе. — Она прислонилась головой к груди Табиты. — И вот я освободилась и прилетела сюда...

Табита поглаживала ее по спине.

— Я узнала, где ты служишь, и мне сказали, что в свой отпуск ты хотела побывать в Грее. Я ждала тебя и спрашивала в отелях. Сегодня в одном мне сказали, что ты остановилась у них, но сразу же куда-то ушла. Я подумала, что ты, наверно, здесь, и решила проверить — это легче, чем ждать.

— Что мне сделать для тебя, небесная подружка? Скажи.

— Это тяжело. — Эйат, не поднимая головы, до боли стиснула руки Табиты. — Аринниан тоже здесь. Он уже некоторое время работает в штабе своего отца. Я хотела встретиться с ним, и... — Она издала сдавленный звук — ифриане не плачут

— Он избегает тебя, — догадалась Табита.

— Да. Он старается быть со мной добрым. То, что ему приходится стараться, хуже всего.

— Это после того случая...

— К-а-а-х. Я для него уже не та, что прежде. — Эйат взяла себя в руки. — Да и для себя самой не та. Но я надеюсь, что Аринниан поймет меня лучше, чем я сама.

— Разве он единственный, кто готов тебе помочь? А твои родители, братья и сестры, чотовики?

— Они ко мне не изменились. Да и с чего бы? В Воротах Бури такое... несчастье, как случилось со мной, считается именно несчастьем — не позором, не изъясном. Им не понять, что я чувствую.

— А ты страдаешь из-за Аринниана. — Табита хмуро поглядела на возмутительно прекрасный день. — Чем мне тебе помочь?

— Не знаю. Может быть... Если бы ты поговорила с ним... объяснила... попросила его за меня...

— Ах, попросила? — вспыхнула Табита. — Где он сейчас?

— На работе, наверно. Его дом...

— Я знаю адрес. — Табита встала. — Пошли, девочка. Не будем больше говорить. Погода замечательная, и мы с тобой полетаем всласть — у меня мотор, и я уже постараюсь измотать тебя как следует, — а к вечеру вернемся туда, где ты остановилась, и я уложу тебя спать.

...Настали сумерки. Над серебристыми водами еще светилась шафрановая заря, а вокруг уже залегла глубокая синева и проглянули ранние звезды. Табита опустила перед дверью Аринниана. В окнах был свет. Она, не касаясь звонка, застучала в дверь кулаком.

Он открыл. Она заметила, что он тоже похудел, небрежно одет, устал и каштановые волосы не причесаны.

— Грилл! — воскликнул он. — Вот неожиданность... Входи же, входи.

Она решительно вошла, почти отпихнув его. В комнате стоял кавардак — хозяин, как видно, здесь только спал и наспех ел. Он нерешительно приблизился. До начала сражения они общались только по службе и всегда по телефону. А потом удостоверились, что другой жив — вот и все.

— Я... я так рад тебе, Грилл, — заикался он.

— Не могу того же сказать о себе, — оборвала она. — Сядь. Мне надо ткнуть тебя кое во что носом, святоша ты поганый.

Он растерянно подчинился. Она увидела, как он ошарашен, и ей вдруг не хватило слов. Несколько минут они молча смотрели друг на друга.

7340

На Дэниела Холма смотрели с экранов Лио с Каровых Озер, Мэтью Викери, президент парламента, и Хуан Кахаль, адмирал Империи. Четвертый экран только что погас, показав видеозапись речи Траувэя, Верховного вивана планеты Ифри, в которой тот призывал Авалон сдаться, пока не случилось худшего и всей Сфере не продиктовали более жесткие условия мира.

— Слышали, господа? — спросил Кахаль.

— Слышали, — ответил Лио.

Холм чувствовал, как стучит в груди и висках — не то что быстро, но тяжело, словно молот. Сейчас бы сигару, которой нет — или выпить, что ему не рекомендуется — или проспать год, чтобы никто не будил. Хотя мы еще не в таком состоянии, как адмирал. Если кто и смахивает на ходячую смерть, так это он.

— И что вы на это скажете? — старческим голосом продолжал Кахаль.

— У нас нет желания сражаться, — объяснил Лио, — или усугублять страдания наших братьев. Однако мы не можем отдать то, что стоило нашему народу таких жертв.

— Маршал Холм?

— Не станете же вы атаковать нас, пока на планете ваши люди, — напрямик сказал тот. — Правда, и мы не станем вечно держать их здесь. Я уже говорил вам, что мы не собираемся заключать сделки за счет мыслящих существ. Надо только обговорить сроки и порядок их возвращения.

— Президент Викери? — Адмирал перевел взгляд на следующий экран.

— Обстоятельства заставили меня изменить свое мнение относительно стратегической обстановки, адмирал, — с улыбкой ответил политик. — Но я по-прежнему не приемлю никакого абсолютизма. Мой уважаемый коллега губернатор

Саракоглу всегда производил на меня впечатление столь же разумного деятеля. Вы недавно имели с ним продолжительную беседу. В ней, безусловно, участвовали и другие хорошо осведомленные умы. Не говорилось ли там о возможности компромисса?

Кахаль поник:

— Я мог бы спорить и торговаться с вами еще много дней. Но что толку? Я поступлю по собственному усмотрению и сразу изложу вам тот максимум, который уполномочен предложить.

Холм вцепился в ручки кресла.

— По мнению губернатора, можно считать, что Авалон уже выполнил многие условия перемирия, — тягуче говорил Кахаль. — Орбитальных укреплений больше не существует. От флота осталось немного, так что его реквизиция не будет иметь для вас большого значения. Более того, у вас на планете фактически находятся имперские войска. Остаются лишь технические детали. Будем считать, что наши раненые и медики — это и есть оккупационные силы. Вашу военную технику нужно будет взять под контроль; довольно одного-двух людей на станции для того, чтобы соблюсти условие неиспользования этой техники в случае разрыва перемирия. Ну и так далее. Общая мысль вам ясна.

— Спасаете лицо, — буркнул Холм. — Угу. Это понятно. Но что потом?

— Предстоит составить мирный договор, — ответил безжизненный голос. — Скажу вам строго по секрету: губернатор Саракоглу настоятельно рекомендовал Империи не аннексировать Авалон.

Викери забормотал что-то. Лио сохранил спокойствие. Холм испустил вздох и откинулся назад.

Они все-таки добились своего. Все-таки добились.

Разговор, конечно, еще не окончен. Впереди бездна всяких придириков и мелочей. Но это уже неважно. Авалон останется ифрийским — останется свободным.

«Сейчас заору от радости. Нет, не сейчас — слишком устал. Может, потом».

Главное его счастье, тихое и глубокое, заключается в том, что сегодня можно будет пойти домой — к Ровене.

Глава 19

Не было никаких внезапных прозрений, драматических сцен и прощений. Но был один час, который Аринниан всегда будет вспоминать.

Работа у отца перестала отнимать у него все время. Он получил возможность вернуться к своим занятиям. И решил, что нет ничего непрактичнее практической деятельности, если она направлена не туда, куда надо. Табита согласилась с ним. Она сама подала в отставку с действительной службы. Вскоре, однако, ей пришлось вернуться на свой остров и заняться делами — хотя бы ради семьи своего компаньона. А он все еще был привязан к Грею.

Он позвонил Эйат, которая снимала в городе комнату.

— Не хочешь ли покататься на лодке?

— Да, — ответила она каждым перышком.

Погода не совсем благоприятствовала прогулке. Когда они вышли из залива, пошел дождь. В борт хлестали оливковые волны. С пасмурного неба били длинные копы, колющие кожу и выбивающие фонтанчики из воды.

— Пойдем дальше или вернемся? — спросил он.

— Пойдем дальше. — Она смотрела на берег, чуть видный за кормой. В море не было никого, пусто было и в воздухе. — Такое одиночество, такой покой.

Аринниан кивнул. Он был раздет, и чистая влага копилась у него в волосах, стекая потом по телу.

Она глядела на него через кокпит с крыши каюты.

— Ты хотел мне что-то сказать, — сказала она мимикой, добавив в помощь пару слов.

— Да. — Румпель трепетал у него в руке. — Прошлой ночью, перед ее отъездом... — На планха говорить больше ничего не требовалось.

— Небесный мой друг, — выдохнула она. — Я так рада за тебя, так рада. — Она протянула к нему крылья, вздрогнула и убрала их.

— Это навсегда, — с торжественной дрожью в голосе произнес он.

— Я никого бы так не желала для тебя, как Грилл. — Эйат присмотрелась к нему. — Но тебя что-то беспокоит.

Он закусил губу. Эйат ждала.

— Скажи, — вымолвил он наконец, опустив глаза, — ты видела нас со стороны. Как по-твоему — стою ли я ее?

Она ответила не сразу. Не услышав «да, конечно», которого ожидал, Аринниан испуганно взглянул на нее, но не осмелился прервать молчания. Волны гремели, и смеялся дождь. Наконец она сказала:

— По-моему, она обязательно добьется того, чтобы ты стоял.

Он проглотил пилполю. Эйат начала извиняться, но как-то нерешительно.

— Я давно уже чувствовала, — сказала она, — что тебе нужен кто-то вроде Грилл, чтобы ты понял: то, что плохо для моего народа, хорошо для твоего... в этом смысл и цель вашей жизни.

Он собрался с духом и сказал:

— Да, я знал это — в теории. Табита предстала передо мной как блистательный факт. Раньше я ревновал. Да и сейчас ревную, а может, буду ревновать до самой смерти, не в силах себя побороть. Но она стоит того — стоит всего на свете. Я наконец-то понял, Эйат, сестренка, что она — не ты, а ты — не она, и хорошо, что вы обе такие, какие есть.

— Она подарила тебе мудрость. — Эйат съехала под дождем.

Аринниан воскликнул, видя ее печаль:

— Позволь мне передать этот дар тебе. То, что случилось с тобой...

Она растерянно взглянула на него.

— Разве это хуже того, что случилось с ней? И я не прошу пожалеть меня (человеческое слово), сам виноват, но думаю, что мне пришлось еще тяжелее, чем вам обeim, когда я вообразал, что телесная любовь грязна, что она в корне отличается от той любви, которую я питаю к тебе, Эйат. Теперь нам надо помочь друг другу. Я хочу, чтобы ты разделяла мои надежды.

Она спрыгнула вниз, приковыляла к нему, обняла его крыльями и положила голову ему на плечо, шепча что-то. Капли дождя сверкали в ее гребне, словно бриллианты короны.

Договор был подписан во Флервиле, в конце зимы. Церемония была самой скромной, и ифрийские делегаты почти сразу же отправились домой.

— Не слишком разгневанные, — заверил Экрем Саракоглу Луизу Кахаль, которая отклонила его приглашение присутствовать. — Они, в общем, философски отнеслись к своей потере. Но было не слишком-то удобно настаивать, чтобы они проделали весь наш ритуал. — Он достал сигарету. — Я и сам, откровенно говоря, рад, что все уже позади.

Собственно говоря, он просто выступил по телевизору и уклонился от дальнейших торжеств. Во Флервиле немислимо было отметить конец враждебных действий без медленных шествий и благотворительных молебнов.

Но все это происходило вчера. На сегодня мягкая погода сохранилась, и Луиза пришла к нему на обед. Отец, сказала

она, не очень хорошо себя чувствует — и это, несмотря на симпатию и уважение, которые Саракоглу питал к адмиралу, не слишком его расстроило.

Они гуляли вдвоем по саду, как в былые времена. По обе стороны расчищенных дорожек снег лежал на клумбе, на кустах и деревьях, на гребне стены — еще белый, хотя таяние уже началось и кое-где под сугробами журчала и позванивала вода. Все цветы зимовали в доме, и в саду пахло только влагой, а небо было окрашено в ровный сизый цвет. Стояла тишина, только гравий скрипел под ногами.

— Кроме того, — продолжил губернатор, — было большим облегчением увидеть, как представитель Авалона и вся его когорта садятся наконец на свой корабль. Тайные агенты, которых я нарядил охранять их, чуть с ума не сошли от радости.

— Правда? — Она подняла глаза, и он смог насладиться их блеском, полюбоваться чуть вздернутым носиком и всегда полуоткрытыми, как у ребенка, губами. Но смотрят эти глаза чересчур серьезно — и чересчур долго это продолжается, черт побери. — Я слышала, были какие-то идиотские анонимные письма, угрожавшие им смертью. Вы из-за этого так беспокоились?

Он кивнул:

— Я уже достаточно знаком со своими дражайшими эсперансийцами. Когда Авалон подпортил им то первое празднество — ну, вы сами видели и слышали все, что говорилось насчет «оголтелых милитаристов». — Саракоглу хотел бы знать, скрывает его меховой капюшон лысину или, наоборот, напоминает о ней Луизе. Может, он в конце концов сдастся и займется пересадкой волос.

— Неужели они никогда не забудут... ни те ни другие? — с тревогой спросила она.

— Думаю, со временем обида утихнет. У нас, у Терры с Ифри, слишком много общих интересов, чтобы превратить семейную ссору в кровавую междоусобицу. Надеюсь.

— Мы действительно повели себя великодушнее, чем могли бы. Например, оставили им Авалон. Разве это не в счет?

— Да, это должно засчитаться. — Саракоглу усмехнулся левым углом рта, затянулся последним горьким дымом и бросил сигарету. — Хотя всем ясно, что тут прямая политическая выгода. Авалон показал себя твердым орешком. Его аннексия повлекла бы за собой бесконечные хлопоты, в то время как анклав не вызовет таких трудностей, для разрешения которых понадобилась бы война. Кроме того, этой своей уступкой

Империя добьется выгодных для себя торговых соглашений, которых в противном случае ей бы не видать.

— Я знаю, — с легким нетерпением сказала она.

— Вы знаете и то, — ухмыльнулся он, — что я люблю послушать сам себя.

— Мне очень бы хотелось побывать на Авалоне, — задумалась она.

— Мне тоже. Из чисто социологического интереса. Хотел бы я знать, не станет ли эта планета проблемой в ближайшем будущем.

— Каким образом?

Он, ступая все так же медленно и не забывая о ее руке, лежащей на его рукаве, посмотрел вперед и высказал то, что всерьез заботило его:

— Причиной может стать двурасовая культура, которая там создается. Сама создается или ее создают: нельзя ни предугадать, ни направить новое течение в истории. Может быть, откуда и происходит их упорство — они словно сплав из двух разных металлов, который намного прочнее, чем каждый металл в отдельности. Нам предстоит заселить всю Галактику, весь космос... — *«О Господи, сколько метафор, включая и эту»*. Он внутренне засмеялся, пожал плечами и заключил: — Впрочем, я до этого не доживу. Пожалуй, мне не придется даже распутывать последствия того, что Авалон оставил Ифри.

— Но как же иначе? Вы сами сказали, что это был единственный выход.

— Что ж, возможно, во мне говорит пессимизм человека, который весьма неудовлетворительно позавтракал в Доме правительства. Однако можно себе представить, что из этого выйдет. Авалонцы, обе расы, начнут ощущать себя большими ифрианцами, чем сами ифриане. Предвижу, что будущие их поколения заселят Сферу в непропорционально большой степени, причем большинство их адмиралов, возможно, тоже будут из авалонцев. Надо надеяться, что они при этом не распространят повсюду реваншизм. И в мирных условиях Авалон, этот уникальный и уникально расположенный мир, притянет к себе непропорционально большую часть торговли — а значит, и мозгов, которые всегда ищут выгоды. И последствия этого предсказать я не берусь.

Она чуть сильнее сжала его рукав:

— Слушая вас, я радуюсь, что я не государственный деятель.

— Я тоже радуюсь, что вы не деятель, потому что мужской род к вам неприменим. Ну довольно об этих важных, но не-

приятных делах. Поговорим, например, о вашей экскурсии на Авалон. Я уверен, что ее удастся устроить через пару месяцев.

Она отвернулась от него. Видя, что молчание затягивается, он остановился и спросил испуганно:

— В чем дело?

— Я улетаю отсюда, Экрем. Скоро. И навсегда.

— Что? — Он едва удержался от того, чтобы не схватить ее за плечи.

— Отец. Сегодня он подал в отставку.

— Я знаю... его осаждают злобными обвинениями. Если помните, я написал об этом в Центральное Адмиралтейство.

— Да. Вы очень добры, — она снова взглянула ему в глаза.

— Я всего лишь исполнил свой долг, Луиза. — Страх не оставлял его, но он с удовольствием отметил, что говорит твердо и сохраняет на лице одну из лучших своих улыбок. — Империи нужны такие, как он. Никто не мог предвидеть скорпелунскую катастрофу, или, когда она уже произошла, совершить больше, чем Хуан Кахаль. Упрекать его, настаивать на военном суде — значит проявлять бессильную злобу, и уверяю вас, из этого ничего не выйдет.

— Но он-то себя упрекает еще больше, — тихо заплакала она.

«А вот на это у меня ответа нет», — подумал он.

— Мы возвращаемся на Нуэво Мехико, — сказала она.

— Я понимаю... эти места должны вызывать у него тяжелое чувство. Но надо ли вам сопровождать его?

— А кто еще у него есть?

— Я. Вероятно, меня вскоре отзовут на Терру...

— Извините, Экрем. — Тень ее ресниц упала на тонкие щеки. — Терра тоже не для него. Я не допущу, чтобы он терзался в одиночестве. Дома, среди своих, ему будет лучше. — Она улыбнулась дрожащей улыбкой и вскинула голову. — *Нам будет лучше.* Я уже и сама немного заскучала по дому. Навестите нас как-нибудь. — Она старательно подбирала слова: — Я, конечно, со временем выйду замуж. Мне бы хотелось, если вы не против, назвать своего сына в вашу честь.

— Я буду гордиться этим больше, чем всеми побрякушками, какие бы ни навесила Империя на мою хилую грудь, — машинально ответил он, — не выйти ли нам в дом? Для спиртного, пожалуй, еще рановато; а с другой стороны, сегодня особый день.

«Ну что ж, — думал он, преодолевая боль, — мечта была приятной гостьей, но теперь я избавлен от хозяйских обязанностей. Можно успокоиться и играть себе дальше в губернатора,

в рыцаря, в вельможу, в лорда-советника, в отставного политика, диктующего нескончаемые лживые мемуары.

Завтра надо будет исследовать местные возможности относительно резвых и безотказных дам. В конце концов, зрелость бывает только раз».

В Грее было лето, когда известие достигло Авалона. Его ждали с некоторым напряжением — кто знает, можно ли доверять Империи? — и радость, охватившая человеческое население планеты, вылилась в праздник.

Птицы Кристофер Холм и Табита Фолкейн вскоре оставили общее веселье. Церемонии и пиры могут подождать; они давно решили, что ночь заключения мира станет их свадебной ночью

Но спешить им не хотелось. У ифриан не принято спешить в таких случаях. Напротив, двое стремятся слиться со своим миром, своей судьбой, своими мертвыми — все равно, настал ли любовный период или он еще впереди, — чтобы разрешить все заботы и слиться наконец воедино друг с другом.

Холмы за северным мысом оставались пока незаселенными, хотя растения, чьи семена привезли сюда пионеры, давно прижились здесь. Крис и Табби опустились там на закате, пылавшем красным и золотым огнем над спокойным морем. Они разбили лагерь, поели, выпили немного вина и насладились поцелуями; а потом, рука об руку, пошли по тропе вдоль обрыва.

Слева круто сбегал к воде травянистый берег, поросший трилистником и мечами горя. Воды мерцали до самого горизонта, где густая чернота сменяла лиловый сумрак. Вечерняя звезда горела, как свеча, среди пробуждающихся созвездий. Справа темнел лес, сладко пахнувший сосной. Звенели лозы-арфы под теплым бризом, и переливался огнями самоцветник — Эйат? — спросила она.

— Летит домой, — ответил он

Его голос и то, как он коснулся губами ее чуть видных во мраке волос, говорили: «Убедив меня, что я должен исцелить ее, и научив как, ты исцелила меня, дорогая».

Ее пальцы, дотронувшись до его щеки, ответили: «К собственной своей радости, которая все растет и растет».

И все же он чувствовал, что ее беспокоит какой-то вопрос. Ему казалось, он знает какой. Он сам часто задавал его себе; но он, книголюб, философ, поэт, мог найти ответ в прошлых столетиях легче, чем она, чей дар заключался в понимании настоящего

Он не побуждал ее произнести вопрос вслух. Довольно пока и того, что она здесь и принадлежит ему.

Поднялась Моргана, полная, с темными пятнами и не столь яркая, как была — до того ее изувечили. Табби остановилась.

— Не слишком ли высока была цена? — спросила она с затаенной болью.

— Ты о войне?

— Да. Посмотри туда. Посмотри на все эти солнца вокруг нашего шарика — всюду смерть, увечья, страдания, скорбь, разрушение — столько погублено, испорчено, как вон та луна, столько мы лишили своих детей — и все ради того, чтобы одержать верх в политической игре?

— Я тоже думал об этом, — признался он. — Но не забывай, однако, что мы все-таки сохранили детям кое-что, чего они могли лишиться. Мы сохранили за ними право быть самими собой.

— Ты хочешь сказать — быть такими же, как мы. Ну а если бы мы потерпели поражение? Мы были к этому близки. Тогда следующее поколение выросло бы умеренно довольным имперскими подданными. Не так ли? Так имели ли мы право делать то, что сделали?

— Мой ответ — да. Общего принципа тут не существует, и я могу ошибаться. Но мне кажется, что мы, такие, как есть — наше общество, наша культура, как ни назови, — имеем право жить по-своему. Любимая моя — если общество не будет сопротивляться нашествиям, его вскоре поглотят самые сильные и самые алчные враги. И везде настанет мертвое единообразие. Не с кем будет состязаться, не с кем себя сравнивать. Плохую услугу оказали бы мы жизни, допустив такое. Кроме того, вражда не бывает вечной. Предполагаю, например, что предки губернатора Саракоглу и адмирала Кахаля стояли друг против друга при Лепанто*. — Он видел, что Табита не поняла его исторического сравнения — но это неважно, главное — общий смысл. — Суть в том, что и те и другие боролись, сопротивлялись, и выстояли, и передали потомкам что-то свое, чего никто другой не мог бы передать. Почему же ты не веришь, что тут, на Авалоне, ты тоже спасла какую-то часть будущего?

— Запятнанную кровью.

— Да, без этого можно было обойтись, — согласился он. — Но мы, софонты, устроены так, что этого не избежишь. Может, со временем что-то изменится к лучшему, и в чем-то поможем

* Город на берегу Коринфского залива, у которого во второй половине XVI века испано-венецианский флот нанес поражение флоту Османской империи

и мы: крылатые и бескрылые одновременно. Главное, надо стараться.

— И сейчас у нас, во всяком случае, мир, — шепнула она.

— Не довольно ли этого для счастья?

Она улыбнулась сквозь блестящие при луне слезы и сказала:

— Да, Аринниан, Крис, милый мой, — и прижалась к нему

Эйат покинула Грей перед рассветом.

В этот час, после ночного веселья, все небо принадлежало ей одной. Поднимаясь, она поймала ветер и стала взбираться с ним все выше и выше. Он струился, он пел. Последние звезды, заходящая луна делали море и сушу таинственными; впереди, в белизне рассвета, вставали родные горы.

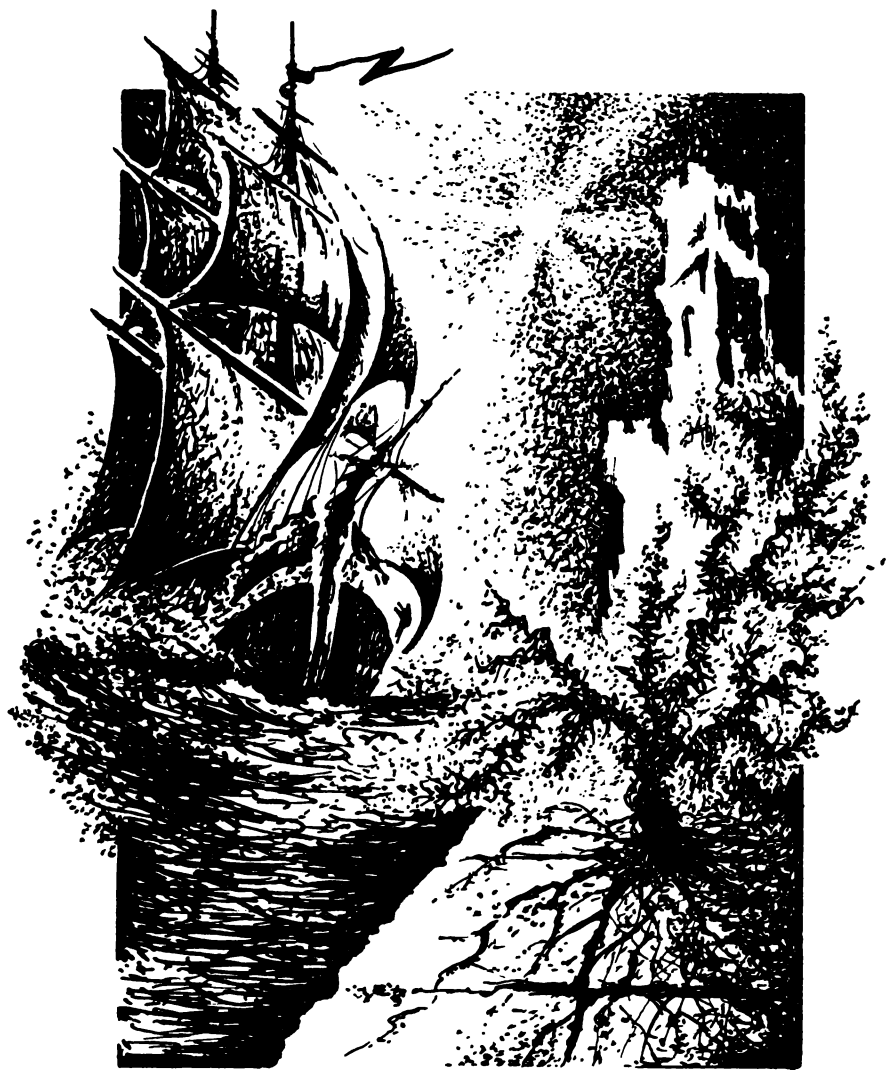
Холод заставлял кровь кипеть в ее жилах.

Она думала: «Тот, кто любил меня, и тот, кому я досталась, разделили единый жребий. И довольно».

Мускулы играли, крылья работали, живые до последнего перышка. Планета стремилась к утру. *«Мой брат, моя сестра нашли свое счастье. Пора мне искать свое».*

Снеговые вершины пылали. Выходило солнце с песней света.

Синева святая.

МИЧМАН ФЛЭНДРИ

Фрэнку и Беве́рли Гербертам

Выдержка из «Руководства для пилотов с астрономическими таблицами»: Бетельгейзианский сектор Ориона, 53-е изд., кассета III, кадр 28:

IGC — 52 727 061. Саксо. F5, масса 1,75 Солнца, светимость 5,4 солнечной, диаметр фотосферы 1,2 солнечного. Примерный срок нахождения на главной последовательности — 0,9 бегалет.

Планетарная система: одиннадцать главных тел...

У. Старкад*. Средний орбитальный радиус 3,28 а.е., период 4,48 лет. Масса 1,81 Терры. Экваториальный диаметр 15 077 км. Средняя сила тяжести на поверхности 1,30 g. Период обращения 16 ч. 31 м. 2,75 сек. Наклон оси 25° 50' 4,9"... Атмосферное давление на поверхности ок. 7000 мм рт. ст. Процентный состав атмосферы: N₂ 77,92, O₂ 21,01, благородные газы 0,87, CO₂ 0,03...

Примечание. Система, хотя и находится в 254 световых годах от Солнца, была открыта рано, в течение первого Великого Похода. Согласно практике того времени интересным для человека объектам присвоены литературно-мифологические названия. Частично пригодный для человеческого обитания Старкад посетило несколько ксенологических экспедиций для изучения его необычных туземных жителей... Исследования не были продолжены, так как средства вкладывались в более перспективные проекты; впоследствии Торгово-техническая Лига также не сочла выгодным освоение планеты. После Смутного Времени система осталась за пределами Имперской сферы, и Старкад почти не посещался до недавнего времени, когда туда была послана военная экспедиция.

В 54-м издании информация была уже совершенно иной.

* Старкад — в сканд. мифологии герой из ряда великанов, которого благословил Один и проклял Тор. (*Примеч. ред.*)

Глава 1

Вечер на Terre.

Его Императорское Величество Георгиос Мануэль Кришна Мурасаки, четвертый в династии Ванг, Великий Хранитель Мира, председатель Звездного Совета, главнокомандующий, верховный арбитр, признанный властителем в большинстве миров, и почетный глава несметного количества организаций, праздновал свой день рождения. На планетах столь далеких, что простой глаз не способен различить их солнца среди множества звезд, мерцающих над Океанией, люди, высохшие до черна или отекавшие от жизни в чуждой среде, поднимали бокалы за его здоровье. Световые волны, несущие их заздравные слова, достигнут разве что гробницы императора.

Сама Терра не слишком стесняла себя церемониями. Для всех, кроме придворных, которые все еще по обычаю, следуя за солнцем, облетали планету ради участия в ряде утомительных торжеств, тезоименитство стало всего лишь поводом для карнавала. Летя в своем аэрокаре над темнеющими водами океана, лорд Маркус Хауксберг видел зарево, стоявшее на востоке, — разноцветные световые занавеси дрожали там, где взрывались фейерверки. Сегодня темная сторона планеты сияет так, что с Луны нельзя различить даже огни величайших городов. На какую станцию ни настроишь видео — повсюду толпы народу заполняют увеселительные заведения и бурно ликуют среди празднично украшенных башен.

Супруга лорда нарушила молчание, и он вздрогнул.

— Хотела бы я сейчас оказаться за сотню лет в прошлом.

— Почему? — Ей еще порой удавалось его удивить.

— Тогда тезоименитство еще кое-что значило.

— Да... пожалуй. — Хауксберг вспомнил историю. Его ле-
ди права. Тогда с приходом темноты прекращались парады и празднества, отцы выводили сыновей под загорающиеся звезды и говорили: «Посмотри туда. Все это наше. Во владениях

Империи около четырех миллионов звезд, и по крайней мере сто тысяч из них знают нас, подчиняются нам, платят нам дань, а взамен пользуются всеми благами мира. Это сделали наши предки. Храни верность их делу».

Хауксберг пожал плечами. Новые поколения неизбежно перерастают наивные убеждения отцов. Со временем они проникаются сознанием того, что в нашей пылинке-Галактике не меньше сотни миллиарда солнц; что мы даже свою спиральную ветвь не исследовали толком и вряд ли когда исследуем; что такие гиганты, как Бетельгейзе и Полярная звезда, видные без всякого телескопа, нам *не* принадлежат. А от этих умозаключений уже легко перейти к следующим: всем известно, что Империя сложилась и существует лишь с помощью голой силы, центральная власть поражена коррупцией, а пограничная держится на жестокости; только флот сохранил свои моральные принципы, но флот живет лишь ради того, чтобы воевать, подавлять и бороться со всяким свободомыслием. Так что бери от жизни свое, облегчай свою совесть, посмеиваясь втихомолку, и не строй из себя дурака, принимая Империю всерьез.

«Возможно, мне удастся это изменить», — думал Хауксберг.

— По крайней мере, мы могли бы отправиться в какой-нибудь приличный дом, — продолжала Алисия. — Так нет же, тебе понадобилось тащиться к кронпринцу. Надеешься, что он уступит тебе одного из своих мальчиков?

Хауксберг попытался разрядить атмосферу улыбкой.

— Полно, любовь моя, ты ко мне несправедлива. Меня по-прежнему волнуют лишь женщины, предпочтительно красивые, как ты.

— Или Перси д'Ио. — Она откинулась на спинку кресла и сказала устало: — Впрочем, неважно. Просто я не люблю оргий. Особенно вульгарных.

— Да и я их не особенно люблю. — Лорд потрепал жену по руке. — Ничего, ты справишься. Помимо всего прочего, меня восхищает в тебе и то, что ты в любой ситуации держишь себя с такой уверенностью.

«И это, в общем, правда», — подумал он. На миг, созерцая ее совершенные черты под высокой, увенчанной диадемой прической, он почувствовал сожаление. Пусть их брак был заключен по сословным мотивам — разве не мог он потом перейти в дружбу? Или даже в любовь... «Нет, — сказал себе Хауксберг, — ты смешиваешь действительность с тем, что вычитал в своих любимых древних книгах. Ты не Пелеас, а она не Мелисанда*.

* Герои пьесы М. Метерлинка, романтические влюбленные. (Здесь и далее примеч. пер.)

Она умна, тонка, разумно честна по отношению к тебе; она подарила тебе наследника — большого брачный контракт не предусматривал. Ты, со своей стороны, дал ей положение в обществе и почти неограниченные средства. Что же до того, чтобы уделять ей больше времени — как это возможно? Надо же кому-то чинить Вселенную, если та разваливается по частям. Женщины в большинстве своем это понимают».

Побери энтропия все эти бредни. Своей красотой Алисия обязана работе дорогого биоскульптора. Хауксберг перевидал уже немало вариаций ее облика, в зависимости от моды.

— Я уже не раз тебе объяснял, — сказал он. — Я и сам бы куда охотнее отправился к Мбото или к Бхатнагару. Но мой корабль отходит через три дня, и это мой последний шанс повернуть кое-какие абсолютно необходимые дела.

— Это ты так говоришь.

Хауксберг принял решение. Нельзя сказать, чтобы сегодняшний вечер был слишком уж большой жертвой с ее стороны. Он отсутствует месяцами, и она может всласть утешаться со своими любовниками (а чем еще заниматься на Терре благородной даме, не обладающей особыми талантами?). Но если она разозлится по-настоящему, то может его погубить. Очень важно, чтобы забрало, именуемое притворством, оставалось все время опущенным. Неважно, что скрывается за ним. Стоит поднять его — и в лицо ударит смех, не менее опасный для человека у власти, чем вакуум и радиация для космоплавателя.

«Странно, что власть, — размышлял он краем сознания, — несмотря на многие тысячелетия нашей истории и на все теоретические выкладки социодинамиков, по-прежнему сохраняет свой магический ореол. Если я стану посмешищем, мне останется только удалиться в свои поместья. А я еще нужен Терре».

— Дорогая, — сказал он, — раньше я не говорил тебе всего. Слишком много вокруг ушей, живых и электронных, знаешь сама. Если оппозиция узнает о моих намерениях, мне могут помешать. Не столько потому, что они со мной не согласны, сколько потому, чтобы не дать мне вернуться домой с неоспоримой победой. Тогда я стал бы кандидатом в Политический комитет, а кто же не надеется войти в него сам? Свершившийся факт — дело другое, понимаешь?

Она устремила на него тяжелый взгляд. Высокий, стройный, светловолосый, с несколько резкими чертами лица, он в своем зеленом мундире с регалиями, газовом плаще, золотистых бриджах и полусапожках из бычьей кожи был прямо-таки безбожно красив.

— Твоя карьера, — съязвила она.

— Конечно, — кивнул он. — Но и мир тоже. Ты ведь не хочешь, чтобы Терра подверглась нападению? Такое может случиться.

— Марк! — Изменившись в лице, она сжала его руку под кружевным манжетом похолодевшими пальцами. — Неужели дело настолько серьезно?

— Ядерному нападению. Эта заваруха на Старкаде — не просто пограничная стычка. Да, ее объявляют таковой, и многие искренне в это верят. Но ведь информация, которую они получают, проходит через сотню разных инстанций, каждая из которых толкует факты так, чтобы не преуменьшить собственных заслуг. Я же получаю факты из первых рук и просчитываю их сам. По скромной экстраполяции, у нас сорок шансов из ста вступить в войну с Мерсейей лет через пять. В настоящую войну, которая способна стать тотальной. Стала бы ты с такими шансами спорить, что все обойдется, а?

— Нет, — прошептала она.

— Предполагается, что я отправляюсь туда, чтобы собрать сведения и потом представить доклад императору. Тогда бюрократия могла бы начать подготовку к переговорам. А могла бы и не начинать — некоторые силы заинтересованы в том, чтобы конфликт продолжался. В самом лучшем случае эскалация будет идти, и соглашение будет делаться все более трудным — а возможно, и недостижимым. Я задумал обойти всю эту волокиту. Мне нужны полномочия, чтобы со Старкада отправиться прямо на Мерсейю и попытаться выработать там условия соглашения. Мне кажется, такая возможность есть. Они ведь, как-никак, тоже разумные существа. Может, и у них есть такие, которые ищут выхода из трясины. А я могу им этот выход указать. Могу по крайней мере, попробовать, — выпрямился он.

— Понимаю, — сказала она, помолчав. — И, конечно, по могу тебе.

— Вот и умница.

— Марк... — чуть подалась она к нему

— Что? — Цель его полета вырисовывалась на фоне багрового занавеса.

Да так, ничего. — Она вернулась на место, разгладила платье и стала смотреть на океан.

Коралловый дворец стоял на атолле, полностью закрывая его собой и целя своими кручеными башнями в небо. Воздушные экипажи мелькали вокруг, как светляки. Аэрокар Хауксберга сел на террасе, следуя дистанционной наводке, высадил своих пассажиров и отлетел на парковочный плот. Лорд с супругой прошли мимо склонившихся в поклоне рабов и салютующих

часовых в холл, где гости блистали радужной нарядов среди водяных колонн, и дальше — в бальный зал.

— Лорд Маркус Хауксберг, виконт Най Кальмар, второй министр внешнеперских дел, и леди Хауксберг! — возвестил глашатай.

Бальный зал под прозрачным куполом был открыт небу. Освещение здесь было ультрафиолетовым. Пол, мебель, инструменты оркестра, посуда, кушанья — все светилось глубокими, чистыми флюоресцирующими красками. Так же светились и гости — их туалеты, узоры на коже и глазные линзы. Ночь переливалась оттенками рубина, топаза, изумруда, сапфира, а над ними сверкали маски и локоны. Музыка струилась в воздухе, наполненном запахом роз.

Кронпринц Джосип принимал гостей. Для себя он выбрал глухой черный костюм. Его руки и обрюзгшее лицо, отливающее зеленью, плавали в воздухе, будто отделенные от тела, линзы горели красным огнем. Хауксберг отвесил поклон, а Алисия преклонила колено.

— Ваше высочество...

— Рад вас видеть. Это не так часто бывает.

— Дела, ваше высочество. К глубокому нашему сожалению.

— Да. Вы, кажется, скоро отбываете?

— Старкадское дело, ваше высочество.

— Что? А, да. Страшно серьезно и конструктивно. Надеюсь, что здесь вам удастся отдохнуть.

— Мы предвкушаем это удовольствие, ваше высочество, хотя я боюсь, что нам придется рано уйти.

— Хм. — Джосип слегка отвернулся. Его не следовало обижать.

— Излишне говорить, как мы оба сожалеем об этом, — промурлыкал Хауксберг. — Могу ли я молить о новом приглашении, когда вернусь?

— Ну разумеется!

— Позволю себе еще большую смелость. Скоро на Терру прибудет мой племянник. Парень с пограничья, знаете ли, но, насколько можно судить по стерео и письмам, прелестный мальчуган. Встреча с наследником Империи значила бы для него больше, чем свидание с самим Богом.

— О чем речь! Разумеется. Разумеется. — Джосип просиял и обратился с приветствием к очередным гостям.

— А это не опасно? — спросила Алисия, когда они отошли на безопасное расстояние.

— Для моего племянника — нет, — хмыкнул Хауксберг. — Его не существует в природе. А наш дорогой Джосип славится своей короткой памятью.

Он часто думал, что будет с Империей, когда это сокровище займет трон. К счастью, Джосип слаб характером. Если к тому времени Политический комитет возглавит человек, понимающий ситуацию в Галактике... Хауксберг склонился и поцеловал руку своей леди.

— Я вынужден отчалить, дорогая. Развлекайся. Надеюсь, все будет вполне пристойно до тех пор, когда мы осмелимся улизнуть.

Объявили новый танец, и Алисию умыкнул некий адмирал. Он был еще не стар, и его награды показывали, что он служил за пределами планеты. Хауксберг усомнился в том, вернется ли его жена этой ночью домой.

Он пробрался к стене, где толпа была пореже, и двинулся вокруг зала. У него не было времени полюбоваться видом, открывавшимся по ту сторону купола, а жаль — вид был фантастический. Там волновалось море, мерцая под низкой луной. Длинные, девственно белые валы причудливо разбивались о волнорезы дворца; лорду казалось, что он слышит их гул. Тьму вокруг тонкого месяца рассеивали городские огни. Воздушная иллюминация развернулась вверх — там, как живой, светился солнечный диск на синем поле, точно ветры стратосферы трубили славу императору. Немногим звездам удавалось пересилить этот блеск.

Однако Хауксберг узнал Регул, за который лежал его путь, и Ригель, пылающий в сердце мерсейских владений. И содрогнулся. Когда он добрался до столика с шампанским, бокал пришелся весьма кстати.

— Добрый вечер, — сказал кто-то.

Хауксберг раскланялся с дородным мужчиной в разноцветном гриме. Лорду-советнику Петроффу было несколько не по себе на этом празднестве. Он сделал легкий знак головой, и Хауксберг кивнул. Они посудачили немного и разошлись. Хауксберга задержала одна надоедливая пара, и ему не сразу удалось ускользнуть и спуститься на гравиилфте вниз.

Остальные уже собрались в маленьком, наглухо замкнутом кабинете. Их было семеро, занимающих ключевые посты в Политическом комитете — поседелых ветеранов, носивших на себе сознание своей власти, как добавочный вес. Хауксберг смиренно приветствовал их:

— Приношу искренние извинения за то, что заставил милордов ждать.

— Ничего, — сказал Петрофф. — Я тут как раз объясняю обстановку.

— Однако у нас нет ни информации, ни компьютерных расчетов, — сказал да Фонсека. — Вы принесли их с собой, лорд Хауксберг?

— Нет, сэр. Как я мог? Каждый микроридер в этом дворце снабжен, вероятно, шпионским устройством. — Хауксберг перевел дыхание. — Милорды, вы сможете подробно изучить резюме, когда я улечу. Вопрос заключается в том, согласны ли вы в данный момент удовлетвориться моим словом и словом лорда Петроффа? Если дело обещает стать таким серьезным, как я полагаю, то посланник для тайных переговоров, согласитесь, необходим. Если же, с другой стороны, Старкад не имеет особого значения, то что мы потеряем, уладив этот спор на разумных условиях?

— Престиж, — сказал Шардон. — Боевой дух. Точность оценки при просчете следующего мерсейского хода. Позволю себе упомянуть даже о таком архаизме, как честь.

— Я не намерен жертвовать ни одним из жизненных интересов, — возразил Хауксберг, — и какого бы соглашения я ни достиг, оно в любом случае будет ратифицировано здесь. Милорды, нам недолго удастся скрывать свои действия. Но прошу вас, выслушайте меня... — И он произнес свою речь, подготовленную заранее — а как же иначе. Эти шестеро вместе с Петроффом контролировали достаточно голосов, чтобы принять решение в его пользу. Если убедить их созвать назавтра негласное заседание с достаточноым кворумом, Хауксберг отбудет с теми полномочиями, в которых нуждается.

В противном случае... Нет, не следует принимать себя слишком уж всерьез на данной ступени своей карьеры. Однако на Старкаде гибнут люди.

И Хауксберг в конце концов выиграл. Дрожащий, с потом, текущим по ребрам, он оперся о стол и едва расслышал слова Петроффа:

— Поздравляю. И желаю удачи. Она вам понадобится.

Глава 2

Ночь на Старкаде.

Нарпа — самая высокая гора центрального хребта на острове Курсовики. Ее высота почти двенадцать километров. На таком расстоянии над уровнем моря атмосферное давление приближается к стандарту Терры — человек может дышать без помех, и люди построили здесь свой Хайпорт. Пока что все поселение состояло из космодрома и нескольких десятков сборных барачков, вмещавших не более пяти тысяч человек, но оно постоянно росло. Сквозь стены кабинета командора Макса

Абрамса, офицера разведкорпуса Имперского Флота, слышался лязг металла и рокот строительных машин.

Его сигара опять погасла. Жуя окурок, Абрамс дочитал рапорт, которым был занят, потом откинулся назад и щелкнул зажигалкой. Дым поплыл вверх, к голубой завесе, которая уже образовалась под потолком неуютной клетушки Абрамса. В комнате стало нечем дышать. Командор не замечал этого.

— Черт! — произнес он. И добавил, будучи верующим на свой лад: — Господи помилуй!

Стараясь успокоиться, он взглянул на карточку жены и детей. Да что там — они ведь дома, на Дейане, в регионе Веги, за столько парсеков от него, что и думать не хочется. И время тоже отделяет их от него. Он не видел их больше года. Марта пишет, что маленькая Мириам меняется так, что он ее не узнает, Давид вымахал длинный-предлинный, а Иаэль уж очень часто встречается с Аббой Перльмуттер, хотя вообще-то хороший мальчик... Они — только фигуры на снимке, отгороженные от него кипой бумаг и баррикадой канцелярских машин. Абрамс не решился оживить карточку.

«Ладно, нечего себя жалеть, дубина». Стул скрипнул под Абрамсом. Он был плотным мужчиной с сединой в волосах, с крючковатым носом на большом лице. Его форма помялась, воротник кителя был расстегнут, на широких плечах поблескивали двойные планеты — знак его отличия, на поясе висел бластер. Сделав усилие, он вернул свои мысли к работе.

«Дело даже не в том, что пропал флигтер и что его пилот, возможно, погиб. Машины сбивают и людей убивают все чаще и чаще. Не повезло, конечно, парню... как его? Да, мичман Доминик Флэндри. Хорошо, что я его не знал. Хорошо, что мне не придется писать его родителям. Район, где исчез флигтер, — вот что тревожит. Задаaniem пилота была обычная рекогносцировка над Злетоварским морем — отсюда и тысячи километров не будет. Если мерсейцы становятся настолько агрессивными...»

Но действительно ли в происшедшем виноваты они? Этого никто не знает, потому рапорт и поступил к нему, начальнику разведки терранской миссии. Из Хайпорта в той стороне был засечен разряд атмосферных помех. Поисковый полет не обнаружил ничего, кроме обычных тигранских судов — торговых кораблей и рыбацких лодок. Что ж, моторы порой отказывают — техники у них так мало, что наземным командам не приходится быть чересчур придиричвыми к изношенным механизмам. (Когда же, черт возьми, штаб Галактики подымет свою отсиженную задницу и поймет, что тут не «оказание помощи дружественному народу», а война?) А при таком

ярком солнце, как Саксо, которое сейчас проходит пик своего энергетического цикла, сообщение с большой высоты не всегда удастся передать, как ни настраивай рацию. С другой стороны, разведочный флиттер должен, по идее, быть отказоустойчивым и иметь про запас несколько аварийных систем.

И мерсейцы становятся все напористее. Мы сами не делаем ни хрена — только увеличиваем собственный напор в ответ. Почему бы не заставить их поговорить, для разнообразия? Подчиненная им территория постоянно увеличивается. Правда, от Курсовиков до них еще четверть окружности планеты — но вдруг они таким манером протягивают к нам щупальце?

Что ж, спросим. Особого вреда не будет.

Абрамс нажал кнопку своего видеофона, и на экране появился оператор.

— Дай-ка мне главного зеленокожего, — приказал Абрамс.

— Да, сэр. Постараюсь.

— Уж постарайся — тебе за это и платят. Передай его свите в пурпуре и золоте, что я хочу сделать следующий ход.

— Простите, сэр? — Оператор был новенький.

— Ты меня слышал, сынок. За дело!

Пройдет какое-то время, пока их свяжут. Абрамс выдвинул ящик стола, достал магнитную шахматную доску и задумался. Он вообще-то не готовился к игре. Однако Руinei Странник слишком поглощен партией, чтобы отвергнуть такое предложение при наличии свободной минуты — и будь он, Абрамс, проклят, если даст какому-то несчастному мерсейцу победить в человеческой игре.

Хм... вот тут намечается интересное развитие, с белым слон... нет, так ферзь может попасть под удар... хорошо бы подключить компьютер... пари держу, что противник так и сделал... а может, и нет... ага, вот.

— Комендант Руinei, сэр.

На экране возник образ. Абрамс умел различать инопланетян не хуже, чем особой собственного вида. Это входило в его ремесло. Непривычный глаз отмечал только чуждость. Хотя мерсейцы не так уж и чудны по сравнению с другими. Руinei представляет собой нормальное млекопитающее с террестроидной планеты. В нем чуть больше, чем у гомо сапиенс, заметна рептильная наследственность — у него безволосая бледно-зеленая кожа, слегка покрытая чешуей, и короткие треугольные шипы идут от макушки вдоль хребта, до конца длинного тяжелого хвоста. Хвост уравнивает наклон туловища вперед, и мерсеец, когда стоит, опирается и на ноги, и на него. А в остальном Руinei, в общем, похож на высокого, плечистого человека. Если не считать костяных спиралей на месте ушей и

надбровных дуг, нависающих над черными агатовыми глазами, голова и лицо у него почти терранские. Он одет в форму, черную с серебром. Позади него на стене виднеется ружье с широким дулом, модель корабля, причудливая статуэтка — сувениры с далеких звезд.

— Приветствую, командор. — Руней говорил на англике бегло, с певучим акцентом. — Поздно вы засиделись за работой.

— А вы рано вылезли из койки, — пробурчал Абрамс. — У вас там, должно быть, едва рассвело.

Руней взглянул на хроно:

— Да, наверное. Но мы на это почти не обращаем внимания.

— Вам проще, чем нам, не обращать внимания на солнце, сидя в своей луже. Но ваши друзья-туземцы все еще живут согласно тем скудным двум третям дня, которые им достаются. Разве вы не приспосабливаете к ним свои рабочие часы?

Абрамс мысленно пересек пространство, отделяющее его от вражеской базы. Старкад — большая планета, и ее сила тяжести совместно с атмосферой за несколько тектонических эпох расплавила большие массивы суши. Теперь всю поверхность Старкада покрывает мелкий океан, волнуемый ветрами и лунами, со множеством больших и малых островов, но настоящих континентов здесь нет. Мерсейцы обосновались в регионе, который назвали Кимрайгским морем. Они поставили свои надувные купола и на поверхности, и на дне. А в тамошних небесах властвует их воздушный флот. Не часто удается посланным туда терранским машинам, кто бы ими ни управлял — роботы или люди — вернуться обратно в Хайпорт с докладом о том, что там происходит. И приборы космических кораблей тоже показывают не слишком много.

«В ближайшие годы, — подумал Абрамс, — кто-нибудь да нарушит тактическое соглашение и запустит пару шпионских спутников. Почему бы и не мы? Ну да, тогда другая сторона вызовет сюда боевые корабли на место обычных транспортов и начнет стрельбу по неподвижным мишеням. А первая сторона вызовет боевые корабли покрупнее...»

— Хорошо, что вы позвонили, — сказал Руней. — Я уже поблагодарил адмирала Энрикеса за конвертер, но всегда приятно выразить благодарность другу.

— Простите?

— А вы не знали? Один из наших главных опреснителей сломался. И ваш комендант был так любезен, что выделил нам нужную запасную часть.

— А, понятно. — Абрамс покатал в зубах сигару.

Смешно, подумал он. Между мерсейцами и терранами на Старкаде идет война. Они убивают друг друга. Однако Рунеи в день тезоименитства прислал им поздравление. (Вдвойне смешно! Пусть даже псевдоскорость корабля в гиперрежиме теоретически не ограничена, все равно понятие одновременности на межзвездных трассах теряет всякий смысл.) А теперь вот Энрикес позаботился о том, чтобы у Рунеи не иссякли запасы пива.

Потому что никакой войны нет. Официально она не объявлена — как и война между двумя туземными расами. Тигране и водяные борются, вероятно, с тех самых пор, как обрели разум. Но это больше похоже на борьбу людей с волками в старые времена — ничего систематического, просто они естественные враги. Так было, пока мерсейцы не начали помогать водяным оружием и советами и не отбросили сухопутных жителей назад. Терра, прослышав об этом, чисто рефлекторно приняла сторону тигран, чтобы сохранить баланс — иначе весь Старкад стал бы мерсейской марионеткой. В результате мерсейцы чуть усилили свою помощь, терране не остались в долгу и пошло-поехало...

Однако между обеими империями сохраняется мир. Задача здешних миссий — только оказание помощи, не так ли? Терра занимает гору Нарпа по договору с тигранами Уянки, Мерсейя сидит в Кимрайге по договору с тамошними жителями. (Смех и аплодисменты. Ни одна из старкадских культур не имеет понятия о том, что такое соглашение между суверенными державами.) Мерсейский Ройдхунат не сбивает терранские машины. Боже сохрани! Это делают простые мерсейские солдаты, оберегая воздушное пространство водяных Кимрайга. Терранская империя и не думала вышибать мерсейский десант с Громоваго мыса: просто терране дали присягу охранять границы своих союзников.

Альфзарский договор остается в силе. Мы обязаны предоставлять цивилизованным инопланетянам помощь по их просьбе. Абрамс перебрал в уме собственные просьбы, которые мог бы изобрести. А что — может получиться неплохой гамбит

— Возможно, и вы сможете оказать нам услугу, — сказал он. — У нас пропал флиттер в Злетоваре. Я не настолько груб, чтобы намекать, что один из ваших парней курсировал там, засек нашего и чуточку перевозбудился. Но если допустить, что это случайная авария — как насчет совместного поиска?

Абрамс с удовольствием отметил ошеломление на жестком зеленом лице собеседника.

— Вы шутите, командор!

— Конечно, моему боссу надо будет обратиться к вам официально, но я ему это подскажу. Вам легче обнаружить затонувшую машину, чем нам.

— Но зачем нам это?

— Ради предотвращения будущих аварий у обеих сторон, — пожал плечами Абрамс. — Ради укрепления дружбы между народами и отдельными индивидуумами. Такие, кажется, слова принято употреблять у нас и у вас на родине?

— Это совершенно невозможно, — нахмурился Руней. — Советую вам нигде не регистрировать это ваше предложение.

— Ну? Что, это будет плохо выглядеть, если вы нам откажете?

— Согласись мы, напряжение только усилилось бы. Повторить вам точку зрения моего правительства еще раз? Океаны Старкада принадлежат жителям моря. Они там развивались, это их среда, и жители суши не имеют на нее прав. Однако сухопутная раса постепенно захватывает океан. Их рыболовство, охота на морского зверя, сбор водорослей, их тралы и невода — все это подрывает экологию, жизненно важную для другой расы. Я уже не говорю об убитых, о подводных городах, разбомбленных камнями, о перегороженных бухтах и проливах. Скажу только — когда Мерсейя выступила с предложением выработать временное соглашение, ни одна сухопутная культура не выразила к этому ни малейшего интереса. Моя задача — помогать морянам противостоять агрессии, пока сухопутные общества не придут к согласию и не установится справедливый, прочный мир.

— Бросьте вы трещать, как попугай, — буркнул Абрамс. — У вас для этого клюва не хватает. Зачем вам, собственно, эта планета?

— Я же вам сказал...

— Нет. Подумайте сами. Вам, конечно, приказывают, и вы подчиняетесь, как положено солдату. Но разве вы никогда не интересовались, какая выгода здесь может быть для Мерсейи? Я определенно интересовался. Какого черта понадобилось тут вашему правительству? Нельзя сказать, чтобы Саксо занимал видное стратегическое положение. Мы с вами торчим прямо посередине нейтральной полосы между нашими сферами. Эта полоса почти не исследована — бьюсь об заклад, черт возьми, что половина здешних звезд едва ли занесена в каталог. Ближайшая цивилизация — это Бетельгейзе, а бетельгейзиане — нейтралы и рады бы призвать чуму на оба наши дома. Вы уже достаточно выросли, чтобы перестать верить в эльфов, гномов,

* Абрамс произносит «ну» по-русски: «пш»

фей и бескорыстный альтруизм великих империй. Так зачем же вы здесь?

— Не в моей компетенции обсуждать решения ройдхуна и его Большого Совета. И уж тем более не в вашей. — Чопорный тон Руней сменился усмешкой. — Если Старкад так уж бесполозен, зачем тогда вы здесь?

— Многие у меня дома задают себе такой же вопрос, — признался Абрамс. — Считается, что мы должны сдерживать вас, где только возможно. Заняв эту планету, вы приблизились бы на пятьдесят световых лет к нашим границам, что бы это ни означало. — Он помолчал. — Может быть, это дало бы вам чуть больше влияния на Бетельгейзе.

— Будем надеяться, что ваш посланник уладит спор, — примирительно сказал Руней. — Мне и самому не слишком приятно сидеть на этом дьявольском шаре.

— Какой посланник?

— А вы не слышали? Наш последний курьер сообщил, что сюда направляется... храйх!.. да, лорд Хауксберг.

— Знаю, — поморщился Абрамс. — Еще одно большое красное колесо будет крутиться вокруг базы.

— Но отсюда он проследует на Мерсейю. Большой Совет согласился принять его.

— Да ну? Черт, хотел бы я, чтоб наша почта работала так, как ваша... Но вернемся к этому упавшему флиттеру. Почему вы не хотите помочь нам отыскать его обломки?

— Скажу вам неофициально. Потому что мы считаем, что он, как посторонний воздушный аппарат, не имел права летать над теми водами. И пилот сам несет ответственность за любые последствия.

Хо-хо! Абрамс напрягся. Это что-то новенькое. Конечно, это вытекает из занятой мерсейцами позиции — но впервые они заявили об этом вот так, открытым текстом. Может, зеленые готовятся к решительному наступлению? Очень вероятно, особенно если Терра предложила переговоры. Военные успехи помогают добиться успеха и в дипломатических делах.

Руней сидел, улыбаясь чуть заметно, точно крокодил. Может, он догадывается о том, что у Абрамса на уме? Вряд ли. Что бы там ни лепетали сентиментальные умники о братстве всего живого, мерсейцы мыслят не совсем так, как люди. Абрамс старательно потянулся и зевнул.

— Однако пора и на боковую. Рад был поговорить с вами, старый вы негодяй. — Это была почти правда. Руней довольно порядочный хищник. Абрамс с удовольствием послушал бы его рассказы о планетах, где тот служил.

— Ваш ход, — напомнил мерсеец.

— Ах да. Совсем из головы вылетело. Конь эф четыре.
Руней достал свою доску, переставил фигуру и задумался.
— Любопытно, — пробормотал он.

— То ли еще будет. Позвоните мне, когда будете готовы. —
И Абрамс выключил связь.

Его сигара опять погасла. Он кинул ее в урну, зажег свежую и встал. Усталость переполняла его. Сила тяжести на Старкаде не столь велика, чтобы человеку требовались лекарства или искусственное поле. Но одна и три десятых жэ — это двадцать пять добавочных кило, давящих на старые кости. Да нет, он мыслит в стандартных величинах. Притяжение Дейана на десять процентов сильнее терранского. Дейан, милые голые холмы и выметенные ветром равнины, дома, пригревшиеся на теплом оранжевом солнышке, низкие деревья, соляные болота и люди, гордые тем, что приспособили эту пустыню для жизни. Откуда был родом молодой Флэндри и какие воспоминания унес с собой во тьму?

Повинуясь внезапному импульсу, Абрамс отложил сигару, склонил голову и прочел про себя поминальную молитву — кадиш.

«Ступай в постель, старик. Может, ты нащупал разгадку, а может, и нет, но это подождет. Ступай отдыхать».

Он надел пилотку и плащ, снова сунул в зубы сигару и вышел.

Холод куснул его. Под чужими созвездиями и первыми проблесками зари дул легкий бриз. Светила ближняя луна, Эг-рима, почти полная, в два раза больше Луны, видимой с Терры. Она заливала далекие снежные вершины ледяным голубоватым блеском. Полумесяц Буруса, не больше лунного, едва виднелся над крышами.

По обеим сторонам немощеной улицы чернели стены. Подмерзшая почва похрустывала под сапогами. Кое-где виднелись освещенные окна, но ни они, ни редкие фонари не рассеивали полностью мрак. Слева, в дрожащем свете от плавильных печей, виднелись два космических корабля, стоящие в порту, — стальные обелиски, торчащие перпендикулярно Млечному Пути. Оттуда доносился лязг — работала ночная смена. Поле расширялось, ставились новые склады и бараки — Терра закреплялась на планете. Справа небо подсвечивали вспышки ярких огней, там стучали барабаны, пели трубы и звучал смех. Мадам Цефеида из патриотических побуждений прислала на Старкад полный корабль девочек и крупье. Ну и что тут такого? Они так молоды и так одиноки, эти ребята.

«Марта, мне плохо без тебя».

Абрамс почти дошел до своей квартиры и тут вспомнил, что забыл убрать бумаги со стола. Он замер на месте. Клянусь кадыком императора! Видно, и правда пора в починку.

Его так и подмывало наплевать на все правила. Его отдел построен из железобетона, дверь бронирована, и в ней автоматический опознающий замок. Но нет. Лейтенант Новак может явиться на службу раньше своего шефа, чтоб его розовые щечки изжарились в аду. Нельзя подавать ему плохой пример — бдительность прежде всего. Шпионов тут не замечалось, но чего человек не будет знать, того он не скажет, если мерсейцы схватят его и подвергнут гипнотестированию.

Абрамс повернулся и зашагал обратно, бурча под нос нехорошие слова. Дойдя почти до конца, он вдруг остановился. Сигара полетела на землю, и он наступил на нее каблуком.

Дверь была заперта как положено, в окнах темно. Однако в густой, еще не успевшей застыть грязи у входа виднелись следы ног — не его следы.

Сигнализация при этом не сработала. Кто-то проник внутрь с помощью хитрой электроники.

Бластер скользнул в руку Абрамса. Вызвать охрану по браслет-рации? Нет — тот, кто сумел взломать эту дверь, сумеет засечь и передачу и попытается сбежать. Путем самоубийства, если другого выхода не останется.

Абрамс поставил луч на ширину иглы. Если повезет, он только обезвредит врага, а не убьет. В случае, если тот не убьет его первым. Сердце в груди заколотилось. Ночь плотно сомкнулась вокруг.

Он подкрался к двери и приложил пальцы к замку. Металл обжег руку холодом. Замок, опознав его, отомкнулся. Абрамс открыл дверь и метнулся внутрь.

Сзади и из окон сочился слабый свет. От сейфа отскочило какое-то существо. Глаза Абрамса привыкли к мраку, и он кое-что различал. Непрошеного гостя можно было принять за рабочего в противорадиационном скафандре, каких много на базе. Но одну руку ему заменял набор инструментов, а откинутый шлем открывал лицо с электронными глазами, вделанное в металлический череп.

Мерсейское лицо.

Из механической руки ударила голубая молния. Абрамс отскочил назад. Энергетический разряд с шипением ударил в дверь. Абрамс перевел свой бластер на средний луч и, не дав себе ни секунды на размышление, выстрелил.

Выведенное из строя оружие выпало из руки противника. Пришелец потянулся нормальной рукой за пистолетом, который он вынул загодя и положил на сейф. Абрамс ринулся в

дверь, снова переводя луч на иглу. Луч такой интенсивности на близком расстоянии перерезал пополам ноги взломщика, и тот упал с грохотом и лязгом.

Абрамс включил передатчик.

— Охрана! В разведотдел — бегом марш!

Держа лежащего под прицелом, он взмахом руки зажег свет. Упавший зашевелился. Из обрубков его ног не лилась кровь — оттуда торчали энергоблоки, пьезоэлектрические каскады, низкотемпературные суперпроводники. Абрамс только свистнул, рассмотрев свою добычу. В нем меньше половины живого мерсейца: нет хвоста, нет груди и нижней части тела, череп почти полностью искусственный. Одна рука и часть другой — все остальное машина. Лучший образчик протезирования, с которым был до сих пор знаком Абрамс.

Впрочем, ему не так уж часто встречалось что-то подобное. Протезы применяют только те расы, которые не умеют регенерировать ткани, или же те, у кого ткани не способны регенерировать. Казалось бы, мерсейцы... Зато какую превосходную многоцелевую машину они создали!

Зеленое лицо искривилось. С губ полились слова, полные гнева и муки. Рука шарилась по груди. Хочет отключить сердце? Абрамс ногой отбросил руку в сторону и наступил на нее.

— Спокойно, дружок, — сказал он.

Глава 3

Утро на Мерсейе.

Брехдан Железный Рок, Рука ваха Инвори, шагал по террасе замка Дхангодхан. Часовой хлестнул хвостом по сапогам и приложил бластер к груди. Садовник в коричневой робе, подстригавший карликовые деревца койра, насаженные между плит, сложил руки и склонился в поклоне. Брехдан ответил тому и другому, коснувшись лба. Они не рабы — их семьи были вассалами Инвори целые века до того, как все нации слились в одну; как им гордиться этим, если глава клана не станет воздавать им должного уважения?

Однако он не произнес ни слова и молча прошел между рядами желтых соцветий к парапету. Там он остановился и стал смотреть на свои земли.

Позади поднимались серые каменные башни замка. Флаги хлопали на холодном ветру под бесконечным голубым небом. Впереди стены спускались к садам, а за садами лесистые склоны Бедх-Ивриха шли все вниз и вниз, теряясь в туманах и тених, все еще окутывавших долину. Поэтому Брехдан не видел усадеб и сел, принадлежавших Дхангодхану, — видел только горы

по ту сторону долины. Их зеленые откосы постепенно уступали место гранитным скалам и утесам, снежным полям и далекому блеску ледников. Солнце, Корих, как раз вышло из-за восточных вершин и пронзило мир своими ослепительными копьями. Брехдан приветствовал его по своему наследственному праву. Высоко над головой кружил, высматривая добычу, фангриф, и свет заиграл его перья золотом.

Замок жужжал, просыпаясь — звучали шаги, запел рожок, послышался оклик и обрывок песни. Ветер нес запах древесного дыма. Река Ойсс не видна была с террасы, но рокот ее порогов доносился далеко. Трудно себе представить, что через каких-то двести километров к востоку она бежит по землям, которые слились в один огромный город, раскинувшийся от подножия гор до Вилвидского океана. И трудно представить себе все эти городки, шахты, заводы, земельные угодья, что покрывают равнину к востоку от Гунского хребта.

Однако все это принадлежит ему; нет, не ему — ваху Инвори. Он — только Рука и пробудет ею еще несколько десятков лет, пока не отдаст плоть Земле, а разум — Богу. Сохраненный ими Дхангодхан мало изменился, так и должно — ведь это отсюда когда-то произошел их род. Но теперь они трудятся в основном в Ардайге и Тридайге, в столицах, где Брехдан возглавляет Большой Совет. А кто-то служит за пределами планеты, за пределами самого Кориха, среди далеких звезд.

Брехдан глубоко вдохнул воздух. Сознание своей власти бурлило в его жилах. Но это знакомое вино — сегодня его ждет более близкая сердцу радость.

Но по нему это не было заметно. Слишком он привык к своей роли вождя. Высокий, суровый в своих черных одеждах, со старым боевым шрамом на лбу, сводить который он считал ниже своего достоинства, он являл миру лишь один облик — Брехдана Железного Рока, не подчиняющегося никому, кроме ройдхуна.

Послышались чьи-то шаги. Брехдан обернулся. К нему приближался Хвиох, его мажордом, в красной блузе, зеленых штанах и модном плаще с высоким воротником. Не зря он прозывается Щеголем. Но при всем том он предан, ловок и происходит из рода Инвори. Брехдан поздоровался с ним, как с родичем, приложив правую руку к левому плечу.

— Известие от Швильта Корабельной Смерти, протектор, — доложил Хвиох. — Дело в Гвеллохе, как выяснилось, не задержит его, и он прибудет сюда после полудня, как вы того желали.

— Хорошо. — Брехдан в самом деле был рад. Суждение Швильта очень ценно — оно уравнивает нетерпение Лифрита и избыточную уверенность Приадвира, который слишком

полагается на компьютеры. Хотя все они хороши, каждый по-своему, эти три Руки своих вахов. Брехдану нужны и их идеи, и их поддержка, помогающая контролировать Совет. А в последующие годы, когда события на Старкаде начнут близиться к переломной точке, они понадобятся ему еще больше.

По небу прокатился гром. Подняв голову, Брехдан увидел флиттер, спешащий на посадку с лихорадочной скоростью. Зубчатые стабилизаторы машины указывали на ее принадлежность ваху Инвори.

— Ваш сын, протектор! — ликующе воскликнул Хвиох.

— Несомненно. — Не пристало ему давать волю чувствам — даже когда Элвих возвращается после трехлетней разлуки.

— Может быть, отменить утренний прием, протектор?

— Ни в коем случае. Наши клиенты имеют право на то, чтобы их выслушали. Я и так слишком часто отсутствую.

(Но часок для себя мы сможем выкроить.)

— Я встречу наследника Элвиха и скажу ему, что вы здесь, протектор. — Хвиох заторопился прочь.

Брехдан ждал. Солнце начинало пригревать сквозь одежду. Жаль, что мать Элвиха не дожидла до этого дня. Остальные его жены были хорошие женщины — бережливые, надежные, хорошо воспитанные, как и подобает женщинам. Только Нодия... что ж, почему бы не воспользоваться терранским выражением: с Нодией ему было хорошо. Брехдан любил Элвиха больше всех своих детей — не потому, что тот теперь стал старшим, когда двое его братьев погибли на далеких планетах, — а потому, что Элвих был сыном Нодии. Пусть земля ей будет пухом.

Ножницы садовника с лязгом упали на камни.

— Наследник! Добро пожаловать домой! — Старику было совсем не обязательно падать на колени и обнимать хвост молодого хозяина, но у Брехдана не повернулся язык его упрекнуть.

Элвих Быстрый шел к отцу, одетый в черную с серебром флотскую форму. На рукаве у него был нашит капитанский дракон, над головой трепетали флаги Дхангодхана. Он остановился за четыре шага от Брехдана и отдал ему честь по-военному.

— Приветствую вас, протектор.

— Приветствую, верная десница. — Брехдану хотелось прижать его к себе. Их глаза встретились, юноша подмигнул и усмехнулся — и это почти заменило объятие.

— Все ли благополучно в семействе? — для порядка спросил Элвих — он уже запрашивал об этом с ближней луны, как только его корабль прибыл в отпуск.

— Все благополучно, — ответил Брехдан.

Теперь они могли бы пройти на женскую половину и поздороваться со всей семьей. Но за ними наблюдал часовой. Для него будет хорошим примером, если Рука и наследник поговорят сначала о государственных делах. Однако соблюдать особые церемонии тоже незачем.

— Хорошо ли добрались домой? — спросил Брехдан.

— Да не совсем. Главный боевой компьютер вдруг раскапризничался, и я решил зайти на Вориду, чтобы его отремонтировать. Ведь обстановка между империями напряжена — неровен час, произойдет взрыв и поблизости как раз окажется какой-нибудь терранский корабль.

— Вориду? Что-то не припоминаю...

— Вполне понятно — во Вселенной такая уйма планет. Это бродячий шарик в секторе Бетельгейзе. У нас там база... Что-нибудь не так?

Один только Элвих заметил, что отец озадачен.

— Нет, все в порядке. Полагаю, терраны не знают об этой планете?

— Откуда им знать? — засмеялся Элвих.

Действительно, откуда? Бродячих планет так много, они так малы и так темны, а космос так велик.

Можно сказать, что величина тел, образующихся из первичного газа, обратно пропорциональна частоте, с которой они встречаются в пространстве. На одном конце шкалы находятся атомы водорода, которых в Галактике примерно по одному на один кубический сантиметр. На другом конце — чудовищные солнца типа О, которые можно перечесать по пальцам. (Шкалу можно расширить в обоих направлениях, от квантов до квазаров, но это неважно.) Красных карликовых звезд типа М почти в десять раз больше, чем звезд типа G, таких, как Корих или Соль. В тысячу раз вероятнее, что твой корабль столкнется с камушком весом в один грамм, чем с килограммовым булыжником. А бессолнечные планеты встречаются чаще, чем солнца. Обычно они путешествуют целыми гроздьями, но практически не поддаются наблюдению и их замечаешь, только наткнувшись на них. Особой опасности они не представляют — сколько бы их ни было, вероятность того, что одна из них окажется в определенный момент в определенной точке космоса, буквально нулевая; а те, орбиты которых известны, можно использовать в качестве гавани.

Брехдан, однако, счел нужным дополнить ответ сына.

— Мгновенные колебания корабля в гиперрежиме можно обнаружить на расстоянии целого светового года. Какой-нибудь

терранин или бетельгейзианин мог бы оказаться на таком расстоянии от твоей Ворида.

— Ну и что бы они обнаружили, кроме наличия поблизости другого корабля? — вспыхнул Элвих.

Он обиделся, услышав от отца то, что и ребенку известно, — и не остался в долгу, сказав то, что любой ребенок может сообразить сам. Брехдан только улыбнулся его реакции. Удары тоже могут выражать любовь.

— Сдаюсь, — сказал он. — Расскажи мне что-нибудь о своем рейсе. Мы получали от тебя так мало писем, особенно в последние месяцы.

— Оттуда, где я был, писать было трудновато. Но теперь уже можно сказать. Пятая планета Саксо.

— Старкад? — воскликнул Брехдан. — Ты, линейный офицер, был там?

— Вот как это получилось. Мой корабль наносил визит вежливости бетельгейзианам — надо было продемонстрировать им наш флаг, а там пусть понимают как хотят — и тут прибыл курьер от фодайха Рунеи. Терране как-то прознали о подводной базе, которую он строил поблизости от архипелага. Сооружение было простое, примитивное, чтобы морские жители могли сами пользоваться лодками, но здорово подорвало бы коммерцию обитателей суши в тех местах. Никто не знает, откуда терране получили информацию, но Рунеи говорит, что у них чертовски хороший шеф разведки. Во всяком случае, они дали сухопутным химические глубинные бомбы и научили, где их сбросить. И эти бомбы, как нарочно, убили нескольких наших ведущих инженеров, наблюдавших за строительством. Поэтому там настал полный хаос. Наша миссия до безобразия плохо укомплектована. Рунеи послал не только на Мерсейю, но и на Бетельгейзе в надежде найти кого-то вроде нас, кто сможет послать ему нужных специалистов, пока не придет замена. Я направил туда своих инженеров в гражданском катере — и, поскольку корабль без них потерял боеспособность, обязан был отправиться с ними.

Брехдан кивнул. Ни один Инвори не останется в тылу, посылая подчиненных на опасное дело, если только высший долг не предписывает ему этого.

О катастрофе он, конечно, знал и раньше. Но не надо говорить об этом Элвиху. Галактике еще не время знать о том, что Мерсейя так сильно заинтересована в Старкаде. Его сын не из болтливых. Но чего он не знает, того не скажет, если терране схватят его и подвергнут гипнотестированию.

— Наверное, это было настоящее приключение, — сказал Брехдан.

— Да... Развлекся немного. И планета интересная. — Гнев снова вспыхнул в Элвихе: — Но говорю вам, с нашими солдатами там поступают предательски.

— Каким образом?

— Их мало. У них мало техники. Нет ни единого вооруженного корабля. Почему мы не оказываем им должной поддержки?

— Тогда и терране окажут должную поддержку своей миссии.

Элвих устремил на отца долгий взгляд. Шум водопада далеко за Дхангодханом, казалось, стал громче.

— А мы вообще-то собираемся драться за Старкад? — тихо спросил он. — Или намерены улепетывать?

Шрам на лбу Брехдана начал пульсировать.

— Кто служит ройдхуну, не бежит от врага. Но может заключать сделки с ним, если они выгодны для расы.

— Ах вот как. — Элвих отвел взгляд, впериw его в туманы, покрывающие долину, и сказал с презрением: — Понятно. Вся операция задумана лишь для того, чтобы выторговать что-то у Терры. Руinei сказал мне, что она шлет сюда представителя для переговоров.

— Да, мы его ожидаем. — Поскольку вопрос был серьезный и затрагивал честь, Брехдан позволил себе обнять сына за плечи. Их взгляды встретились. — Элвих, — мягко сказал отец, — ты молод и, возможно, не все понимаешь. Но ты должен понять. Служение расе требует от нас чего-то большего, чем мужество и даже ум. Оно требует мудрости. У нас, мерсейцев, инстинкты таковы, что сражение большинству из нас доставляет радость, поэтому мы склонны смотреть на сражение как на конечный результат. Но это неверно. Это гибельный путь. Сражение только средство, а цель — гегемония нашей расы. А это, в свою очередь, тоже средство, служащее более высокой цели — абсолютной свободе нашей расы, свободе делать с Галактикой все что угодно. И мы не достигнем этой цели одними лишь боями. Надо работать. Надо набраться терпения. На твоем веку мы еще не станем властителями Галактики. Она слишком велика. На это может уйти добрый миллион лет. Что такое в подобных масштабах чья-то гордость, если на данном этапе нам полезнее компромисс или отступление?

— Отступление перед Террой? — слотнув, спросил Элвих.

— Убежден, что нет. Терра — это первоочередное препятствие. И долгом твоего поколения будет устранить его.

— Не понимаю, — возразил Элвих. — Что такое Терранская Империя? Кучка звезд. И древний, пресыщенный, коррум-

пированный народ, который не желает ничего, кроме как удерживать то, что завоевано их отцами. Зачем вообще обращать на них внимание? Почему бы не расширять свои владения, постепенно окружая их, пока не задавим их совсем?

— Именно потому, что Терра стремится сохранить все, как есть. Ты забываешь то, чему тебя учили. Терра не может позволить нам стать более сильными, чем она. Поэтому она волей-неволей должна пресекать все наши попытки захвата новых территорий. И ты напрасно недооцениваешь ее. Эта раса несет в себе гены завоевателей. В Империи еще немало и смелых, и преданных, и острых умом... и они опираются на больший исторический опыт, чем мы. Если они поймут, что обречены, то будут драться, как демоны. Так что нам, пока их силы еще не подорваны, следует действовать осторожно. Понимаешь?

— Да, мой отец, — сдался Элвих. — Кажется, да.

Брехдан перевел дух. Довольно серьезных разговоров — они выдержали свою роль.

— Пойдем. — Улыбка снова прорезалась на его лице, и он взял сына за руку. — Поздороваемся с родичами.

Они прошли по коридорам, увешанным щитами предков и охотничьими трофеями, добытыми не на одной планете. Гравилитф поднял их на женскую половину.

Там собралась вся родня — мачехи Элвиха, сестры с мужьями и детьми, младшие братья. Поднялся крик, смех, руки хлопали по спинам, сплетались хвосты, из динамиков лилась музыка — и вскоре все пошло плясать хороводом.

Чей-то голос перекрыл общий гомон. Брехдан склонился над колыбелью своего младшего внука. «Надо поговорить с Элвихом о браке, — подумал он. — Ему давно пора родить своего наследника». Малыш, завернутый в меха, зажал в кулачке скрюченный палец деда, глядящий его, и Брехдан Железный Рок растаял.

— Звезды будут твоими игрушками, — проворковал он. — Вудда-вудда-вудда.

Глава 4

Мичман Доминик Флэндри из летного корпуса Имперского Флота сам не знал, чему обязан своим спасением: удаче или собственной прыти. В возрасте девятнадцати лет, когда на твоём офицерском свидетельстве еще не улеглись кодовые моледулы, естественно склоняться к последнему. Однако если бы один из этих факторов подвел... Мичман предпочитал не задумываться над этим.

Кроме того, его злоключения далеко не окончены. На «Стрельце», как и на многих торговых судах, принадлежащих Сестрам Курсовиков, благодетели-терране установили радио. Но оно не работало — какой-то недоумок попользовался им сообразно понятиям железного века. Драгойка согласилась повернуть домой. Но ветер не благоприятствует им — кто знает, сколько они еще проболтаются в море на этой проклятой шаткой посудине, пока им попадется судно, на котором передатчик работает. Это, положим, не смертельно. Флэндри мог потреблять местную пищу через ротовой клапан своего шлема; старкадийская биохимия достаточно сходна с терранской, и почти все здешние продукты для него не ядовиты, а витамины у него есть при себе. Но вкус, Бог мой, вкус!

Больше всего тревожил тот факт, что его машину определенно сбили — и не так уж далеко отсюда. Оставалось надеяться, что водяные — и мерсейцы — не тронут это тигранское судно. Если они еще не готовы играть в открытую, то, возможно, и не тронут. Однако то, что случилось с ним, указывает, что их приготовления почти завершены. Когда он случайно оказался над их новейшим адовым котлом, у них хватило смелости, чтобы обстрелять его.

— И тогда чужаки напали на тебя? — спрашивал Ферок. Его голос едва пробивался сквозь свист ветра, плеск волн о борта, скрип снастей — густой воздух планеты усиливал и искажал все звуки.

— Да. — Флэндри не хватало слов. Летя сюда на транспорте с Терры, он прошел энцефалографический курс языка и курсовикских обычаев. Но некоторые вещи трудно объяснить в терминах доиндустриальной эры. — Из воды поднялось судно, способное и погружаться, и летать. Его радио заглушило мой призыв, а его огненные лучи поразили мою машину, прежде чем мои лучи успели пробить его более прочную броню. Я с трудом выбрался из своей затонувшей развалины и отсиживался под водой, пока враг не ушел прочь. Тогда я взлетел и стал искать помощь. Маленький мотор, который держал меня в воздухе, почти истощился, когда я увидел ваш корабль.

Да, гравитационный импеллер не унес бы его далеко без подзарядки. Флэндри и не собирался больше пользоваться им. Запас энергии, сохранившийся в ранце, нужно поберечь — он питает насос и выпускной клапан витрилового шара, в который упрятана голова мичмана. Человек не может дышать старкадийским воздухом на уровне моря без опасности для жизни. Повышенная концентрация кислорода сожжет ему легкие еще раньше, чем азот одурманит его, а углекислый газ отравит.

Флэндри вспомнил, как пропесочил его лейтенант Даниэльсон за снятый шлем. «Мичман, мне в высшей степени наплевать, что вам неудобно в шлеме и что ваш уютный кокпит терра-кондиционирован. И не стану оплакивать того, что все ваши действия во время полета записываются, каким бы грубым вторжением в вашу личную жизнь вам это ни казалось. Эта мера необходима, чтобы удостовериться, что щенки вроде вас, считающие себя умнее, чем все поколения астронавтов за тысячу лет, соблюдают правила безопасности. Еще одно нарушение — и вам обеспечены тридцать секунд нейропорки. Можете идти».

«Выходит, ты спас мне жизнь, — пробурчал про себя Флэндри. — И все равно ты — высокомерный ублюдок».

За пропавший бластер винить некого. Он выпал из кобуры в те отчаянные секунды, когда Флэндри выбирался из флиттера. Остались только положенный по уставу нож и полевая сумка со всякой всячиной. На нем ботинки и серый комбинезон — все это в печальном состоянии и не идет ни в какое сравнение с лощенной парадной формой. Таков скудный перечень его имущества.

Ферок опустил на глаза пушистые термосенсорные усики: так он хмурился.

— Если шираво осмотрят обломки твоей летучки там, внизу, и не найдут твоего тела, то могут догадаться, что ты ушел, и станут искать тебя.

— Да, могут, — согласился Флэндри.

Приладившись к раскачиванию судна, он стал смотреть вдаль — высокий, еще по-юношески нескладный, сероглазый, с каштановыми волосами, с довольно длинным, правильным лицом, дочерна обожженным лучами Саксо. Перед ним рябил и мерцал зеленоватый океан, играя солнечными бликами и белыми барашками волн, которые из-за старкадийского тяготения катились быстрее, чем на Терре. Небо было бледно-голубым. На горизонте громоздились тучи, но в плотной атмосфере это не предвещало шторма. Над головой кружила какая-то птица, морской зверь выглянул из воды и опять ушел в глубину. Саксо казался отсюда вдвое меньше, чем Солнце, видимое с Терры, и давал вполтину меньше освещения. Гибкий человеческий глаз воспринимал это как норму, но здешнее светило было немилосердно белое и до того яркое, что нельзя было смотреть в его сторону. Короткий день клонился к вечеру, и температура, никогда не поднимавшаяся особенно высоко в этих средних северных широтах, падала. Флэндри пробирала дрожь.

Ферок представлял с ним полный контраст. Сухопутный старкадиец, тигран, тоборко, как ни назови, сложением напоминал невысокого человека с непропорционально длинными ногами. На руках у него по четыре пальца, ступни большие и когтистые, сзади гордо вихляется короткий хвост. Голова уже не столь антропоидная, круглая, плоское лицо заканчивается узким подбородком. Глаза большие, раскосые, с алой радужкой, над ними растут усики, похожие на листья папоротника. Нос, если его можно так назвать, снабжен одной щелевидной ноздрей. Рот большой, и зубы указывают на принадлежность к плотоядным. Уши тоже велики, и внешние их края сильно развиты, наподобие крыльев летучей мыши. Тело покрыто гладким мехом, оранжевым в черную полоску, с белым пятном у горла.

Одежды на нем никакой — только шитый бисером кошель, привязанный тесемками к ляжке, чтобы не трепало ветром, да за спиной висит кривой меч. По должности он боцман, это высокий пост для мужчины на курсовикском корабле; и, как таковой, безусловно входит в число любовников Драгойки. По натуре он вспыльчив, сварлив и предан своим господам, как собака. Флэндри он нравился.

Ферок взял подозрную трубу и обвел ею горизонт. Это было местное изобретение. Курсовики — центр наиболее развитой сухопутной культуры Старкада.

— Пока ничего не видно, — сказал он. — Как ты думаешь, может та летучая лодка напасть на нас?

— Сомневаюсь. В ней скорее всего прилетели мерсейские советники, а меня обстреляли, потому что я по своим приборам мог бы понять, что делается у них внизу. Теперь они уже, наверное, вернулись в Кимрайг. — Флэндри помялся и продолжал: — Мерсейцы, как и мы, редко участвуют в боевых действиях — а если и участвуют, то как отдельные офицеры, не как представители своего народа. Никто из нас не хочет вызывать противника на такой же шаг.

— Бойтесь? — обнажил клыки Ферок.

— За вас, — почти честно ответил Флэндри. — Ты не имеешь понятия, во что может наше оружие превратить целый мир.

— Целый мир? Прямо в голове не укладывается. Пусть уж Сестры над этим думают. Не моего мужского ума это дело.

Флэндри отвернулся от моря и обвел взглядом корабль. «Стрелец» — большое судно по старкадийским меркам, почти на пятьсот тонн, широкое в бимсах, высокое в корме; на носу

высится резная фигура — изображение духа-хранителя. Посередине надстройка, в которой помещаются камбуз, кузница, плотницкая и арсенал. Все окрашено в яркие цвета. На корабле три мачты — вверху на них желтые прямые паруса, внизу косые; сейчас «Стрелец» идет на косых и на кливере. Команда занимается своим делом на палубе и на снастях. Здесь тридцать матросов мужского пола и полдюжины женщин-офицеров. Корабль направлялся с грузом дерева и специй из порта Уянки на острова Цепи.

— Какое оружие у нас имеется? — спросил Флэндри.

— Терранская пушка, — ответил Ферок. — Пять ваших винтовок. Нам предлагали больше, но Драгойка сказала, что сначала надо обучить больше матросов ими пользоваться. А еще у нас мечи, пики, арбалеты, ножи, вымбовки, зубы и ногти. — Он показал на сеть, пропущенную под килем с обоих бортов. — Если она начнет трястись, значит, шираво пытаются продырявить нам днище. Тогда мы нырнем. Тебе это будет легче, ты для этого оснащен.

Флэндри поморщился. Его шлем годился и для подводных условий — на Старкаде концентрация растворенного кислорода почти такая же, как в воздухе Терры. Но ему совсем не улыбалось схватиться с существом, для которого подводный мир — родная среда.

— Зачем ты здесь? — продолжал беседу Ферок. — Ради забавы или ради добычи?

— Ни то ни другое. Меня сюда прислали. — Флэндри не стал говорить, что во флоте полагают, будто Старкад — как раз то место, где подающие надежды молодые офицеры могут получить полезный опыт. Уж очень несолидно это звучит — «подающие надежды». Мичман спохватился, что и так проявляет недостаточную боевитость, и поспешно добавил: — Если бы не это, я бы и сам вызвался — ведь тут есть возможность сразиться.

— Говорят, у вас женщины подчиняются мужчинам. Верно это?

— Случается. — Мимо прошла вторая помощница, и Флэндри проводил ее взглядом. Округлая фигура, темно-рыжая грива струится по спине. Груды полнее и тверже, чем у любой терранки, не прибегающей к искусственным ухищрениям, а нос почти гуманоидный. Всю одежду заменяют несколько золотых браслетов. Но от терранки она отличается не только с виду. Она не вырабатывает молока; младенцы получают из ее груди чистую кровь. Ее пол — более творческий, более развитый в умственном отношении — не занимает подчиненного положения ни в одной из культур и доминирует на островах

вокруг Курсовиков. «Быть может, — подумал Флэндри, — в основе этого лежит тот простой факт, что в женском теле больше крови и она у них быстрее восстанавливается».

— Кто же тогда поддерживает порядок у вас на родине? — любопытствовал Ферок. — И почему вы до сих пор не поубивали друг друга?

— Это трудно объяснить. Давай сначала проверим, хорошо ли я разбираюсь в вашей жизни, а уж потом сравним ее с нашей. Вот вы, например, ничем не обязаны тому месту, где живете, верно? То есть ни один город или остров не управляется так, как, скажем, корабль — правильно? Зато женщины объединены в сестринские общины, члены которых могут жить где угодно, но говорят на своем особом языке. Женские общины владеют почти всей собственностью и принимают все важные решения. Поэтому споры между мужчинами их почти не волнуют. Я прав?

— Пожалуй. Но это можно было выразить и повежливей.

— Приношу извинение храброго. Я здесь чужой. А у нас...

Из смотровой люльки на мачте послышался крик. Ферок схватился за подзорную трубу. Команда с криками повисла на снастях у правого борта.

Из капитанской каюты под полукотом выскочила Драгойка. В руке она держала острогу с четырьмя остриями, под мышкой — маленький расписной барабан. Она поднялась по трапу и стала рядом с рулевой у штурвала, чтобы оценить происходящее. Потом спокойно ударила в барабан и прошлась по стальным струнам на другой его стороне. Звуки струн и дробь перекрыли общий шум, как сигнал горна. К оружию! По местам стоять!

— Широ! — выкрикнул Ферок. — Идут на нас! — И заторопился к рубке. Команда, вернувшись к дисциплине, надевала шлемы, ставила щиты и вооружалась.

Флэндри напряг зрение против слепящего блеска воды. Вокруг корабля, приближаясь к нему, мелькало с десятков голубых спинных плавников. А потом метрах в ста от правого борта всплыла подводная лодка.

Маленькая и примитивная, сделанная, без сомнения, здесь же на планете по мерсейским чертежам — если хочешь разжечь всепланетную войну между технически неразвитыми народами, надо дать им в руки то, чем они смогут пользоваться сами. Корпус был из пропитанной жиром кожи, натянутой на каркас из какого-то подводного заменителя древесины. Лодку тащила упряжка из четырех рыб — Флэндри едва различал под водой их громадные контуры. Палуба чуть виднелась над поверхностью, и на ней торчала здоровенная катапульта. Несколько

дельфинообразных фигур с прозрачными шарами на головах и энерготоранцами за спиной сустились вокруг орудия. Они опирались на хвосты и боковые плавники, а руками разворачивали ствол.

— Домманик! — завопила Драгойка. — Домманик Фаландари! Умеешь ты стрелять из пушки?

— Так точно! — И терранин бросился на нос, только палуба загремела под ногами.

На передней палубе две женщины, в чьи обязанности это входило, пытались освободить передок орудия. Дело у них шло туго, они мешали друг другу и ругались воеую. Они еще не успели освоиться с вверенным им оружием, хотя пушка была самая простая, нарезная, стреляющая 38-миллиметровыми химическими снарядами. Пока они наводят ее, катапульта может...

— С дороги! — Флэндри оттолкнул ту, что была ближе. Она зарычала и нацелилась на него острыми красными ногтями. Драгойка простучала им какой-то приказ, и обе отошли.

Флэндри открыл затвор и сунул в него снаряд из зарядного ящика. Вражеская катапульта гроыхнула. Их снаряд описал высокую дугу и упал рядом с кораблем, полыхнув на волнах багровым дымным пламенем. Что-то вроде греческого огня — нефть из подводных скважин... Флэндри припал к дальномеру. Он был слишком возбужден, чтобы бояться. Однако наводить придется вручную. Гидравлический механизм уже успели испортить. Несмотря на хорошую балансировку и самосмазывающиеся подшипники, ствол поворачивался с кошмарной медлительностью. Водяные перезаряжали свою катапульту... быстро работают, Андромедины дети! У них-то, небось, гидравлика в порядке.

Драгойка сказала что-то рулевой, и та переложила штурвал. Рангоут свистнул над палубой. Кливер с громом заполоскался, и матросы бросились его оправлять. «Стрелец» повернулся. Флэндри еле устоял. Он чуть не забыл поставить ногу на тормоз, чтобы удержать орудие. Эти две кошки точно бы забыли. Вражеский снаряд, метивший в рубку, попал в середину судна. При таком давлении кислорода огонь сразу взвился до небес.

Флэндри дернул за шнурок. Пушка рывкнула и откатилась назад. Из воды ударил фонтан, смешанный с осколками. Одна из запряженных рыб всплыла наверх, забилась и подохла. Остальные уже плавали брюхом вверх.

— Попал! — заорал он.

Драгойка сыграла команду. Почти все матросы отложили оружие и принялись тушить пожар. У каждого борта стояла

ручная помпа, пошли в ход ведра с привязанными веревками, еще можно было взять из кладовой паруса, намочить их и гасить огонь ими.

Кто-то — кажется, Ферок — закричал, перекрывая голоса, ветер, волны, топот и гул огня. С другого борта на палубу лезли водяные.

Они, должно быть, взобрались по сети. (Надо будет придумать им другой прибор обнаружения, мелькнуло в голове у Флэндри.) На них было мерзейское снаряжение, позволяющее им вести сухопутную войну повсюду на Старкаде. Тупоконечные головы покрывали наполненные водой шлемы, черные поглощающие скафандры сохраняли влажность тела. Насосы, питаемые энергоранцами, качали кислород из атмосферы. Те же ранцы обеспечивали работу ног — весьма неуклюжих. Рыбьим телам пришлось придать искусственный опорный каркас — два боковых плавника и хвост управляли четырьмя механическими конечностями с хватательными ступнями. И все же враги успешно продвигались по палубе, огромные, мощные, вооруженные копьями, топорами и парой водонепроницаемых автоматов. Их уже десять на борту... а сколько матросов можно оторвать от тушения огня?

Пропела винтовочная пуля. Водяной в ответ начал поливать палубу свинцом. Несколько тигран упало. Их кровь была такого же цвета, как и у людей.

Флэндри загал в пушку еще один снаряд и выпалил в море на небольшое расстояние.

— Зачем? — крикнула одна из артиллеристок.

— Вдруг там другие на подходе. Надеюсь, гидравлический удар их доконает. — Он сам не заметил, как перешел на английский.

Драгойка метнула острогу. Один из автоматчиков упал, хватаясь неверными пальцами за древко. Лаяли винтовки, щелкали арбалеты — второго автоматчика загоняли в укрытие между рубкой и шлюпками. На палубе тем временем кипел бой — прыгали тигране, медленно поворачивались водяные, меч против топора, пика против копья, грохот, лягз, рычание, вопли, полный хаос. Несколько пожарных бросились за оружием. Драгойка барабанным боем призвала их обратно. Водяные начали отсекал их, предоставляя огню делать свое дело. Вооруженные тигране бросились защищать своих. Но вражеский автоматчик не позволял корабельным стрелкам и носа высунуть из-за мачт и тумб. Бой начал захлебываться.

Пуля расщепила настил в метре от Флэндри. Мгновенная паника пригвоздила его к месту. Что делать, что делать? Не может же он умереть. Так нельзя. Это же он, Доминик, у него

еще вся жизнь впереди. Хотя водяных куда меньше, им только и нужно поддерживать схватку, пока огонь не выйдет из-под контроля — а тогда конец. Мама, помоги!

Без видимой причины он вдруг вспомнил лейтенанта Даниэльсона, и в нем вспыхнула ярость. Он бросился вниз по трапу на верхнюю палубу. Водяной замахнулся на него топором. Флэндри увернулся и побежал дальше.

Вот дверь драгойкиной каюты. Флэндри отодвинул панель и ворвался внутрь. Каюта была убрана с варварской пышностью. Солнечный свет из овального иллюминатора скользил по переборке в такт движению судна, озаряя бронзовые подсвечники, гобелены, примитивный секстант, пергаментные карты и навигационные таблицы. Флэндри схватил то, что принес сюда по просьбе любопытствующей Драгойки, — свой импеллер, лихорадочно пристегнул его к себе и подключил аккумуляторы. Так — вот меч, который она не успела прихватить. Флэндри выскочил из каюты, включил подъем и взмыл вверх.

Туда, за рубку! Там залег водяной с автоматом, недостижимый для винтовок. Он простреливал всю палубу. Флэндри обнажил меч. Автоматчик, услышав слабый шум, начал неуклюже задирать голову. Флэндри ударил. Рука врага осталась цела, но автомат вылетел из нее и ухнул за борт.

Флэндри понесся на корму, нанося удары сверху.

— Я его сделал! — кричал он. — Выходите и стреляйте!

Бой вскоре кончился. Флэндри потратил еще немного энергии, чтобы помочь накрыть огонь мокрым парусом.

Стемнело, и Эгрима с Бурусом вновь воцарились в небесах, бросая на воду дрожащие блики. Немногие звезды могли пробиться сквозь их сияние, но и без звезд было красиво. Корабль, бороздя волны, шел на север в великой шепчущей тишине.

Драгойка стояла рядом с Флэндри у тотема на носу, совершая благодарственный обряд. Языческая религия жителей Курсовиков была куда примитивней, чем те, что существовали на древней Terre, — тигранский разум уступал человеческому в стремлении постичь первопричину вещей — зато ритуалам придавалось большое значение. Команда, за исключением вахтенных, спала — они были одни. Ее мех сверкал серебром, глаза походили на светящиеся колодцы.

— Нам скорее следует благодарить тебя, — мягко сказала она. — Я занимаю высокий пост среди Сестер. Сестры все узнают и будут помнить.

— Да ладно. — Флэндри в смущении зашаркал ногами.

— Но разве ты не подвергал себя опасности? Ведь ты объяснял мне, как мало силы осталось в этих коробочках, поддерживающих твою жизнь. А сам потратил эту силу, чтобы взлететь.

— Ну, насос можно качать и вручную, если надо.

— Я приставлю к тебе команду, которая будет это делать.

— Не нужно. Теперь я смогу использовать ширавские энерго-ранцы. У меня в сумке есть инструменты, чтобы их приспособить.

— Хорошо. — Она взглянула на палубу, где чередовались свет и тень. — А тот, кого ты обезоружил... — задумчиво сказала она.

— Ну уж нет, сударыня, — твердо сказал Флэндри. — Его ты не получишь. Он единственный из них, кто остался в живых. Надо сберечь его в целостности и сохранности.

— Я просто подумала, не допросить ли его, какие у них планы. Я немного знаю их язык. Мы выучились ему за многие века от пленных и парламентаров. Особого вреда, думаю, от этого не будет.

— Мои начальники в Хайпорте лучше с этим справятся.

— Как скажешь, — вздохнула Драгойка, прислонившись к нему. — Я и раньше встречала терран, но ты первый, кого я узнала так близко. — Она вильнула хвостом. — Ты мне нравишься.

Флэндри проглотил слюну.

— Ты... ты мне тоже нравишься.

— Ты дерешься, как мужчина, а мыслишь, как женщина. Это нечто новое. Даже на далеких южных островах... — Она обняла его за пояс. Ее мех был теплым и шелковистым. Кто-то говорил ему, что, если дышать неразбавленным воздухом, тигр-ране пахнут, как свежее сено. — Мне хотелось бы побыть с тобой.

— Э-э-э... м-м-м. — Что ей сказать?

— Жаль, что ты должен носить этот шлем. Мне хочется узнать вкус твоих губ. А в остальном мы с тобой не так уж по-разному созданы. Пойдем в мою каюту?

Флэндри испытал мгновенное искушение. Ответ стоил ему большого труда. Дело было не в прочитанных ему лекциях о недопустимости оскорбления туземных нравов, не в принципе и, уж конечно, не в разборчивости. Несхожесть Драгойки с человеком, если уж на то пошло, придавала ей еще больше пикантности. Но кто ее знает, что она будет делать в момент близости, и потом...

— Мне глубоко жаль, — сказал он. — Я бы очень хотел этого, но должен соблюдать... (как это называется?) — обет.

Она не обиделась и не слишком удивилась. Ей приходилось иметь дело с различными культурами.

— Жаль. Ну что ж, в кубрик ты найдешь дорогу. Спокойной ночи. — Она, мягко ступая, пошла на корму, приостановившись, чтобы захватить Ферека.

...И потом, эти клыки...

Глава 5

Когда лорд Хауксберг прибыл в Хайпорт, адмирал Энрикес и офицеры высшего ранга дали официальный прием в честь высокого гостя и его свиты, как полагалось по протоколу. Хауксберг перед отбытием должен был дать ответный прием. Это были заведомо скучные мероприятия. Однако в промежутке лорд приглашал многих офицеров на неформальные вечера. Проявляя себя там умным и любезным хозяином, он гасил раздражение, которое неизбежно вызывал, приставая с расспросами к заработавшимся людям и отвлекая и без того скудный личный состав на свою охрану.

— И все-таки не понимаю, зачем ты там понадобился, — жаловался Ян ван Зюйль, лежа на койке. — Какой-то паршивый мичман.

— Ты сам мичман, мой мальчик, — ответил Флэндри от гардероба. Он в последний раз одернул голубой мундир, натянул белые перчатки и поправил ракетные двигатели своего отличия на плечах.

— Да, но не паршивый.

— Я ж герой, забыл, что ли?

— Я тоже герой. Мы все герои. — Ван Зюйль оглядел их убогую комнатуху, которую даже живые картинки с девочками мало украшали. — Поцелуй за меня Этуаль.

— Ты полагаешь, что она там будет? — Пульс у Флэндри заколотился.

— Была, когда приглашали Каррузерса. И она, и Шарина, и...

— Каррузерс — младший лейтенант, и врать ему положено по должности. Отборные экземпляры мадам Цефеиды не предназначены для чинов ниже командора.

— Он клянется, что милорд снял их ради особого случая. Ну, может, и врет. Сделай мне одолжение и по возвращении представь собственную фантазию. Мне хотелось бы сохранить хотя бы эту иллюзию.

— Твой виски — мои рассказы. — Флэндри надел фуражку под углом, выверенным до микрометра.

— Продажная душа, — простонал ван Зюйль. — Любой другой врал бы ради удовольствия и престижа.

— Узнай, о несчастный, что на мне почит благодать, коя ставит меня выше твоего жалкого суждения. Но до твоей выпивки я мог бы снизойти. Особенно после последней партии в покер. Желаю тебе незабываемого вечера. Я вернусь.

Флэндри прошел через холл и вышел из общежития для младших офицеров. Ветер тут же накинулся на него. Воздух на уровне моря не подвержен резким перемещениям, поскольку слишком плотен, но на горных высотах энергия Саксо вызывает бури, более свирепые, чем на Терре. Холодный воющий вихрь со свистом нес сухой снег. Флэндри завернулся в плащ, вздохнув об утраченном великолепии, и побежал, придерживая фуражку. В его возрасте он быстро привык к усиленной тяжести.

Здание штаба было самым большим в Хайпорте, хотя этим не слишком много сказано — к нему пристроили дополнительный этаж для размещения гостей. Флэндри завел об этом разговор с командором Абрамсом во время одной из их встреч, которые командор назначал часто после приключений мичмана с тиграми. У шефа разведки был талант вызывать людей на откровенность.

— Да, сэр, многие мои товарищи недоумевают, почему...

— Почему Империя, если она в здравом уме, загружает корабли предметами роскоши для докучливых любителей прокатиться за казенный счет, вместо того чтобы прислать нам побольше техники. Так, что ли?

— Ну... оскорблять Его Величество ни в чьи намерения не входило.

— Черта с два не входило. Но ты разве скажешь? Однако в этом случае вы, ребята, не правы. — Абрамс ткнул сигарой в сторону Флэндри. — Подумай сам, сынок. Мы находимся здесь по политическим мотивам. Поэтому нуждаемся в поддержке политиков. И мы не завоеваем ее, не убажая придворных, которые воспринимают шампанское и покойные кровати как необходимость. Скажи своим друзьям, что этот дурацкий отель — наш вклад под проценты. Теперь я сам в этом убеждаюсь.

Сканнер проверил Флэндри, и дверь открылась. Как тепло в вестибюле! И полно вооруженной охраны. Часовые отдали мичману честь и проводили его завистливыми взглядами. Но пока он поднимался в гравилифте, уверенности в нем поубавилось. Постепенный переход к терранскому весу, вместо того чтобы придать ему резвости, вызвал чувство неустойчивости.

— Это экспромт, — сказал ему Абрамс, узнав о приглашении. — Милорду хочется чего-то новенького. У тебя хорошо подвешен язык, и врать ты горазд. Ну и займи его. Но

держись начеку. Хауксберг не дурак. И не какой-нибудь бездельник. Как я понял, все его интимные вечера служат определенной цели — он собирает неформальную информацию, выясняет, что, по-нашему, будет дальше и что мы, собственно, думаем обо всем этом мероприятии.

Флэндри уже достаточно освоился с ним, чтобы позволить себе ухмылку.

— А что мы, собственно, думаем, сэр? Хотел бы я это знать.

— А ты сам какого мнения? Ты лично что думаешь про себя? Говори, ничего не записывается.

Флэндри нахмурился, подбирая слова.

— Сэр, я здесь только работаю, как говорится. В наших инструкциях сказано, что мы бескорыстно стремимся спасти сухопутную цивилизацию; островитянам море необходимо почти так же, как его жителям. Кроме того, Империя должна сдерживать мерсейский экспансионизм, где бы он ни проявлялся. И все же я не могу понять, зачем кому-то понадобилась эта планета.

— Скажу тебе конфиденциально, что моя главная задача — найти ответ на этот вопрос. И я его пока не нашел.

...Слуга в ливрее доложил о Флэндри, и мичман вступил в покои, где стены переливались радугой, стояла мягкая мебель и показывался ошеломительный анимofilм «Ундина». За буфетной стойкой суежилась еще пара слуг, и трое бегали с подносами. Присутствовало около дюжины мужчин: офицеры миссии в парадной форме, люди Хауксберга в пестрых штатских нарядах. Дама была только одна. Флэндри слишком нервничал, чтобы испытать разочарование. Увидеть приземистую фигуру Абрамса было облегчением.

— Ага. Наш brave мичман? — Желтоволосый человек поставил свой бокал — слуга с подносом подскочил к нему, не успев он завершить своего движения — и вышел навстречу Флэндри. Он был одет в консервативные пурпурно-серые цвета, но костюм облегал его, как вторая кожа, подчеркивая, что его физическая форма лучше, чем у большинства вельмож. — Добро пожаловать. Хауксберг.

— Милорд, — козырнул Флэндри.

— Вольно, вольно, — небрежно махнул Хауксберг. — Сегодня здесь нет ни званий, ни церемоний. Терпеть их не могу, честно говоря. — Он взял Флэндри за локоть. — Пойдемте, я представляю вас.

Начальство приветствовало мичмана с гораздо большим интересом, чем раньше. Старкад высушил этих офицеров, сжег дочерна их лица; на их мундирах поблескивали награды. Им

было явно неприятно, что терранские штафирки так покровительственно обращаются с одним из них.

— ...а это моя подруга, достопочтенная Перси д'Ио.

— Знакомство с вами — честь для меня, мичман, — сказала она на полном серьезе.

Мичман решил, что она неплохо заменяет Этуаль, по крайней мере с виду. Формы у нее были не хуже, чем у Драгойки, и шиммерлиновое платье подчеркивало этот факт. На шее у нее горел рубин, на высоко взбитых локонах цвета воронова крыла сияла тиара. Над ее чертами, возможно, поработал талантливый биоскульптор: большие зеленые глаза, изящно вырезанный нос, чувственный рот, необычайная живость выражения.

— Пожалуйста, выпейте что-нибудь и закурите, — сказала она. — Вам нужно смягчить голосовые связки. Я намерена заставить их потрудиться.

— Э-э... — Флэндри чуть не споткнулся о ковер. Рука, охватившая предложенный бокал с вином, взмокла. — Говорить особенно не о чем, донна. Многие испытали и более захватывающие приключения.

— Но не столь романтические, — сказал Хауксберг. — Плавание на пиратском судне и все такое.

— Они не пираты, милорд, — выпалил Флэндри. — Просто торговцы... Прошу прощения.

— Они вам понравились, э? — присмотрелся к нему Хауксберг.

— Да, сэр. Очень. — Флэндри взвешивал слова, но говорил честно. — Пока я не узнал тигран поближе, я служил здесь только по обязанности. А теперь я действительно хочу помочь им.

— Вполне понятно. Но обитатели моря — тоже разумные существа, не так ли? Да и мерсейцы, если на то пошло. Жаль, что все они на ножах.

У Флэндри вспыхнули уши. Абрамс сказал то, что он не посмел:

— Милорд, эти разумные собратья нашего мичмана сделали все возможное, чтобы убить его.

— А вы в отместку после его возвращения предприняли атаку на их эскадру, — резко заметил Хауксберг. — Были убиты трое мерсейцев и один человек. Я как раз в это время наносил визит коменданту Руinei. Весьма неудобно.

— Не сомневаюсь, что фодайх сохранил свою учтивость к представителю императора. Он бывает обаятельным, негодяй, когда хочет. Однако мы, милорд, имеем официальное предписание — отвечать ударом на любой выпад против нашей миссии. — Его тон сделался саркастическим. — Это мирная миссия

по оказанию помощи на территории, не принадлежащей ни одной из империй. А потому ей нужно обеспечить защиту. Сие означает, что ни одно покушение на ее состав не должно сходить с рук безнаказанно.

— А если бы Рунеи организовал ответный рейд? — не уступал Хауксберг.

— Он этого не сделал, милорд.

— Да, пока еще нет. Это тоже свидетельствует о мирной позиции Мерсейи, разве нет? А может быть, Рунеи сдерживает мое присутствие. Но вскоре, если подобные стычки будут продолжаться, начнется настоящая эскалация. И всем придется здорово попотеть, чтобы держать ее под контролем. Удержим ли? Остановиться следовало еще вчера.

— Мне слается, Мерсейя сделала недурной шаг по пути эскалации, начав свои операции так близко от нашей базы.

— Это сделали жители моря. Они, конечно, пользуются мерсейской помощью, но это их война — их и жителей суши, больше ничья.

Абрамс свирепо стиснул зубами погасшую сигару и проворчал:

— Милорд, и жители моря, и жители суши делятся на тысячи общин, десятки цивилизаций. Многие раньше и слыхом не слыхивали друг о друге. Обитатели Злетовара до недавних пор были для жителей Курсовиков всего лишь досадной помехой. Кто внушил им мысль о начале совместных боевых действий? Кто постепенно превращает былую стабильную ситуацию в общепланетную войну одной расы против другой? Мерсейя!

— Вы заходите слишком далеко, командор, — запротестовал капитан Абдес-Салем. Помощники виконта пришли в полное замешательство.

— Нет-нет, — Хауксберг улыбнулся сердитому загорелому лицу перед собой. — Я приветствую откровенность. Подхалимов достаточно и на Терре, незачем вывозить их на экспорт. Как же я выясню нужные мне факты, если не буду слушать, что мне говорят? Официант, налейте командору Абрамсу.

— А что, собственно, делает... э-э... противная сторона в ближних водах? — спросил кто-то из штатских.

— Неизвестно, — пожал плечами Абрамс. — Курсовикские корабли стали, естественно, избегать этих мест. Можно послать туда водолазов, но мы решили с этим повременить. Видите ли, мичман Флэндри не только испытал волнующее приключение. И не только завоевал уважение и признательность тигран, которые нам еще очень пригодятся. Он еще собрал о них информацию, неизвестную ранее, подметил то,

что ускользнуло от профессиональных ксенологов, и представил мне доклад, сложенный с четкостью лимерика*. И в довершение доставил нам живого пленника-водяного.

Хауксберг закурил сигару.

— Это не совсем обычно, как я понимаю?

— Да, сэр, как из-за очевидных трудностей их сохранения в чуждой среде, так и потому, что тигране имеют обыкновение поджаривать тех, кого берут в плен.

Перси д'Ио скорчила гримасу.

— А вы еще говорите, что они вам нравятся, — упрекнула она Флэндри.

— Да, цивилизованному существу трудно понять это, донна, — протянул Абрамс. — Мы предпочитаем ядерное оружие, способное поджаривать целые планеты. Однако суть в том, что наш паренек придумал, как сохранить водяного живым, и корабельные плотник с кузнецом соорудили нужную конструкцию прямо на борту. Не стану вдаваться в детали, но есть надежда, что нам удастся его допросить.

— Почему же вы держали это в секрете? — спросил Хауксберг. — Вы же не думаете, что кто-то из нас — переодетый мерсеец?

— Да нет, не думаю. Однако вы все скоро направляетесь на вражескую планету. Пусть у вас дипломатическая миссия — я не могу допустить, чтобы вы знали нечто, что хочет знать враг.

— Никогда еще меня не называли болтуном столь тактично, — засмеялся Хауксберг.

— Пожалуйста, не надо спорить, дорогой, — вмешалась Перси. — Мне не терпится послушать мичмана Флэндри.

— Тебе слово, сынок, — сказал Абрамс.

Все сели. Флэндри принял из собственных рук Перси сигарету с золотым ободком. Вино и волнение бурлили в нем. Он несколько приукрасил свои похождения — на Абрамса даже кашель напал.

— ...А потом, в одном дне пути от Уянки, мы встретили корабль с исправной рацией. Они передали мое сообщение, прилетел флайер и забрал меня и пленного.

— В вашем изложении все это представляется сплошным удовольствием, — вздохнула Перси. — Вы больше не виделись с вашими друзьями?

— Нет еще, донна. Я был слишком занят работой с командой Абрамсом. — Собственно говоря, роль Флэндри в этой

* Шуточное английское стихотворение из пяти строк с четкой рифмовкой.

работе сводилась к довольно простому обобщению данных. — Меня временно прикомандировали к его отделу. Однако меня приглашали посетить Уянку, и, думаю, вскоре меня туда направят.

— Так и есть, — сказал капитан Менотти. — Одной из наших проблем было то, что Сестры, хотя и принимали нашу технику, а порой и наши советы, все-таки относились к нам с подозрением. Это понятно — мы ведь для них полные чужаки, а их соседи-водяные никогда не были для них серьезной угрозой. С менее развитыми старкадийскими культурами мы достигли лучшего взаимопонимания. Курсовикяне слишком горды, слишком ревностно хранят свои секреты, они слишком непросты, сказал бы я, чтобы относиться к нам с тем вниманием, с каким мы бы хотели. Теперь перед нами открывается лазейка к ним.

— А ваш пленный дает вам другую лазейку, — задумчиво заметил Хауксберг. — Я хочу его видеть.

— Что? — рявкнул Абрамс. — Это невозможно!

— Почему?

— Да потому, что это...

— Я бы не выполнил свою задачу, если бы не сделал этого. Я вынужден настаивать. — Хауксберг подался вперед. — Видите ли, возможно, здесь открывается лазейка к чему-то большему. К миру.

— То есть как, милорд?

— Если вы из него выжмете столько, сколько намереваетесь, вы узнаете многое о его культуре. Враг перестанет быть безликим — нам откроются реальные живые существа со своими нуждами и желаниями. Пленный мог бы проводить нашего посла к своему народу. И мы — это, знаете ли, вполне представимо — могли бы положить конец этой недавней войне. Договориться о мире между жителями Курсовиков и их соседями.

— Между львами и агнцами, так сказать, — съязвил Абрамс. — С чего же мы начнем? Они и близко не подойдут к нашей подлодке.

— Можно выйти в море на туземных кораблях.

— У нас нет для этого людей. Мало кто в наши дни умеет управляться с парусами, и потом, мореплавание на Старкаде отличается от терранского. Вы полагаете, островитяне повезут нашу мирную миссию? Ха!

— Ну а если их приятель попросит их? Вам не кажется, что попытаться стоит?

— О! — Перси, сидевшая рядом с Флэндри, положила свою ладонь на его руку. — Если бы вы смогли...

Под ее взглядом он просиял и сказал, что был бы счастлив. Абрамс холодно глянул на него.

— Если мне прикажут, конечно, — поправился мичман.

— Я поговорю с вашим начальством, — сказал Хауксберг. — Однако, господа, мы ведь собрались развлекаться. Забудем о делах и выпьем еще по одной-другой-третьей, э?

И он стал рассказывать скандальные и комические сплетни о Терре.

— Дорогой, — сказала Перси, — не надо портить нашего почетного гостя. Пойдемте поговорим о чем-нибудь более пристойном, мичман.

— С-с радостью, донна.

Комната находилась в глубине здания, но смотровой экран показывал, что происходит снаружи. Метель прекратилась; нагие горные вершины белели при свете лун. Перси поежилась.

— Какое мрачное место. Хоть бы поскорее забрать вас отсюда домой.

Флэндри осмелел:

— Я никогда не думал, что столь благородная... и прекрасная дама согласится проделать это длинное, скучное и опасное путешествие.

— Это я-то благородная? — засмеялась она. — Но все равно спасибо. Вы очень милый. — Она затрепетала ресницами. — Если в моих силах помочь милорду, сопровождая его... как я могла отказаться? Он трудится на благо Терры. Вы тоже. Значит, и я должна. А вместе чего мы только не добьемся, правда? — Она снова засмеялась. — Жаль, что я здесь единственная дама. Ваши офицеры не станут возражать, если мы немного потанцуем?

Когда Флэндри вернулся к себе, голова у него шла кругом. Однако на завтра он полностью рассчитался с ван Зюйлем за поставленную бутылку.

...В центре звуконепроницаемой комнаты с флюоросветильниками, питаемыми энергией Саксо, в витриловом резервуаре, окруженном аппаратурой, плавал ширavo.

Он был велик и в длину — около двухсот десяти сантиметров — и в ширину. Безволосая кожа отливала глубокой синевой на спине, живот был более бледного голубовато-зеленого цвета, а крышки жабр — прозрачные. Фигурой он походил на нечто среднее между дельфином, тюленем и человеком. Но его хвостовые и боковые плавники представляли собой чудо мускульного строения и обладали некоторой хватательной способностью. Сзади рос мясистый спинной плавник. Недалеко от головы помещались две короткие, сильные руки, которые, если не считать рудиментарных перепонки, поразительно

напоминали человеческие. Голова была большая, тупоконечная, с золотыми глазами и трепещущими ресничками вокруг рта, имеющего губы.

Абрамс, Хауксберг и Флэндри вошли в комнату. «Иди и ты с нами, — сказал командор мичману. — Раз уж по уши увяз в этом деле». Четверо караульных десантников отсалютовали им. Техники подняли головы от своих инструментов.

— Вольно, — сказал Абрамс. — Проще говоря — занимайтесь своим делом и не пьянитесь. Как там дела, Леонг?

— Обнадеживающе, сэр, — ответил шеф научной группы. — Нейрологические и энцефалографические данные показывают, что гипнотест по крайней мере половинной интенсивности он определенно выдержит, причем вероятность перманентных повреждений невысока. Мы рассчитываем модифицировать аппарат для использования под водой через пару дней.

Хауксберг подошел к резервуару. Пленный подплыл к нему. Их взгляды встретились; красивые глаза были у подводного жителя. Хауксберг обернулся с пылающим лицом:

— И вы намерены подвергнуть это существо пытке?

— Легкий гипнотест не причиняет боли, милорд, — сказал Абрамс.

— Я говорю о психологической пытке. И ее усугубляет то, что он находится в руках совершенно чуждых ему созданий. Вам не приходило в голову просто поговорить с ним?

— Легко сказать. Милорд, жители Курсовиков веками пытались наладить этот диалог. Наше единственное преимущество перед ними в том, что у нас развита теоретическая лингвистика и имеются вокализаторы для более точного воспроизведения звуков. Через тигран и по записям ксенологов мы овладели основами его языка — но только основами. Ранние экспедиции, изучавшие эту расу, работали в основном в районе Кимрайга, который теперь заняли мерсейцы — определенно по этой самой причине. А менталитет нашего Чарли для нас полная неизвестность. И он что-то не горит желанием сотрудничать с нами.

— Вы бы горели на его месте?

— Хочу надеяться, что нет. Однако, милорд, и время не терпит. Вдруг его соплеменники замысливают широкомасштабную операцию — например, против поселений Цепи. Или он, чего доброго, возьмет да и помрет. Нам кажется, что он получает адекватное питание и все такое, но как можно быть уверенным?

Хауксберг нахмурился:

— Вы потеряете все шансы на получение его помощи, не говоря уж о его доверии.

— Вы имеете в виду переговоры? По-моему, здесь нам нечего терять. Кроме того, допрос совсем не обязательно должен оттолкнуть его от нас. Нам известна его психика. Возможно, жестокость для него — в порядке вещей. Видит Бог, водяные быстро расправляются с тиграми, плавающими на маленьких суденышках. И потом... — Большой голубоватый силуэт отплыл в дальний конец резервуара. — Он, конечно, красавец, но не родня ни вам, ни мне, ни сухопутным жителям планеты.

— Он думает. Он чувствует.

— Что думает и что чувствует? Я не знаю. Знаю только, что он не рыба. Он теплокровен, самки у них живородящие и кормят детенышей молоком. Благодаря высокому атмосферному давлению в воде здесь достаточно кислорода, чтобы обеспечить активный обмен веществ и хорошую мозговую деятельность. Должно быть, потому разум и возник в море: здесь имеет место биологическая борьба, почти не встречающаяся в морях планеты типа Терры. Но его среда почти так же чужда нам, как среда Юпитера.

— Однако мерсейцы с ними поладили.

— Угу. Они позаботились изучить то, что мы упустили. Мы тоже старались поднабраться знаний в тех местах, где конфликт еще не зашел далеко, но мерсейцы всегда узнавали об этом и чинили нам препятствия.

— Как они узнавали? Через шпионов?

— Нет, путем наблюдений. Здесь каждая сторона использует все, что имеет. Если бы мы могли получить доступ к их информации о подводном мире... — Абрамс умолк и вытащил сигару.

Хауксберг, успокоившись, улыбнулся:

— Пожалуйста, поймите меня правильно, командор. Уверяю вас, я не какой-нибудь слюнтявый идеалист. Нельзя приготовить яичницу и так далее. Я только за то, чтобы не разбивать каждое яйцо на виду. Уж очень это неприглядно. — Сделав паузу, он сказал: — Не стану больше докучать вам сегодня. Однако мне нужен полный отчет по этому проекту, а также ежедневные сводки. Я не накладываю категорического запрета на гипнотест, но пытки не допущу ни в какой форме. И еще вернусь сюда. — Он не сумел до конца подавить гримасу отвращения. — Нет-нет, большое спасибо, но провожать меня не надо. Доброго дня, господа.

Дверь закрылась за его светлостью. Абрамс завел тихий разговор с Леонгом. В холодном помещении стоял гул и скрежет машин. Флэндри неотрывно смотрел на того, кого взял в плен.

— Плачу милло, — сказал Абрамс.

Флэндри вздрогнул — командор подошел к нему тихо, как кот.

— Сэр?

— За твои мысли. Что там у тебя в голове, крбме прекрасной д'Ио?

— Мне кажется, сэр, — вспыхнул Флэндри, — что Хау... милорд прав. Уж слишком вы торопитесь, разве нет?

— Приходится.

— Нет, — серьезно ответил Флэндри. — Простите, сэр, но ведь в Злетовар мы могли бы послать водолазов, подлодки и зонды. А Чарли мог бы пригодиться нам для долгосрочных исследований. Я прочел все, что сумел найти, про водяных. Они действительно неизвестная величина. Нужно собрать гораздо больше информации, чтобы знать наверняка, какой вид допроса даст наилучшие результаты.

Абрамс, окутанный облаком табачного дыма, опустил на глаза кустистые брови и спросил мягко:

— Ты никак учишь меня, как надо работать?

— Нет, сэр. Вовсе нет. Я... я глубоко уважаю вас. — Тут Флэндри осенило. — Сэр! У вас имеется больше информации, чем вы полагаете! У вас есть агент...

— Заткнись. — Абрамс не повысил голоса, но Флэндри осекся и машинально вытянулся по стойке «смирно». — И чтоб ни слова никому. Понял?

— Т-так точно, сэр.

Абрамс взглянул на своих людей. Никто ничего не заметил.

— Сынок, — тихо произнес он, — ты меня поражаешь. Это чистая правда. Ты зря пропадаешь в летунах. В шпионы не хочешь перейти?

Флэндри прикусил губу.

— Ладно, ладно. Скажи старику, чем тебе не нравится эта идея?

— Я... это... Нет, сэр. Я не подойду.

— Давай уж, выкладывай, что накопело. Начистоту. Можешь назвать меня сукиным сыном, я не возражаю. У меня есть свидетельство о рождении.

— Ну что ж... — набрался смелости Флэндри. — Грязное это занятие, сэр.

— Хм. Ты имеешь в виду то, чем мы занимаемся сейчас? Чарли?

— Да, сэр. Вот отправили меня в свое время в Академию. Все принимали как должное то, что я туда поступлю. И я тоже. Я был совсем зеленый тогда.

Рот Абрамса дернулся в улыбке.

— Теперь я стал задумываться, — запинаясь продолжал Флэндри. — То, что я слышал на приеме... что сказала донна д'Ио... Знаете, сэр, в том морском сражении я не боялся, а потом оно представлялось мне блестящей победой. Но прошло время — и мне вспомнились мертвые. Один тигран умирал целый день. А Чарли даже не понимает, что с ним хотят сделать!

Абрамс спокойно курил.

— Все живущие во Вселенной — братья, да? — спросил он.

— Не совсем так, сэр, но...

— Не совсем так? Подумай хорошенько. Это совсем не так! Даже люди — не все братья и никогда ими не были. Да, война — это деградация. Но есть и худшие виды деградации. Да, мир прекрасен. Но вечный мир возможен только в смерти, а в жизни мир невозможен, если не основан на твердых взаимных интересах и не приносит выгоды всем, кто им пользуется. Да, Империя больна. Но она наша. Она — это все, что у нас есть. Сынок, это верх безответственности — разбрасываться своей любовью и преданностью, ведь ее может не хватить на тех немногих существ и те сообщества, которые ее заслуживают.

Флэндри стоял неподвижно.

— Я знаю, — сказал Абрамс, — с твоим образованием потропились. Тебя должны были бы обучить тому, что такое цивилизация, да не успели — в наши дни чертовски мало многообещающих кадетов. И вот ты здесь, девятнадцать лет от роду, загруженный по самые люки техническими знаниями и обреченный совершить все философские ошибки, какие только значатся в истории. Я хотел бы, чтобы ты прочел кое-какие книги — они у меня есть на микроплнке. В основном это древняя материя, извлечения из Аристотеля, Макиавелли, Джефферсона, Клаузевица, Жювенеля, Михаэлиса. Но на это потребуется время. А пока что ступай к себе, сядь и подумай над тем, что я сказал.

— Разве фодайх не читал моего рапорта? — спросил Двир Крюк.

— Читал, конечно, — ответил Руней. — Но меня интересуют кое-какие детали. Вот вы проникли на террапскую базу. Допустим, ваша цель слишком хорошо охранялась, чтобы рисковать идти на взлом, но почему вы не выждали удобного момента?

— Вероятность не казалась мне высокой, фодайх. Близился рассвет. Кто-нибудь мог бы ко мне обратиться, и мой ответ мог бы вызвать подозрения. Мне было приказано избегать неоправданного риска. Как выяснилось, мое решение уходить было

верным, поскольку я не нашел своей машины в том ущелье, где оставил ее. Должно быть, ее обнаружил терранский патруль. Пришлось мне пешком добираться до тайника, поэтому я и запоздал.

— А тот, другой патруль, который вам встретился? Многое ли им удалось рассмотреть?

— Я уверен, что очень мало, фодайх. Это было в густом лесу, и они стали стрелять вслепую, когда я не ответил на их оклик. Они, как вам известно, причинили мне значительный вред — к счастью, я был уже так близко от своей цели, что сумел проползти остаток пути, когда патруль ушел.

— К-р-р, — вздохнул Руinei. — Ну что ж, попытаться все равно стоило. Однако на Старкаде вам уже не работать, похоже.

— Надеюсь продолжить свою службу в другом месте. — Двир собрался с духом. — Фодайх, в Хайпорте мне все же удалось сделать одно наблюдение — не знаю, имеет оно значение или нет. Абрамс шел по улице, оживленно беседуя со штатским, которого сопровождало несколько человек — подозреваю, что это посланник с Терры.

— Который проявляет к нам самые дружеские чувства, — задумчиво произнес Руinei, — и который скоро отбывает отсюда. Вы уловили что-нибудь из их беседы?

— Слишком высок был уровень шума, фодайх. С помощью усиления и фокусировки я сумел разобрать упомянутое несколько раз слово «Мерсейя». У меня создалось впечатление, что Абрамс отправляется туда с ним. В таком случае за Абрамсом стоило бы установить особенно бдительный надзор.

— Да, — погладил подбородок Руinei. — Я рассмотрю эту вероятность. Будьте готовы к скорому отлету.

Двир отдал честь и вышел. Руinei остался один. В его убежище стоял шум вентиляторов. Он кивнул в ответ на какую-то свою мысль, достал шахматную доску и принялся размышлять над следующим ходом. Улыбка тронула его губы.

Глава 6

Старкад совершил еще три оборота, и враг напал.

Флэндри был в Уянке. Главный порт острова Курсовики стоял у Золотого залива, окруженный холмами и омываемый широкой темной рекой Пеканики. В Западном квартале помещалась обитель Сестер. К северу от нее, на холмах, раскинулся Высокий квартал — там стояли дома богачей, окруженные целыми гектарами ухоженных джунглей, где цветы, птицы и

ядовитые змеи соперничали яркостью красок. Однако Драгойка, несмотря на свое положение — она была не только капитаном «Стрельца», но еще владела паем в семейной корпорации, которой принадлежал весь флот, и представляла эту корпорацию у Сестер, — жила в самом центре старого Восточного квартала, в переулке Шив.

— Здесь жили мои матери со времен основания города, — говорила она гостю. — Здесь в старину пировала Чупа. По этим ступеням лилась кровь в День Ущелья. Слишком здесь много призраков, чтобы я могла их покинуть. — И она издала глубокий горловой смехок, оглядев каменные стены, меха, ковры, мебель, книги, оружие, бронзовые вазы и канделябры, стеклянные кубки, морские раковины и все, что было добыто на доброй четверти планеты. — И слишком много вещей пришло бы перевозить.

Флэндри посмотрел в окно с третьего этажа, где они сидели. Извилистый мощный проулок шел между высокими доходными домами, которые при случае превращались в настоящие крепости. По нему крались двое мужчин в шлемах, с мечами наголо; где-то бил барабан; слышались звуки короткой, но бурной перебранки: крики, топот и звон металла о металл.

— А как же разбойники? — спросил он.

— Они слишком умны, чтобы лезть сюда, — осклабился Ферок.

Боцман возлежал на кушетке, напоминающей очертаниями корабль, так же как Драгойка и Игурац, породный седой управитель Торгового Замка. В полумраке комнаты светились их глаза и украшения. День был ясный, но холодный. Флэндри порадовался, что выбрал для визита теплый комбинезон — терранскую парадную форму они бы все равно не оценили.

— Не понимаю я вас, — сказала Драгойка, вдыхая из курильницы дым легкого наркотика. — Я рада видеть тебя вновь, Доманик, но я вас не понимаю. Что плохого в том, чтобы иногда подражать? И это ты, одержавший такую победу над шираво, приходишь сюда и мямлишь что-то о примирении с ними!

Флэндри повернулся к ней. Ему показалось, что шум воздушного насоса стал громче.

— Я получил такой приказ — поговорить с вами об этом, — ответил он.

— Но тебе самому это не по душе? — уточнил Игурац. — Зачем же ты тогда, во имя неба, говоришь это?

— Разве вы одобряете неповиновение?

— В море — нет, — признала Драгойка. — Но на суше дело иное.

— Ну так вот — не говоря обо всем остальном, мы, терра-не, здесь в таком же положении, как моряки на корабле. — Флэндри начал прохаживаться взад-вперед, чтобы успокоить нервы. Ботинки тяжело стучали.

— Почему бы вам просто не истребить всех шираво, и дело с концом? — спросил Ферок. — Это вам не составило бы труда, если вы столь могучи, как говорите.

Однако Драгойка, к удивлению Флэндри, опустила бахрому на глаза и сказала:

— Что это еще за речи? Нельзя же губить целый мир. — И объяснила гостю: — Сестры не питают против них большого зла. Их надо держать на расстоянии, как и всех прочих опасных зверей, но, если бы они оставили нас в покое, мы не стали бы с ними сражаться.

— Они, возможно, думают так же, — сказал Флэндри. — Вы беспокоите их с тех самых пор, как стали выходить в море.

— Океан велик. Пусть держатся подальше от наших островов.

— Они не могут. Солнечный свет рождает жизнь и под водой — им нужны отмели, чтобы прокормиться. А вы заходите далеко в открытое море, чтобы охотиться на крупных животных и собирать водоросли. Им ведь тоже нужно все это. — Флэндри хотел запустить руку в волосы, но наткнулся на шлем. — Я тоже не возражаю против мира в Злетоваре. Хотя бы потому, что это досадило бы мерсейцам. Это ведь они первые начали вооружать один народ против другого. И явно готовятся что-то здесь предпринять. Какой нам вред от разговора с ваз-шираво?

— Да как же с ними говорить? — недоумевал Игурац. — Любую тоборку, которая спустится вниз, тут же убьют, если вы не вооружите ее так, чтобы она сама могла убивать.

— Тихо, — скомандовала Драгойка. — Я позвала тебя потому, что у тебя записано, какие корабли приходят в гавань, а Ферока — потому, что он друг Домманика. Но это женский разговор.

Тигране приняли выговор как должное, и Флэндри объяснил:

— Переговоры будем вести мы. Нам не хочется понапрасну тревожить морских жителей, приходя к ним на своих судах. Но нам нужна какая-то база, поэтому мы и просим у вас корабли — достаточно большой флот, чтобы на него не стали нападать. Конечно, Сестры должны будут утвердить все условия, о которых мы договоримся.

— Это не так-то просто, — сказала Драгойка. — Орден Янь-евар ва-Радовик простирается далеко за курсовикские воды.

И общее для всех соглашение затронуло бы также интересы самых разных шираво. — Она потеряла свой треугольный подбородок. — Однако договор местного значения... об этом стоило бы подумать...

И тут в замке запел рог.

Огромный, медный, приводимый в движение мехами, он ревел над городом. Холмы ответили эхом. С деревьев взвились птицы. Гу-гу! Пожар, наводнение, враг! К оружию, к оружию! Гу, гу-гу, гу-у!

— Что стряслось? — Ферок вскочил на ноги, срывая со стены меч и щит, не успев Флэндри и глазом моргнуть. Игурац схватил свой увесистый боевой топор. Драгойка, заворчав, подобралась. Бронза и хрусталь дребезжали.

— Нападение? — выкрикнул Флэндри между завываниями рога. — Нет, не может быть!

Он представил себе всю картину. Устье Золотого залива охраняют стоящие на якоре заградительные суда. Пловцы-подводники могли бы подобраться к ним незаметно, но миновать их уж никак не могли. И даже если бы им это удалось, остается еще несколько километров до гавани, которая вместе с Торговым Замком полностью заслоняет Уянку с моря. Они могли бы, конечно, высадиться где-нибудь в стороне, например на Белых Песках, и совершить марш по суше на своих механических ногах. Город не огражден стенами. Но каждый дом на окраине — это маленький укрепленный пункт, и навстречу им из города высыпали бы тысячи тигран...

Терране опасались за колонии, расположенные на архипелагах. Но на Уянку никто не нападал вот уже несколько веков, да и тогда это были другие тигранские племена... Гу, гу!

— Сейчас поглядим. — Роскошный мех Драгойки встал дыбом, хвост напрягся, уши поднялись торчком; но говорила она спокойно, точно к обеду приглашала, и поднялась с кушетки плавно, будто не спеша. Мимоходом она перекинула через плечо мех.

С бластером в руке Флэндри последовал за ней в холл, украшенный причудливой каменной фигурой с Ледовых островов, трехметровой высоты. За аркой шла вверх винтовая лестница. Флэндри задевал плечами за стены. В бойницы сочился свет. Позади мягко топотал Ферок, за ним отдувался Игурац.

Им оставалось полпути до верха, когда весь мир раскололся и камни задрожали. Драгойку швырнуло на Флэндри. Он поймал ее. Она была точно сталь и каучук в бархатной оболочке. В уши сквозь шлем ударил грохот рушащихся стен. Слышались слабые, далекие крики.

— Что случилось? — жалобно вопрошал Игурац. Ферок ругался. Несмотря на остроту момента, Флэндри запомнил несколько выражений на будущее. Если оно будет, будущее.

— Спасибо. — Драгойка погладила человека по руке и снова помчалась вверх.

Они вышли на башню, когда раздался второй взрыв — на этот раз подальше. Но его грохот в старкадском воздухе прозвучал оглушительно. Флэндри подбежал к парапету и стал смотреть за красные черепичные крыши, чьи острые верхушки венчали цветы и головы чудовищ. К северу, над серыми стенами старого города, блистал изумрудной зеленью и пышными особняками Высокий квартал. Колонна Состязаний вздымалась в том месте, где встречались Дорога Гордости, Верхняя Дорога, Большая Восточная Дорога, улица Солнца и Лун. Столб дыма делал колонну еще выше.

— Вон там! — крикнул Ферок, указывая на море. Драгойка бросилась к подозрной трубе, установленной под навесом.

Флэндри прищурился — блеск воды слепил глаза. За Длинными Молами он различил заградительные корабли. Они горели. А чуть ближе... Драгойка мрачно кивнула головой и уступила ему подозрную трубу.

Там, где залив расширялся, между Белыми Песками на западе и Скалой Горя на востоке, лениво покоилась китообразная громада, поблескивая мокрой металлической шкурой. Посредине торчала боевая рубка; Флэндри видел только, что она открыта и в ней движутся несколько фигур, напоминающие человеческие. На носу и на корме были башенки пониже, плоские, и из них торчали дула. Как раз в этот момент одна из этих драконьих морд изрыгнула огонь. Миг спустя над высокой стеной Торгового Замка возникло облачко дыма, и камни хлынули лавиной на причал внизу, погребая под собой стоящий там корабль. Его мачта закачалась и рухнула, корпус просел. Шум, докатившийся до самых холмов, эхом отскочил обратно.

— Люцифер! Подводная лодка!

И совсем не такая, с которой ему довелось сражаться. Эта была мерсейского производства, возможно с ядерным двигателем, и определенно с мерсейским экипажем. Не очень большая, метров двадцать в длину — должно быть, ее собрали прямо здесь, на Старкаде. Ее орудия, хотя и крупнокалиберные, стреляли химическими снарядами. К ядерному оружию враг пока не прибегает. (Когда одна из сторон это сделает, настанет ад крошечный.) Но в этой атмосфере, похожей на суп, взрывные волны могут запросто разрушить город, не имеющий никакой защиты.

— Мы сгорим! — завыл Ферок.

На этой планете никто не стыдится ужаса перед огнем. Флэндри быстро сообразил, что их ждет. Ненавистные часы и годы психических тренировок в Академии не прошли даром. Он мог испытывать ярость и страх, во рту пересыхало и сердце колотилось, но на логику это не влияло. Уянка не так скоро займется. Камень и черепица почти повсеместно заменили в ней дерево. Но если загорятся корабли, с ними уйдет почти половина курсовикской мощи. А для этого много снарядов не потребуется.

Драгойка пришла к тому же выводу. Она метнула гневный взгляд за Пеканики, где в Западном квартале виднелся зеленый медный купол обители Сестер. Ее грива буйно развевалась на ветру.

— Почему они не бьют в набат?

— Так ведь и без того все ясно, — пропыхтел Игурац и объяснил Флэндри: — Закон гласит — если кораблям угрожает опасность, их команды должны явиться на борт и вывести их из залива.

Над головой провыл снаряд и грохнул возле Горбатого моста.

— Но сегодня все, как видно, об этом позабыли, — процедила сквозь клыки Драгойка. — Их, видно, паника обуяла. И те дуры тоже, небось, в панике, раз не бьют в колокола. Пойду-ка я сама к ним. Ферок, скажи на «Стрельце», чтобы меня не ждали.

Флэндри задержал ее, и она сердито мякнула.

— Храбрый приносит извинение, — сказал он. — Давай попробуем сначала вызвать их.

— Вызвать? А, ну да, вы ведь поставили у них радио. Мозги совсем не работают.

Бум! Бум! Обстрел усиливался. Пока что он как будто велся наугад. Его целью, как видно, было посеять ужас и побыстрее поджечь город.

Флэндри поднес наручную рацию к микрофону шлема и настроился на волну Сестер. Большой надежды на то, что на другом конце кто-то ответит, он не питал. И перевел дух, когда ему отозвался женский голос — тонкий, как жужжание насекомого, на фоне свиста и грохота:

— Эй-йа, ты из ваз-терран? Я не могла дозваться никого из вас.

«Все частоты, конечно, забиты воплями с нашей станции в Уянке», — подумал Флэндри. Купол станции от него скрывали

холмы, но он мог себе представить, что там творится. Ее персонал, разумеется, тоже служит во Флоте — но они там сплошь инженеры и техники, в их задачу до сих пор входила только установка кое-какой аппаратуры и обучение тигран пользоваться ею. Притом штат станции невелик. Помощь Терры направляется в основном в места интенсивных боевых действий. (Пять тысяч человек — это ужасно мало на целую планету, и треть их составляют не технические, а боевые и разведывательные подразделения, иначе Рунеи быстро бы разделался со своей миссией.) Уянкская группа, как и он сам, имеет при себе только стрелковое оружие и невооруженные флиттеры — больше ничего.

— Почему вы не бьете в набат? — осведомился Флэндри, точно этот порядок был знаком ему всю жизнь.

— Никто не подумал об этом...

— Ну так подумайте! — крикнула Драгойка, приблизив губы к запястью Флэндри и навалившись на него грудью. — Ни один корабль пока не выходит из гавани.

— Как можно, когда там стоит это чудовище?

— Безопаснее рассеяться, чем держаться в куче. Звоните в колокола.

— Сейчас. Но когда же придут ваз-терран?

— Скоро, — сказал Флэндри и переключился на станцию.

— Я ухожу, — сказала Драгойка.

— Подожди, прошу тебя. Мне может понадобится... твоя помощь. Очень уж одиноко мне будет на этой башне. — Флэндри нажимал кнопку вызова нетвердым пальцем. С Хайпортом без помощи городского ретранслятора связаться нельзя, но можно поговорить с кем-нибудь в куполе, если кто-нибудь заметит сигнал вызова... и если не все линии заняты. Бумм! По переулку Шив неслась женщина, следом с воплями мчались двое мужчин с детьми на руках.

— Уянкская станция, лейтенант Кайзер. — Разрыв почти заглушил английскую речь. Воздушная волна ударила по ним, словно кулак. Башня зашаталась.

— Говорит Флэндри. — Он намеренно не упомянул свое звание и вел разговор начальственным тоном. — Я внизу, на восточной стороне. Вам видно, что происходит в заливе?

— Ясное дело. Там подлодка...

— Знаю. Помощь идет?

— Нет.

— Что? Да ведь это мерсейское судно! Оно разнесет весь город, если мы не вступим в бой.

— Гражданин, — ответил дребезжащий голос, — я только что говорил со штабом. Разведка доносит, что весь воздушный

флот зеленых собрался в стратосфере как раз у нас над головой. Все наши флайеры стянуты на защиту Хайпорта и больше никуда не пойдут.

«И немудрено, — подумал Флэндри. — Если завяжется общий бой, добром он не кончится. Мерсейцы могут прорваться и снести яичко над нашей главной базой».

— Адмирал Энрикес, как я понял, пытается связаться с противной стороной, чтобы выразить решительный протест, — съязвил Кайзер.

— Его дело. Что вы сами намерены предпринять?

— Ни хрена мы не намерены, гражданин. Штаб, правда, обещал прислать пару пожарных транспортов с разбрызгивателями. Они пойдут на небольшой высоте, подавая опознавательные сигналы. Если аллигаторы их все-таки не собьют, они будут здесь где-то через полчаса. Ну а вы где? Я пришлю за вами флиттер.

— У меня есть свой. Будьте на связи.

Он выключил радию. Из-за реки понесся высокий, редкий колокольный звон.

— Ну что? — сверкнула рубиновыми глазищами Драгойка. Он сказал ей.

На миг она сгорбила плечи, но тут же выпрямилась снова.

— Мы не покоримся без борьбы. Если несколько кораблей с пушками сумеют подойти поближе...

— Бесполезно, — сказал Флэндри. — На лодке слишком прочная броня. И дальность выстрела вдвое больше — она потопит тебя, не успеешь ты подойти.

— Все равно попробую. — Драгойка сжала его руки. Она улыбалась. — Прощай. Может, встретимся там, в Стране Деревьев.

— Нет! — вырвалось у него. Он сам не знал почему. Его долг был сберечь себя для будущего. Натура призывала его к тому же. Но нет, он не даст банде наглых мерсейцев отправить на дно тех, с кем он плавал. Он сделает все, чтобы этому помешать!

— Пошли, — сказал он. — К моему флайеру.

— Бежать? — застыл Ферок.

— Кто это сказал? В доме есть ружья, верно? Берите их и захватите еще народ на подмогу. — Флэндри с грохотом понесся вниз по лестнице.

В переулок он вышел с пулевым пистолетом и бластером. За ним следовали трое тигран с современным стрелковым оружием в руках. Они выбежали на Улицу, Где Сражались, и устремились по ней к Торговому Замку.

Повсюду метались толпы народа. Здесь еще не приобрели цивилизованного рефлекса прятаться в укрытие во время арт-обстрела. Но ужас ослепил лишь немногих. Суматоха приняла форму массового движения к морю с оружием — мечами и луками против пентанитрона. Сквозь толпу проталкивались моряки, вспомнившие при звоне колоколов, что им нужно делать.

Рядом ударил снаряд. Флэндри метнулся в ларек торговца одеждой. И поднялся на ноги со звоном в ушах, в ворохе ярких тряпок. На улице всюду валялись тела. Между булыжниками сочилась кровь. Под кучей обвалившихся камней жутко завывали раненые.

Драгойка бросилась к нему. Ее черный с оранжевым мех был запятнан кровью.

— Ты цела? — крикнул он.

— Да. — И она понеслась дальше. Ферок не отставал. Игурац лежал с разбитым черепом, но Ферок взял его оружие.

Когда они достигли замка, Флэндри пошатывало. Он вошел во двор, сел рядом со своим флиттером и начал ловить ртом воздух. Драгойка созвала мужчин от парапета и вооружила их. Флэндри переналадил свой насос. Повышенное давление внутри шлема вызвало протест измученных барабанных перепонок, но дополнительный кислород несколько оживил его.

Все набились во флиттер. Это была обычная машина, вмещавшая около десятка пассажиров, если сесть плотно — на всех сиденьях, в проходе и сзади. Флэндри сел за штурвал и включил гравигенераторы. Перегруженный флиттер неуклюже оторвался от земли. Флэндри вел его низко, чуть ли не по головам кишевших снаружи горожан, пока не пересек реку, не миновал доки и между ним и заливом не оказался заслон леса.

— Ты же летишь на Белые Пески, — запротестовала Драгойка.

— Конечно. Надо, чтобы солнце было позади нас.

Она поняла его замысел, но больше ни до кого это не дошло. Пассажиры сбились в кучку, прижимая к себе ружья и что-то шепча. Оставалось только надеяться, что первый полет не лишит их боевого духа.

— Когда сядем, — громко сказал Флэндри, — высказывайте все наружу. На палубе увидите открытые люки. Постарайтесь их захватить. Иначе лодка уйдет под воду и утопит вас.

— Тогда их пушкири тоже потонут, — мстительно сказал кто-то.

— У них есть запасные. — Флэндри вдруг с ужасом осознал, насколько безумна его затея. Если его даже не собьют на

подходе, если ему удастся сесть, все равно у них один только бластер да несколько стреляющих пулями ружей — а сколько стволов у мерсейцев? Он чуть не повернул обратно — но нет, он не мог поступить так при тиграхах. Моральная трусость — вот как это называется.

Над берегом он развернулся и врубил аварийную мощност. Флиттер ринулся вперед над самой водой, по-прежнему медленно до ужаса. Волна плеснула о ветровое стекло. Подлодка лежала впереди, серая, неясно видимая и страшная.

— Смотрите! — заверещала Драгойка.

Она указывала на юг. Море там кипело от спинных плавников. Начали всплывать лодки с катапультами на рыбьей тяге, усеивая воду, насколько хватал глаз. Ну конечно, промелькнуло в глубине сознания Флэндри. Вся операция задумана как нападение водяных — частично для того, чтобы сберець мерсейские силы, частично, чтобы сберець легенду. Эта подлодка только вспомогательное средство, не так ли? Мерсейцы — только советники, в том числе и те, что у пушек, верно? Они всего лишь подавят оборону, а уж город разгромят водяные.

«Наплевать мне, что будет с Чарли».

В их тонкий фюзеляж ударил луч. Никто не пострадал, но их заметили.

Пусть — он уже вошел в мертвую зону над палубой.

Замер в воздухе и выпустил шасси. Тряска в сиденье показала ему, что они сели. Драгойка распахнула дверцу и первая с криком ринулась наружу.

Флэндри удерживал флиттер на месте. Это были самые худшие секунды, нереальные, когда смерть, которая не должна была стать реальностью, резвилась вокруг. На палубе было с десятков мерсейцев, в воздушных шлемах и черной форме — по трое у каждого орудия, трое или четверо в открытой боевой рубке. Сейчас эта рубка прикрывала его от кормового расчета. Остальные вовсю палили из бластеров и автоматов. Сверкали молнии.

Драгойка упала на палубу, перекатилась и повела огонь с живота. Диск ее автомата плевался свинцом. Ее поливали огнем в ответ. Потом выскочил Ферок, стреляя из своего автомата. А там и остальные.

Рубка служила хорошим укрытием тем, кто стрелял оттуда. Вскоре к ним подоспел кормовой расчет. Лучи и пули дырявили флиттер. Флэндри, поджав колени, забился под приборную доску и чуть ли не молился вслух.

Последний тигран выбрался наружу, и мичман поднял флиттер в воздух. Ему по-прежнему везло: машина хоть и пострадала, но серьезных повреждений не получила. (Он мельком

отметил, что у него обожжена рука.) Описав нетвердую дугу, он завис над рубкой и, держась одной рукой за сиденье, стал стрелять другой через открытую дверцу. Ответный залп не задел его. Какое-никакое, а укрытие у него было. Он успешно косил мерсейцев.

Раздался новый взрыв, от которого у него задребезжали зубы. Мотор заглох, и флиттер с высоты трех метров рухнул на рубку, над которой висел.

Через минуту Флэндри пришел в себя. Он вылез на четвереньках из своей покоренной машины, выглянул наружу и вывалился на мостик. Дорогу загораживало дымящееся тело. Он оттолкнул его в сторону и выглянул за фальшборт. Дюжина тигран, уцелевших в бою, захватили носовое орудие и пользовались им как прикрытием. Мерсейцев, укрывшихся внизу за рубкой, они сдерживали. Но из кормового люка все время лезли новые.

Флэндри поставил бластер на широкий луч и стал стрелять.

Еще. Еще. Экипаж не должен быть большим. Сколько он уже уложил? Черт, есть ведь еще люк в самой рубке, прямо под ним! Хотя нет, его загораживает флиттер.

На Флэндри обрушилась тишина. Только ветер и плеск воды о борта нарушали ее, да еще монотонные рыдания мерсейца, который лежал с оторванной ногой, истекая кровью. Победа. Они все-таки победили. Флэндри смотрел на свою свободную руку, отвлеченно думая, какой это превосходный механизм. Смотри-ка, пальцы сгибаются.

Однако мешкать нечего. Он встал. Мимо пропела пуля, пущенная с носа.

— Не стреляй, дубина! Это я! Драгойка, ты жива?

— Да. — Она торжественно выступила из-за орудия. — Что дальше будем делать?

— Кто-нибудь идите на корму. Стреляйте в каждого, кто высунет нос.

— Мы сами пойдем вниз. — Драгойка обнажила меч.

— Умнее ничего не придумаешь? — взорвался Флэндри. — Вам хватит забот удерживать их взаперти.

— Ну а ты? А ты, — в экстазе выдохнула она, — можешь повернуть эти пушки против шираво.

— Тоже не выйдет. — Боже, как он устал! — Во-первых, я не смогу один обслуживать такие тяжелые орудия, а ваши не сумеют мне помочь. Во-вторых, героические придурки, которые остались внизу, того и гляди решат погрузиться и потопят нас.

Он настроил свою рацию. Надо вызвать станцию — пусть снимут отсюда его отряд. Если его сослуживцы окажутся

перестраховщиками и не решатся обработать лодку анестезирующим газом и захватить ее в качестве трофея, он лично потопит ее. Но они, конечно, согласятся. Победителей не судят военным судом, а инструкции — только прикрытие для военных, которые хоть что-то смыслят. Потом надо связаться с Сестрами. Пусть пробьют сигнал к бою. Курсовикские корабли, если их организовать, смогут отогнать армаду водяных — а может, те отступят сами, увидев, что их козырь побит.

А потом... Флэндри не знал, что потом. Хорошо бы медальку в лазарете, потом медаль и командировка на Терру для съемки пропагандистских фильмов о собственных подвигах. Впрочем, вряд ли. Мерсейя сделала еще один шаг по пути войны. Терре придется ответить или убраться отсюда. Он глянул на Драгойку, расставляющую часовых. Она усмехнулась ему в ответ. Пожалуй, ему не так уж и хочется покидать планету.

Глава 7

Рунеи Странник подался вперед, так что его обтянутые черным мундиром плечи и суровое зеленокожее лицо будто вдвинулись в кабинет Хауксберга.

— Милорд, — сказал мерсеец, — вам известна юридическая позиция моего правительства. Морской народ — суверенный владелец старкадских океанов. Кораблям сухопутных жителей может быть, самое большее, предоставлено ограниченное право следования — если моряне согласятся на это. Также и инопланетный воздушный флот может летать над их водами исключительно с их согласия. Вы обвиняете нас в эскалации? Откровенно говоря, я, на мой взгляд, проявил значительную терпимость, не введя в бой свои воздушные силы после вашего нападения на мерсейскую подводную лодку.

Хауксберг изобразил на лице улыбку.

— Если вы и мне позволите говорить откровенно, комендант — возможно, вас удержало то, что в таком случае и терранские воздушные силы вступили бы в бой, а?

— На кого в таком случае легла бы ответственность за эскалацию? — пожал плечами Рунеи.

— Используя свое судно против... э-э... тоборканского города, ваша планета тем самым приняла прямое участие в войне.

— Это был акт возмездия, милорд, и не со стороны Мерсейи, а со стороны злетоварского Шестиконечника, с участием инопланетных добровольцев, получивших временный отпуск по месту своей постоянной службы. Именно Терра выдвинула

доктрину, согласно которой ограниченные репрессалии не являются поводом к войне.

Хауксберг нахмурился. Он говорил от имени Империи и не мог высказать, насколько отрицательно относится к этому положению сам.

— Это уходит глубоко в нашу историю, во времена интернациональных войн. Тогда нашим людям в отдаленных частях космоса предоставлялась некоторая свобода действий в критических ситуациях, чтобы им не приходилось каждый раз посылать курьеров за приказами. К несчастью. Возможно, эту практику можно будет отменить — по крайней мере между нашими двумя правительствами. Но взамен мы потребуем каких-то гарантий.

— Дипломат вы, а не я, — сказал Руней. — Я пока что хотел бы получить назад всех наших пленных.

— Не знаю, остался ли кто-нибудь в живых. — Хауксберг прекрасно знал, что пленные есть и что Абрамс не отпустит их, пока не допросит как следует, возможно, и под гипнозом; и он подозревал, что Руней знает, что он это знает. Крайне неловко. — Если желаете, я наведу справки и распоряжусь...

— Благодарю, — сухо ответил Руней. И через минуту спросил: — Не хочу выведывать военные тайны, но каков будет следующий ход ваших, хм... союзников?

— Только не союзников. Терранская Империя не находится в состоянии войны.

— Полноте, — фыркнул Руней. — Предупреждаю вас, как уже предупредил адмирала Энрикеса: Мерсей не останется в стороне, если агрессоры попытаются уничтожить то, что помогла создать наша планета для улучшения жизни морян.

Решительный шаг! Хауксберг произнес как можно небрежнее:

— Фактически мы, после того как нападение на Уянку было отбито, стараемся сдерживать курсовикян. Они кипят жадной мщениия и все такое, но мы убедили их пойти на переговоры.

На челюсти Руней дернулся мускул, глаза цвета черного дерева расширились на миллиметр, и с полминуты он сидел неподвижно. Потом спросил ровным голосом:

— В самом деле?

— В самом деле. — Хауксберг развил перехваченную инициативу. — Их флот выйдет в море в ближайшие дни. Мы все равно не смогли бы удержать это в секрете от вас, как и наш контакт с шираво. Я могу уже сегодня сказать вам то, о чем будет заявлено официально: флот не станет вести боевых действий, разве что в целях самозащиты. Надеюсь, мерсейские добровольцы тоже воздержатся от участия в каких-либо

насильственных акциях. Если же это произойдет, терранские войска, естественно, будут вынуждены вмешаться. Однако мы предпочли бы мирно отправить своих послов под воду и дать им возможность договориться о перемирии с видами на прочный мир.

— Вот как. — Руней забарабанил пальцами по столу.

— Наша ксенологическая информация ограничена. И мы, конечно, не намерены проявлять детской доверчивости на первых порах. Нам очень помогло бы, если бы вы убедили, э-э, Шестиконечник принять нашу делегацию и выслушать ее.

— Совместная террано-мерсейская комиссия...

— Не сейчас, комендант. Прошу вас, не сейчас. Мы не планируем ничего, кроме неформальных предварительных разговоров.

— Вы хотите сказать, что адмирал Энрикес не позволит своим людям участвовать в переговорах, в которых участвуют мерсейцы.

Правильно понимаешь.

— Нет-нет. Это было бы слишком невежливо. Мы просто хотим избежать осложнений. Не вижу ничего плохого в том, что моряне будут держать вас в курсе событий. Но мы должны знать, на чем стоим — нам придется изучить их хорошенько, прежде чем выдвигать какие-то разумные предложения; а вы, к сожалению, отказываетесь поделиться своей информацией.

— Я поступаю так, как мне приказывают.

— Вот-вот. Политика обеих сторон должна быть изменена, если мы хотим хоть как-то сотрудничать, не говоря уж о совместных комиссиях. Для решения этой проблемы я и направляюсь на Мерсейю.

— Эти копыта будут ступать медленно.

— Что? Ну да. Мы в таком случае говорим о колесах. Разумеется, даже при наличии величайшей доброй воли, ни одно правительство не сможет прекратить такой конфликт в один день. Но мы с вами способны положить этому начало. Мы придержим курсовикий, а вы придержите Шестиконечник. Прекратим все военные действия в Злетоваре впредь до дальнейших распоряжений. Я уверен, что подобные ограничительные меры в вашей власти.

— Да. Как и в вашей. Но туземцы могут не согласиться. Если какая-либо сторона решит действовать, я буду обязан поддерживать морян.

«Или если ты велишь им действовать, — подумал Хауксберг. — Ты это можешь. В таком случае Энрикесу ничего не останется, как воевать. Но я верю в твою честность, верю, что тебе тоже хочется остановить эту войну, пока еще возможно.

Приходится верить. В противном случае мне остается только вернуться домой и помочь подготовить Терру к звездной войне».

— Вы, конечно, будете получать официальные бюллетени, как положено, — сказал он. — Я просто хотел сам предварительно поговорить с вами. И я останусь здесь, пока не станет ясно, что вышло из нашей попытки. Звоните мне в любое время.

— Благодарю вас. Доброго дня, милорд.

— Доброго дня, ком... фодайх. — Хотя разговор шел на английском, Хауксберг весьма гордился своим эрио.

Экран погас. Он закурил сигарету. Что теперь? Теперь, милый, сиди и жди, что будет. Ты, конечно, по-прежнему будешь получать рапорты, вести беседы, совершать инспекционные поездки, но все это через пень-колоду, преодолевая уничижительное отношение закоренелых милитаристов, считающих тебя надоедливym ослом. У тебя будет много досуга. А развлечений здесь не густо. Хорошо, что ты имел предусмотрительность взять с собой Перси.

Он встал и перешел из кабинета в гостиную. Она сидела там и смотрела анимofilm. Опять «Ундина» — бедная девочка, в здешней библиотеке не слишком богатый выбор. Он присел на ручку ее кресла и положил ей руку на плечо — голое, на ней блузка с низким вырезом, кожа теплая и гладкая, чувствуется слабый фиалковый аромат духов.

— Тебе эта штука еще не надоела? — спросил он.

— Нет. — Она продолжала смотреть фильм, голос у нее был мрачный и губы подрагивали. — А жаль.

— Почему жаль?

— Эта история пугает меня. Она напоминает, как далеко мы от дома, какое здесь все чужое... А мы собираемся забраться еще дальше.

Ундина — русалка, получеловек, полурыба, плыла в глубинах никогда не существовавшего моря.

— Мерсией нам, пожалуй, ближе, — сказал Хауксберг. — Они уже достигли индустриальной стадии, когда мы их открыли. И быстро напали на мысль о космических путешествиях.

— Разве это приближает их к нам? Или нас — к нам самим? — Она крепко сплела пальцы. — Люди так небрежно говорят «гиперрежим» и «световой год». И никто не понимает. Не может или не хочет. Мы слишком мелки для этого.

— Только не говори, что ты овладела теорией гиперполета, — подзадорил он.

— О нет. У меня мозги не так устроены. Но я старалась. Серии квантовых скачков, не пересекающие промежуточных пространств и поэтому не достигающие истинной скорости и

не ограниченные пределом скорости света... хорошо звучит, по-научному, да? А знаешь, что представляется мне, когда я это говорю? Призраки, вечно скачущие во тьме. Ты когда-нибудь задумывался, что такое один несчастный световой год, как он огромен?

— Ну-ну, — он погладил ее по голове, — ты ведь там будешь не одна.

— С твоим штатом. С твоими слугами. Маленькие людишки с маленьким мозгом. Рутинеры, поддакиватели, вся жизнь у них идет как по рельсам. Что они такое между мной и ночью? Я их уже видеть не могу.

— Я тоже буду там.

— Присутствующие исключаются, — чуть улыбнулась она. — Но ты всегда так занят.

— С нами полетят двое-трое флотских. Может, они тебя заинтересуют. Они не то, что придворные и бюрократы.

— Кто? — сразу просветлела она.

— Мы тут беседовали с командором Абрамсом, и я, сам не зная как, предложил ему сопровождать нас в качестве эксперта по морянским делам. Он нам понадобится. Лучше, конечно, было бы взять Райднура: он настоящий авторитет в этой области, если Терра вообще располагает таковым. Но его именно поэтому нельзя отпускать отсюда. — Хауксберг выпустил длинную струю дыма. — Чтобы не подвергать явной опасности. Абрамс тоже не оставил бы свой пост, если бы не видел шанса собрать больше информации, чем возможно на Старкаде. Что может скомпрометировать нашу миссию. И как это он так ловко навел меня на мысль пригласить его?

— Чтобы этот старый медведь манипулировал тобой? — развеселилась Перси.

— Хитрый медведь. И беспощадный. Почти фанатик. Однако он нам пригодится, и я буду неусыпно следить за ним. Думаю, он возьмет с собой парочку адъютантов. Красивых молодых офицеров, а?

— Ты достаточно красив и молод для меня, Марк. — Она потерлась головой о его плечо. Хауксберг выбросил сигарету в ближайшую урну.

— И не так уж я здорово занят.

День был сырой и пасмурный, с белыми барашками на свинцовом море. Ветер гудел в снастях, поскрипывал такелаж, «Стрелец» качало. За кормой шел весь остальной флот. На мачтах хлопали флаги. На одной из палуб виднелась герметическая палатка, кондиционированная для терран. Но на судне Дра-

гойки находился только аквариум и при нем несколько человек. Она и ее команда бесстрастно наблюдали, как Райднур, штатский начальник ксенологической экспедиции, собирается освободить шираво.

Райднур был высокий, с песочными волосами; с его лица под шлемом не сходило напряженное выражение. Он прошелся по клавишам вокализатора, прикрепленного к стенке резервуара. Послышались звуки, которые без помощи техники мог воспроизвести только голосовой пузырь морского жителя.

Длинное тело в аквариуме зашевелилось. Губы, странно напоминающие человеческие, открылись, произнес ответ. Джон Райднур кивнул.

— Хорошо, — сказал он. — Пускайте его.

Флэндри помог снять с аквариума крышку. Пленник выгнул хвост и одним великолепным прыжком вылетел из бака и оказался за бортом. Вода фонтаном брызнула на палубу.

Райднур, стоя у борта, смотрел вниз.

— До встречи, Полноводный, — сказал он.

— Его правда так зовут? — спросил Флэндри.

— Так переводится фраза, которую он произносит, — ответил ксенолог и выпрямился. — Не думаю, что в ближайшие несколько часов кто-то покажется. Однако к пятнадцати будьте готовы. Я пойду разберусь в своих записях.

Он ушел в свою каюту. Флэндри проводил его глазами. Много ли ему известно? Наверняка больше, чем он мог узнать от Чарли или из старых записок. Абрамс как-то устроил... О Боже, снаряды, рвущиеся в Уянке!

Флэндри отогнал эту мысль и стал смотреть на команду, которая пойдет на погружение. Пара ксенологов, мичман технической службы и четверо крепких рядовых, имеющих опыт подводного плавания. Флэндри они более чужие, чем тигране.

Вся его слава за выигранный в Золотом заливе бой развеялась на этом резком ветру. Как и хмельное сознание того, что он, Доминик Флэндри, больше не желторотый юнец — его оценили по достоинству и обещали отметить в приказе как героя всех Курсовиков; он единственный человек, оказавшийся способным уговорить островитян пойти на мирные переговоры. Все это привело к неутешительным последствиям: теперь ему приходится идти под воду с терранским посольством, показывая тем самым тигранам, что он полностью одобряет эту миссию. И Райднур уже наказал ему не путаться под ногами.

Яну ван Зюйлю больше повезло!

Флэндри принял как можно более беззаботный вид и направился к Драгойке. Она встретила его мрачным взглядом.

— Не хочу я, чтобы ты уходил вниз.

— Пустяки, — сказал он. — Замечательное приключение. Я жду этого с нетерпением.

— Там лежат кости наших матерей, потопленных ими. Там нет ни солнца, ни лун, ни звезд, только мрак и холодные быстрые течения. Повсюду враги, повсюду напасти. В бою было лучше.

— Я скоро вернусь. При первом погружении мы должны только выяснить, позволят ли они нам поставить свой купол на дне. Как только это будет сделано, ваш флот сможет отправиться восвояси.

— Но сколько ты пробудешь там, в том куполе?

— Не знаю. Надеюсь, что не дольше нескольких дней. Если все пойдет как надо, во мне, — Флэндри приосанился, — уже не будет такой нужды. Я больше буду нужен на суше.

— К тому времени я уеду, — сказала Драгойка. — «Стрелец» так и не доставил свой груз, и Сестры хотят воспользоваться перемирием, пока оно длится.

— Но ведь ты же вернешься. Вызови меня, когда будешь дома, и я мигом примчусь в Уянку. — Он потрепал ее по руке. Она сжала его пальцы.

— Однажды ты уйдешь навсегда.

— Ну... ведь это не мой мир.

— Хотела бы я увидеть твой, — задумчиво сказала она. — Рассказы, которые мы слышим, картины, которые мы видим, — все это словно сон. Словно затерянный остров. Может, он в самом деле существует?

— Боюсь, что нет. — Флэндри не знал, почему во всех сухопутных культурах Старкада повторяется мотив Эдема. А интересно бы узнать. Если б не эта проклятая война, люди могли бы спокойно изучить планету. Ему и самому хотелось бы этим заняться.

Но нет. Теперь в Империи почти не занимаются исследованиями ради чистой науки. Стремление к иным мирам умерло в человеке. Может быть, из-за Смутных Времен, приведших к огрублению цивилизации? Или просто потому, что человек, убедившись в своей неспособности подчинить себе Галактику и закрепив за собой малую ее часть, потерял интерес ко всему, кроме себя? Древний дух первопроходства можно еще оживить. Но для этого должна пасть Империя. А он, Флэндри, поклялся ее защищать. Надо будет получше вникнуть в книги, которые дал ему Абрамс. Пока что они только создали путаницу у него в голове.

— Ты думаешь о высоком, — сказала Драгойка.

— Напротив, — принужденно рассмеялся он. — Я думаю о еде, веселье и женщинах.

— Да. О женщинах. — И она тоже засмеялась. — Ну, попробую развеселить тебя хотя бы. Что скажешь об игре в яволак?

— Никак не могу запомнить эти проклятые правила. Но если мы соберем несколько игроков, то у меня с собой есть карты, и есть такая терранская игра, которая называется по-кер.

Над водой поднялась гладкая синяя голова. Флэндри не понял, кто это — Полноводный или кто-то другой. Плавники трижды хлопнули по воде.

— Это сигнал нам, — сказал Райднур. — Пошли.

Он отдал приказ по радио. Подводная команда облачилась в скафандры, которые будто бы выдерживают давление на километровой глубине. («Ну почему я подумал “будто бы”?» — огорчился Флэндри.) Он протопал по палубе и в свою очередь опустился за борт. Последнее, что он увидел над водой, была машущая ему Драгойка. Потом перед глазами проплыл, уходя вверх, корпус судна и началась зеленая вода. Он оттолкнулся, включил переговорное устройство и мотор за спиной. Пуская пузыри, он присоединился к остальным. Тому, кто занимался тренировками в космическом скафандре, под водой двигаться легко... Черт! Он забыл, что вода тормозит движение.

— Следуйте за мной плотным строем, — раздался в наушниках голос Райднура. — И, Бога ради, не вздумайте открывать стрельбу.

Существо, которое не было рыбой, плыло во главе. Вода потемнела. Но фонари им не понадобились, когда они достигли дна, — море было мелкое. Флэндри несли вперед в сумерках, которые быстро превращались во мрак. Над головой виднелся, словно сквозь замерзшее окно, тусклый круг света. Внизу рос лес. Длинные ветви, похожие на пальмовые, тянулись вверх, зеленые, желтые и коричневые. Массивные стволы окутывала паутина. Моллюски, часто огромные, покрытые более мелкими раковинами, цеплялись за кружевные, нежных оттенков кораллы. Стайка ракообразных маршировала — другого слова не подберешь — через луг водорослей. Вверху извивалась рыба вроде угря. Крошечные существа с плавниками, все в радужную полоску, мелькали между деревьями. Да ведь тут очень красиво!

Чарли — нет, Полноводный — привел флот к месту в середине моря, куда редко заходили корабли. Чем он руководствовался, оставалось тайной. Но Мерцающая Раковина находилась рядом.

Как понял Флэндри, шириво Злетовара жили в шести городах, расположенных по окружности, и между ними. Дом Прилива и Рифовый Замок помещались в конце Цепи. Курсовикияне давно знали о них и порой совершали на них набеги, забрасывая их камнями, а порой из этих городов нападали на тигранский флот. Но о Мерцающей Раковине, Гроте, Кристальном и Крайнем, стоявших на краю огромного подводного обрыва, называемого Провалом, никто даже не подозревал. Прикинув, как города сообщаются друг с другом, Флэндри пришел к выводу, что Шестиконечник вполне можно назвать Звездой Давида. Не так-то просто сделать хороший перевод со столь чуждого языка.

Издаലെка через воду донеслась барабанная дробь. Впереди показался отряд, насчитывающий больше сотни пловцов. На них были костяные шлемы и чешуйчатые кожаные латы, а в руках обсидиановые копья, топоры и кинжалы. Проводник перемолвился с их предводителем, они окружили терран и вместе с ними поплыли дальше.

Теперь внизу потянулись, так сказать, сельскохозяйственные уголья. Флэндри видел возделанные поля, косяки рыб в плетеных загонах, цилиндрические матерчатые дома, прикрепленные якорями к скалам. Невдалеке проехала повозка — крытая кожей торпеда со стабилизирующими плавниками, которую тащила рыба размером со слона, погоняемая возницей-шираво. Он, наверное, ехал из какой-то пещеры или впадины, потому что при нем был фонарь, рыбий пузырь, наполненный, очевидно, фосфоресцирующими микроорганизмами. Поближе к городу Флэндри увидел мельницу. Она стояла на возвышении — ну, скажем уж, на холме — и от эксцентрикового рабочего колеса шел вал куда-то вверх. Направив туда лазерный луч и поставив линзы шлема на увеличение, Флэндри разглядел на другом конце сферу, плавающую на поверхности моря. Стало быть, используется энергия прилива.

Впереди возникла Мерцающая Раковина. Город выглядел хрупким, непрочным, нереальным — подходящая декорация для их балета. В этом не знающем перемен погоды мире стены и крыши служили лишь для прикрытия от посторонних глаз и были сделаны из многоцветных тканей, свободно натянутых, чтобы их шевелило течение, на каркасы, придающие им самые фантастические изгибы. Верхние этажи были шире нижних. С приближением ночи на углах зажигались фонари. Улиц, за ненадобностью грунтового движения, здесь не существовало; но горожане, то ли в целях борьбы с илом, то ли ради красоты, вымостили промежутки между домами гравием и развели там сады.

Собралась толпа жителей. В ней было много женщин — они держали младенцев у груди, а детишек постарше на поводке. Одежды почти ни на ком не имелось — только украшения. Над толпой стоял гул разговоров, напоминающий шум прибора. Вообще же здешние обыватели были спокойнее и вели себя лучше, чем тигране или люди.

В центре города, на другом холме, стояло здание из обработанного камня. Основная часть этого прямоугольного строения была лишена крыши и представляла собой колоннаду; но позади уходила вверх башня, по ширине равная фасаду, с верхушкой из толстого стекла, чуть выступающей над поверхностью воды. Если она и внизу герметически закрыта, а скорее всего так и есть, то должна ярко освещать все здание. При всем различии архитектуры белый портик напомнил Флэндри терранский Парфенон. Мичман видел однажды его воспроизведение... Их отряд направлялся как раз туда.

Что-то затмило свет над головой. Упряжка рыб тянула подводную лодку. Ее сопровождала группа пловцов с мерсейским огнестрельным оружием в руках. И Флэндри внезапно вспомнил, что он здесь среди врагов.

Глава 8

Когда за городом поставили купол, приспособленный для долгого проживания человека, Флэндри собрался было заняться кратким историко-философским курсом профессора Абрамса. А что еще тут делать, кроме как бить баклуши и дожидаться, когда командование сочтет, что авторитет мичмана Райднуру больше не нужен, и отзовет Флэндри обратно в Хайпорт?

Но на поверку жизнь здесь оказалась сплошным удовольствием.

Моряне интересовались терранами ничуть не меньше, чем терране ими. Возможно, даже больше; и после всех ужасов, которые им, конечно, наговорили мерсейцы, их стремление самим добиться правды просто поражало. Впрочем, моряне, хотя и были хорошими бойцами и порой совершенно не ведали жалости, казались менее свирепыми от природы, чем люди, тигране или мерсейцы.

Райднур со своими коллегами безвылазно сидел в Храме Неба, ведя бесконечные беседы с властями Звезды Давида. Он только застонал, когда незанятых членов его команды стали приглашать на экскурсию.

— Будь вы подготовлены, Бог ты мой, сколько можно было бы узнать! Ну что ж, раз в профессионалах у нас недостаток,

придется использовать вас, любителей, — и если вы не будете замечать все до мелочей, я лично произведу на вас операцию ножом для масла.

Так Флэндри то с одним, то с другим товарищем начал совершать многочасовые прогулки. Поскольку никто из них не знал ни туземного языка, ни эрио, их постоянным гидом стал Слюда, немного владевший курсовикским и обученный мерсейцами пользоваться портативным вокализатором. (Сухопутный язык здесь постепенно перенимали от пленных. Флэндри восхищалась изобретательностью, с которой технически отсталые подводные жители сохраняли пленников живыми в течение многих недель, но другие подробности заставляли его содрогаться и надеяться всем сердцем, что эта вековая вражда наконец кончится.) Кроме Слюды, он познакомился с Ярким Плавником, Кратким Путем, Шустрым, а еще со знахаркой по имени Целительница. Все они обладали яркой индивидуальностью, и охарактеризовать их в двух словах было не легче, чем любого человека.

— Мы рады, что вы выступили с мирным предложением, — сказал Слюда при первом знакомстве. — Так рады, что велели мерсейцам, несмотря на всю оказанную ими помощь, держаться подальше, пока вы тут.

— Я давно подозревала, что нас и жителей суши сделали фигурами в большой игре, — добавила Целительница через его посредство. — Счастье, что вы задумали это прекратить.

У Флэндри пылали уши под шлемом. Уж он-то знал, как мало в их действиях альтруизма. Ходили слухи, что Энрикес открыто воспротивился предложению Хауксберга и сдался только, когда виконт пригрозил устроить ему перевод на Плутон. Абрамс одобрил переговоры — он приветствовал любой шанс раздобыть новые факты, но оптимизма по этому поводу не проявлял.

Не проявлял его и Краткий Путь.

— Мир с Охотниками? Это даже звучит противоречиво. Разве может жаброзуб безнаказанно проплыть мимо голохвоста? Надо принимать помощь зеленокожих, пока они ее предлагают. Это наш долг по отношению к нашим городам и к тем, кто от нас зависит.

— Но ведь пока они поддерживают нас, их противники вынуждены поддерживать Охотников, — возразил Яркий Плавник. — Лучше всего будет, если и те и другие чужеземцы уйдут и у нас восстановится старинное равновесие.

— Ну, не знаю, — не уступал Краткий Путь. — Мы могли бы одержать решающую победу...

— Не прельщайся этим и не забывай о возможности сокрушительного поражения, — предостерегла Целительница.

— Да ну вас в Провал с вашим собиранием костей! — воскликнул Шустрый. — Мы опоздаем в театр. — И он метнулся прочь, сделав стремительный пируэт.

От Флэндри ускользнула суть драмы, представленной в феерическом коралловом гроте. Он понял только, что это недавно сочиненная трагедия в классическом стиле. Но волшебная грация движений, торжественная музыка голосов, струнных и ударных, безупречная стройность всего зрелища тронули его до глубины души. Публика реагировала на спектакль криками, всплесками, а под конец устроила танец в честь автора и труппы.

Скульптура и живопись, которую ему показывали, на его взгляд была абстрактной, но и в таком качестве больше радовала глаз, чем все, созданное на Терре за многие века. Он смотрел на свитки из рыбьей кожи, исписанные чернилами на рыбьем жире, и ничего в них не понимал. Однако их было так много, что в них определенно содержалось большое количество мудрых мыслей.

Флэндри занялся математикой и естествознанием, и они привели его в бурный восторг. Он недалеко ушел от тех дней, когда эти науки раскрывались перед ним, как цветы, и поэтому мог по достоинству оценить то, чего достигли здесь.

Ибо моряне (ему не хотелось у них дома пользоваться курсовикским словом «шираво», и больше никогда он не станет называть их водяными) жили совершенно в иной, чем он, вселенной. И пусть они были столь многого лишены — и огня, за исключением вулканических кратеров, где они выплавляли драгоценное стекло, и металла, пусть астрономия у них поневоле находилась в зачаточном состоянии, а водная среда затрудняла выработку законов движения, тяготения и распространения света — они уже пришли к идеям, которые не только были вполне здравыми, но и напрямую вели к открытиям, которых человечество не знало до Планка и Эйнштейна.

Зрение у них не доминировало над всеми внешними чувствами, как у людей. Ни один глаз не может видеть далеко под водой. По меркам Флэндри они были близорукими, и зрительные центры их мозга обладали сравнительно меньшей способностью к восприятию. С другой стороны, их осязание, ощущение своего тела, обоняние, способность различать температуру и еще менее привычные человеку нюансы были невероятно развиты. Воздух был для них враждебной стихией; они преодолевали, но не могли полностью победить инстинктивный

страх перед ним, подобный страху человека перед водной стихией.

Поэтому пространство было для них скорее относительной величиной, чем измерением. Согласно их практическому опыту, оно являлось неограниченным, но конечным. Кругосветные экспедиции лишь прибавляли этому положению основательности и остроты.

Опираясь на это древнее наблюдение, подводные математики отвергали понятие бесконечности. Один философ, с которым Флэндри побеседовал при посредстве Слюды, утверждал, что с точки зрения эмпиризма бессмысленно говорить о каких-то числах выше факториала N , где N — сумма всех распознаваемых частиц во Вселенной. Что могут исчислять такие большие числа? Нуль он признавал как полезное понятие, относящееся к категории несуществующего, но не как число. Наименьшая из возможных величин должна быть обратной наибольшей. Можно считать от этой величины до числа N ; но если зайти за этот предел, числа станут уменьшаться. Числовая ось устроена не по линейному, а по круговому принципу.

Флэндри не настолько владел математикой, чтобы определить, насколько эта система самодостаточна. Но в меру своих знаний полагал, что она таковой была. В ней существовали даже любопытные версии отрицательных чисел, иррационалов, мнимых величин, приближенного исчисления, дифференциальной геометрии, теории уравнений и прочего — он не знал всех терранских эквивалентов.

Теоретическая физика соответствовала математике. Пространство рассматривалось как дискретная величина. Признавалась разрывность между разными видами пространства. Возможно, это было лишь обобщением практического опыта, подтверждавшим резкое различие между водой, сухой и воздухом, но идея слоистого пространства хорошо сочеталась с экспериментальными данными и создавала близкую параллель с релятивистской концепцией о метрике, меняющейся от точки к точке, а также с волновой механикой, на которой основана и атомная физика, и теория гипердвижения.

Время моряне также не считали бесконечным. Приливы, времена года, весь ритм жизни заставляли предположить, что Вселенная постоянно возвращается в начальную стадию и вновь начинает цикл, который было бы неверно называть бесконечным. Не имея средств точного измерения времени, философы пришли к выводу, что оно неизмеримо по существу. Они отрицали понятие одновременности: как можно говорить, что отдаленное событие произошло одновременно с близким, если известие о первом событии доставляет пловец, чья средняя ско-

рость непредсказуема? Здесь опять-таки ошеломляло сходство с теорией относительности.

Биология была развита хорошо во всех макроскопических областях, включая законы генетики. Практическая физика, в противоположность теоретической, все еще находилась на ньютоновском уровне, а химия пребывала в зачаточном состоянии. Но Иуда на Ио, думал Флэндри — дайте этим ребятам аппаратуру, пригодную для использования под водой, и еще неизвестно, до чего они дойдут!

— Давай, шевели плавниками, — нетерпеливо сказал Шустрый. — Мы отправляемся в Рифовый Замок.

По дороге Флэндри мобилизовал все свои небольшие знания, чтобы разобраться в структуре здешнего общества. Основы мировоззрения морян ускользали от него. Можно было сказать, что обитатели Звезды Давида — частично последователи Аполлона, а частично Диониса, но это только метафоры, от которых давно отказалась антропология и которые только вредят в общении с инопланетянами. С политикой (если и это слово годилось здесь) дело обстояло проще. Более стадные, более приверженные церемониям, чем большинство человечества, менее импульсивные и путешествующие с большей легкостью, чем сухопутные существа, моряне Старкада формировали крупные нации без особого соперничества.

Злетоварская культура была иерархической. Правители получали свой сан по наследству, как и многие моряне в большинстве сфер своей жизни. На индивидуальном уровне существовало подобие крепостного права, привязывающее не к месту, а к хозяину. Женщины имели этот статус по отношению к своим полигамным мужьям.

Но все эти выражения только сбивали с толку. Те, кто принимал решения, не навязывали их остальным. В отношениях между классами не существовало никаких формальностей. Можно было выдвинуться благодаря своим заслугам: так Целительница завоевала себе независимость и значительный авторитет. Пренебрежение долгом, в особенности по отношению к подчиненным, влекло за собой понижение. Система занималась только тем, что распределяла права и обязанности.

Терре все это было известно, но только в теории. На практике такого никогда не получалось. Человек слишком жаден, слишком ленив. Но у морян как будто выходило неплохо. По крайней мере, Слюда уверял, что такой порядок держится уже много поколений, и Флэндри не замечал здесь недовольства.

Рифовый Замок совсем не походил на Мерцающую Раковину. Здесь дома из камня и коралла были построены в подводных шхерах небольшого островка. Жители были более

подвижны, менее созерцательны, чем их собратья с морского дна; Слюда отзывался о них с презрением, как о торгашах, у которых одна нажива на уме.

— Но должен сознаться, они мужественно несут неравную долю столкновений с Охотниками, которая им выпала, и это они шли в авангарде нашей недавней атаки: на это требовалась смелость, ведь о мерсейской лодке никто не знал.

— Как не знал? — удивился Флэндри.

— Ну, правителей, может, и известили. А нам было известно только одно: когда подадут сигнал, наши снабженные ногами отряды должны высадиться на берег и уничтожить там все, что будет возможно, а пловцы тем временем должны топить корабли.

— Ага. — Флэндри не стал распространяться о своем вкладе в крушение этого плана. Он испытывал огромное облегчение. Если бы Абрамс узнал от Полноводного о готовящемся обстреле города, то вынужден был бы принять какие-то контрмеры. Но раз Полноводный сам ничего не знал... Флэндри был рад, что не надо больше искать оправданий для человека, который становился его идолом.

Компания отправилась на рифы за чертой города, чтобы посмотреть верхние бассейны. Ревел прибой, дробились длинные лазурно-изумрудные валы, брызгая белой пеной под ясным небом. Моряне резвились, прыгая в волнах, заплывая в каналы, где скрещивались течения. Флэндри скинул душную скорлупу скафандра, оставив только шлем, и ощутил всю полноту жизни.

— В другой раз сводим тебя в Крайний, — сказал Слюда на обратном пути. — Это нечто особенное. Сразу за ним начинается бездна, где все светится — рыбы и растения. Скалы там изъедены временем и окрашены в мертвенный цвет. Вода отдает вулканом. Но тишина — тишина!

— Жду с нетерпением, — сказал Флэндри.

— Что? А, да. Вдыхаешь аромат будущего.

Пройдя через шлюз и очутившись в терранском куполе, Флэндри ощутил чуть ли не отвращение. Тесный, зловонный, неуютный пузырь, забитый волосатыми телами, которые при каждом движении преодолевают свой вес! Он начал стягивать с себя белье, собираясь пойти в душ.

— Как прогулялись? — спросил Райднур.

— Превосходно, — просиял Флэндри.

— Да, ничего, — сказал мичман Куарлес, который был вместе с ним. — Но возвращаться всегда приятно. Как насчет того, чтобы показать нам фильм с девочками?

Райднур включил диктофон у себя на столе.

— Сначала дело. Послушаем ваш отчет.

Флэндри проглотил нехорошее слово. Приключения теряют всякий вкус, когда из них извлекают информацию. Пожалуй, ему не так уж и хочется стать ксенологом.

Выслушав рассказ, Райднур скорчил гримасу:

— Мне бы чертовски хотелось, чтобы и моя часть работы выполнялась столь же успешно.

— А что, есть проблемы? — забеспокоился Флэндри.

— Полный тупик. Беда в том, что курсовикине уж слишком загребущие. Их охота, рыбная ловля, сбор растений действительно наносят серьезный ущерб морским ресурсам, которые не отличаются изобилием. Здешние власти отвергают любые условия, которые не включали бы в себя отказ островитян от эксплуатации моря. А островитяне, разумеется, никогда не откажутся от нее. Они просто не могут этого сделать, не подрывая собственную экономику и не обрекая себя на голод. Поэтому я пытаюсь убедить Шестиконечник отказаться от дальнейшей помощи мерсейцев. Так мы могли бы вывести Злетовар из мясорубки тотальной войны. На это моряне отвечают, очень резонно, что помощь, которую мы сами оказали курсовиканам, нарушила прежний баланс сил. И не можем же мы забрать обратно свои подарки. Мы бы восстановили островитян против себя — чем, конечно, не замедлили бы воспользоваться агенты Рунеи. — Райднур вздохнул. — У меня еще остается надежда добиться двустороннего перемирия, но она становится все слабее.

— Но не можем же мы снова начать убивать морян! — запротестовал Флэндри.

— Так-таки и не можем? — сказал Куарлес.

— После того что мы видели, после того что они для нас сделали...

— Что ты как маленький! Мы принадлежим Империи, а не каким-то раками общипанным ксено.

— Вас здесь так и так не будет, Флэндри, — сказал Райднур. — Приказ на вас пришел еще несколько часов назад.

— Приказ?

— Вы направляетесь в распоряжение командора Абрамса в Хайпорте. Амфибия придет за вами завтра, в семь тридцать по терранскому времени. Специальное задание — не знаю какое.

Абрамс откинулся на спинку стула, закинул ногу на выдавший виды письменный стол и сильно затянулся своей сигарой.

— Ты правда предпочел бы остаться под водой?

— В настоящий момент — да, сэр, — ответил Флэндри, сидевший на краешке стула. — Ко мне там относились с интересом, и, кроме того, я чувствовал, что приобретаю что-то. Информацию... дружбу... — Он умолк.

— Скромный парнишка, нечего сказать. Значит, ты, потвоему, вызвал к себе интерес. — Абрамс выпустил колечко дыма. — Нет, я понимаю, что ты хотел сказать. Ты, в общем, прав. Если бы дела обстояли иначе, я не стал бы вытаскивать тебя на сушу. А ты даже не спросил меня, что я планирую на твой счет.

— Сэр?

— Лорд Хауксберг через пару дней отправится на Мерсейю. Я сопровождаю его в качестве советника — так сказано в приказе. Мне полагается адъютант. Как тебе такая работка?

Флэндри поперхнулся. Сердце у него подскочило, и он не скоро заметил, что сидит с открытым ртом.

— Само собой, — продолжал Абрамс, — я надеюсь собрать там кое-какие сведения. Без всяких мелодрам — полагаю, на это у меня компетенции хватит. Просто буду держать глаза и уши настороже. И нос тоже. Пока что ни от кого из наших дипломатов, атташе, торговых представителей — ни от одного источника не было особого толку. Мерсейя слишком удалена от Терры. Почти все наши контакты происходили на крайне грубом силовом уровне типа «а ты кто такой?» Теперь у нас появился шанс пообщаться в менее суровой обстановке. Мне, конечно, следовало бы взять с собой опытного, испытанного человека. Но их у нас нехватка. Ты показал себя довольно крутым и находчивым для своих лет. Небольшой опыт службы в разведке станет хорошим трамплином в твоей карьере, если я добьюсь-таки твоего перевода. Ну а еще ты улетишь с этой несчастной планеты, совершишь путешествие на роскошном корабле, увидишь экзотическую Мерсейю, а возможно, и другие места, и кто знает — вдруг ты вернешься на Терру и тебя больше не пошлют на Старкад, даже если ты останешься в летчиках. Кроме того, ты заведешь весьма полезные для себя связи. Ну так как?

— Д-да, сэр! — с трудом выговорил Флэндри.

Абрамс прищурился.

— Не очень-то радуйся, сынок. Это тебе не увеселительная прогулка. До отлета тебе придется забыть про сон и жить на стимулках, усваивая то, что должен знать мой адъютант. Ты будешь везти на себе все, начиная от секретарских обязанностей и кончая уходом за моими мундирами. В пути ты энциклографическим методом впихнешь в себя язык эрио и столько

мерсейологиин, сколько мозги способны выдержать. Вряд ли нужно предупреждать, что впереди у нас не карнавал. На месте ты, если повезет, будешь пахать день и ночь. А не повезет, взорвется наша звезда — ты будешь уже не светлым небесным рыцарем, а объектом охоты, и если тебя возьмут живым, их методы допроса не оставят от твоей личности камня на камне. Подумай.

Флэндри не стал думать. Он пожалел только о том, что, вероятно, никогда больше не увидит Драгойку, но эта боль кольнула и прошла.

— Сэр, — заявил он, — вы нашли себе адъютанта.

Глава 9

Размер «Гудящей Маргреты» не позволял ей совершать посадки на планетах. При ней имелись катера, которые и сами по себе были небольшими космическими кораблями. Официально она принадлежала Най Кальмару, практически — служила яхтой очередному его виконту, но иногда использовалась для нужд Империи, далеко превосходя в отношении комфорта любой корабль военного флота. Оставив орбиту Старкада, она начала ускорение на гравитонах. Вскоре она вышла в открытый космос и получила возможность перейти на гиперрежим, обогнав свет. Несмотря на ее массу, мощность двигателя и высокая фазовая частота обеспечивали ей такую же наивысшую псевдоскорость, какой достигает военный корабль класса «планета». Солнце, от которого она стартовала, вскоре уменьшилось до размеров звезды, а там и совсем затерялось. Если бы смотровые экраны не компенсировали аберрацию и эффект Доплера, Вселенная выглядела бы искаженной до неузнаваемости.

Однако созвездия все же менялись медленно. Проходили дни за днями, а корабль все шел через ничейное пространство. Лишь один раз монотонность нарушил сигнал тревоги, тут же сменившийся сигналом «чисто». Силовые экраны «Маргреты», отражающие радиацию и межзвездные атомы, на одну микросекунду столкнулись с несколько более крупной частицей материи — камушком граммов на пять. Хотя такой контакт мог бы повредить корпус, учитывая разницу кинетических скоростей, и хотя такие метеороиды встречаются в Галактике с частотой примерно 10^{50} , вероятность такого столкновения все же слишком мала, чтобы о ней беспокоиться. А однажды в пределах светового года от «Маргреты» прошло другое судно, и детекторы засекли его «кильватер». Анализ показал, что

корабль имиритский, им управляют существа, дышащие водородом, чья цивилизация почти непостижима ни для людей, ни для мерсейцев. В этой части космоса они циркулируют довольно оживленно. Этот признак жизни в пространстве долго был предметом взволнованных обсуждений — так велико оно, это пространство.

Настал наконец день, когда Хауксберг с Абрамсом, беседуя вдвоем, засиделись далеко за дневную вахту. До сих пор их отношения были сдержанными и корректными. Но путешествие приближалось к концу, и оба они ощущали потребность лучше узнать друг друга. Виконт пригласил командора пообедать вдвоем в своих личных апартаментах. Шеф-повар ради такого случая превзошел сам себя, а дворецкий посвятил немало времени выбору вин. На коньячной стадии дворецкий понял, что теперь может удалиться, оставив одну бутылку на столе, а другую в резерве, и отправиться спать.

Корабль жил своей жизнью — гудели двигатели и вентиляторы, порой раздавался оклик, когда двое вахтенных встретились в коридоре. Приглушенный свет мягко лежал на картинах и драпировках. В воздухе стоял запах вереска, на который накладывался табачный дым. После Старкада приятно было вновь испытать терранский вес, поддерживаемый гравиторами; Абрамс до сих пор наслаждался чувством легкости, и ему часто снилось, что он летает.

— Истые пионеры, значит? — Хауксберг закурил новую сигару. — Это интересно. Надо будет как-нибудь посетить Дейан.

— Вряд ли вы найдете там что-то привлекательное, — пробурчал Абрамс. — Обыкновенные люди.

— И дикая пустыня, которую они преобразовали. Я понимаю, — кивнул Хауксберг. — Вы не можете не быть хотя бы немного шовинистом, происходя из такой среды. Но это опасная позиция.

— Еще опаснее сидеть и ждать, когда враг придет, — проговорил Абрамс сквозь собственную сигару. — У меня жена, дети и целый миллион родни. Мой долг перед ними — удерживать мерсейцев на расстоянии вытянутой руки.

— Нет. Ваш долг — сделать так, чтобы в этом не было нужды.

— Отлично, лишь бы мерсейцы согласились.

— А почему бы им не согласиться? Нет, погодите, — вскинул руку Хауксберг. — Позвольте закончить. Меня не интересует, кто первым начал. Это ребячество. Факт в том, что мы действительно являемся великой державой среди дышащих

кислородом обитателей известной нам Галактики. Предположим, такой же державой была бы Мерсейя? Разве вы не приветствовали бы создание человеком равной ей по силе империи? В противном случае мы бы оказались в их власти. А они не желали оказаться в нашей власти. Поэтому, когда мы стали замечать Мерсейю, она уже завладела достаточным количеством недвижимости, чтобы вызвать у нас тревогу. Мы ответили на это пропагандой, заключением новых союзов, дипломатией, экономическими маневрами, подрывной деятельностью, а кое-где дошло и до прямых вооруженных конфликтов. Это только утвердило их в нелестном мнении относительно наших намерений. И они в свою очередь стали отвечать, усиливая тем наши страхи. Положительная обратная связь. Не пора ли ее прервать?

— Я все это и раньше слышал. И не верю ни единому слову. Не знаю — может, в мои хромосомы заложена память об Ассирии, Риме и Германии. Но факт есть факт — если бы Мерсейя по-настоящему хотела разрядки, она могла бы ее получить хоть сейчас. Экспансия нас больше не интересует. Терра постарела и отяжелела. Мерсейя молода и полна прыти. Ей подавай всю Вселенную. А мы стоим на пути. Поэтому нас надо скушать, а все остальное пойдет на десерт.

— Ну, полно вам. Не дураки же они. Править всей Галактикой невозможно. Такая система неизбежно рухнет под собственной тяжестью. Все наши силы уходят на то, чтобы удерживать уже имеющееся, а наше правление жестким не назовешь. Местное самоуправление в большинстве владений столь сильно, что, мне сдается, в имперской структуре развивается настоящий феодализм. Разве для мерсейцев наш пример не показателен?

— О, Бог мой, да. Еще как показателен. Но я не думаю, что они собираются копировать нас. Ройдхунат — не Империя.

— Да, у них представители кланов, владеющих землей, действительно выбирают верховным вождем представителя единственного безземельного клана. Но это детали.

— Да, представителя ваха Урдиолх. И это не детали. Это отражает всю их общественную концепцию. В будущем они видят множество автономных регионов, управляемых Мерсейей. Для них имеет значение раса, а не нация. Что и делает их гораздо опаснее простых империалистов вроде нас, которым лишь бы взять верх — а там мы готовы признать за другими видами равное право на существование. Так я, по крайней мере, сужу на основе доступной нам информации. На Мерсейе я надеюсь ознакомиться с трудами их философов.

— Сделайте одолжение, — улыбнулся Хауксберг. — Они вам скажут то же самое. Не вздумайте только осложнять обстановку всякими штучками из области плаща и кинжала, и все будет хорошо. — Улыбка погасла. — Но если из-за вас возникнут неприятности, я вас уничтожу.

Абрамс взглянул в его голубые глаза. Они вдруг сделались очень холодными и твердыми. Командор смекнул, что Хауксберг вовсе не тот фат, за которого себя выдает.

— Спасибо, что предупредили. Но черт возьми! — Офицер стукнул кулаком по столу. — Не потому мерсейцы пришли на Старкад, что у них душа болит за бедных угнетенных морян. Не думаю я также, что они наткнулись на эту планету случайно и теперь ищут способа спасти лицо, чтобы достойно уйти. У них там какой-то крупный интерес.

— Какой, например?

— Откуда мне, к черту, знать? Могу поклясться, что никто из их военных, служащих на Старкаде, тоже этого не знает. Не сомневаюсь, что лишь кучке высокопоставленных лиц на самой Мерсейе известно, в чем заключается высшая стратегия. И уж у них-то все рассчитано до мелочей.

— Может быть, какие-то ценные подводные месторождения?

— Вы же сами понимаете, что это смешно. Как и всякие идеи насчет того, что моряне, скажем, владеют секретом всеобщей телепатии. Если бы Старкад сам по себе имел какую-то ценность, Мерсей преспокойно прибрала бы его к рукам. Если им нужна база, например для давления на Бетельгейзе, то в том секторе полно куда более подходящих планет. Но нет, им зачем-то понадобилось развязать там войну.

— Я тоже размышлял над этим, — задумчиво сказал Хауксберг. — Предположим, какие-то фанатики-милитаристы планируют решительную схватку с Террой. Добиться этого не так просто. Не говоря обо всем прочем, ни одна держава не в силах напасть на другую напрямую — слишком растянуты линии коммуникаций. Поэтому, раздувая войну на самом по себе бесполезном Старкаде, они надеются довести дело до столкновения. Притом в дальнем космосе, где ни одна полезная планета не пострадает.

— Это возможно, — сказал Абрамс. — У меня тоже имеется такая рабочая гипотеза. Но все-таки что-то тут не так.

— Я собираюсь их предостеречь. Неофициально, в частном порядке, чтобы не ранить гордость и все такое. Если мы сумеем выяснить, кто в их правительстве мыслит здраво, то будем негласно сотрудничать только с этими лицами, оставив ястребов в стороне.

— Беда в том, что они там все здраво мыслят. Только исходные данные для мышления у них не такие, как у нас.

— Это вы не рассуждаете здраво, старина. У вас параноя на этот счет. — Хауксберг снова налил бокалы, наполнив тишину чистым журчащим звуком. — Давайте выпьем, и я объясню вам, в чем ваша ошибка.

Офицерская кают-компания пустовала. Перси заказала в буфете полбутылки портвейна, но не стала включать флюоропанели. Здесь, на веранде, достаточно света проникало и через огромный, от пола до потолка, иллюминатор. Этот рассеянный слабый свет, озарив щеку или локон, вновь терялся в наполненном шорохами мраке.

Звезды были его источником, неисчислимые грозди звезд, белые, голубые, желтые, зеленые, красные, холодные и немигающие на фоне абсолютной ночи. Млечный Путь струился, как сияющий дым, а туманности и соседние галактики светились на краю кругозора. Жуткая это была красота.

Перси сидела в кресле напротив Флэндри, и ему не давали покоя ее глаза и ее фигура в тонкой, слегка фосфоресцирующей пижаме. Он напряженно застыл на своем сиденье.

— Да, вы правы, донна, — та, что поярче, это новая. Саксо тоже... тоже станет такой со временем.

— В самом деле? — Ее внимание льстило ему.

— Да. Он ведь относится к типу F, знаете ли. Развивается быстрее, чем менее массивные солнца вроде нашего Сола, и покидает главную последовательность более зрелищно. У красных гигантов, как Бетельгейзе, этот период длится недолго — а потом бах, и все.

— Но как же бедные туземцы?

Он принужденно усмехнулся:

— Не волнуйтесь, донна. Это случится не раньше, чем через миллиард лет, по всем спектроскопическим данным. Времени для эвакуации планеты больше чем достаточно.

— Миллиард лет. — Она передернулась. — Слишком большое число. Миллиард лет назад мы еще были рыбами в терранских морях, не так ли? Здесь все числа чересчур большие.

— Мне они, наверное, привычнее, чем вам. — Беззаботность плохо удавалась ему. Он с трудом разглядел, что уголки ее губ приподнялись в улыбке.

— Безусловно. Может быть, вы и мне поможет привыкнуть к ним.

Воротник его кителя был расстегнут, но сдавленность в горле не проходила.

— Бетельгейзе — интересный случай, — сказал он. — Эта звезда росла медленно по меркам нас, смертных. Аборигены успели создать индустриальную культуру и заселить Альфзар, а также более далекие планеты. До теории гипердвижения они еще не додумались, но у них существовала сильная межпланетная структура, когда терране до них добрались. Если бы мы не предложили им более эффективные средства, они покинули бы свою систему на субсветовых кораблях. Впрочем, спешить некуда. Бетельгейзе и через миллион лет не распухнет до такой степени, чтобы пришла нужда покидать Альфзар. Но у них свои планы на будущее. Интереснейший вид эти бетельгейзиане.

— Это верно. — Перси отпила глоток вина и подалась вперед. Ее нога, шелковисто поблескивающая в свете звезд, задела его ногу. — Однако я умыкнула вас после обеда не для того, чтобы слушать лекцию.

— Но... чем еще я могу быть полезен, донна? Скажите, и я с радостью... — Флэндри осушил свой бокал единым духом. Пульс его колотился как бешеный.

— Расскажите мне что-нибудь. О себе. Слишком уж вы застенчивы.

— О себе? — промямлил он. — В смысле, кто я такой?

— Вы — первый молодой герой, которого я встречаю. Дома герои все старые, седые и увешаны наградами. Беседовать с ними все равно что с горой Нарпа. Откровенно говоря, мне очень одиноко в этом рейсе. Вы единственный, с кем можно отдохнуть и почувствовать себя по-человечески. А вы и носа не высовываете из своего кабинета.

— Донна, это командор Абрамс загружает меня работой. Я не хочу показаться бирюком, но это в первый раз он предоставил мне свободное время — раньше он отпускал меня только спать. Но ведь лорд Хауксберг...

— Ему не понять, — пожала плечами Перси. — Да, он был добр ко мне, и без него я бы, наверно, до сих пор осталась второразрядной танцовщицей на Луне. Но ему не понять.

Флэндри открыл было рот, но закрыл снова и подлил себе вина.

— Давайте знакомиться, — мягко сказала Перси. — Срок нашего существования так краток даже в лучшем случае. Как вы оказались на Старкаде?

— По приказу свыше, донна.

— Это не ответ. Вы могли бы ограничиваться малым и беречь свою шею. Как большинство, по-моему, и поступает. Вы, должно быть, верите в то, что делаете.

— Право, не знаю, донна. Наверное, просто не могу остаться в стороне от хорошей драчки.

— Я была о вас лучшего мнения, Доминик, — вздохнула она.

— Простите?

— Цинизм сейчас до противного моден. Я думала, хоть вы не побойтесь сказать, что за человечество стоит сражаться.

Флэндри поморщился — она задела болезненное место.

— Эти слова слишком уж часто произносят, донна. И совсем затаскали их. Нет, кое-какие старинные слова мне нравятся... «Лучшая крепость есть любовь народа». Это Макиавелли сказал.

— Кто? Впрочем, неважно. Меня не интересует, что сказал какой-то давно умерший ирландец. Я хочу знать, что дорого вам. Ведь будущее за вами. Что дала вам Терра, завладев вашей жизнью взамен?

— Ну... кров. Защиту. Образование.

— Весьма скудные дары. Вы из бедной семьи?

— Не совсем так, донна. Я незаконный сын мелкого дворянина. Он посылал меня в хорошие школы, а потом отправил в Академию Флота.

— Значит, дома вы почти не знали?

— У меня его и не было. Мать тогда выступала в опере. Ей надо было думать о своей карьере. Отец мой — ученый, энциклопедист, и все остальное для него мало что значит. Так уж он устроен. Они исполнили свой долг передо мной. Мне не на что жаловаться, донна.

— И вы не жалуетесь. — Она коснулась его руки. — Меня зовут Перси.

Флэндри проглотил слюну.

— Как тяжело и горько началась ваша жизнь, — задумчиво сказала она. — И тем не менее вы готовы сражаться за Империю.

— Да нет, мне жилось не так уж плохо... Перси.

— Хорошо. Уже прогресс. — На сей раз она не спешила убрать руку.

— Мы здорово веселились между занятиями и тренировками. Боюсь, я побил рекорд по взысканиям. А потом, в учебных рейсах, чего только не было.

Она придвинулась поближе:

— Расскажите.

И он начал плести небылицы, стараясь сделать их как можно занимательней. Перси заодно вскинула голову:

— Сейчас вы говорите вполне свободно. Почему же со мной так стесняетесь?

Он забился в кресло.

— Видите ли, мне еще не представлялось случая... э-э... научиться вести себя в подобных обстоятельствах...

Она придвинулась так близко, что сквозь аромат духов он различил ее собственный запах. Она чуть прикрыла глаза и раскрыла губы.

— Сейчас он вам представляется, — прошептала она. Больше вы ничего не боитесь, нет?

Позже, в его каюте, она приподнялась на локте и долго смотрела на него. Ее волосы упали ему на плечо.

— А я-то думала, что первая у тебя, — сказала она.

— Ну уж, Перси! — ухмыльнулся он.

— Все ясно... и весь вечер ты прекрасно знал, что делаешь.

— Пришлось притвориться. Я сразу влюбился в тебя. Как я мог не влюбиться?

— И ты думаешь, я поверю? Ладно, черт возьми, поверю на время рейса. Иди ко мне опять.

Глава 10

Ардайг, древняя столица, вырос по сравнению с прошлым и теперь окружал кольцом залив, где река Ойсс впадала в Вилвидский океан, а удаленные от моря кварталы превратились в мегаполис, простиравшийся на востоке до самого подножия Гунских гор. И все же город сохранил аромат старины. Его жители были больше привержены традициям, церемониям, больше ценили досуг, чем большинство мерсейцев. Здесь был культурный и художественный центр Мерсейи. Но хотя Большой Совет по-прежнему собирался здесь каждый год, а замок Афон по-прежнему считался официальной резиденцией ройдхуна, почти вся правительственная деятельность сосредоточилась теперь в Тридайге, на другой стороне планеты. Новая столица была молода, более развита технически, кипела движением и жизнью, бурлила заговорами и порой взрывалась насилием. Поэтому всех удивило, что Брехдан Железный Рок решил построить новое Адмиралтейство в Ардайге.

Особого противодействия он не встречал. Он не только возглавлял Большой Совет — он дошел на космической службе до адмирала, прежде чем стать Рукой ваха Инвори, и флот остался предметом его особенной любви и заботы. Как было свойственно ему, он не очень-то старался оправдать свой выбор. Такова его воля — и она должна быть выполнена.

С точки зрения строгой логики он не умел объяснить этого даже самому себе. Экономика, региональный баланс — все эти аргументы можно было опровергнуть. Его устраивало местонахождение — на расстоянии краткого перелета от тишины Дхангодхана — но Брехдан надеялся и верил, что не это на него повлияло. Он просто смутно сознавал, что судьбы Мерсейи должны вершиться именно здесь, в вечном городе планеты.

И вот начала расти эта сверкающая башня, этаж за этажом — ее тень на рассвете теперь покрывала Афон. Авиамашины кишели вокруг ее верхних посадочных площадок, точно морские птицы. С наступлением темноты ее окна загорались, как глаза демонов, а маяк на верхушке вспыхивал факелом, отпугивая звезды. Но Адмиралтейство не резало глаз рядом с крепостными стенами, круглыми крышами и крутыми шпилями старого квартала: Брехдан проследил за этим. Оно скорее было их кульминацией, их ответом современным небоскребам. Верхний этаж, где помещались одни только автоматы, управляющие воздушным движением, стал орлиным гнездом самого Брехдана.

В этот час, после заката, он был там, в своем секретном архиве. Кроме него, только трое живых существ имели доступ в это помещение. Каждый из них, пройдя через переднюю, где стоял часовой, должен был приблизить глаза и руку к сканирующим пластинам в бронированной двери. При положительном результате опознания дверь приоткрывалась, пропуская пришедшего. Если их приходило больше одного, опознанию подвергались все поочередно. Систему подкрепляла тревожная сигнализация и роботобластеры.

Внутренняя камера была оборудована рециркуляторами воздуха и термостатами по космическому образцу. Черные стены, пол и потолок делали черную форму Брехдана почти невидимой, и награды, надетые им сегодня, сверкали с удвоенной силой. Обстановка здесь была как в любом кабинете — письменный стол, приборы связи, компьютер, диктоскриб. Но в центре, на деревянном пьедестале, покрытом искусной резьбой, стоял прозрачный куб.

Брехдан подошел к нему и включил вторую опознавательную схему. Гул и мелькание цветowych пятен сказали ему о том, что система заработала. Он пробежал пальцами по клавишам. Фотоэлементы подали команду памяти. Электромагнитные поля пришли во взаимодействие с искривленными молекулами. Информация подверглась сравнению, оценке и выборке. Через пару наносекунд запрошенные Брехданом сведения — ультрасекретные, доступные только ему и еще троем

самым его близким, самым доверенным коллегам — загорелись на экране.

Брехдан был уже знаком с этим отчетом, но хорошо, если правитель межзвездного масштаба (где каждая планета — отдельный мир, старый и бесконечно сложный) помнит хотя бы, что такой-то факт имел место, не говоря уж о том, в чем этот факт заключается. Значительная часть Большого Совета желала по этому поводу ввести в обращение побольше машин, способных принимать решения. Брехдан воспротивился этому. Зачем им слепо перенимать все у терран? Стоит посмотреть, в каком состоянии находятся терранские доминионы. Живое правительство в самой высокой своей степени менее стабильно, зато более гибко. Неразумно связывать себя каким-то одним решением в этой непознаваемой вселенной.

— Храйх. — Он дернул хвостом. Швильт был совершенно прав, этим делом следует заняться немедленно. Лишенный творческой жилки, провинциальный губернатор упускает редчайшую возможность приобрести для расы еще одну солнечную систему.

И все же... Он перешел к письменному столу. Почувствовав его отсутствие, файл отключился. Брехдан нажал кнопку связи, и его вызов по закрытому, зашифрованному каналу облетел треть планеты.

— Ты меня разбудил, — проворчал Швильт Корабельная Смерть. — Не мог выбрать время поприличнее?

— Время, приличное для тебя, неприлично для меня, — засмеялся Брехдан. — Дело Зерайна не может ждать момента, удобного и мне и тебе. Я проверил — нужно как можно скорее выслать туда флот, а с ним подходящую замену Гадролю.

— Легко сказать. Гадроль воспротивится, и не без оснований, а у него имеются могущественные друзья. Потом терране. Они услышат о нашем захвате и, хотя он произойдет на противоположной от них границе,отреагируют. Нам нужен прогноз их действий и того, как это повлияет на старкадские события. Я уже подключил Лифрита и Приадвира. Чем скорее мы вчетвером соберемся обсудить этот вопрос, тем лучше.

— Не могу. Сегодня прибыла терранская делегация. Мне нужно присутствовать вечером на празднестве в их честь.

— Что? — стиснул челюсти Швильт. — Исполнять их дурацкие обряды? Ты серьезно?

— Вполне. И потом мне тоже следует остаться в их распоряжении. По терранским понятиям будет очень оскорбительно, если, грррм, премьер-министр Мерсейи отнесется пренебрежительно к чрезвычайному посланнику его величества.

— Но ведь все это — сплошной фарс!

— Они об этом не знают. Если мы сейчас лишим их иллюзий, это слишком ускорит события — рискуем выйти из графика. Кроме того, поощряя их надежды на урегулирование старкадского конфликта, мы смягчим эмоциональный удар от оккупации нами Зерайна. А это означает, что мне придется затянуть переговоры на более долгий срок, чем я собирался. Наконец, я хочу лично познакомиться с наиболее значительными членами делегации.

Швильт потер шипы у себя на голове.

— Станных друзей ты себе выбираешь.

— Взять хоть тебя, — съязвил Брехдан. — Послушай меня. Старкадский план — отнюдь не торная дорога, по которой нужно идти размеренным шагом. За ним следует наблюдать, питать его, изменять согласно развитию событий — чуть ли не каждый день. Нечто непредвиденное — блестящий ход терран, потеря ими боевого духа, какие-то перемены в отношениях между туземцами — может спутать все расчеты и свести на нет всю нашу стратегию. Чем больше информации на подсознательном уровне мы соберем, тем лучше сможем судить. Ведь нам приходится оперировать и с их эмоциями тоже, не только с их военным мышлением. Нам нужно научиться чувствовать их. Играть по слуху, пользуясь их выражением.

Швильт остро взглянул на него с экрана:

— Подозреваю, что они тебе просто нравятся.

— Что ж, это не секрет. Когда-то они были великолепны. И могут опять сделаться такими. Мне было бы приятно увидеть их нашими верными подданными. — Его помеченное шрамом лицо чуть смягчилось. — Но это, конечно, маловероятно. Не тот это вид. Скорей всего их придется истребить.

— Как решим насчет Зерайна? — спросил Швильт.

— Займитесь им втроем. Я буду советовать время от времени, но вся полнота власти принадлежит вам. Когда обстановка после захвата достаточно прояснится, чтобы ее оценить, мы соберемся вчетвером и обсудим, как это может повлиять на Старкад.

Брехдан не стал добавлять, что он поддержит их против возмущенного Совета, рискуя собственным положением, если они допустят какую-нибудь губительную ошибку. Это разумелось само собой.

— Как скажешь, — кивнул Швильт. — Доброй охоты.

— Доброй охоты.

Брехдан посидел спокойно несколько минут. День выдался длинный. Кости ломило, и хвост болел от веса, который ему пришлось выдерживать. «Да, — подумал он, — все мы стареем; сначала старость только подкрадывается к тебе —

притупляются чувства, убывают силы, ничего такого, с чем не справилась бы энзимная терапия; а потом вдруг, в одну ночь, тебя подхватывает течение столь быстрое, что пейзаж вокруг становится неразличим и слышно, как впереди ревет порог».

Как хотел бы он сейчас улететь домой, вдохнуть чистый воздух у башен Дхангодхана, поболтать с Элвихом над чашей горячего напитка и завалиться спать. Но его ждут в терранском посольстве; а потом еще надо вернуться сюда и встретиться с... как зовут того агента, который ждет в разведотделе? Да, Двир Крюк; а остаток ночи с тем же успехом можно скоротать здесь, на своей койке.

Брехдан расправил плечи, проглотил стимтаблетку и покинул свой архив.

Его Адмиралтейство работало круглые сутки. Через закрытую дверь передней слышался гул, щелканье, шаги и разговоры. Брехдан редко ходил этой дорогой, не имея времени ответить сообразно званию и клану на приветствие каждого офицера, техника и часового. Была другая дверь — она вела прямо в его деловые апартаменты. Напротив третья дверь выходила в закрытый для посторонних коридор, прямой и темный, ведущий к посадочной площадке.

При выходе на нее Брехдана охватил прохладный сырой воздух. Крыша отгораживала его от маяка, и он ясно видел внизу Ардайг.

Город, в отличие от терранских, с наступлением темноты не загорался лихорадочным многоцветием огней. Наземное движение ограничивалось несколькими проспектами — транспорт в основном был подземный; улицы предназначались для пешеходов и верховых на гвидхах. Развлекались, как правило, у себя дома или же в старинных театрах и на спортивных аренах. Лавки — кроме торговых центров с электронной связью и доставочными системами — в этот час уже закрывались; их на протяжении многих поколений содержали те же семьи в тех же домах. Тридайг кричал — Ардайг шептал, овеваемый легким соленым ветром. Улицы со светящимися мостовыми опутывали холмы паутиной, в которой маячили зажженные окна; воздушные машины мелькали вверх, как фонарики; прожектора на Афоне лишь подчеркивали его суровость. Светили две из четырех лун, Нейвин и Сейт. Под ними светился и переливался залив.

Пилот Брехдана поклонился ему, сложив руки на груди. Нелогично по-прежнему держать у себя этого старикана, когда есть робопилот. Но его род всегда служил роду Инвори. Охрана, со стуком отсалютовав ему, тоже села во флайер; машина заурчала и поднялась.

Стимулятор начал действовать. Брехдан почувствовал новый прилив бодрости. Какие только открытия не ждут его этой ночью! «Успокойся, — сказал он себе, — имей терпение, ищи жемчужину в навозной куче формальностей. Если нам придется таки истребить терран, мы, по крайней мере, избавим Вселенную от потока пустой болтовни».

Его путь лежал на другой конец города, где еще четыре века назад возникла колония кричаще-ярких имперских куполов, жилых и служебных. Мерсейя тогда была развивающейся планетой, достойной иметь дипломатическую миссию, но еще не дозревшей, чтобы диктовать Терре ее архитектурный стиль или местоположение. Кготские высоты находились тогда далеко за чертой Ардайга. Позднее город окружил их, миссия превратилась в посольство, и Мерсейя могла позволить себе отклонять просьбы о расширении его территории.

Брехдан один прошел ко входу между кустами роз. Его искренне восхищал этот растительный вызов. Раб принял у него плащ, и дворецкий, не уступающий Брехдану ростом, доложил о его прибытии. Все те же пестро разодетые штатские, атташе в форме — ага, вот и новоприбывшие. Лорд Оливейра Ганимедский, посол Империи при его совершенстве роидхуне, поспешил к нему. Посол был тощий суетливый человечек, чьи таланты, однако, при одном памятном случае неприятно удивили Брехдана.

— Добро пожаловать, советник, — сказал он на эрио, но с терранским поклоном. — Мы в восторге, что вы сумели прийти. — Он повел гостя через зал с паркетным полом. — Позвольте представить вам посланника его величества, лорда Маркуса Хауксберга, виконта Най Кальмара.

— Честь для меня, сударь. — (Томные манеры при хорошей физической форме, глаза внимательно глядят из-под век, хорошо владеет языком.)

— Командор Макс Абрамс.

— Рука ваха Инвори — мой щит. — (Сильный акцент, но говорит бегло; каждый жест и каждое слово на своем месте — он произнес приветствие, подобающее тому, кто близок по рангу своему начальнику, который по положению равен Брехдану. Крепкого сложения, с проседью в волосах, военная выправка. Значит, вот он какой — тот, о ком сообщил курьер со Старкада, тот, кто требует особой опеки.)

Церемония представления продолжалась. Брехдан вскоре рассудил, что только Хауксберг и Абрамс стоят того, чтобы обращать на них внимание. Адьютант последнего, Флэндри, тоже выглядит смышленным — но он совсем еще молод и низкого звания.

Труба пропела «вольно». Оливейра с величайшей учтивостью придерживался местных обычаев. Но поскольку эти обычаи предусматривали также отсутствие женщин, большинство присутствующих не знало, куда себя деть. Терране стояли унылыми группками, пытаясь завязать беседу с мерсейскими гостями.

Брехдан, приняв бокал вина из ягод арта, от других напитков отказался. Он побродил по залу, сколько требовалось для приличия, но не больше — пусть терране знают, что и он может соблюдать их ритуалы, когда хочет, — а потом сосредоточился на лорде Хауксберге.

— Надеюсь, ваше путешествие было приятным, — начал он.

— Несколько скучным, сударь, — ответил виконт, — пока к нам не присоединился эскорт вашего флота. Великолепное зрелище, должен сказать; а почетный караул при посадке был еще лучше. Надеюсь, ни у кого не вызвало возражений то, что я заснял церемонию встречи.

— Разумеется, нет, если съемка была прекращена перед входом в Афон.

— Хо! Ваш... э-э, министр иностранных дел держится несколько скованно, правда? Но он весьма приветливо принял от меня верительные грамоты и обещал вскоре представить меня его совершенству.

Брехдан взял Хауксберга под руку и отошел с ним в уголок. Общество поняло намек и отошло от них на некоторое расстояние, а они вдвоем уселись под отвратительным портретом императора.

— Как вам Старкад? — спросил Брехдан.

— Лично мне он показался мрачным и притягательным. Вы бывали там?

— Нет. — Иногда у Брехдана возникало искушение его посетить. Видит Бог, как давно он не бывал на планетах, не оскверненных цивилизацией! Но этого нельзя делать еще несколько лет, чтобы не привлекать к Старкаду больше внимания, чем нужно. Разве что ближе к концу... Брехдан решил, что лучше воздержаться и тогда, если визит не будет крайне необходим. Легче распорядиться тем миром, который ты знаешь только по отчетам, чем тем, жизнь которого наблюдал сам.

— Вряд ли он входит в сферу ваших интересов, а? Поэтому нас и смущает активность Мерсейн.

— Ройдхунат много раз объяснял, в чем ее причина.

— Разумеется. Разумеется. Я хотел только сказать — если уж вам пришла такая охота заниматься благотворительностью, разве нельзя заняться ею поближе к дому? Первейший долг

Большого Совета — это благополучие Мерсей. И я последний, кто упрекнул бы вас в пренебрежении своим долгом.

— Нам не помешает лишняя торговая база в секторе Бетельгейзе, — пожал плечами Брехдан. — Старкад — место не идеальное и по расположению, и по характеристикам, но приемлемое. Если мы при этом завоевываем благодарность талантливого и достойного помощи вида, это уравнивает чаши весов. — Его взгляд стал острым. — Нас весьма огорчила реакция вашего правительства.

— Однако она была предсказуема. — Хауксберг устроился поудобнее на старинном хромированном стуле. — Для соблюдения взаимного доверия, пока еще не достигнуто истинное соглашение (хорошо, что он еще не сказал «между нашими великими расами») — межимперское буферное пространство не должно нарушаться. И должен добавить, сударь, что сухопутные жители не менее заслуживают помощи, чем морские. Стоит ли разбираться, кто там из них агрессор. Правительство его величества считает своим моральным долгом помочь жителям суши отстоять свою культуру.

— Кто же в таком случае занимается благотворительностью далеко от дома? — сухо осведомился Брехдан. Хауксберг посерьезнел.

— Сударь, этот конфликт возможно прекратить. Вам должны были сообщить о наших усилиях добиться мира в районе Злетовара. Если бы Мерсейя присоединила свои старания к нашим, можно было бы заключить всепланетное соглашение. А что касается баз, то почему бы нам не устроить там совместную базу? Это было бы большим шагом к истинно дружеским отношениям, вам не кажется?

— Простите мне возможную грубость, — парировал Брехдан, — но мне не совсем понятно, почему вы включили в свою мирную миссию шефа старкадской разведки.

— В качестве советника, сударь, — сказал Хауксберг уже с меньшим энтузиазмом. — Простого советника, который знает туземцев лучше, чем кто-либо, кем мы располагаем. Хотите поговорить с ним? — Он махнул рукой и окликнул на англиче, который Брехдан понимал лучше, чем признавал публично. — Макс! Макс, будьте добры, подите сюда на минутку.

Командор Абрамс отошел от младшего секретаря (Брехдан посочувствовал командору: этот парень был самым нудным из всей оливейровской шайки) и приблизился к ним с поклоном.

— Чем могу быть полезен Руке?

— Оставьте церемонии, Макс, — сказал Хауксберг на эрио. — Мы пока не говорим о деле. Просто знакомимся друг с другом

без протокола и записи на пленку. Расскажите, пожалуйста, что вы намерены здесь делать.

— Сообщать факты и свое мнение, если оно чего-то стоит, когда меня спросят. Но не думаю, чтобы необходимость во мне возникала очень уж часто.

— Зачем же вы тогда летели сюда, командор? — Брехдан обратился к нему по званию — с Хауксбергом он себя этим не утруждал.

— По правде сказать, Рука, я надеялся поспрашивать сам.

— Садитесь, — пригласил Хауксберг.

— С позволения Руки, — сказал Абрамс.

Брехдан коснулся пальцем лба, уверенный, что тот его поймет. Он приобретал все более высокое мнение об этом человеке, и это означало, что за Абрамсом будут наблюдать куда внимательнее, чем за всеми прочими.

Офицер опустил свое объемистое седалище на стул.

— Покорно благодарю. — Он приветственно поднял свой бокал с виски и содой, отпил глоток и сказал: — Мы на Терре так мало знаем о вас. Не знаю уж, сколько мерсейологических трудов содержится в наших архивах, но это неважно: в них, безусловно, заключается лишь малая доля истины. Очень возможно, что мы неправильно понимаем вас во многих отношениях.

— Но у вас здесь посольство, — заметил Брехдан. — В его штат входят и ксенологи.

— Их недостаточно, Рука. Им до настоящих знаний, как отсюда до Терры. И даже то, что они действительно знают, на моем уровне бесполезно. С вашего разрешения, я хотел бы побеседовать с самыми разными мерсейцами. И пусть эти беседы ведутся под наблюдением, чтобы не думалось плохого. — Абрамс с Брехданом обменялись усмешками. — А еще я попросил бы о доступе в ваши библиотеки, к вашей периодике, ко всякой общедоступной информации, которая касается вашей расы, но может быть неизвестна на Терре.

— Вас интересуют какие-то определенные вопросы? Я готов вам помочь.

— Рука проявляет большую любезность. Упомяну лишь об одном из этих вопросов. Для меня это загадка — я перерыл все файлы и замучил всех наших аналитиков, но ответа так и не нашел. Как Мерсейя вообще набрела на Старкад?

Брехдан застыл.

— Во время исследований сектора, — кратко ответил он. — Ничейное пространство открыто для всех кораблей.

— Однако, Рука, вы внезапно развили такую активность на этой захолустной планете. Чем она так уж вас заинтересовала?

Брехдан помолчал какое-то мгновение, чтобы обдумать ответ.

— Ваш народ в старину обследовал тот регион довольно поверхностно. Мы меньше заинтересованы в коммерческой выгоде, чем была Торгово-техническая Лига, и больше заинтересованы в знаниях, поэтому мы предприняли систематический обзор. Статья о Саксо в вашем пилотском руководстве обратила наше внимание на Старкад. Нас, в конце концов, тоже привлекают планеты со свободным кислородом и текучей водой, даже если в других отношениях они негостеприимны. На планете мы обнаружили ситуацию, нуждающуюся в коррекции, и выслали туда миссию. Корабли в районе Бетельгейзе неизбежно должны были засечь участвовавшее движение вокруг Саксо. Терранский флот занялся расследованием, и постепенно сложилось нынешнее прискорбное положение.

— Хм, — промычал Абрамс, глядя в свой стакан. — Благодарю вас, Рука. Однако мне бы хотелось узнать больше подробностей. Быть может, где-то среди них и скрыт ключ к загадке, над которой бьется наша сторона, поскольку семантический и культурный барьер ей мешает?

— Сомневаюсь, — ответил Брехдан. — Пожалуйста, ведите свои изыскания сколько угодно, но в этом вопросе вы только понапрасну потратите энергию. Я не думаю даже, что сохранились записи о первых мерсейских экспедициях в область Саксо. Мы не так стремимся записать все на пленку, как вы.

Чувствуя его холодность, Хауксберг поспешно переменял тему. Разговор перешел на разные банальности, и Брехдан, извинившись, ушел еще до полуночи.

«Абрамс — сильный противник, — думал он. — Слишком сильный, чтобы я мог сохранять спокойствие. Определенно на нем нужно сосредоточить все внимание.

Или нет? Разве стал бы опытный разведчик вот так выставлять себя напоказ? Может, он — заслонная лошадь, как у них говорится, и прикрывает кого-то или что-то. А может, он хочет, чтобы я именно так и подумал».

Брехдан хмыкнул. Этак можно рассуждать без конца. И не его это дело — сторожить кого-то. Для этого у них хватает офицеров службы безопасности. За каждым терранином, покидающим посольство, которое они с раздражающей изобретательностью оберегают от шпионских устройств, постоянно ведется наблюдение.

Однако сейчас он, Брехдан, намерен лично повидать агента разведки, достаточно ценного, чтобы его специально послали на Старкад, а потом специально вернули оттуда, когда лукавый

старый Рунеи решил, что тот будет полезнее дома. Возможно, Двир Крюк обладает достаточно важной информацией, чтобы его выслушал сам председатель Совета. А затем Брехдан даст ему новый приказ...

Агент ждал его в ледяном флюоросвете пустого кабинета. Когда-то он был мерсейцем, еще молодым. От его прежнего облика осталась нижняя часть лица, восстановленная хирургическим путем, половина торса, левая рука и культя правой. Остальное заменяла машина.

Двуногая фигура с неожиданной ловкостью отдала честь. На близком расстоянии Брехдан, у которого был острый слух, едва различал слабый гул у нее внутри. Энергия поступала из аккумуляторов, которые работали несколько дней без подзарядки, даже при усиленном расходе, и питала микроузлы, в комплексе составляющие тело.

— Служу моему повелителю. — В голосе звучал легкий металлический тон.

Брехдан ответил на приветствие с должным уважением. Он не знал, хватило ли бы ему самому мужества, чтобы продолжать жить после подобного увечья.

— Рад видеть арлеха Двира. Вольно.

— Рука ваха Инвори пожелал увидеться со мной?

— Да-да, — нетерпеливо махнул рукой Брехдан. — Оставим этикет в стороне. Я уже сыт им по горло. Извините, что заставил вас ждать, но, чтобы осмысленно разговаривать с терранами, надо было познакомиться с ними самому. Итак, вы работали и в штабе разведки фодайха Рунеи, и в поле, не так ли? Значит, вам хорошо знаком и анализ информации, и трудности ее сбора. Отлично. Расскажите мне своими словами, почему вас отозвали обратно.

— Рука, в качестве оперативного агента я могу быть полезен, но незаменимым не являюсь. А единственная миссия, которую мог выполнить я и никто другой, провалилась: я имею в виду проникновение в кабинет шефа терранской разведки.

— Так вы надеялись добиться успеха? — Брехдан не знал, на что способен Двир.

— Да, Рука. Если меня снабдить электромагнитными сенсорами и преобразователями, я чувствую все скрытые схемы. Я вообще развил в себе хорошее понимание машин. На подсознательном уровне я предугадываю их действия и поступаю соответственно. Так я раньше, будучи нормальным, различал оттенки выражения лиц, голоса, жестов у мерсейцев, которых хорошо знал. Поэтому я сумел бы открыть дверь, не включив тревожную сигнализацию. К несчастью, там поставили живую

охрану, что явилось для меня неожиданностью. В физической силе, быстроте и ловкости это мое тело уступает прежнему. Я не смог бы убить часовых так, чтобы об этом не узнали их товарищи.

— Вы думаете, Абрамс прознал о вас? — живо спросил Брехдан.

— Нет, Рука, не думаю. Факты свидетельствуют, что повышенная бдительность вошла у него в привычку. Терране, повредившие меня позднее в лесу, не разглядели меня. И я успел заметить Абрамса в обществе того другого, Хауксберга. Это навело нас на подозрение, что он собирается присоединиться к делегации на Мерсейю, без сомнения, в шпионских целях. Учитывая мои особые качества и мое знакомство с методами работы Абрамса, фодайх Руней решил, что мне следует опередить терран и ждать их прибытия здесь.

— Храйх. Да. Все верно. — Брехдан заставлял себя смотреть на Двира, как на настоящее живое существо. — Вас можно помещать в различные механизмы, правильно?

— Да, Рука, — ответил голос из неживого рта. — В транспорт, в боевую технику, в детекторы, в станки — во все, что способно вместить мой органический компонент и главные протезы. Я быстро осваиваюсь со всем этим. Послушный слуга его совершенства ждет ваших приказаний.

— Вы получите работу. Непременно получите. Не знаю еще, какую именно. Может быть, вам придется даже проникнуть на корабль посланника на орбите. Но для начала, мне думается, нужно принять меры против нашего друга Абрамса. Он не ждет ничего особенного от обычных машин. Тут-то вы и поднесете ему сюрприз. А награда вас не минует.

Двир Крюк ждал дальнейших указаний.

Брехдан не удержался от чисто товарищеского вопроса.

— Где вас ранило? — спросил он.

— При завоевании Янаира, Рука. Ядерный взрыв. В полевом госпитале мне сохранили жизнь и отправили на базу для регенерации. Но хирурги обнаружили, что радиация нанесла слишком сильный ущерб моей клеточной химии. Тогда я попросил, чтобы меня умертвили. Мне объяснили, что методика, недавно полученная от горразан, дает надежду на альтернативный вариант, который сделает меня неоценимым бойцом. Так и вышло.

Брехдан насторожился. Что-то тут не так — а впрочем, он не биомедик.

Дух его омрачился. Зачем притворяться, будто испытываешь жалость? Нельзя завязать дружбу с мертвецом. А Двир мертвец, в нем нет ничего живого — ни костей, ни желез, ни

жил, ни яичников, ни внутренностей — ничего, кроме мозга, да и тот уже приобрел прямолинейность машины. Его нужно просто использовать — для того и существуют машины на свете.

Брехдан прошелся по комнате, сцепив руки за спиной; хвост его спокойно дергался, шрам на лбу пульсировал.

— Хорошо. Обсудим детали.

Глава 11

— О нет, — говорил Абрамс. — Покорнейше благодарю правительство его совершенства за его великодушное предложение, но зачем же мне причинять вам такое беспокойство и такой расход. Это верно, что посольство не может выделить мне летательную машину. Однако на нашем корабле, на «Гудящей Маргрете», имеется большое количество катеров, которые сейчас бездействуют. Я могу использовать один из них.

— Мы ценим деликатность командора, — поклонился чиновник на том конце видеофонной линии. — Но закон, к сожалению, воспрещает лицу, не принадлежащему к мерсейской расе, пользоваться в пределах системы Кориха аппаратом, способным двигаться в гиперрежиме. Командор помнит, что на последнем, субсветовом отрезке вашего путешествия судно его светлости вели мерсейский пилот и инженер. И если моя информация верна, то катера столь внушительного корабля также снабжены гипердвигателями кроме гравитронов.

— Это так, уважаемый коллега. Но у двух самых крупных имеются на борту воздушные машины в качестве собственных катеров. Уверен, что лорд Хауксберг не откажется дать мне один из этих флайеров в личное пользование. Нет никакой необходимости беспокоить ваш департамент.

— Нет, есть! — Мерсеец воздел руки чисто человеческим жестом. — Командор точно такой же гость его совершенства, как и его светлости. Мы бросили бы тень на его совершенство, не проявив того гостеприимства, которое в нашей власти. Завтра же командору доставят машину для его личных нужд. Задержка объясняется только переоборудованием обстановки на терранский лад и панели управления по терранскому образцу. Флайер вмещает шесть коек, и мы снабдим камбуз всеми необходимыми продуктами, которые можно здесь достать. Это полноценный воздушный аппарат, приспособленный и для орбитального использования, а при необходимости на нем можно добраться до самой дальней луны. Настоятельно прошу командора принять его.

— Уважаемый коллега, я в свою очередь прошу вас от лица его совершенства принять самую искреннюю мою благодарность, — расплылся в улыбке Абрамс.

Улыбка перешла в раскат хохота, как только экран погас. Ну конечно, разве мерсейцы позволят ему передвигаться без конвоя, не насовав прежде «жучков» в его транспорт. И они, конечно же, сознают, что он, предвидя их замысел, разыщет все «жучки», которые можно разыскать. Поэтому нет никакой нужды заниматься этим нудным поиском.

И все же Абрамс им занялся. Небрежность была бы не в его характере. Тем, кто доставил ему красивый новый флайер, он объяснил, что его техники роются в нем для того, чтобы как следует разобраться в работе машины — разные культуры, разная техника, вы же понимаете. Это шаблонное заявление встретили столь же шаблонной видимостью, будто верят ему. Во флайере не было никаких шпионских устройств, кроме одного, на которое Абрамс и надеялся. Командор обнаружил это устройство самым простым способом — дождался, когда будет один, и спросил. Изобретательность, с какой устройство было спрятано, восхитила его.

Но потом он уткнулся в каменную стену — точнее, в горшок с клеем. Шли дни — длинные тридцатисемичасовые мерсейские сутки, а он терял их зря, прикованный к залу в замке Афон, где Хауксберг и его штат заседали вместе с марионетками Брехдана. Приглашали его, как правило, мерсейцы, желающие прояснить какой-нибудь совершенно незначительный вопрос, касающийся Старкада. Прояснив его, Абрамс все равно не мог уйти — протокол не позволял. Приходилось сидеть там и слушать всю эту тягомотину — запросы, пространные речи, придирки, вся мелочность которых была ясна и ребенку; поистине эти зеленые прекрасно владели искусством затягивания переговоров.

Абрамс так и сказал Хауксбергу, когда они однажды вечером возвращались в посольство.

— Знаю, — отрезал виконт. Он осунулся, и глаза у него запали. — Они относятся к нам очень подозрительно. Но в этом есть часть и нашей вины, верно? Нельзя показывать, что мы теряем веру в благоприятный исход. Пока мы говорим, мы не воюем.

— На Старкаде воюют по-прежнему, — пробурчал Абрамс сквозь сигару в зубах. — Терра не будет вечно ждать, пока Брехдан управится со своим буквоедством.

— Я пошлю туда курьера с докладом и объяснениями. Мы все-таки продвигаемся, не забывайте. Их определенно заин-

тересовала мысль о системе постоянных совещаний на среднем уровне между двумя правительствами.

— Да уж. Великая блестящая идея, которая будет играть на руку нашим родимым приспособленцам ровно столько лет, сколько Брехдану будет благоугодно ее обсуждать. Я думал, мы здесь для того, чтобы уладить старкадский вопрос.

— А я думал, что это я возглавляю миссию, — отпарировал Хауксберг. — Довольно об этом, командор. — Он зевнул и потянулся. — Еще по глоточку — и в постель. Государь император, ну и устал же я!

В дни, когда его не таскали на заседание, Абрамс занимался библиотечными изысканиями и беседами. Мерсейцы проявляли величайшую учтивость и готовность помочь. Его завалили книгами и периодикой. Офицеры и чиновники могли беседовать с ним целыми часами. В этом вся беда и заключалась. Если не считать ощущения сложившейся ситуации, которым постепенно проникался Абрамс, он не узнал ровно ничего полезного.

Он признавал, что это само по себе показательно. Отсутствие документации о ранних мерсейских экспедициях в район Саксо объяснялось, возможно, тем пренебрежением к созданию архивов, о котором говорил Брехдан. Но по другим планам информация, как правило, была полнее. Старкад явно обладал каким-то секретным значением. Но это уж не новость.

Сначала Абрамсу помогал Флэндри. Потом пришло приглашение. В целях лучшего взаимопонимания между расами, а также в традициях гостеприимства, не пожелает ли мичман Флэндри совершить путешествие по планете в обществе молодых мерсейцев, равных ему по званию?

— Не пожелает ли? — спросил Абрамс.

— Черт побери, еще бы, — выпрямился Флэндри, согнувшийся над столом. — У меня сейчас такое чувство, что все библиотеки во Вселенной надо разбомбить. Но ведь я, наверно, нужен вам здесь.

— Нужен. Это неприкрытый подвох, чтобы еще больше осложнить мне жизнь. Однако можешь отправляться.

— Правда? — ахнул Флэндри.

— Конечно. Здесь нам ходу не дадут. А ты, глядишь, и узнаешь что-нибудь.

— Благодарю вас, сэр! — взвился со стула Флэндри.

— Потихе, сынок. Это тебе не каникулы. Будешь изображать из себя испорченного терранского хлыща. Не станем обманывать их ожиданий. И потом это увеличит твои шансы. Глаза и уши держи открытыми, но рот отнюдь не на замке. Мели языком. Задавай вопросы. Предпочтительнее дурацкие;

и смотри не слишком докапывайся до сути, чтобы они не заподозрили в тебе шпиона.

— Знаете, сэр, — нахмурился Флэндри, — покажется странным, если я не буду стремиться получить информацию. Думаю, лучше выпытывать, но неуклюже, чтобы все видели, какой я болван.

— Хорошо. Ты быстро схватываешь. Жаль, что у тебя нет опыта — ну, всем нам надо когда-то начинать, и боюсь, ты не столкнешься ни с чем таким, с чем не мог бы справиться своими щенячьими силами. Так что ступай, приобретай опыт.

Абрамс посмотрел, как его молодой помощник вылетел вон, и тяжело вздохнул. Если не считать кое-каких мелочей, он гордился бы таким сыном, как Доминик Флэндри. Хотя никакого проку от этой поездки ожидать не приходится, она послужит еще одним испытанием для юного мичмана. И если он хорошо себя проявит, то Абрамс, быть может, собственными руками отдаст его на съедение.

Ибо нельзя оставлять ситуацию на мертвой точке, как того желает Брехдан. Сейчас командору предоставляются такие возможности, которыми только изменник не воспользовался бы. Но обстоятельства складываются так, что делегация задерживается на Мерсейе на неопределенный срок, и он, Абрамс, не может действовать так, как планировал первоначально. Вместо задуманной им классически четкой операции придется произвести взрыв.

А запалом будет Флэндри.

Мерсейцы, как почти всякий разумный вид, впитали тысячи разных языков и культур. В конце концов, как и на Terre, одна культура возобладала над прочими и постепенно поглотила их. Но на Мерсейе этот процесс зашел не столь далеко. Законы и обычаи земель, примыкающих к Вилвидскому океану, не слишком глубоко укоренились в некоторых частях планеты. Общепринятым языком являлся зрио, но были еще такие мерсейцы, которые владели им хуже, чем родным, усвоенным у своих матерей.

Возможно, поэтому Ланнавар Белгис так и не поднялся выше икана — старшины, по оценке Флэндри — и теперь служил всей компании чем-то вроде денщика. Он даже не мог правильно произнести свое звание. «К» в нем выговаривалось примерно как «кдж», где «дж» звучало как англикское «th», и Ланнавару было почти так же трудно это выговорить, как и англоязычному. А может быть, он был просто лишен честолюбия. Ведь способностей ему было не занимать, о чем свидетельствовал

огромный запас историй, приключившихся с ним в космосе за годы службы. И общаться с ним было приятно.

Они сидели вдвоем — он, Флэндри и Тахвир Темный, звание которого, «меи», примерно соответствовало младшему лейтенанту. Флэндри начинал привыкать к полуофициальным, полувольным отношениям, существовавшим между мерсейскими офицерами и младшим составом. Вместо взаимной отчужденности, принятой на терранских кораблях, здесь наблюдалось некое приятие, в котором старшие задавали тон, но не давили своим авторитетом — нечто вроде постоянного танца.

— Да, прозорливцы, — басил Ланнавар, — чудной это был мир, и я с радостью убрался оттуда. Но нашему кораблю и потом не везло почему-то. Ничего не получалось так, как надо, понимаете, о чем я? Не скажу плохого слова ни про капитана, ни про экипаж, однако рад был перейти на «Бедх-Иврих». Там шкипером был Руinei Странник, и с ним мы где только не побывали.

Тахвир дернул хвостом и открыл рот. Каждый раз кому-то приходилось останавливать поток ланнаваровых речей. Флэндри, сидевший в полудреме, встрепенулся и, опередив Тахвира на долю секунды, воскликнул:

— Руinei? Тот, что теперь фодайх на Старкаде?

— Наверное, тот самый, прозорливец. — Икан прищурил глаза на татуированном лице. Зеленая рука поскребла живот в том месте, где выглядывала нижняя рубашка. — Хотя точно не скажу. Я ничего не слыхивал о Старкаде, пока нам не сказали, что вы, терране, тоже там окопались.

Мозг Флэндри так усиленно заработал, что мичман ощутил сразу несколько уровней его деятельности. Надо хвататься за любую нить, которую предлагает ему случай после стольких бесплодных дней; надо помешать Тахвиру оборвать эту нить, хотя бы еще пару минут; и в то же время нельзя выходить из своей роли. (Роли повесы, как рекомендовал ему Абрамс, и Флэндри с удовольствием играл ее, когда его спутники водили его по разным увеселительным местам. Повесы, но не дурака: Флэндри быстро понял, что добьется большего, если его будут хоть немного уважать и не будут скучать в его обществе. Он вошел в образ наивного простака с широко раскрытыми глазами, который трогательно надеется сделать что-то для ма-тушки-Терры и в то же время восхищается всем, что видит. В минуты уныния он признавался себе, что этот образ не так уж отличается от оригинала.) На низших уровнях его сознания волнение открыло шлюзы всему, что воспринимается органами чувств.

Он еще раз окинул взглядом окружающий пейзаж. Они сидели — он на скамейке — в мраморной, затейливо украшенной беседке под луковичным куполом. Перед ними стояли кружки с горьким пивом. Мерсейская пища и напитки вполне подходили для терран, и он часто находил их вкусными. Они зашли в этот ресторан на вершине холма (который был еще и храмом, принадлежащим приверженцам очень древней веры) ради красивого вида и чтобы отдохнуть после прогулок по Дальгораду. Это селение лежало внизу, наполовину скрытое ярко блестящими цветами и густо-зелеными пальмовыми ветвями: небольшие современные дома и выдолбленные деревья, дававшие приют неисчислимым поколениям цивилизованных мерсейцев. За аэропортом виднелась полоска рыжего песка. Океан, синий почти до черноты, катил на берег валы, и ветер, пахнувший корицей, слабо доносил до Флэндри отзвук их шума. Вверху с субтропической яростью пылал Корих, но уже показались, как призраки, две луны: Витна и Литир.

У Флэндри подобралась мускулы на ляжках и животе, кровь стучала в ушах, ладони похолодели. Чувство избыточного веса отсутствовало: притяжение Мерсей всего на несколько процентов превышало терранское. Мерсейский воздух, вода, биохимия, флора и фауна представляли собой близкую параллель с условиями, в которых развивался человек. Оба мира были красивы по меркам другого мира.

Это и заставляло враждовать обе расы. Им нужна была одинаковая собственность.

— Значит, сам Руinei не участвовал в первых экспедициях на Старкад? — спросил Флэндри.

— Нет, прозорливец. Мы обследовали пространство по ту сторону Ригеля. — Ланнавар взял свою кружку.

— Но, наверное, — рискнул Флэндри, — когда космоплатели собираются, например, в таверне, они рассказывают о тех местах, где побывали?

— Ясное дело. Если только нет приказа задрать люки, когда речь заходит о том о сем. Ты уж поверь мне, прозорливец: нелегко это, тут бы столько можно порассказать — ан нет, военная тайна.

— Но вы, наверно, все равно немало слышали о секторе Бетельгейзе.

Ланнавар поднял кружку. Она мешала ему разглядеть, как хмурится Тахвир, но нить все же оборвалась, и офицер ловко подхватил ее конец.

— Неужто вы так любите анекдоты, мичман? Боюсь, наш добрый икан больше ничего рассказать вам не сможет.

— Да, меи, меня интересует все, что касается сектора Бетельгейзе. Он, как-никак, граничит с нашей Империей. Я уже служил в нем, на Старкаде, и очень может быть, снова вернусь туда. Поэтому я буду благодарен за все, что вы сочтете нужным мне сказать. — Ланнавар встал, чтобы размяться. — Если вы сами там не бывали, икан, то, может быть, знаете кого-нибудь, кто бывал. Мне, конечно, не тайны нужны — просто истории.

— Кх-р-р. — Ланнавар вытер пену с подбородка. — Таких немного. Немного таких, которые там побывали. Все они или ушли обратно в космос, или умерли. Был старый Ральго Тамуар, мой дружок по казарме в первые годы. Он туда много раз ходил. Вот уж кто умел врать! Но он теперь вышел в отставку и живет в какой-то колонии — в которой бы это, не помню...

— Икан Белгис. — Тахвир сказал это спокойно, без особого нажима, но Ланнавар сразу замер. — Думаю, нам лучше оставить эту тему. На Старкаде сложилась прискорбная ситуация. Мы стараемся подружиться с нашим гостем, и, надеюсь, не без успеха, но ненужное обсуждение этого спорного вопроса может нам только помешать. Вероятно, мичман согласится со мной? — саркастически спросил он у Флэндри.

«*Черт, черт, черт! Только-только напал на след*». Он мог поклясться, что напал. Флэндри стало прямо-таки дурно от разочарования.

Несколько глотков пива успокоили его. Он никогда не был настолько идиотом, чтобы воображать, будто во время этого пикника сделает какие-то потрясающие открытия. (Может, мечты у него и были, но это не в счет.) Сейчас он получил всего лишь еще один намек, подтверждающий, что ранние мерсейские экспедиции обнаружили на Старкаде нечто значительное и необычное. В результате всю информацию прихлопнули, как гасильником. Офицеров и рядовых, которые знали или могли подозревать, убрали с глаз долой. Убили? Нет, конечно, нет. Мерсейцы — не те муравьинообразные монстры, какими их изображает терранская пропаганда. Они никогда бы не достигли таких высот и не были бы так опасны, будь они ими. Чтобы заткнуть космопроходцу рот, достаточно его перевести или отправить в отставку, услав в изгнание, достаточно комфортабельное и которое он сам, возможно, даже изгнанием не считает.

Даже на пост старкадского коменданта Брехдан подобрал такого офицера, которому ничего не было известно о месте назначения и который никак не мог узнать скрытую правду. Подумать только... кроме тех путешественников, которых вы-

вели из игры, не больше полудюжины существ во Вселенной, возможно, знает эту правду!

Тахвир, конечно же, ее не знает. Ему и его товарищам просто велено обходить некоторые темы.

Терранину верилось, что почти все они искренни, когда проявляют к нему дружеские чувства и выражают желание, чтобы недоразумение между ними разрешилось. Они были хорошие ребята. И ближе ему, чем некоторые люди.

Но, несмотря на это, они служили врагу: Брехдану Железному Року и его правительству, а Брехдану лелеял какой-то чудовищный замысел. Ветер и шум прибоя вдруг показались Флэндри рокотом надвигающейся на него машины.

«Я не обнаружил ничего такого, о чем бы уже не подозревал Абрамс, — подумал он. — Но добыл для него чуть побольше доказательств. Боже! Еще четыре дня, прежде чем я смогу рассказать ему о них».

Во рту по-прежнему было сухо.

— Может, еще по кружечке? — спросил он.

— Пошли покатаемся, — сказал Абрамс.

— Сэр? — заморгал Флэндри.

— Небольшая увеселительная прогулка. Тебе не кажется, что мне тоже полагается такая? Слетаем, например, в Гетвидский лес — туда доступ не ограничен.

Флэндри, минуя взглядом кряжистую фигуру своего босса, посмотрел в окно. Посольский садовый робот возился с розами, пытаясь соблюсти нужную микроэкологию. Один из секретарей стоял рядом с жилым куполом, флиртуя со скуки с женой младшего флотского атташе. Позади современные башни Ардайга грубо вонзались в небо. День был жаркий и тихий.

— Знаете, сэр... — мялся Флэндри.

— Когда ты в последнее время величаешь меня «сэром» наедине, значит, тебе что-то нужно. Выкладывай.

— Э-э... нельзя ли нам пригласить и донну д'Ио? — Под пристальным прищуром Абрамса Флэндри покраснел. Попытка справиться с этим только ухудшила дело. — Ей, наверно, очень одиноко теперь, когда его светлости с помощниками нет в городе.

— Я, значит, для тебя недостаточно красив? — ухмыльнулся Абрамс. — Извини, но это не совсем удобно. Пошли.

Флэндри внимательно посмотрел на него. Он уже хорошо изучил шефа и знал, когда у него на уме что-то серьезное. По спине у него пробежали мурашки. Вернувшись из поездки, он ожидал, что снова займется нудной бумажной работой и только

вечерами ему будет порой перепадать что-нибудь для себя. Но похоже, что они наконец-то переходят к действиям. Как ни ворчал Флэндри прежде, как ни издевался над бурной жизнью в романтических инопланетных столицах, он не был сейчас уверен, что эта перемена ему по душе.

— Так точно, сэр, — сказал он.

Они прошли в гараж. Мерсейские техники периодически являлись сюда для ухода за роскошным флайером, пожалованным Абрамсу, но сейчас здесь дежурил лишь один терранин. Не скрывая зависти, он вывел длинный голубой каплевидный аппарат на дневной свет. Абрамс и Флэндри вошли, заперли дверь и расположились на креслах в салоне.

— Гетвидский лес, главная стоянка, — сказал Абрамс. — Пятьсот километров в час. Высота не имеет значения.

Машина связалась с другими автоматами. Ей дали разрешение на взлет и обозначили трассу полета. Она бесшумно оторвалась от грунта. На Терре за ее полетом наблюдали бы телемеханически, но надменные властители Мерсей не допускали применения таких устройств, чтобы самим не подвергаться подобной слежке. Контроль движения везде, кроме запретных зон, велся автоматически и анонимно. Не пустив за флайером хвост или не снабдив его «жучками», служба безопасности не могла за ним проследить. Абрамс говорил, что его это устраивает — и в принципе, и потому, что так ему удобнее.

Командор полез в карман за сигарой.

— Можем выпить, — предложил он. — Мне виски с водой.

Флэндри налил ему требуемое, а себе — чистый коньяк.

Пока он возился у бара, флайер набрал высоту около шести километров и повернул на север. При их неспешной скорости дорога до заповедника, который вах Датир открыл для общественного пользования, займет у них пару часов. Флэндри уже побывал там на экскурсии, которую Оливейра устроил для Хауксберга с компанией. Ему запомнились величаво уходящие ввысь деревья, золотоперые птицы, запах влажной почвы и буйный дух весны. Больше всего врезались в память солнечные зайчики на легком платье Перси. Сейчас он видел в широкий иллюминатор, как закругляется планета, на западе сверкал океан, и лабиринт мегаполиса сменяли поля с редкими замками.

— Садись, — сказал Абрамс, похлопав по креслу. Дым заволакивал его целиком. Флэндри сел и смочил губы.

— У вас ко мне какое-то дело, верно? — спросил он.

— Угадал с первого раза! А теперь, если хочешь выиграть значок юного шпиона и карманный дешифратор, скажи мне, что такое слон.

— Виноват, сэр?

— Слон — это мышь, сконструированная по правительственному заказу. А мышь — это слон на микросхемах. — Абрамс не острит. Он тянул время. Флэндри нервно отпил из бокала.

— Если это секретно, нужно ли нам говорить здесь?

— Тут безопасней, чем в посольстве. Посольство свободно от «жучков» лишь теоретически, уверенности в этом нет, да и старое доброе подслушивание у дверей еще не вышло из моды.

— Но мерсейский флайер...

— В нем мы в безопасности. Поверь мне. — Абрамс хмуро поглядел на сигару, которую перекачивал в пальцах. — Сынок, ты мне нужен для одной работы, сильно нужен. Дело, возможно, опасное и уж наверняка мерзкое. Как ты, играешь?

Сердце у Флэндри подскочило.

— Мне ведь ничего другого не остается, правильно?

Абрамс склонил голову набок.

— Неплохой ответ для девятнадцатилетнего. Но чувствуешь ли ты это нутром, вот в чем вопрос.

— Да, сэр. Мне так кажется.

— Я верю тебе. Приходится верить. — Абрамс хлебнул виски и глубоко затынулся. Потом резко продолжил: — Давай-ка разберемся, как обстоят у нас дела. Я полагаю, у тебя хватает здравого смысла, чтобы увидеть то, что бросается в глаза — что Брехдан не имеет ни малейшего намерения прекратить склоку на Старкаде. Поначалу я думал — может, он хочет предложить нам мир в обмен на что-то другое, что ему по-настоящему нужно. Но в таком случае он бы не стал создавать тройную перегрузку во время переговоров. Он перешел бы к делу с минимальным количеством лишних движений. Мерсейцы не так упиваются пространными речами, как мы. Если бы Брехдан хотел заключить с нами сделку, Хауксберг уже был бы дома, на Терре, с предварительным докладом. Вместо этого говоруны Брехдана все тянут и тянут, громоздя одну увертку и несообразность на другую. Даже Хауксберг уже сыт по горло. Думаю, потому Брехдан и пригласил их всех к себе в Дхан-годхан на пару недель — пострелять и порыбачить. Тут и время выигрывается, и чувства нашего виконта смягчатся от такого «жеста доброй воли». — В речи Абрамса явственно чувствовались кавычки. — Меня тоже приглашали, но я отговорился желанием продолжить свои изыскания. Если рассудить, Брехдану следовало бы нарушить обычай и пригласить также и донну Перси как дополнительный стимул погостить в горах подольше. Разве только он уже позаботился о развлечении

своих гостей. Ведь у мерсейцев на службе имеется и человеческий контингент, знаешь?

Флэндри кивнул. На секунду он почувствовал разочарование. Отсутствие Хауксберга сулило ему еще более широкие возможности, чем постоянная усталость виконта во время переговоров. Но волнение пересилило. Бог с ней, с Перси. С ней хорошо развлечься, больше ничего.

— Мне, как и его светлости, кажется, что Брехдан в общем-то искренне симпатизирует нам, — сказал он. — Как и очень многие мерсейцы.

— Тебе правильно кажется. Только нам от этого прок невелик.

— Но Старкад действительно значит очень и очень много. Говорили вы про это нашему иди... лорду Хауксбергу?

— Мне уже надоело ему говорить. Какие у меня аргументы, кроме интуиции, основанной на опыте, которым он не обладает?

— Не знаю, зачем Брехдан вообще согласился принять нашу делегацию.

— Ну, наверно, принять было проще, чем отказаться. А может быть, это как раз вписывалось в его планы. Ему пока еще не нужна тотальная война. Мне сдается, поначалу он намеревался побыстрее отправить нас восвояси. То, что его намерения изменились, указывает, пожалуй, на то, что возникло нечто новое — он замышляет какой-то другой ход, не обязательно связанный со Старкадом, и хочет представить его в лучшем свете, обращаясь с нами учтиво. Одному Богу известно, сколько мы здесь еще проторчим. Возможно, и несколько недель. А тем временем, — Абрамс подался вперед, — может случиться все что угодно. Я отправлялся сюда с надеждой выкинуть один чертовски ловкий номер перед самым отлетом обратно. И надежда моя на первых порах обещала оправдаться. Это могло бы открыть нам истину о Старкаде. Однако дело затянулось, обстановка изменилась, и я рискую упустить свой шанс. Надо действовать быстро, или из наших действий вообще ничего не получится.

Вот оно, подумал Флэндри, и какая-то его часть усмехнулась банальности этой мысли, пока он, затаив дыхание, ждал продолжения.

— Не хочу говорить тебе больше, чем необходимо, — сказал Абрамс. — Скажу только: я узнал, где находится ультра-секретный архив Брехдана. Это было нетрудно: о нем все знают. Однако мне кажется, что я могу заслать туда агента. Следующая и куда более трудная задача — это извлечь оттуда

информацию так, чтобы никто не узнал, что мы это сделали. Ждать нашей отправки домой я не решаюсь. Слишком многое за это время может пойти не так, как надо. И улететь прежде других я тоже не могу. Слишком уж я заметная фигура. Слишком было бы очевидно, что я завершил нечто задуманное мной и теперь спешу скрыться. Да и Хауксберг мог бы запретить мне отлет как раз из-за подозрения, что я хочу подпортить его мирную миссию. Возможно и другое: из системы мой корабль выводили бы мерсейцы, и бредановы ребята могли бы из чистой предосторожности устроить несчастный случай. Или доставить меня в камеру для гипнотестирования, и важно не столько то, что случилось бы со мной там, сколько то, что случилось бы потом с нашими вооруженными силами. Я не драматизирую, сынок. Таковы простые, неприкрашенные факты жизни.

Флэндри не шевельнулся.

— Вы хотите, чтобы я увез отсюда информацию, если вам удастся ее получить, — сказал он.

— Ага, выходит, ты знаешь, что такое слон.

— У вас, как видно, недурной информатор в мерсейском генеральном штабе.

— Бывает и хуже, — с явным самодовольством сказал Абрамс.

— Вряд ли он давно работает на вас, — медленно произнес Флэндри, сам холодея от своих слов. — Если бы так, зачем вам было лететь сюда самому? Вы, наверно, за что-то зацепились на Старкаде, и под рукой не оказалось никого, кому бы вы доверяли или кем могли бы рискнуть.

— Перейдем лучше к делу, — быстро сказал Абрамс.

— Нет. Сначала покончим с этим.

— С чем?

Флэндри смотрел на Абрамса, как слепой.

— А если у вас был такой хороший информатор, то вас, думаю, предупредили о нападении подводной лодки на Уянку. И вы промолчали. Ведь никаких мер принято не было. Если бы не счастливый случай, город бы погиб. — Он встал. — Я видел на улицах убитых тигран.

— А ну сядь!

— Один-единственный миномет, поставленный в порту, потопил бы эту лодку. — Флэндри отступил, повысив голос: — Мужчины, женщины и малые дети были разорваны на части, погребены заживо под обломками, а вы бездействовали!

Абрамс вскочил на ноги и подошел к нему.

— А ну стой! — рявкнул он.

— Какого черта? — повернулся Флэндри.

Абрамс ухватил его за руки. Флэндри попытался вырваться. Абрамс держал его крепко. Темное халдейское лицо командора искривилось от ярости.

— Слушай меня. Да, я знал. И знал, что произойдет, если я промолчу. Когда ты спас этот город, я упал на колени и возблагодарил Бога. Я упал бы на колени и перед тобой, если бы ты мог это понять. Теперь предположим, что я бы что-нибудь предпринял. Рунеи не дурак. Он догадался бы, что меня информировали, а сделать это мог только один из его служащих. Вот и заглох бы мой канал, засыпали бы его разом. А я уже задумал пробраться с его помощью в архив самого Брехдана. К правде о Старкаде. Кто знает, сколько жизней можно этим спасти? И не только человеческих. Тигранских, шираво, да и мерсейских, черт возьми! Пошевели мозгами, Дом. У тебя там пара клеток точно работает. Да, это грязная игра. Но есть в ней одно правило, соблюдать которое обязывают и практический смысл, и честь. Нельзя выдавать своих агентов. Нельзя!

Флэндри ловил ртом воздух. Абрамс отпустил его. Юноша вернулся к своему креслу, рухнул в него и отпил большой глоток спиртного. Абрамс ждал. Флэндри медленно поднял на него глаза.

— Прошу прощения, сэр, — выдавил он. — Наверное, нервы подвели.

— Не надо извиняться, — стиснул его за плечо Абрамс. — Когда-нибудь ты все равно узнал бы. Так почему бы и не сейчас. И знаешь ли, ты дал мне искру надежды. Я уж начал сомневаться, остался ли на нашей стороне кто-нибудь, кто играет в эту игру не только ради своих шкурных интересов. Вот когда тебя повысят... ладно, там видно будет.

Он тоже сел, и оба помолчали.

— Я уже в порядке, сэр, — несмело заметил Флэндри.

— Это хорошо, — проворчал Абрамс. — Для предстоящего тебе понадобится быть в полнейшем порядке. Естественный способ вывезти отсюда информацию — другого я не вижу — тоже включает в себя довольно грязный ход. Может, ты придумаешь что получше — я сам старался, но не сумел.

— Что это за способ, сэр? — растерялся Флэндри.

Абрамс приближался к сути дела осторожно.

— Проблема вот в чем. Я верю-таки в то, что мы сможем обшарить архив так, чтобы никто не узнал. Особенно теперь, когда Брехдана здесь нет, как и трех других, которые, как я

выяснил, тоже имеют доступ в то помещение. Но даже в таком случае странно будет выглядеть, если кто-то вдруг улетит с планеты без веской на то причины. Так вот ты мог бы такую причину создать.

— Какую именно? — приготовился к худшему Флэндри.

— Ну... если бы лорд Хауксберг застал тебя на месте преступления со своей аппетитной спутницей...

Это выбило бы из колеи и куда более искушенного человека. Флэндри взвился с места.

— Сэр!

— Сядь, парень. И не говори мне, что без кота мышам не раздолье. Ты проявил такую ловкость, что вряд ли об этом знает еще кто-нибудь, даже в нашем маленьком, пробавляющемся сплетнями анклав. Это пророчит тебе хорошую карьеру в разведке. Но я-то, сынок, работаю с тобой бок о бок. Когда ты являешься весь вымотанный по утрам после тех ночей, в которые лорд Хауксберг чувствует себя смертельно усталым и принимает снотворное; когда мне не спится и хочется поработать ночью, а тебя в комнате нет; когда вы с ней без конца переглядываетесь... Ну что мне, по слогу тебе объяснять? Не в этом дело. Я тебя не осуждаю. Не будь я стариком, питающим эксцентричные идеи на предмет своего брака, я бы к тебе приревновал. Однако все это дает нам наш шанс. Главное, чтобы Перси не узнала, когда возвращается ее лорд и повелитель. Она не очень-то общается со здешней колонией — и я, надо сказать, ее понимаю — да и ты будешь стараться ее отвлекать. Так что, когда придет извещение о приезде — его пришлют не ей лично, а на посольство, чтобы предупредить прислугу, — я прослежу за тем, чтобы до нее это не дошло. А в остальном предоставим природе делать свое дело.

— Нет! — взъярился Флэндри.

— За нее не бойся. Ее разве что пожурят. Лорд Хауксберг довольно терпимый человек. Ему приходится быть таковым. Ну а если она лишится все-таки места, то у нас есть секретный фонд. Она сможет вполне прилично жить на Терре, пока не подцепит кого-нибудь еще. Не думаю, право, что ее сердце будет разбито при обмене лорда Хауксберга на более новую модель.

— Но... — Черт бы побрал эту привычку краснеть! Флэндри смотрел в пол, постукивая кулаками по коленям. — Она мне доверяет. Я не могу так.

— Я сказал тебе, что дело грязное. Ты льстишь себе мыслью, что она в тебя влюблена?

— Ну-у...

— Значит, так и есть. Я бы на твоём месте так не думал. Но предположим даже, что влюблена, — психолечение такого простого случая обойдётся дешево, и у неё хватит характера, чтобы пройти курс. Меня гораздо больше беспокоит ты.

— Почему я? — спросил расстроенный Флэндри.

— Лорд Хауксберг будет вынужден тебя наказать. Какими бы ни были его истинные чувства, он не может допустить, чтобы такое сошло кому-то с рук; ведь об этом узнает вся колония, да что там — вся Терра, если ты правильно разыграешь сцену. Он собирался послать домой курьера через пару дней после своего возвращения — с предварительным докладом. Тебя с позором отправят на том же корабле с обвинением в неуважении к высокой наследной особе. Где-то в это же время — детали придется разрабатывать на ходу — мой агент похитит информацию и потихоньку передаст ее мне, а я — тебе. Оказавшись на Терре, ты воспользуешься паролем, который я тебе дам, чтобы попасть к некоему человеку. А потом, сынок, считай, что твоя судьба устроена. Тебе бы сейчас не терзаться сомнениями, а сапоги мне лизать за то, что я предоставляю тебе такую возможность быть замеченным нужными людьми. Сапоги как раз пора чистить.

Флэндри повернулся в кресле и посмотрел в окно на облака, плывущие по зелено-бурому лицу Мерсейи. Гул мотора наполнял череп.

— А как же вы? — спросил он наконец. — И все остальные?

— Мы останемся здесь до окончания фарса.

— Нет, подождите, сэр... мало ли что может измениться в худшую сторону. В самую плохую.

— Знаю. Тебе придется пойти на этот риск.

— Вы рискуете больше. — Флэндри снова обернулся к Абрамсу. — Я-то скорее всего улизну без помех. Но если потом возникнет подозрение...

— Перси они не тронут. Она не стоит того, чтобы с ней возиться. И Хауксберга тоже. Он — аккредитованный дипломат, и арестовать его — почти то же самое, что объявить войну.

— А вы, сэр? Вы, может быть, аккредитованы при Хауксберге, но...

— Не волнуйся. Я намерен умереть от старости в последней стадии малярии. На случай осложнений у меня есть бластер. Живым я не дамся и один из космоса не уйду. Ну так как — играешь ты?

Флэндри пришлось собрать все силы, чтобы кивнуть.

Два дня спустя Абрамс снова покинул посольство на своем флайере. Впереди, на краю океана, догорал закат. Улицы Ардайга начинали светиться сильнее с переходом сумерек в ночь. Загорались окна, и внезапно, как красное солнце, вспыхнул адмиралтейский маяк. Движение было плотным, и роботпилот флайера постоянно обменивался сигналами с другими машинами и близлежащими диспетчерскими станциями. Компьютеры этих станций были еще теснее связаны между собой прочной информационной сетью. Средоточием ее был Центральный пульт, где прослеживалась общая картина и трехмерная решетка трасс полета менялась ежеминутно для наилучшей регуляции потока.

В эту бесконечную пульсацию не представляло труда ввести на нужной частоте зашифрованное сообщение. О нем не будет знать никто, кроме передавшего и принявшего. Потребуется трудоемкий стохастический анализ, чтобы обнаружить факт этого разговора (и даже тогда нельзя будет понять, о чем разговор шел). Ни на флайере, ни в терранском посольстве нужной для этого аппаратуры не было.

Из темноты, в которой он лежал, Двир Крюк подал нужный волевой импульс. Именно волевой — так приказывают работать нормальным голосовым связкам; ибо нервные окончания Двира соединялись напрямую с электронными схемами флайера, и он чувствовал колебания ардайгского электронного моря, как живое существо чувствует толчки своей крови.

— Разведотдел тринадцать, я третий. — За этим последовала цепочка кодовых знаков. — Приготовьтесь принять рапорт.

За много километров от него за своим столом насторожился мерсеец. Он был одним из немногих, знающих о Двире, и эти немногие круглосуточно сменяли друг друга. Ничего особо интересного им пока что услышать не довелось. Но это и к лучшему. Это доказывало, что терранский агент, об опасности которого их предупредили, ничего не добился.

— Тринадцатый отдел отвечает третьему. Дежурный Дхех. Докладывайте.

— Абрамс сел в машину один и дал автопилоту задание доставить его в следующее место. — Для Двира это был лишь адрес в нагорном пригороде, ни о чем ему не говоривший: он не принадлежал к уроженцам Ардайга.

— А, да, — кивнул Дхех. — Это дом фодайха Квинна. Мы уже знаем, что Абрамс вечером собирался туда.

— Следует ли мне ждать каких-то событий?

— Нет — вы, я уверен, только постоите припаркованным несколько часов, а потом вернете его в посольство. Он уже давно напрашивался к Квинну — им, мол, надо не спеша обсудить с глазу на глаз кое-какие вопросы, представляющие взаимный интерес. Сегодня он так нажал, что Квинн не мог не пригласить его на вечер, не проявив явной неучтивости.

— Это что-то означает?

— Едва ли. По нашему мнению, Абрамс торопится только потому, что завтра возвращается его шеф вместе с Рукой ваха Инвори, нашим великим протектором. И стало быть, Абрамса опять вовлекут в дипломатические маневры. Возможно, это его последний шанс побывать у Квинна.

— Я мог бы оставить флайер и понаблюдать за ним, — предложил Двир.

— Нет необходимости. Квинн осмотрителен и сам подаст нам рапорт. Если Абрамс надеется извлечь из этой беседы что-то полезное, его ждет разочарование. Но его интерес скорее всего чисто академический. Кажется, он оставил все свои планы относительно шпионажа, если они у него были.

— Во всяком случае, при мне он ничем подозрительным не занимался — и это во флайере, который должен был бы считать идеальным местом для тайной деятельности. Я буду рад, когда он улетит с планеты. Скучное было задание.

— Тем больше чести для вас, что вы за него взялись. Никто другой не вытерпел бы так долго. — Внезапный разряд помех заставил Дхеа вздрогнуть. — Что это?

— Что-то случилось с передатчиком, — сказал Двир, сам вызвавший этот разряд. — Хорошо бы поскорее это исправить. Я могу лишиться связи с вами.

— Завтра же постараемся прислать техника под каким-нибудь предлогом. Доброй охоты.

— Доброй охоты. — И Двир отключился.

С помощью схем, в которые входили и сканеры, он видел все, что происходило снаружи и внутри флайера. Машина снижалась, направляясь к месту своего назначения. Абрамс встал и облачился в форменный плащ. Двир включил динамик.

— Я связался с тринадцатым отделом, — сказал он. — Они ни о чем не подозревают. Я подбросил им идею, что мой передатчик сломался, на случай если им вздумается вызвать меня в мое отсутствие.

— Молодец. — Абрамс говорил спокойно, но нервно затянулся в последний раз своей сигарой и с ожесточением загасил ее. — Запомни, я задержусь там на несколько часов. Тебе должно

хватить времени, чтобы сделать дело и залезть обратно в скорлупу. Но если что-то пойдет не так, повторяю еще раз: главное — это информация. Поскольку безопасной явки у нас нет, а у Квинна достаточно челяди, чтобы меня арестовать, в крайнем случае тебе надо будет добраться до мичмана Флэндри и рассказать все ему. Как ты помнишь, он будет или в апартаментах лорда Хауксберга, или у себя в комнате; а план посольства я тебе начертил. Да проверь как следует — здешний видеофон должен быть подключен к автопилоту, чтобы ты или Флэндри могли вызвать машину. Я не говорил ему о тебе, но наказал безоговорочно довериться каждому, кто назовет ему пароль. Ты пароль помнишь?

— Конечно. «Мешугге»*. Но что это значит?

— Неважно, — усмехнулся Абрамс.

— А как мне вызвать вас?

— Никак. Ты только попадешь в беду. Кроме того, у меня будет больше шансов вывернуться, если я сошлюсь на дипломатическую неприкосновенность. Надеюсь, однако, что наш номер пройдет без осложнений. — Абрамс оглянулся по сторонам. — Я не вижу тебя, Двир, и не могу пожать тебе руку, хотя очень бы хотел это сделать. И сделаю когда-нибудь. — Флайер совершил посадку. — Удачи тебе.

Двир проследил своими электронными глазами, как крепкая фигура командора спускается по трапу и идет через маленькую посадочную площадку, устроенную в саду. Двое из клана вышли приветствовать терранина и проводить его в дом. Вскоре они скрылись за деревьями. Больше никого поблизости не было. Машину окутывал густой мрак.

Начнем, подумал Двир. Он ни на миг не поколебался в своем решении. В былые времена он испытывал бы страх, ускоренное сердцебиение, вызывал бы в памяти дорогие образы жены, детей и родного дома на далеком Танисе. Потом он ощутил бы прилив мужества, сознание высшего долга, порадовался бы случаю доказать, что он мужчина, проскочив между рогами смерти, — только в такие минуты и чувствуешь полностью, что жив! Теперь его тело не знало подобных ощущений. Двир уже забыл их. Единственной эмоцией, всегда остающейся при нем, словно незаживающая рана, было желание пережить все это опять.

Не все чувства покинули его. Хорошо сделанная работа приносила ему чисто головное удовольствие. Ненависть и ярость еще вспыхивали порой... но холодным, холодным огнем. Может

* Сумасшедший, безумный (*идиш*).

быть, они были только привычкой, въевшейся в клетки его мозга.

Двир зашевелился в покоем на чрево отсека, где лежал. Его живая рука постепенно отсоединяла от флайера его механические члены. Вскоре он совершенно освободился. Сколько часов должно пройти, чтобы сенсорное голодание начало губительно влиять на рассудок? К Двиру все время поступали впечатления окружающего мира, а когда он спал, то никогда не видел снов. Но что, если он остался бы здесь, в этой лишенной света, звука и тока скорлупе? Когда у него начались бы галлюцинации, увидел бы он себя вновь на Танисе? Пришла бы к нему Сивилла, его жена?

Вздор. Его задача в том, чтобы вернуться к ней целым, как прежде. Он открыл панель и выскользнул наружу. Системы, поддерживающие его существование, помещались на миниатюрных грависанках. Первым его шагом будет сменить их на более подходящее тело.

Он плыл низко над землей, держась за кустами, где темнее. Звезды были заметнее здесь, вдалеке от светящейся городской паутины и огня маяка, который горел внизу, у подножия этих высот. Двир разглядел солнце Таниса, где мерсейцы создали себе жилища среди гор и лесов, где по-прежнему жила Сивилла с детьми. Она считала его мертвым, но ему сказали, что она так и не вышла замуж и что дети благополучно подрастают.

Или это еще одна ложь?

Задача пробраться по городу незамеченным занимала лишь малую часть сознания Двира. Его искусственные органы чувств привыкли справляться с подобными проблемами, и за плечами у него был десятилетний опыт. Двир мог без помех предаваться воспоминаниям.

— Мне не хотелось покидать дом, — признался он Абрамсу на Старкаде. — Я был счастлив. Зачем мне было завоевывать Янаир? Говорили, что это послужит славе нашей расы. А я видел только ту, другую расу, которую мы крушили, жгли и порабощали, продвигаясь вперед. Я на их месте точно так же сражался бы за свою свободу. Но мой воинский долг требовал от меня лишать их того, что им принадлежало по праву рождения. Поймите меня правильно. Я по-прежнему был верен своему ройдхуну и своему народу. Это они предали меня.

— Верно, как преисподняя, — сказал Абрамс.

Этот разговор происходил уже после открытия, взорвавшего вселенную Двира.

— Что? — взревел тогда Абрамс. — Чтобы тебя нельзя было регенерировать? Быть того не может!

— Но степень облучения клеток...

— При такой дозе облучения ты был бы мертв. Основной генетический код управляет организмом всю жизнь. Если все мутирует разом, жизнь прекращается. А в процессе регенерации хромосомы служат химическим шаблоном. Нет — они увидели, что есть шанс сделать из тебя уникальное орудие, и солгали тебе. Думаю, тебе заодно вживили и подсознательный мозговой блок, препятствующий тебе заняться биомедициной самому и избегающий ситуаций, в которых кто-то другой мог бы просветить тебя. Боже! Много я гадостей повидал в своей жизни, но уж эта цветет пышным цветом на пурпурном стебле.

— Так меня можно вылечить? — завопил Двир.

— Наши хемотехники могут. Но ты не загорайся. Подумай хорошенько. Я мог бы распорядиться, чтобы тобой занялись, и сделал бы это из чисто этических побуждений. Но ведь ты так и остался бы отрезанным от семьи. Их надо переправить к тебе. Мы могли бы поселить вас на имперской планете. Но вот это уже не в моей власти. Тебе придется это заслужить. И ты можешь сделать это, работая на нас как двойной агент.

— Значит, и для вас я всего лишь орудие.

— Спокойно. Я так не говорил. Я сказал только, что вывоз твоей семьи обойдется недешево. Команда, которая будет этим заниматься, идет на риск. Ты должен заработать право посылать других на риск. Согласен?

«Еще бы не согласен!»

Мчась между башнями, Двир был не более приметен, чем ночная птица. Ему с легкостью удалось достичь своей цели — верхнего этажа контрольной станции, где обитали только компьютеры, никому не попавшись на глаза. Это помещение распорядился устроить сам Брехдан Железный Рок. Тайна существования Двира стоила того, чтобы ее сохранить. Опознающий замок открылся, и Двир прошмыгнул в комнату, набитую его телами и разными приспособлениями. Больше ничего там не было; лишенному тела ни к чему маленькие сокровища обыкновенного смертного.

Двир уже выбрал, что ему взять. Отсоединившись от санок, он поместил себя в двуногий корпус, распростертый, словно металлический труп. Из внешних чувств при нем сейчас остались только зрение, слух, слабое осязание и ощущение работы мускулов, боль в оставшихся тканях. Он был рад, когда закончил новое подключение.

Встав, он тяжело зашагал по комнате, подбирая и монтируя остальное, что могло ему понадобиться: специальные инструменты и датчики, гравитационный импеллер, бластер. Как

он сейчас слаб и неуклюж. Ему гораздо больше нравилось быть средством транспорта или боевой машиной. Металл и пластик не очень-то хорошо заменяют клетки, нервы, мускулы, чудесную костную конструкцию. Однако сегодня ему требовалось универсальное тело.

Теперь ему осталось лишь слегка замаскироваться. Он больше не мог сойти за мерсейца после того, что с ним сделали, но мог выглядеть, как человек в скафандре или скелет. Эта последняя раса давно уже подчинилась его расе и поставляла множество преданных работников. Немалому их числу было даровано мерсейское гражданство. Эта почесть не имела такого значения, как имела она на Терре, но давала кое-какие весомые привилегии.

Готово. Двир вышел из комнаты и снова поднялся в воздух, на этот раз открыто. Перед ним вставало Адмиралтейство, суровая гора, в которой светились пещеры и маяк пылал, как извержение вулкана. Рокот машин наполнял воздух, через который перемещался Двир. Он чувствовал их излучение как зарево, как звук, как вздымающуюся волну. Замедлив ход, он приблизился к запретной зоне и передал по тугому лучу пароль, данный ему Брехданом.

— Абсолютно секретно, — добавил он. — Никто не должен знать, что я здесь был.

Когда он опустился на посадочную террасу, вышел дежурный офицер.

— Что вам нужно на этом этаже? — осведомился он. — Руки, нашего протектора, нет в Ардайге.

— Знаю, — ответил Двир. — Я здесь по его прямому указанию, мне нужно проделать кое-что внутри. Это все, что мне позволено вам сказать. Вы и ваши часовые пропустите меня, затем выпустите и забудете о том, что я был здесь. Об этом нельзя говорить никому и ни при каких обстоятельствах. Дело тайное.

— Его код?

— «Тройная звезда».

— Проходите, — отдал честь офицер.

Двир прошел в коридор. Его шаги вызывали негромкое эхо. В передней комнате слышны были отзвуки работы на нижних этажах, но у двери архива Двир стоял один. Он никогда еще здесь не бывал. Однако расположение этого места секрета не представляло и о нем легко было узнать.

Но вот сама дверь... Двир приблизился к ней с бесконечной осторожностью, поставив все датчики на полную мощность. Скanners увидят, что у него нет сюда доступа, и могут вклю-

чить тревогу. Нет. Ничего. Сюда ведь иногда заходят и посторонние с поручениями. Двир снял маскировочную перчатку со своей роборуки и поднес пальцы к опознающим пластинам.

Они отреагировали. Искусственные нейроны Двира чувствовали, как отвергаются сигналы, поступающие в блок сравнения. Теперь нужно подать импульсы, соответствующие требуемым образцам руки и глаза. Медленно, медленно... с точностью до микрометра, срастаясь в одно с механизмом замка, чувствуя его, добиваясь от него нужного ответа... соблазн, ожививший инстинкты Двира и заставивший заработать быстрее его машинное сердце и легкие, отъединив его от внешнего мира... Готово!

Тяжелая дверь бесшумно открылась. Двир ступил внутрь. Дверь опять закрылась за ним. В черноте камеры что-то светилось, как опал.

За исключением собственного опознающего блока, этот молекулярный файл ничем не отличался от тех, с которыми Двир уже имел дело. По-прежнему чувствуя слитность с потоком электронов и переплетенными полями, Двир включил его. Операционного кода он не знал, но обнаружил, что здесь хранится не так уж много информации. Это и понятно, мелькнуло на задах его сознания. Никто не может в одиночку управлять империей. Тайны, которые Брехдан бережет для себя и трех своих товарищей, должны быть малочисленны, но громадны. Ему, Двиру Крюку, не придется долго заниматься поиском, прежде чем обнаружит нечто о Старкаде.

Эйдхафор: Компромат на Руку одного из вахов, который часто выступает против Брехдана в Совете. При необходимости информация послужит для расправы с противником.

Максвелл Кроуфорд: Смотри-ка — терранский губернатор системы Арахны состоит на службе у Мерсейи. Законсервированный агент, ожидающий своего часа.

Зерайн: Вот, значит, чем занимаются соратники Брехдана. Абрамс, очевидно, был прав: Хауксберга задерживают здесь, чтобы соответствующим образом повлиять на него, когда событие произойдет.

Старкад!

На экране вспыхнула цепочка цифр. 0,17847,3° 14'22" 0,591, 1818 ч. 3264... Двир автоматически внес их в память, несмотря на испытанный им шок. С файлом что-то произошло. Он подал какой-то импульс. Мимолетное излучение на долю секунды привело нервы Двира в легкую дрожь. Возможно, ничего страшного. Но лучше заканчивать поскорей и убраться отсюда!

Экран погас. Пальцы Двира замелькали так, что их невозможно стало различить. Цифры вернулись. Выходит, в них и заключается весь секрет. Вся тайна Старкада. А он, Двир, не знает, что они означают.

Но пусть эту загадку разгадывает Абрамс. Свое задание Двир выполнил. Почти выполнил.

Дверь открылась перед ним, и он вышел в переднюю. Дверь из нее в коридор стояла открытой. Двира ожидал часовой с бластером наготове. Еще двое охранников спешили на подмогу, заставляя клерков шарахаться в стороны.

— В чем дело? — гаркнул Двир. Он не мог больше чувствовать ни ужаса, ни испуга — вместо них в нем вспыхнуло глубокое пламя гнева.

Пот собирался на лбу у часового, капая с бровей.

— Ты был в секретном архиве, — прошептал он.

Тайна, заключенная в этих цифрах, настолько страшна, что на них наложено дополнительное заклятье. Когда их вызывают на свет, они зовут на помощь.

— У меня есть доступ, — сказал Двир. — Как иначе, потвоему, я смог бы войти?

Он не верил по-настоящему в то, что его взлом пройдет незамеченным. Слишком многие его видели. Но он мог бы выиграть несколько часов. Он загремел:

— Вы не должны никому говорить об этом — даже между собой. Операция значится под кодом, который известен дежурному офицеру. Он объяснит тебе, как это серьезно. Дай мне пройти.

— Нет. — Бластер дрожал в руке.

— Хочешь, чтобы тебя обвинили в неповиновении?

— При... придется рискнуть, прозорливец. Всем нам придется. Побудешь под арестом, пока Рука не освободит тебя лично.

Моторы Двира взвыли. Бросившись вперед, он выхватил собственный пистолет. Грянул гром, сверкнуло пламя. Обгоревший мерсеец рухнул на пол. Но он успел выстрелить первым — и оторвал Двиру живую руку.

Тот не испытал шока. Он не был вполне живым организмом. Сначала боль захлестнула его, и какой-то миг он двигался вслепую. Потом сработали гомеостаты в его протезах. Химические стимуляторы хлынули по трубкам в вены. Электронные импульсы микрокомпьютера поступили в нервные окончания, погасили боль, остановили кровотечение. Двир развернулся и бросился бежать.

Погоня бросилась следом. Снова затрещали пистолеты. Двир качнулся. Глянув вниз, он увидел сквозную дыру у себя в груди. Луч повредил какую-то часть механизма, питавшего мозг. Двир не знал, какую именно. Не систему кровообращения, потому что он продолжал двигаться. Систему фильтров, очистной блок, осмотический балансир? Скоро это выяснится. Хруп! Левая нога отказала. Двир упал. Грохот прокатился по коридору. Как же он забыл про импеллер? Двир приказал полю неагравитации включиться, но остался лежать, словно камень. Мерсейцы с криками подбегали все ближе. Двир нажал ручной выключатель и поднялся в воздух.

Дверь на террасу была заперта. Двир на предельной скорости прорвался сквозь нее. Луч, посланный часовым, сверкнул радугой на его броне. Скорее за край... и во мрак!

И мрак укрыл Двира. В его механизме, как видно, действительно поражен жизненно важный центр. Хорошо бы умереть. Но нет, еще не время. Надо продержаться еще немного. Тайно проникнуть в терранское посольство; Абрамс слишком далеко и скорее всего станет пленником. Добраться до посольства — не теряй сознания! — найти этого Флэндри — как шумит в голове — вызвать флайер — то, что его преследователи не узнают, кто он, пока не свяжутся с Брехданом, поможет ему — попытайся уйти — если уж начнешь терять сознание, спрячься сначала, и не умирай, не умирай — может быть, Флэндри тебя спасет. Как бы там ни было, ты все же немного отмистишь за себя, если разыщешь его. Мрак и глубокие бурные воды...

Двир Крюк летел один над ночным городом.

Глава 13

В тот день Абрамс вошел в кабинет, где работал Флэндри. Он закрыл дверь и сказал:

— Ну, сынок, бросай бумажки.

— С удовольствием. — Подготовка целой серии запросов для компьютера не совмещалась с идеей Флэндри о приятном времяпрепровождении, особенно когда вероятность того, что в них содержится нечто ценное, стремится к нулю. Он отодвинул от себя бумаги, откинулся назад и расправил затекшие мускулы. — Чем обязан?

— Камердинер лорда Хауксберга только что звонил здешнему мажордому. Они возвращаются завтра утром. Где-то в четвертом периоде, то есть в четырнадцать-пятнадцать часов в четверг по терранскому первому меридиану.

Флэндри втянул в себя воздух, крутнулся на стуле и посмотрел снизу вверх на своего шефа:

— Этой ночью?

— Угу. Меня тут не будет. По причинам, которых тебе знать не надо — среди них та, что я хочу привлечь к себе побольше внимания — я собираюсь напроситься в гости к местному богдыхану.

— Это, кроме того, послужит вам частичным алиби, если дело не выгорит. — В том, что Флэндри говорил, участвовала лишь верхняя половина сознания. Другая половина боролась с пульсом, легкими, испариной, напряжением во всем теле. Одно дело было броситься, не рассуждая, на мерсейскую подлодку. Другое дело — идти на непредсказуемый риск, играть по правилам, которые могут измениться в любую минуту, и все это хладнокровно, в течение икс-часов.

Он взглянул на свой хроно. Перси сейчас, конечно, спит. В отличие от флотских, которых несение вахт приучило к неземным суточным ритмам, штатский персонал посольства делил период вращения Мерсейи на двое коротких «суток». Перси следовала этому режиму.

— А мне, пожалуй, надо заступать на пост, — сказал Флэндри. — Нам так и так придется расстаться.

— Умница. Надо погладить тебя по головке и дать собачий бисквитик. Надеюсь, твоя прекрасная леди все это обеспечит.

— Мне все-таки очень не хочется... так ее использовать.

— На твоём месте я бы наслаждался каждой секундой. Кроме того, не забывай про своих друзей на Старкаде. В них стреляют.

— Д-да. — Флэндри встал. — А что нужно делать... в запасном варианте?

— Будь на месте — или у нее, или у себя. Наш агент скажет тебе пароль, который я еще придумаю. Его вид может показаться тебе странным, однако доверься ему. Точных указаний я тебе дать не могу. По многим причинам, в том числе и потому, что мне даже это неохота говорить здесь, несмотря на все уверения об отсутствии тут «жучков». Делай то, что сочтешь нужным. Горячки не пори. Даже если все сорвется, ты еще можешь успеть улизнуть в суматохе. Однако и не тани слишком долго. Если придется действовать, помни: никакого героизма, никого не спасать, не считаться ни с единой живой душой. Главное — вывезти информацию!

— Есть, сэр.

— Не очень-то браво у тебя это получилось, — засмеялся Абрамс. Он не проявлял никакого волнения. — Будем наде-

яется, что операция пройдет гладко и скучно. Хорошие операции обычно так и проходят. Обсудим кое-какие детали.

Позже, когда сумерки опустились на город, Флэндри направился в гостевые апартаменты. В коридоре было пусто. В идеале то, что лорд Хауксберг увидит, должно стать для него полнейшей неожиданностью. Так виконт скорее впадет в бешенство. Однако если замысел сорвется — если Перси уже знает о приезде лорда и выставит Флэндри за дверь — тогда скандальное известие должно разойтись по всей колонии. Флэндри уже придумал, как это сделать.

Он позвонил у двери. Вскоре сонный голос спросил:

— Кто там? — Он помахал в глазок сканнера. — А-а, мичман, в чем дело?

— Можно войти, донна?

Перси накинула на себя халат. Волосы у нее растрепались, и вся она прелестно выглядела. Флэндри вошел и закрыл за собой дверь.

— Можно без конспирации. Вокруг никого. Моего босса не будет всю ночь и добрую часть завтрашнего дня. — Он взял ее за талию. — Я не мог упустить такой случай.

— Я тоже не могу. — Она приникла к нему в долгом поцелуе.

— Может, нам тут остаться?

— Это было бы чудесно. Но лорд Оливейра...

— Позвони дворецкому. Скажи, что нездорова и не хочешь, чтобы тебя беспокоили до завтра. А?

— Это не очень-то вежливо. А, к черту. У нас так мало времени, дорогой.

Флэндри стоял за видеофоном, пока она говорила. Если дворецкий скажет ей, что Хауксберг ожидается завтра, придется задействовать план Б. Но нет, этого не случилось — слишком кратко изъяснялась Перси. Она распорядилась об автоматической доставке еды и напитков и тут же прервала разговор. Флэндри отключил аппарат.

— Не хочу, чтобы нас отвлекали, — объяснил он.

— У тебя прямо блестящие идеи, — улыбнулась она.

— У меня есть и получше.

— У меня тоже. — Она потянулась к нему.

Ее идеи включали в себя и закуску. В кладовой посольства царило изобилие, а в апартаментах имелся маленький кухонный блок, готовивший блюда, которые Перси умела программировать. Начали они с яиц по-бенедектински, икры, аквавита и шампанского. Несколько часов спустя за сим последовала перигорская утка с гарниром и бордо. Флэндри блаженствовал.

— Бог мой, — с чувством произнес он, — где же это было всю мою жизнь?

— Кажется, я открыла перед тобой новую карьеру, — хихикнула Перси. — У тебя все задатки первоклассного гурмана.

— Это уже вторая из причин, почему я никогда тебя не забуду.

— Только вторая?

— Да нет, я говорю чепуху. Причин целый миллион. Красота, ум, очарование... а не слишком ли я увлекся разговорами?

— Надо же тебе и отдохнуть. И я люблю тебя слушать.

— Да ну? После тех людей и мест, которые ты повидала...

— Каких таких мест? — с неожиданной горечью возразила она. — До этого путешествия я нигде дальше Луны не бывала. А люди — эти многоречивые, дорогостоящие, утонченные люди, их интриги и сплетни, смутные представления, заменяющие им приключения, слова, которыми они живут, — ничего, кроме слов, опять и опять... Нет, дорогой мой Доминик, это ты открыл мне, чего мне недостает. Ты разрушил стену, которая скрывала от меня Вселенную.

А нужно ли было это делать? Флэндри, не давая совести поднять голову, утопил ее в полноте мгновения.

Они лежали бок о бок, наслаждаясь старинной музыкой, когда дверь, опознав лорда Хауксберга,пустила его.

— Перси? Послушай, где... Государь император!

Он так и застыл на пороге спальни. Перси, подавив крик, шарила в поисках халата. Флэндри вскочил на ноги. Но ведь еще темно! Что случилось?

Виконт выглядел совсем иначе в зеленом охотничьем костюме и с бластером на ремне. Его лицо потемнело от солнца и ветра. На миг это лицо обмякло от удивления, но тут же затвердело. Глаза вспыхнули, как голубые звезды. Рука стиснула рукоятку пистолета.

— Так-так, — сказал он.

— Марк, — протянула руки Перси. Он не смотрел на нее.

— Значит, это вы — причина ее недомогания, — обратился он к Флэндри.

Ну, началось. С опережением графика, но лифт так или иначе пошел. Флэндри чувствовал, как тяжело бьется кровь и пот стекает по ребрам; но хуже страха была мысль о том, каким смешным он, должно быть, кажется. Он заставил себя ухмыльнуться.

— Нет, милорд. Вы.

— То есть как?

— Вы не слишком-то проявили себя как мужчина. — Живот у Флэндри напрягся от близости пистолета. Станным сопровождением служила льющаяся мелодия Моцарта.

Бластер остался в кобуре. Хауксберг только перевел дух.

— И давно вы так?

— Это моя вина, Марк, — крикнула Перси. — Только моя. — Слезы текли у нее по щекам.

— Ну уж нет, милая, — сказал Флэндри. — Это полностью моя идея. Должен сказать, милорд, что некрасиво являться вот так, без предупреждения. Итак, что же дальше?

— Дальше я арестую тебя по праву дворянина, шенок. Одевайся, ступай к себе и сиди там.

Флэндри взялся за одежду. Все, казалось бы, прошло гладко — лучше, чем он ожидал. Слишком уж гладко. В голосе Хауксберга не было ярости — лорд говорил почти рассеянно. Перси ухватила за него.

— Говорю тебе, Марк, виновата одна я, — рыдала она. — Оставь его. Со мной делай что хочешь, только его не трогай!

Хауксберг оттолкнул ее, рывкнув:

— Прекрати верещать. Думаешь, меня сильно занимают твои шалости, когда такое творится?

— А что случилось? — насторожился Флэндри.

Хауксберг молча смерил его взглядом и ответил только через минуту:

— Хотел бы я знать, так ли уж вам ни о чем не известно. Очень хотел бы.

— Милорд, мне ничего не известно! — У Флэндри помутилось в голове. Значит, что-то действительно пошло не так, как надо.

— Когда сообщение о случившемся пришло в Дхангодхан, мы все, естественно, тут же вернулись в город, — сказал Хауксберг. — Сейчас, по моему указанию, должны арестовать Абрамса. Ну а вы — какое участие во всем этом принимали вы?

«Надо уходить. Надо, чтобы агент Абрамса сумел со мной встретиться».

— Я ничего не знаю, милорд. Разрешите уйти к себе.

— Стойте!

Перси сидела на постели, укрыв лицо в ладонях, и рыдала — негромко.

— Стойте, где стоите. Ни шагу, ясно? — Хауксберг достал пистолет и, не сводя с Флэндри глаз, сделал круг по комнате

к видеофону. — Ага. Отключен? — Он привел аппарат в действие. — Лорда Оливейру.

Стояла густая тишина, пока включались многочисленные сканнеры системы. Наконец экран замигал, и появился посл.

— Хауксберг! Какого черта?

— Только что вернулся, — сказал виконт. — Нас известили о попытке проникнуть в архив премьера Брехдана. Попытка, возможно, удалась — и агент ушел. Премьер обвинил меня в соучастии. Естественно, с его стороны. Кто-то хочет сорвать мою миссию.

— Не обязательно, — опомнившись, сказал Оливейра. — Терра — не единственная соперница Мерсейи.

— Я так ему и ответил. Приготовьтесь поступить так же, когда получите официальную ноту. Однако нам следует проявить и добрую волю. Я отрядил мерсейцев арестовать командора Абрамса. Его доставят сюда. Поместите его под стражу.

— Лорд Хауксберг! Он имперский офицер и аккредитован при дипломатическом корпусе.

— Его задерживаем мы, терране. На основе полномочий, данных мне его величеством, я принимаю руководство на себя. И не советую обсуждать моих действий, если не хотите лишиться своего поста.

Оливейра побелел, однако поклонился.

— Очень хорошо, милорд. Попрошу, чтобы приказ был вручен мне в записи.

— Вы его получите, когда у меня будет время. Теперь на счет молодого Флэндри, помощника Абрамса. Случайно я захватил его здесь и, пожалуй, сначала сам его допрошу. Но приготовьте пару человек взять его под стражу, когда я скажу. А тем временем поднимайте свой штат, составляйте планы, готовьте объяснения и опровержения — скоро последует визит из здешнего министерства иностранных дел. Довольно с ним, — сказал Хауксберг, выключая связь. — Ну-ка вы, подите сюда и начинайте говорить.

Флэндри ступил вперед, словно в кошмарном сне. В голове у него роились мысли: Абрамс был прав. Осложнения в таких делах совсем ни к чему.

«Что теперь будет с ним?»

«Со мной? С Перси? С Террой?»

— Сядьте. — Хауксберг указал пистолетом на кресло и тут же отвел ствол в сторону. Он извлек из кармана плоскую коробочку, уже несколько успокоившись — как видно, начал входить во вкус дела.

Флэндри сел. Человек психологически проигрывает, когда смотрит снизу вверх. Да, здорово мы недооценили его светлость. Перси с красными глазами стояла в дверях спальни, обхватив себя руками и глотая воздух.

Хауксберг откинул крышку портсигара — Флэндри мимолетно отметил, как блеснуло чеканное серебро при флюоросвете — и сунул в зубы сигару.

— Какова ваша роль в этом спектакле? — спросил он.

— Никакой роли у меня нет, милорд, — пробормотал Флэндри. — Я не знаю... если бы я был замешан, разве мог я оказаться здесь в эту ночь?

— Отчего же. — Хауксберг спрятал портсигар и достал зажигалку. Его взгляд переместился на Перси: — А ты что скажешь, любовь моя?

— Я ничего не знаю, — прошептала она. — И он тоже. Клянись.

— Склонен поверить, что ты ничего не знаешь. — Зажигалка щелкнула и высекла огонь. — В таком случае тебя, однако, довольно цинично использовали.

— Он не способен на это!

— Хм. — Хауксберг бросил зажигалку и выдохнул дым из ноздрей. — Возможно, вас обоих надули. Это выяснится, когда мы протестируем Абрамса.

— Вы не посмеете! — крикнул Флэндри. — Он офицер!

— На Терре определенно посмеют, мой мальчик. И я бы тоже тотчас же сделал бы это, невзирая на последствия, будь у нас нужное оборудование. У мерсейцев оно, конечно, есть. При необходимости я не побоюсь даже более громкого шума и передам Абрамса им. Моя миссия слишком важна, чтобы я стал считаться с буквой закона. Вы можете уберечь нас всех от множества неприятностей, если расскажете все, мичман. Если из ваших показаний станет ясно, что терранская делегация ни в чем не замешана — понимаете?

«Расскажи ему что-нибудь — все что угодно, лишь бы выбраться отсюда». Мозг у Флэндри точно окаменел.

— Как мы могли бы осуществить такое? — промямлил он. — Вы же знаете, какое за нами было наблюдение.

— А вы когда-нибудь слышали о провокаторах? Я никогда не верил, что Абрамс отправился сюда просто так, скуки ради. — Хауксберг переключил видеофон на запись. — Так что начните сначала, продолжите до конца, а там остановитесь. Зачем Абрамс вообще привлек вас к этому делу?

— Ну... ему был нужен адъютант. — *«В самом деле, как это случилось? Все происходило так постепенно. Шаг за шагом.*

Я ведь так и не решил окончательно, что перейду в разведку. И вот я уже в ней».

Перси расправила плечи:

— Доминик хорошо проявил себя на Старкаде, — несчастным голосом сказала она. — Он сражался за Империю.

— Прекрасная, звучная фраза. — Хауксберг стряхнул пепел с сигары. — Неужели ты по-настоящему увлеклась этим пентюхом? Ну неважно. Возможно, ты понимаешь все же, что и я работаю на благо Империи. «Работать» звучит не столь романтично, как «сражаться», но в конечном счете приносит больше пользы, а? Продолжайте, Флэндри. Чего Абрамс намеревался добиться, по его словам?

— Он... он надеялся узнать здесь кое-что. Он никогда этого не скрывал. Но шпионаж — нет. Не дурак же он, милорд. — Просто кто-то оказался умнее. — Я опять-таки спрашиваю вас — как он мог бы подготовить такую операцию?

— Вопросы предоставьте мне. Как вы впервые сошлись с Перси и почему?

— Мы... я... — Видя, как она страдает, Флэндри осознал в полной мере, что это такое — сделать оружие из живого существа. — Это я виноват. Не слушайте ее. По пути сюда...

Дверь открылась. Никакими тревожными сигналами это не сопровождалось, как и при входе Хауксберга. Но на того, кто проник сейчас внутрь, замок определенно настроен не был!

Перси завизжала. Хауксберг с проклятием отскочил назад. Пришелец, весь из обожженного, покореженного металла, с кровоточащим обрубком руки, с серой кожей, туго обтянувшей то, что осталось от лица, грохнулся на пол.

— Мичман Флэндри, — позвал он. Голос еще не совсем угас, но уже вышел из-под контроля — он то ослабевал, то усиливался, и был совершенно однотонным. Скanners на месте глаз то вспыхивали, то гасли.

Флэндри сомкнул челюсти. Агент Абрамса? Надежда Абрамса, израненная и умирающая у его, Флэндри, ног?

— Он здесь, — выдохнул Хауксберг, стиснув в кулаке бластер. — Говорите.

Флэндри затряс головой, мотая промокшими от пота волосами.

— Говорите, сказано вам, — приказал Хауксберг. — Иначе я убью вас и уж непременно сдам Абрамса мерсейцам.

Существо, истекающее кровью на полу перед снова закрывшейся входной дверью, казалось, не замечало его.

— Мичман Флэндри. Который из вас он? Скорее. Мешугге. Он велел мне сказать «мешугге».

Флэндри, не раздумывая, встал с кресла и опустился на колени в лужу крови.

— Я здесь, — прошептал он.

— Слушай. — Голова раненого перекашивалась из стороны в сторону, глаза светились все более тускло, в разбитом корпусе сухо трещал сервомотор. — Запоминай. В старкадском файле были эти цифры.

Когда он стал выкашливать их одну за другой в двоичных знаках на эрио, сработала выучка Флэндри. Понимать было не обязательно, он и не старался — и не просил повторить; каждый знак точно огнем выжигался в его мозгу.

— Это все? — выговорил он сдавленным голосом.

— Да. Все. — Металлические пальцы шарили в воздухе, и Флэндри сжал их. — Ты запомнишь мое имя? Я был Двир с Таниса, когда-то меня звали Веселый. Потом меня превратили вот в это. Я был вмонтирован в ваш флайер. Командор Абрамс послал меня. Он потому и улетел отсюда, чтобы я мог уйти незамеченным. Но на информации о Старкаде был тревожный код. Меня расстреляли, когда я уходил. Я бы пришел к тебе раньше, но все время терял сознание. Ты должен вызвать флайер... и бежать, так я думаю. Помни Двира.

— Мы всегда будем помнить тебя.

— Хорошо. Теперь помоги мне умереть. Если откроешь главную панель, можно выключить сердце. — Голос дребезжал, как безумный, но слова можно было разобрать. — Я не могу больше удерживать в голове Сивиллу. Мозг отравлен, и ему не хватает кислорода. Клетки отмирают, одна за другой. Выключи сердце.

Флэндри высвободил руку из металлических пальцев и стал искать, где открывается дверца на петлях. Он плохо видел, и его душил запах горелого масла и спаленной изоляции.

— Руки прочь, — сказал Хауксберг. Флэндри не слышал его. Виконт подошел и ударил юношу ногой. — Прочь, я сказал. Он нам нужен живым.

— Вы этого не делаете, — выпрямился Флэндри.

— Еще как сделаю. — Рот Хауксберга кривила гримаса, грудь вздымалась и опадала, сигара выпала на пол, в растекающуюся кровь. — Великий император! Теперь-то мне все ясно. Это двойной агент Абрамса. Он должен был добыть информацию, передать ее тебе, а я — с позором отправить тебя домой, застав с Перси. — Он не удержался, чтобы не взглянуть с торжеством на свою подругу. — Улавливаешь, дорогая? Ты была всего лишь средством.

Она попятилась от них, прижимая одну руку ко рту, другой отталкивая от себя жестокую правду.

— Сивилла, Сивилла, — послышалось с пола. — О, скорей! Хауксберг двинулся к видеофону.

— Вызовем врача. Думаю, мы спасем этого парня, если поторопимся.

— Но разве вы не понимаете? — взмолился Флэндри. — Эти цифры — Старкад и правда скрывает какую-то тайну — а ваша миссия все равно была обречена на неудачу. Нужно сообщить эту информацию нашим!

— Это уж моя забота. Вам будет предъявлено обвинение в государственной измене.

— За то, что я пытался удержать Империю на плаву?

— За попытку срыва официальных переговоров. За то, что вместе с Абрамсом пытались вести собственную политику. Видно, возомнили себя его величеством? Скоро вы уразумеете, что это далеко не так. — Флэндри сделал шаг вперед. Пистолет дернулся. — Назад! Мне ничего не стоит выстрелить, имейте в виду. — Хауксберг протянул свободную руку к видеофону. Флэндри стоял над Двиром, переживая свой личный Судный день. Перси бросилась к лорду.

— Марк, не надо!

— Уйди. — Пистолет целил во Флэндри. Перси обхватила виконта руками — и вдруг, вцепившись в его правое запястье, повалилась на пол, увлекая руку с пистолетом за собой.

— Ники! — вскричала она.

Флэндри кинулся вперед. Хауксберг ударил Перси кулаком. Удар пришелся по голове, но она не уступила. Подоспевший Флэндри отвел удар, предназначенный ему, и напрягшиеся пальцы другой его руки поразили лорда в солнечное сплетение. Хауксберг скрючился. Флэндри стукнул его ниже уха, и он свалился.

Флэндри подобрал бластер и набрал номер на видеофоне.

— Флайер к посольству, — приказал он на эрио.

Потом вернулся к Двиру, встал на колени и открыл нагрудную панель. Должно быть, этот выключатель? Флэндри снял его с предохранителя.

— До свидания, друг, — сказал он.

— Минуту, — продребезжал тот. — Я потерял ее. Такой мрак. Шум... Теперь можно.

Флэндри повернул выключатель. Глаза погасли, и Двир затих.

Перси вытянулась рядом с Хауксбергом, сотрясаясь от плача. Флэндри поднял ее.

— Мне надо бежать, — сказал он. — И это, возможно, плохо кончится. Хочешь со мной?

— Да, да, да, — прижалась она к нему. — Иначе они убьют тебя.

Он обнял ее одной рукой, другой целя в Хауксберга, который шевелился, глотая воздух. Одна вещь вдруг поразила мичмана.

— Почему ты мне помогла? — тихо спросил он.

— Сама не знаю. Забери меня отсюда!

— Что ж... возможно, ты совершила нечто, имеющее громадное значение для человечества — если эта информация действительно так важна, а она должна быть такой. Надень на себя платье и туфли. Причешись. Найди мне чистую пару брюк. Эти все в крови. Только быстро. — Плачущая Перси вцепилась в него еще крепче. Он шлепнул ее. — Быстро, я сказал! Не то мне придется оставить тебя тут.

Она бегом бросилась выполнять его указания. Флэндри ткнул ногой Хауксберга.

— Вставайте, милорд.

Хауксберг с трудом принял вертикальное положение.

— Вы с ума сошли, — выдохнул он. — Неужели вы всерьез надеетесь уйти?

— Я всерьез надеюсь попытаться. Дайте-ка мне вашу португалью. — Флэндри застегнул ее на себе. — Сейчас мы пойдем к флайеру. Если кто-нибудь спросит, вы скажете, что вас удовлетворил мой рассказ, что я сообщил вам нечто, что не может ждать, и мы с вами направляемся доложить об этом мерсейским властям. При первом же намеке на осложнения я начну стрелять — и первый, кто получит разряд, будете вы. Ясно?

Хауксберг потирал шишку за ухом, сердито глядя на него.

Начав действовать, Флэндри отбросил всякие сомнения. Адреналин пел в его венах. Никогда еще он так остро не воспринимал окружающее — эту роскошную комнату, налитые кровью глаза Хауксберга, прелестное явление Перси в огненно-красном платье, запахи пота и гнева, вздохи вентилятора, жар кожи, сцепление мускулов, сгиб локтя, направляющего пистолет — он жив, вечно свидетель!

Переменив брюки, он сказал:

— Выходим. Вы первый, милорд. Я на шаг позади, как подобает мне по званию. Перси с вами. Следи за его лицом, дорогая. Он может попытаться передать что-то мимикой. Если он подмигнет или сморщит нос, скажи мне, и я его убью.

У нее задрожали губы:

— Нет. Не надо убивать Марка.

— Он бы меня запросто убил. Игра началась, и тут уж не до деликатности. Если он будет вести себя хорошо, то, возможно, и выживет. Пошли.

Выходя, Флэндри отдал честь тому, что лежало на полу.

Но не забыл загородить это собой, пока дверь в коридор не закрылась за ним. За углом они встретили пару молодых сотрудников посольства, направляющихся в их сторону.

— Все в порядке, милорд? — спросил один. Флэндри схватился за пистолет в кобуре и громко прокашлялся. Хауксберг кивнул.

— Я направляюсь в Афон. Сию минуту. С этими людьми.

— В апартаментах находится секретный материал, — добавил Флэндри. — Не входите и никого не пускайте туда.

Он чувствовал их взгляды — они буравили спину, как пули. Неужели и впрямь удастся всех надуть и уйти? Возможно. Здесь не полиция и не армия, здесь не занимаются насилием — только вызывают его, а там пусть другие отдуваются. Самое опасное ожидает его за пределами посольства. Теперь, уж конечно, всю территорию взяли в кольцо. Двир чудом проскользнул незамеченным.

В вестибюле их остановили еще раз, и они опять отделались парой слов. Снаружи покрытый росой сад поблескивал под Литиром и тусклым Нейевином. Было прохладно, и слышался отдаленный рокот машин. Флайер Абрамса уже прибыл. *«О Господи, ведь я бросаю шефа!»* Машина ждала на площадке с открытой дверцей. Флэндри велел сесть Хауксбергу и Перси. Закрыл за собой дверцу и включил свет.

— Садитесь за пульт, — приказал он пленнику. — Перси, принеси полотенце из гальюна. Милорд, сейчас нам предстоит миновать оцепление. Поверят нам, если мы скажем, что мирно следуем в Дхангодхан?

— В то время, когда Брехдана там нет? — скривился Хауксберг. — Не будьте смешным. Прекратите эту комедию, сдайтесь и облегчите тем свою участь.

— Что ж, придется выбрать трудный путь. Когда нас остановят, скажете, что мы летим на ваш корабль за чем-то, что нужно показать Брехдану в связи с этим эпизодом.

— И надеетесь, что они это проглотят?

— А почему бы и нет? Мерсейцы не так блюдают правила, как терране. На их взгляд, благородному господину как раз и надлежит действовать самому, не заполняя при этом двадцати разных анкет. Если они не поверят, я отключу предохранители и протараню их — так что постарайтесь. — Перси подала полотенце. — Сейчас я свяжу вам руки. Помогайте, или я пристрелю вас.

Флэндри осознал теперь, что такое власть и как она работает. Ты перехватываешь инициативу, и другой инстинктивно подчиняется тебе, если не был обучен владеть собой. Но

давления нельзя ослаблять ни на секунду. Хауксберг обмяк на сиденье и хлопот не доставлял.

— Ты не тронешь его, Ники? — с мольбой спросила Перси.

— Нет, если он меня не вынудит. Разве у нас и без того мало забот? — Флэндри сел за ручной штурвал, и флайер поднялся в воздух.

Зажужжал сигнал вызова. Флэндри замкнул цепь, и на видео-экране появился мерсеец в форме. Ему была видна только верхняя часть их тел.

— Стойте! Служба безопасности, — распорядился он.

Флэндри толкнул в бок Хауксберга.

— Знаете... нам нужно на мой корабль... — заговорил ви-конт. Ни один человек не клянул бы на выдумку, столь явно шитую белыми нитками — и ни один мерсеец, знакомый с тонкостями человеческого поведения. Но этот был простым офицером планетарной полиции, поставленной сюда лишь потому, что оказался в этот острый момент на дежурстве. Флэндри на то и рассчитывал.

— Сейчас проверю, — сказал зеленый страж.

— Вы что, не поняли? — рявкнул Хауксберг. — Я дипломат. Сопровождайте нас, если угодно, но задерживать нас вы не имеете права. Следуйте дальше, пилот.

Флэндри врубил гравиторы. Флайер стал набирать высоту. Ардайг исчезал внизу, превращаясь из блестящей паутины в светлое пятнышко. Включив кормовой экран, Флэндри увидел два темных силуэта, которые развернулись и последовали за ними. Эти машины были меньше их флайера, но вооружены и покрыты броней.

— Здорово у вас получилось под конец, милорд, — сказал он.

Хауксберг быстро восстанавливал душевное равновесие.

— Вы тоже неплохо действовали. Начинаю понимать, что нашел в вас Абрамс.

— Благодарю. — Внимание Флэндри поглощал набор скорости. Противоперегрузочное поле было настроено недостаточно хорошо; он чувствовал тяжесть — если бы она не компенсировалась, даже дышать было бы трудно.

— Только все равно ничего не выйдет, — продолжал Хауксберг. — Связь-то работает. Конвой получит приказ повернуть нас обратно.

— Хочется верить, что нет. На их месте я вспомнил бы, что «Королеву Мэгги» их же пилот аттестовал как не представляющую опасности. Я бы просто держал охрану наготове и

следил бы, что вы будете делать. Должно быть, Брехдан все же убежден, что вы искренне хотите ему помочь.

Ардайг исчез. В лунном свете сверкали горы, высокие плато и облака, белым одеялом окутывающие планету. Вой рассеяемого воздуха стал затихать и пропал совсем. Вышли вперед по-зимнему чистые звезды.

— Чем больше я думаю, — сказал Хауксберг, — тем больше сожалею, что вы стали не на ту сторону. Мир нуждается в способных людях еще больше, чем война.

— Сначала надо добиться его, этого мира. — Флэндри нажимал на клавиши компьютера. По привычке он запомнил шесть элементов орбиты корабля вокруг Мерсейи. Пертурбация еще не должна сильно исказить их.

— Это самое я и пытаюсь сделать. И говорю вам — его можно получить. Вы слушали этого фанатика Абрамса. Послушайте и меня.

— Охотно, — не слишком внимательно ответил Флэндри, занятый расчетами. — Объясните для начала, почему Брехдан держит в тайне нечто, касающееся Старкада.

— Думаете, у нас нет тайн? Брехдан вынужден как-то защищаться. Если мы позволим взаимному страху и ненависти расти и дальше, дело определенно кончится большой войной.

— Если мы позволим загнать Терру в угол, то согласен с вами, милорд — все крематории и мусорные печи планеты и то взлетят в космос.

— А вы не пробовали взглянуть на это с мерсейской точки зрения?

— Я тоже не считаю разумным не оставлять им иного выхода, кроме как попытаться уничтожить нас, — пожал плечами Флэндри. — Однако пусть над этим думают государственные мужи. Я только исполнитель. Помолчите, пожалуйста, и дайте мне рассчитать траекторию подхода.

На краю мира вспыхнул Корих, восходя в золоте и аметисте среди миллионов звезд. Коммуникатор снова загудел.

— Прозорливец, — сказал мерсейский офицер, — вы можете подняться ненадолго на борт своего корабля при условии, что мы будем вас сопровождать.

— Сожалею, — ответил Хауксберг, — но это совершенно исключено. Мне нужно взять материалы, предназначенные для глаз одного лишь протектора Брехдана. Я могу предложить вам подняться на борт этого флайера, когда я в него вернусь, и препроводить меня непосредственно в замок Афон.

— Я передам слова прозорливца своим начальникам и сообщу вам об их решении.

— Ты просто чудо, — сказала Перси. Хауксберг отрывисто засмеялся.

— Мне не хотелось бы, чтобы твой стремительный юный герой включал меня в свою операцию «Божественный Ветер»*. — И серьезно продолжил: — Полагаю, вы задумали бежать на одном из катеров. Об этом не может быть и речи. Космический патруль перехватит вас задолго до того, как вы сможете войти в гиперрежим.

— Не перехватит, если я войду в гипер сразу же.

— Да в уме ли ты, парень? Ты же знаешь, как велика концентрация материи так близко от солнца. Если в микропрыжке ты врежешься в самый мелкий камушек...

— Рискнем. Шансы в нашу пользу, особенно если стартовать по нормали к плоскости эклиптики.

— Корабль поддается обнаружению в пределах одного светового года. Судно, у которого больше ног, способно будет догнать вас. И догонит.

— Вас-то там не будет. Так что задрайте свой люк. Я занят.

Минуты шли за минутами. Флэндри краем уха отметил, что им с Хауксбергом разрешено подняться на борт одним. И понял, почему им это разрешили. «Гудящая Маргрета» безоружна, и на ней никого нет. Трое человек не смогут подготовить ее к старту меньше чем за несколько часов. А за это время подойдет военный корабль и возьмет ее под прицел. У Хауксберга скорей всего честные намерения. Любопытно посмотреть, что он вынесет с корабля.

В поле их зрения показался большой заостренный цилиндр. Флэндри связался с автоматами корабля и подошел к нему по приборам и по собственному чутью. Перед ними раскрылся лодочный шлюз. Флэндри проскочил в него. Шлюз закрылся, в него пошел воздух, мичман заглушил двигатель и остановился.

— Придется обезопасить вас, милорд. Они обнаружат вас, когда войдут.

— Не передумали? — спросил Хауксберг. — Терре жаль будет лишиться такого, как вы.

— Сожалею, но нет.

— Предупреждаю — вы будете объявлены вне закона. Я не намерен сидеть сложа руки, позволив вам продолжать в том же духе. После всего случившегося лучший способ, которым я могу доказать мерсейцам свою непричастность, — это помочь им остановить вас.

Флэндри положил руку на бластер. Хауксберг кивнул:

* Так переводится с японского слово «камикадзе».

— Да, вы сможете несколько замедлить этот процесс, убив меня.

— Этого не бойтесь. Перси, еще три-четыре полотенца. Ложитесь на пол, милорд.

Хауксберг подчинился и сказал, глядя на девушку:

— Не путайся в это дело. Останься со мной. Я скажу, что ты тоже была заложницей. Терпеть не могу терять своих женщин.

— Тем более что здесь в них недостаток, — согласился Флэндри. — Оставайся, Перси.

Какой-то миг она молчала.

— Значит, ты прощаешь меня, Марк?

— Ну да.

Она наклонилась и легонько поцеловала его.

— Кажется, я тебе верю. Но нет, спасибо. Я уже сделала выбор.

— После того, как твой дружок так обошелся с тобой?

— Он был вынужден. Приходится в это поверить. — И Перси помогла быстро связать Хауксберга.

Они с Флэндри вышли из флайера. В коридорах загорался свет, и эхо вторило их шагам. До следующего ангара было недалеко. В нем поблескивал стройный корпус главного катера. Флэндри знал эту модель: славная штука, крепкая и послушная, заправленная топливом и продовольствием на несколько сот парсеков пути. И быстрая; военный корабль она, конечно, не обгонит, но охота по следу — долгая охота, и есть кое-какие идеи на случай, если враг подойдет близко.

Флэндри быстро проверил системы. Вернувшись в рубку, он нашел Перси на месте второго пилота.

— Я тебе не помешаю? — застенчиво спросила она.

— Наоборот. Только молчи, пока не войдем в гиперрежим.

— Конечно. Не такая уж я дурочка, Ники. Второсортные танцовщицы умеют выживать. Правда, не в космосе. Но это в первый раз я делаю что-то для кого-то, кроме себя. Это приятно. Боязно, но приятно.

Флэндри провел рукой по спутанным темным волосам, по гладкой щеке и тонкому носу, приподнял подбородок и коснулся губами губ.

— Не могу даже сказать, как я тебе благодарен, — прошептал он. — Я проделал все это в основном ради Макса Абрамса. Холодно было бы мне путешествовать с его призраком. Теперь мне есть для кого жить.

Он сел, и двигатель заработал, послушный его прикосновению.

— Тронулись.

Над Ардайгом занялся день, и большие барабаны с башни на холме Эйдх вознесли свое древнее молебствие. Тень от Адмиралтейства легла на Ойсс, голубую и повитую туманами, скрывающими начало дневного движения по реке. На суше эта черная тень покрыла замок Афон.

Однако Брехдан Железный Рок решил принять терран здесь, а не в своем новом гнезде. Он получил удар, рассудил Абрамс. И быстро оправляется, но нуждается в помощи предков.

Попадая в приемный зал, человек бывал поначалу ошеломлен, чувствуя себя как во сне. Ему нужно было какое-то время, чтобы осознать то, что он видит. Пропорции этого длинного мощенного плитами помещения, высоких стен, узких окон, закругленных и вверх и вниз, зубчатого свода были неправильны по всем терранским канонам и все же обладали своей собственной правотой. Маски-шлемы, венчающие ряды доспехов, скалились, словно демоны. Изображения на поблекших гобеленах и шуршащих боевых знаменах не поддавались человеческой символике. Таким был Старый Вилвидх до того, как машинная эра причесала его под общую гребенку. Здесь был исток Мерсейи. Нужно побывать в таком месте, как это, чтобы до самой глубины души осознать, насколько мерсейцы тебе не сродни.

«Хотел бы я, чтобы и мои предки были рядом. — Подходя к возвышению бок о бок с молчащим Хауксбергом, гулко стуча сапогами по полу, вдыхая горький аромат курений, Абрамс вызывал в воображении Дейан. — И у меня есть свое место в космосе. Не надо забывать об этом».

В черных одеждах, под драконом, вырезанным из черного дерева, Рука ваха Инвори ждал. Люди поклонились ему. Он поднял короткое копьё и стукнул древком об пол в знак приветствия. Потом отрывисто сказал:

— Случилось скверное.

— Какие новости, сударь? — спросил Хауксберг. Глаза его запали, и уголок рта подергивался в тике.

— Согласно последнему докладу, истребитель напал на след гипердвижения Флэндри. Корабль догонит его, но на это потребуется время, а пока что оба вышли из зоны обнаружения.

— Примите еще раз, протектор, мои глубочайшие сожаления. Я готовлю обвинительный акт против этого злодея. Если его возьмут живым, с ним следует поступить, как со всяким пиратом.

«Ну да, — подумал Абрамс. — Его сунут под гипнотестер и выжмут досуха. Что ж, никаких военных тайн он не знает, а

мне от его показаний хуже уже не будет. Но пожалуйста, пусть его убьют сразу».

— Милорд, — сказал он, — выражаю вам и Руке официальный протест. Доминик Флэндри носит имперский военный чин. Он имеет право, как минимум, на трибунал. Да и дипломатический иммунитет нельзя отменить произвольно.

— Он аккредитован не правительством его величества, а мною самим, — оборвал его Хауксберг. — То же относится и к вам, Абрамс.

— Помолчите, — приказал Брехдан. Хауксберг, не веря ушам, уставился в его массивное зеленое лицо. Брехдан смотрел на Абрамса. — Командор, когда вас схватили ночью, вы утверждали, будто обладаете информацией, которую я должен услышать лично. Когда мне доложили об этом, я согласился. Желаете поговорить со мной наедине?

«Ну, держись — начинается. Недавно я хвастал перед Домом, что меня ни под каким видом не заставят говорить и дорого заплатят за мою шкуру. Ну и вот он я — целый и безоружный. Чтобы мое хвастовство не оказалось напрасным, придется этим бедным мозгам поднапрячься и уберечь меня от камеры допроса».

— Благодарю вас, Рука, — сказал он, — но дело касается и лорда Хауксберга.

— Говорите открыто. Сейчас не время для околичностей.

Сердце Абрамса колотилось, но говорил он твердо.

— Обратимся к закону, Рука. Подписав Альфзарский договор, Мерсейя тем самым обязалась соблюдать дипломатические и военные правила, создавшиеся на Терре. Правила эти создались, и вы приняли их, потому, что они превосходно себя оправдали. Итак, если вы объявите нас персонами нон грата и вышлете с планеты, у правительства его величества не будет никаких оснований для жалоб. Но иные действия против любого из нас, невзирая на вид нашей аккредитации, послужит основанием для разрыва отношений, если не для войны.

— Дипломатический персонал не имеет права заниматься шпионажем, — сказал Брехдан.

— Верно, не имеет. Но и правительство той державы, куда дипломат направляется, не должно шпионить за нами. А Двир Крюк фактически был подослан ко мне в качестве шпиона. Это вряд ли является дружественным актом, Рука, тем более во время срочных переговоров. Случилось так, что симпатии Двира оказались на стороне Терры...

— Я не верю, что это случайность, командор, — холодно улыбнулся Брехдан. — У меня создалось отчетливое впечатление, что это ваши же маневры помогли поместить его туда, где

он был с вами в контакте. Примите комплименты вашему мастерству.

— Рука, правительство его величества опровергнет любое утверждение подобного рода.

— Как вы смее высказываться от имени Империи? — взорвался Хауксберг.

— А вы как смее, милорд? Я лишь предсказываю, что произойдет. Может быть, Рука согласится, что мое предсказание довольно верно?

Брехдан потер подбородок.

— Обвинение и контробвинение, отрицание и контротрицание... да, несомненно. Кого, вы полагаете, поддержит Империя?

— Это зависит от Политического комитета, Рука, а его решение зависит от многих факторов, включая и настроение. Если Мерсейя примет разумный, с точки зрения Терры, курс, Терра способна ответить ей тем же.

— И этот разумный курс, я полагаю, предусматривает снятие обвинений против вас, — сухо заметил Брехдан.

Абрамс вздернул плечи и развел руками:

— А как же иначе? Можно сказать, например, что Двир и Флэндри действовали под влиянием импульса, без моего ведома. Стоит ли затрагивать честь обоих наших планет?

— Храйх. Да. Вы верно ставите вопрос. Но, честно говоря, я в вас разочаровался. Я бы защищал своего подчиненного.

— Рука, то, что случится с ним, не в моей и не в вашей власти. Он и его преследователь вышли из зоны связи. Быть может, это прозвучит напыщенно, но я хотел бы спасти себя самого для дальнейшей службы Империи.

— Это мы еще посмотрим, — мстительно вставил Хауксберг.

— Я приказал вам молчать, — сказал Брехдан. — Нет, командор, на Мерсее ваши слова не сочтут напыщенными. — Он склонил голову. — Отдаю вам должное. Лорд Хауксберг сделает мне одолжение, если отныне будет считать вас невиновным.

— Однако, — возразил виконт, — он определенно не должен покидать территории посольства в течение нашего пребывания здесь. По возвращении же его судьбу решит его командование и его правительство.

— Да, я требую, чтобы командор оставался в посольстве. — Брехдан подался вперед. — А теперь, посланник, ваша очередь. Если вы согласны продолжить наши переговоры, мы тоже согласны. Но на определенных условиях. Флэндри может еще ускользнуть, и он действительно имеет при себе военные тайны. Поэтому нам следует незамедлительно выслать курьера

в ближайшее расположение терранских сил с посланием от нас обоих. Если Терра отречется от Флэндри и окажет Мерсейе содействие в его поимке или ликвидации, она докажет, что желает мирных отношений с нами, и Большой Совет его совершенства будет рад перейти на соответствующий политический курс. Согласны вы приложить свои усилия, чтобы этого достичь?

— Ну разумеется! Разумеется!

— Однако Терранская Империя далеко, — продолжал Брехдан. — Не думаю, что Флэндри направится туда. Наши патрули для страховки перекроют, конечно, все наиболее вероятные маршруты. Но ближайшее человеческое поселение находится на Старкаде, и Флэндри, если ему как-то удастся уйти от нашего истребителя, скорее всего повернет или туда, или на Бетельгейзе. Этот сектор огромен и мало изучен. У наших разведчиков будет весьма мало шансов перехватить его, пока он не приблизится к цели. Поэтому я, в случае его ухода, хочу перекрыть все подступы к планете. Но поскольку мое правительство не больше вашего заинтересовано в эскалации конфликта, вашему коменданту на Старкаде следует сообщить, что заградительные корабли не представляют для него угрозы и нет нужды посылать за подкреплением. Напротив, он должен оказать нам содействие. Вы подготовите такой приказ?

— Сию же минуту, — сказал Хауксберг, окрыленный надеждой, не обращая внимания на пристальный взгляд Абрамса.

— Скорее всего в этом не возникнет необходимости, — сказал Брехдан. — По оценке истребителя, он нагонит Флэндри через три дня. И немногим позже сможет доложить о результатах. Тогда мы вздохнем свободно, как и правительство его величества. Но ради пушей безопасности лучше приступить к делу теперь же. Пожалуйста, пройдите со мной в смежный кабинет. — Брехдан встал и на секунду встретился глазами с Абрамсом. — Командор, ваш молодой человек заставляет меня гордиться тем, что я мыслящее существо. Чего только не достигли бы наши расы, объединившись? Доброй охоты.

Абрамс не смог ответить. В горле у него стояли непролившиеся слезы. Он поклонился и вышел. У двери к нему с обеих сторон присоединились мерсейские часовые.

Звезды грудились в смотровых экранах, немилосердно яркие на фоне бесконечной ночи. Космический катер гудел от скорого бега.

Флэндри и Перси оторвались от своей работы. Она все это время подавала ему инструменты, еду и прочее, следуя его указанию: «Ты только корми меня и более за меня». В бесформенном комбинезоне, с повязанной шарфом головой, с пятном от смазки на носу, она почему-то казалась ему желанной, как никогда. Не потому ли, что смерть шла по пятам?

Мерсейский истребитель приказал им остановиться уже давно, целую вечность назад, подойдя к ним на расстоянии гипервибрационной связи. Флэндри отказался. «Тогда готовьте свои мысли для встречи с Богом», — сказал мерсейский капитан и прекратил разговор. Миг за мигом, час за часом истребитель подкрадывался к ним, и теперь все приборы кричали о его приближении.

Перси схватила Флэндри за руку холодной рукой.

— Не понимаю, — тонким голосом сказала она. — Ты говоришь, он идет по нашему гиперследу. Но ведь космос так велик. Почему бы нам не перейти на субсветовой режим — пусть тогда ищет?

— Он слишком близко. И был слишком близко еще тогда, когда мы впервые узнали, что он нас преследует. Если мы включим вспомогательные двигатели, он будет довольно точно представлять, где мы находимся, и ему придется обшарить не такое уж большое пространство, чтобы обнаружить наше нейтринное излучение.

— А нельзя ли отключить все источники энергии?

— Мы не прожили бы и дня. От энергоузла зависит все. Вопрос только в том, замерзли бы мы или задохнулись. Будь у нас оборудование для анабиоза — но его нет. Это не военное и даже не исследовательское судно. Это просто самая большая шлюпка, какая нашлась на «Королеве Мэгги».

Они перешли в рубку.

— Что же теперь будет? — спросила Перси.

— Теоретически то есть? — Флэндри был благодарен ей за возможность поговорить. Альтернативой была бы тишина, давившая на катер со всех сторон. — Вот смотри. Мы путешествуем быстрее света, совершая множество квантовых скачков в секунду, не пересекая при этом промежуточных пространств. Можно сказать, что большую часть времени мы находимся не в реальной вселенной — однако она перемежается с реальной так часто, что мы просто не замечаем разницы. Наш приятель должен войти в нашу фазу. То есть он должен совершать свои скачки с той же частотой и под тем же фазовым углом, что и мы. Тогда каждый корабль станет для другого столь же материальным, как если бы мы двигались медленнее света, в обычном гравирежиме с истинной скоростью.

— Ты еще говорил про какое-то поле.

— А, да. Квантовые скачки мы совершаем с помощью пульсирующего силового поля, генерируемого вспомогательным двигателем. Это поле окружает нас и охватывает определенный сектор пространства. Радиус охвата и величина массы, на которую поле действует, зависят от мощности генератора. Большой корабль может поравняться с меньшим, окружить его своим полем и буквально уволочь за собой на результирующей псевдоскорости. Именно так корабли захватывают в плен или берут на бордаж. Но истребитель недостаточно велик по сравнению с нами. Тем не менее ему все равно придется подойти к нам настолько близко, чтобы наши поля пересеклись. Иначе его лучи и снаряды не достанут нас.

— А почему бы нам не сменить фазу?

— Да, это стандартная процедура в такой ситуации. Уверен, что наши друзья этого от нас и ждут. Но охотник может менять фазу так же быстро, как и добыча, а компьютер постоянно предсказывает ему следующий маневр противника. Рано или поздно оба задержатся в одной фазе достаточно надолго, чтобы охотник успел выстрелить. А мы устроены так, что долго скрываться от него не сможем. Нет, наш единственный шанс — это та штука, над которой мы трудились.

Перси прижалась к нему, и он почувствовал, как она дрожит.

— Ники, я боюсь.

— Думаешь, я не боюсь? — Две пары сухих губ соприкоснулись. — Ну, давай — пора по местам. Через несколько минут все станет ясно. Если нас отправят к праотцам, то я, Перси, не мог бы и мечтать о лучшей спутнице. — И Флэндри добавил, заняв свое место, потому что у него не хватало сил оставаться серьезным: — Впрочем, мы недолго пробудем вместе. У тебя билет на небо, а мне уж точно в другую сторону.

— Мне тоже туда. — Она снова стиснула его руку. — Т-так легко ты от меня не уйдешь.

Завыли сирены. На звезды легла тень. Она становилась все гуще по мере совмещения фаз. Проявились очертания торпедообразного тела, пока еще прозрачного; проглянули лазерные и оружейные надстройки; и вот уже тень затмила все звезды, кроме самых ярких. Флэндри приложил глаз к перекрестью своего импровизированного дальномера. Палец он держал на кнопке, от которой шли провода на корму.

Мерсейский истребитель предстал перед ним в полной реальности. Звездный свет мерцал на металлических боках. Флэндри знал, как тонок этот металл. Силовые экраны защищают корабль от твердой материи, а от ядерного взрыва ничего

защитить не может: ничего, кроме скорости, уводящей из-под удара, но для этого масса должна быть невелика. Несмотря на все это, Флэндри чувствовал себя так, будто к нему подкрадывается динозавр.

Истребитель рос, заполняя собой смотровые экраны. Он не спешил, зная, что его добыча безоружна и способна только спастись бегством. Правая рука Флэндри легла на пульт управления. Вот так... он чуть переместился по направлению к тому отсеку противника, где, как он знал, помещаются двигатели.

Замигал глазок датчика. Гиперполя вступили в первый осторожный контакт. Через секунду контакт станет достаточно стойким, чтобы послать снаряд или луч. Перси, следившая за приборами, как научил ее Флэндри, завопила:

— Давай!

Флэндри включил тормозной вектор. Не имея приборов и компьютеров военного судна, он сам загодя рассчитал величину тяги. И нажал на кнопку.

Истребитель на экране точно прыгнул ему навстречу. Из открытого люка катера выскочила имеющаяся при нем шлюпка, предназначенная для атмосферы, но способная двигаться, где угодно, на гравилучах. Поля совместились почти в тот же миг, как шлюпка пересекла их. На высокой относительной скорости, и псевдо, и кинетической, она врезалась во вражеский корабль.

Флэндри не видел, что было дальше. Он тут же сменил фазу и постарался убраться оттуда к чертовой матери. Если все получилось, как он надеялся, его лодочка при своих километрах в секунду разнесла броню мерсейца. Из дыры хлещет воздух, летят куски живых тел и обломки машин. Нет, истребитель не уничтожен. После такого слабого удара возможен ремонт. Но пока враг вновь обретет возможность двигаться, Флэндри выйдет из зоны обнаружения. И если идти зигзагом, вряд ли кто сумеет найти его катер.

Он несся меж звезд. Часы отсчитали минуту, две, три, пять. Флэндри начал дышать свободнее. Перси дала волю слезам. Через десять минут Флэндри счел возможным перейти на автоматическое управление и обнял ее.

— Мы сделали это, — прошептал он. — Какая-то несчастная шлюпка раздолбала военный корабль.

Тут он вскочил с места и начал скакать и вопить, пока весь катер не загудел:

— Мы победили! Та-ра-ра-ра! Мы победили! Открывай шампанское! Тут точно должно быть шампанское! Бог слишком добр — не может быть, чтобы не было! — Он схватил

Перси в охапку и начал плясать с ней. — Ходи веселей! Мы победили! Кружите дам! Ура, ура, ура!

Постепенно он успокоился. И Перси достаточно овладела собой, чтобы освободиться и заметить:

— До Старкада еще далеко, милый, и там нас тоже караулит опасность.

— Да, — сказал мичман Доминик Флэндри, — но не забудь, что сейчас мы как раз в начале путешествия.

Ее губы тронула улыбка:

— Что вы, собственно, имеете в виду, сэр?

— До Старкада и правда далеко, — осклабился он в ответ.

Глава 15

Саксо сверкал белым огнем среди мириадов других звезд. Но он был еще так далек, что многие превосходили его яркостью. Ярче всех пылала Бетельгейзе. Флэндри то и дело оставивал взгляд на этой багровой искре. Он подолгу просиживал у пилотского пульта, оперев подбородок на руку, в тишине, нарушаемой лишь пульсацией двигателей и бормотанием вентилятора.

В рубку вошла Перси. В пути она старалась иногда менять наряды, пользуясь теми, что были под рукой, но все эти вещи были уж очень утилитарны. Так что она большей частью, как и теперь, щеголяла в одних шортах, да и те надевала в основном ради карманов. Волосы, темные и блестящие, как космос, были распущены, и один локон пощекотал Флэндри, когда она склонилась над его плечом; он ощутил слабый солнечный запах этих волос и запах самой Перси. Но на этот раз он ничем не ответил ей.

— Какие-то трудности, милый? — спросила она.

— «Работка была бы ничего, если б не принимать эти проклятые решения», — рассеянно процитировал он.

— То есть — в какую сторону направиться?

— Да. Именно так мы ставим вопрос. Саксо или Бетельгейзе?

Она уже затвердила наизусть все его аргументы, но он все-таки начал сызнова:

— Или то, или другое. Мы не оборудованы для того, чтобы затаиться на какой-нибудь неоткрытой планете. Империя слишком далеко, и каждый лишний день усиливает шансы мерсейцев напасть на наш след. Они разослали курьеров во всех направлениях — на кораблях, которые запросом обгонят наш тихход, — как только узнали, что мы ушли от их истреби-

теля. А то и раньше. И теперь в этих местах рыщут целые отряды.

Саксо к нам ближе. Против него — то соображение, что они, должно быть, бдительно следят за ним, не вводя открыто военный флот в систему. Любой большой, скоростной торговец способен изловить нас, а экипаж со стрелковым оружием — взять нас на абордаж. Зато, если бы мы вошли в зону связи, я мог бы вызвать терранский штаб на Старкаде и передать туда информацию, которую мы везем. Тогда появилась бы надежда, что мерсейцам больше незачем будет преследовать нас. Но все это очень гадательно.

Теперь Бетельгейзе: это неприсоединившаяся держава, которая очень дорожит своим нейтралитетом. Мерсейские патрули не станут приближаться к нам в их владениях, и их будет так мало, что мы авось сумеем проскочить. Сев на Альфзаре, мы сможем явиться в терранское посольство. Но: бетельгейзиане сами не позволят нам скрытно войти в их систему. У них имеются свои патрули. Нам придется подчиняться правилам движения, начиная от радиуса орбиты самой дальней планеты. А мерсейцы могут взять на прослушивание диспетчерские каналы. И какой-нибудь рейдер прорвется и подстрелит нас.

— Они не посмеют.

— Милая, они пойдут на что угодно, а извиняться будут потом. Ты не знаешь, что поставлено на карту.

Она села рядом с ним.

— Не знаю, потому что ты не говоришь.

— Верно.

Он наконец докопался до правды. Час за часом, пока они неслись через мерсейские доминионы, он корпел над этой задачей, вооружившись стилографом и калькулятором. Их полет не включал в себя никаких драматических событий. Катер просто шел ломаным путем через пространство, в котором враг заведомо едва ли мог встретиться. Зачем существам с такими же биологическими запросами, как у человека, путешествовать между тусклым красным карликом, беспланетным голубым гигантом и умирающей переменной цефеидой? У Флэндри было вдоволь времени для работы.

Перси как раз жаловалась на его постоянную занятость, когда его осенило.

— Мог бы и поговорить со мной.

— Я говорю, — буркнул он, не поднимая глаз от бумаги. — И любовью с тобой занимаюсь. И то и другое доставляет мне удовольствие. Только, пожалуйста, не сейчас!

Она плюхнулась на сиденье.

— Ты ведь помнишь, какие у нас тут развлечения? Четыре анимашки: справочник марсианского туриста, дурацкая комедия, речь императора и цинтианская опера на двадцатитоновом звукоряде. Два романа: «С бластером вне закона» и «Планиета греха». Я все это уже полностью заложила в память. Я вижу это во сне. Есть еще флейта, на которой я не умею играть, и несколько подручных справочников.

— Угу. — Флэндри вертел брехдановы цифры и так и сяк, располагая их в разной последовательности. Легко было перевести их из мерсейских в терранские арифметические знаки. Но к чему, черт возьми, относятся эти символы? Градусы, часы, несколько величин, не обозначенных никакими единицами... вращение? Чье? Брехдана бы так вертело, пропади он совсем.

Любого инопланетянина могло бы также озадачить что-нибудь терранское, например периодическая таблица изотопов. Он не знал бы, ни какие именно свойства в нее внесены, ни системы присвоения квантовых чисел, ни что логарифмы все десятичные, за исключением явно выраженных натуральных — словом, ничего, что нужно знать, чтобы разгадать значение этой таблицы.

— Тебе не обязательно решать эту задачу, — надулась Перси. — Ты сам говорил, что специалист поймет, что значат цифры, с первого взгляда. Ты это делаешь для собственного удовольствия.

Флэндри раздраженно вскинул голову:

— Может, нам чертовски важно это знать. Может, мы тогда поймем, чего нам ожидать. Какого дьявола Старкаду придется такое значение? Именно этой несчастной планете!

И тут его озарило.

Он так напружинился и вперил такой дикий взгляд во Вселенную, что Перси испугалась.

— Ники, что с тобой?

Он ее не слышал. Он конвульсивно схватил чистый листок бумаги и начал строчить. Потом уставился на то, что у него получилось. Пот выступил у него на лбу. Он встал, ушел в рубку и вернулся с кассетой, которую заправил в микроридер. И начал списывать цифры оттуда. Потом его пальцы заплясали по клавишам настольного компьютера. Перси не смела шелохнуться. Наконец он кивнул и сказал негромко и хладнокровно:

— Да, так и есть. Должно быть так.

— Как? — осмелилась спросить она.

Он повернулся на стуле, и его взгляд не сразу сфокусировался на ней. В его лице что-то изменилось. Оно стало почти чужим.

— Я не могу тебе этого сказать.

— Почему?

— Нас могут взять живыми. Они протестируют тебя и увидят, что ты знаешь. Если тебя и не убьют, то сотрут тебе мозг — а это, на мой взгляд, еще хуже.

Он достал из кармана зажигалку, поджег все бумаги, что были на столе, и смел пепел в урну. Потом встряхнулся, как пес, который чуть было не утонул, и подошел к Перси.

— Извини, — улыбнулся он. — Я испытал что-то вроде шока. Но теперь уже пришел в себя. И впредь буду уделять тебе все свое внимание.

И путешествие стало приносить Перси радость, даже когда она поняла, что именно изменилось во Флэндри, что ушло от него и никогда больше полностью не вернется: юность.

Детектор подал сигнал тревоги. Перси ахнула и схватила Флэндри за руку. Он вырвался и потянулся к рубильнику гиперрежима.

Но так и не опустил его, чтобы вернуть катеру нормальную кинетическую скорость. Он стиснул рукоятку так, что побелели никакишки. Пульс бился на его горле.

— Я забыл, на каком решении остановился, — сказал он. — У нас не особенно сильный детектор. Если это военный корабль, то он нас уже засек.

— Но на этот раз он не идет за нами по пятам, — почти спокойно заметила Перси. Она уже начала привыкать, что за ними охотятся. — Вокруг достаточно места, чтобы укрыться.

— Угу. Попробуем, если будет нужда. Но сначала поглядим, каким курсом следуют эти ребята. — Флэндри сменил направление. Звезды в экранах завертелись колесом, но больше никаких ощущений не возникло. — Если сила сигнала будет оставаться постоянной — значит, мы идем параллельно ему, и он не пытается нас перехватить. — Саксо горел прямо впереди. — Предполагаю, что он направляется туда.

Ползли минуты. Флэндри позволил себе расслабиться. Его комбинезон взмок от пота.

— Фью! На это я и надеялся. Его назначение — Саксо. И если он следует по более или менее прямой линии, что возможно, то он идет из Империи.

И Флэндри принялся за расчеты, ругая дрянную гражданскую технику.

— Да, мы сможем с ним сойтись. Двинули.

— А вдруг это мерсеец? — возразила Перси. — Откуда нам знать, что он идет с терранской планеты?

— Рискнем. Шансы у нас неплохие. Его скорость ниже нашей — торговец, наверно. — Флэндри повернул на новый курс, откинулся назад и потянулся, расплывшись в ухмылке. — Вот я и решил свою дилемму. Идем на Старкад.

— Почему это?

— Я раньше не говорил об этом, чтобы не возбуждать в тебе напрасные надежды. Предпочитаю возбуждать тебя на иной лад. Но я повернул сюда, а не прямо на Саксо или Бетельгейзе, как раз потому, что здесь проходят корабли, везущие людей и припасы на Старкад или возвращающиеся домой. Если мы сядем на попутку... понимаешь?

Перси встрепенулась было и опять сникла.

— Почему бы тогда не подождать тот, что идет домой?

— Радуйся, что нам хоть такой встретился. Кроме того, так мы гораздо быстрее доставим свои новости. — Флэндри еще раз проверил свои расчеты. — Через час подойдем на расстояние радиосигнала. Если он окажется мерсейцем, есть шанс оторваться — мы быстрее его. — Он встал. — Объявляю хорошую крепкую выпивку.

Перси приподняла руки — они дрожали.

— Да, нам не помешает что-нибудь от нервов, но ведь на борту есть психотропики.

— Виски приятнее. Кстати о приятном — у нас впереди еще целый час.

Она взьерошила ему волосы.

— Ты невозможный парень.

— Нет. Просто невероятный.

Корабль оказался грузовым судном «Рискессель», приписанным к Новой Германии, но совершающий рейсы с пограничной планеты Ирумкло. Это было здоровенное, пузатое, безобразное и неухоженное корыто, ведомое здоровенным, пузатым, безобразным и неухоженным капитаном. Он проревел не совсем трезвое приветствие, когда Флэндри и Перси взойшли к нему на борт.

— О-хо-хо-хо! Люди! Не ожидал так скоро увидеть людей. Да еще таких симпатичных. — Он стиснул руку Флэндри одной волосатой ручищей, а другой уцепился за подбородок. — Отто Бруммельман.

Флэндри заглянул мимо лысого, поросшего буйной бородой шкипера в коридор, ведущий от шлюза. Ржавая обшивка

сотрясалась в такт работе плохо отлаженного двигателя. Несколько многоруких существ, покрытых блестящей голубой кожей, пялили на пришельцев глаза, оторвавшись от работы — они вручную драили швабрами пол. Повсюду горел красновато-оранжевый свет, воздух отдавал металлом и был таким холодным, что изо рта шел пар.

— Вы здесь единственный терранин, сэр? — спросил он.

— Не терранин я. Новогерманец. Но много лет уже живу на Ирумкло. Мои хозяева нанимают ирумклойцев в матросы — так оно дешевле. От начала до конца рейса слова человеческого не услышишь. Они не могут выговаривать по-нашему. — Бруммельман, не сводя маленьких глазок с Перси, облачившейся в свое единственное платье, одернул собственный засаленный китель, сился убрать с него складки. — Такое одиночество. Хорошо, что вы подвернулись. Поставим ваш катер, а потом пойдем ко мне и выпьем, ладно?

— Лучше будет, если мы немедленно поговорим с глазу на глаз, сэр, — сказал Флэндри. — А катер — нет, подождем, когда мы будем одни.

— Вот и подожди. А я побуду наедине с дамочкой. Хо-хо-хо! — Бруммельман мазнул своей лапой по Перси. Она с отвращением отпрянула.

По дороге в капитанскую каюту их остановил матрос, чтобы спросить о чем-то шкипера. Флэндри воспользовался случаем и прошипел на ухо Перси:

— Не обижай его. Нам фантастически повезло.

— Неужели? — сморщила нос она.

— Да. Подумай сама: Что бы ни случилось, эти ксено нас не выдадут. Не смогут. Нам надо только ублажать шкипера, а это, похоже, нетрудно.

В исторических фильмах Флэндри доводилось видеть свинарники, которые содержались чище, чем эта каюта. Бруммельман наполнил три кружки, не обращая внимания на остатки в них кофе, жидкостью, впивавшейся когтями в желудок. Свою он опорожнил наполовину первым же глотком.

— Ну! — рывкнул он. — Говори, что хотел сказать. Кто это выслал вас в глубокий космос на шлюпке?

Перси забилась в самый дальний угол. Флэндри остался стоять рядом с Бруммельманом, изучая его. Явный неудачник, лодырь, законченный алкоголик. Место за собой он, конечно, сохраняет только потому, что владельцы настаивают на капитане-человеке и не могут найти другого на жалование, которое согласны платить. Не так уж важно, какой капитан, если помощник хоть немного смыслит в своем деле. В основном

корабль, как ни устарели все его системы, движется сам по себе.

— Вы направляетесь на Старкад, не так ли, сэр? — спросил Флэндри.

— Да-да. У моей компании контракт с Флотом. Ирумкло — перегрузочный пункт. Сейчас везем продовольствие и строительные машины. Скорей бы перевели на другой маршрут. В Хайпорте не больно-то весело. Но мы ведь о вас собирались поговорить.

— Могу сказать только, что выполняю специальное задание. Для меня жизненно важно тайно попасть в Хайпорт. Если вы разрешите нам с донной д'Ио лететь с вами и не сообщите на планету, что мы здесь, вы окажете Империи огромную услугу.

— Специальное задание... это с дамой-то? — Бруммельман ткнул пальцем с черным ногтем Флэндри в бок. — Могу представить себе это задание. Хо-хо-хо!

— Я ее спас, — терпеливо ответил Флэндри. — Вот почему мы и оказались в шлюпке. Нас атаковали мерсейцы. Война обостряется, у меня срочная информация для адмирала Энрикеса.

Бруммельман оборвал смех и разинул рот, еле видный под спутанными бакенбардами, доходящими до пупка.

— Атаковали, говоришь? Так ведь мерсейцы никогда не трогали гражданские корабли.

— Значит, и ваш не тронут, капитан. Если не будут знать, что я на борту.

Бруммельман вытер лысину. Возможно, ему вспомнились высокие, славные традиции первых лет космоплавания. Но его мечты быстро вышли на орбиту реальности.

— Мои хозяева, — слабо сказал он. — У меня перед ними обязательства. Я отвечаю за их корабль.

— В первую очередь вы несете обязательства перед Империей. — Флэндри подумывал, не взяться ли за бластер. Нет, не стоит — разве что в крайнем случае; слишком рискованно. — Все, что от вас требуется, — это подойти к Старкаду обычным порядком, совершить обычную посадку в Хайпорте и посадить нас. Мерсейцы никогда об этом не узнают, клянусь вам.

— Но... но я...

У Флэндри сверкнула еще одна идея.

— Что до ваших хозяев — вы можете и им оказать хорошую услугу. Катер лучше на борт не брать. У врага есть его описание. Но если мы хорошо заметим место и оставим его

энергоузел работать, чтобы найти его по нейтринному излучению, вы подберете катер на обратном пути, а дома продадите. Готов спорить, он стоит не меньше, чем весь ваш корабль. — Он подмигнул. — И вы, разумеется, сообщите об этом владельцам.

Глаза у Бруммельмана заблестели.

— Хорошо. Да. Конечно. — Он допил, что осталось в кружке. — Ей-Богу, так! Руку!

Он настоял на том, чтобы пожать руку и Перси.

— Уф, — сказала она Флэндри, когда они остались одни в освобожденной для них кладовой, где на пол положили матрас. От предложения капитана разделить с ним каюту она отказалась. — Сколько еще до Старкада?

— Пара дней. — Флэндри осматривал скафандры, которые взял с катера, прежде чем тот отпустили в дрейф.

— Не знаю, выдержу ли я.

— Прости, но мы сожгли наши корабли. И я все-таки склонен считать, что нам повезло.

— Странные у тебя понятия о везении, — вздохнула она. — Ну ладно — хуже уже не бывает.

Оказалось, бывает.

Пятнадцать часов спустя Флэндри с Перси сидели в салоне. Одетые в теплые комбинезоны, они все-таки дрожали от холода. Слизистые рта, носоглотки болели от сухости. Путешественники пытались скоротать время за игрой в рамми. Им это не слишком хорошо удавалось.

В динамике хрипло заревел Бруммельман:

— Эй, мичман Флэндри! На мостик!

— Что там такое? — вскочил тот. Перси последовала за ним по коридору и сходям. В иллюминаторах сияли звезды. Из-за неисправности оптического компенсатора они имели странный свет и сместились к носу и корме, словно корабль шел сквозь иную реальность.

Бруммельман стоял, вооружившись разводным ключом, а старший помощник — лазерной горелкой; она плохо заменяет пистолет, но смертельна на близком расстоянии.

— Руки вверх! — заорал капитан.

Флэндри подчинился. К горлу подступила дурнота.

— В чем дело?

— Читай. — Бруммельман сунул ему распечатку. — Лжец, предатель, ты думал, что сможешь надуть меня? Смотри, что мы получили.

Это была стандартная запись гиперпередачи, поступившей, должно быть, с одной из автоматических станций вокруг Саксо-

«Штаб вице-адмирала Хуана Энрикеса, регионального командующего Флотом Терранской Империи». Флэндри перешел к чтению текста.

Данная директива издана согласно законам военного времени. По заявлению его превосходительства лорда Маркуса Хауксберга, виконта Най Кальмара на Терре, чрезвычайного имперского посланника в Мерсейский Ройдхунат... Мичман Доминик Флэндри, офицер флота его величества, прикомандированный к делегации... взбунтовался и похитил космический катер, принадлежащий виконтству Най Кальмар; словесный портрет следует ниже... обвиняется в государственной измене... Согласно межзвездному праву и политике Империи, мичмана Флэндри следует задержать и возвратить его вышестоящим офицерам на Мерсейе... Все корабли, включая терранские, идущие курсом на Старкад, подчиняются мерсейской инспекции... Терране, задержавшие преступника, должны лично и незамедлительно передать его ближайшим мерсейским властям... государственные тайны.

Перси закрыла глаза и сплела пальцы. Кровь отхлынула от ее лица.

— Ну? — громыхнул Бруммельман. — Что ты на это скажешь?

Флэндри прислонился к переборке, не надеясь, что ноги удержат его.

— Что ж тут скажешь... этот ублюдок Брехдан все предусмотрел.

— Ты думал, что сможешь меня одурачить? Думал, я буду пособничать изменнику? Ну нет!

Флэндри посмотрел на него, на помощника, на Перси. Накативший гнев уничтожил слабость, мозг работал четко, как машина. Он опустил руку, в которой держал листок, и просипел:

— Ладно, скажу вам всю правду.

— Не хочу я тебя слушать, не хочу знать никаких тайн.

Флэндри ослабил колени и, падая, выхватил бластер. Голубое пламя горелки ударило туда, где он только что стоял. Выстрел Флэндри выбил горелку из руки помощника. Тот взвыл, выпустив свое раскаленное докрасна оружие. Флэндри поднялся на ноги и скомандовал:

— Бросай ключ.

Ключ звякнул о палубу. Бруммельман попятился, прячась за помощника, который, скорчившись, скулил от боли.

— Тебе все равно не уйти, — прокаркал он. — Нас уже обнаружили. Наверняка обнаружили. Если ты заставишь нас повернуть назад, следом пойдет военный корабль.

— Знаю, — сказал Флэндри. Мысль его прыгала, точно по льдинам. — Слушайте. Это недоразумение. Лорда Хауксберга обманули. У меня действительно есть информация, и адмирал Энрикес должен ее получить. Мне ничего от вас не надо, только доставьте меня в Хайпорт. Там я сдамся терранам. Не мерсейцам. Терранам. Что в этом плохого? Они поступят так, как действительно захочет император. Если надо, пусть передадут меня врагу. Но не прежде, чем услышат то, что я должен сказать. Вы же человек, капитан, — так ведите себя, как подбавляет человеку!

— Но мерсейцы поднимутся к нам на борт, — ныл Бруммельман.

— А вы спрячьте меня. На корабле для этого есть тысяча мест. Если у мерсейцев нет причины вас подозревать, они не станут шарить повсюду. Это бы заняло несколько дней. Ваш экипаж не проболтается. Мерсейцы им такие же чужие, как и мы. Ничего общего между ними нет: ни языка, ни знаков, ни интересов. Пусть зеленые взойдут на борт. Я буду в трюме или еще где-нибудь. А вы держите себя естественно. Ничего, если вы проявите некоторое напряжение — все, кого они проверяют, наверняка его чувствуют. Передайте меня терранам. Через год вас возведут в рыцарское достоинство.

Глаза у Бруммельмана так и бегали, и кислое дыхание с хрипом вырывалось изо рта.

— В противном случае, — сказал Флэндри, — я посажу вас под замок и приму командование на себя.

— Нет... — Из глаз капитана потекли слезы, исчезая в грязной бороде. — Прошу вас. Это слишком рискованно... Ладно, — вдруг бросил он. — Я найду тебе местечко, где спрятаться.

«И выдашь меня мерсейцам, когда они придут, — подумал Флэндри. — Сейчас верх мой, но что толку. Как же быть?»

Перси зашевелилась, подошла к Бруммельману и взяла его руки в свои.

— О, благодарю вас, — прошептала она.

— А? — вылупил он глаза.

— Я так и знала, что вы настоящий мужчина. Передо мной словно ожили герои старой Лиги.

— Но, леди...

— Обо мне в сообщении ничего не сказано, — промурлыкала она. — И мне совсем не хочется сидеть в какой-то темной дыре.

— Вы... вы не числитесь в экипаже. Они прочтут список, так ведь?

— Ну и что? Разве нельзя внести меня в этот список?

Надежда вспыхнула во Флэндри — даже голова закружилась.

— Кое-какую награду вы можете получить прямо сейчас, — кинул он.

— Я... — Бруммельман приосанился и прижал к себе Перси. — И точно, могу. О-хо-хо! Могу!

Перси метнула Флэндри взгляд, который он предпочел бы забыть.

...Он вылез из ящика. В трюме стояла тьма хоть глаз выколи. Единственный лучик света падал из фонарика в шлеме его скафандра. Неуклюжий в этой скорлупе, Флэндри двинулся между грудами ящиков к люку.

На корабле было тихо. Гудел только двигатель, работающий на малой мощности, да вентиляторы. Там, куда падал его луч, скакали причудливые тени. Должно быть, корабль кружит по старкадской орбите, ожидая разрешения на посадку. Опасность миновала. Мерсейцы прошли в нескольких метрах от Флэндри, он слышал их разговор и держал палец на спуске; но они ушли, и «Рискессель» снова развил ускорение. Стало быть, Перси держала Бруммельмана под контролем — Флэндри не хотелось думать, каким образом.

Казалось бы, нужно продолжать то, что задумано — дожидаться посадки и сдать. Тогда он уж точно передаст свое сообщение — то, что знает он один. (Флэндри подумывал, не передать ли цифры Перси, но решил этого не делать. Это увеличило бы для нее угрозу ареста, и потом, ее нетренированная память может и не удержать информацию, даже если задействовать ее подсознание путем наркосинтеза.) Но еще неизвестно, как поступит Энрикес. Адмирал, конечно, не робот и передаст информацию на Терру так или иначе. Но он способен выдать Флэндри. И вряд ли пошлет на разведку корабль, чтобы проверить и убедиться, без распоряжения свыше. Тем более что он получил директиву Хауксберга и приказ не предпринимать никаких мер по эскалации, кроме как в ответ на мерсейские действия.

Так что этот план в лучшем случае обрекает на проволочку, которую враг использует на благо себе. И очень вероятно, что Брехдан Железный Рок узнает, как обстоят дела. Макс Абрамс (жив ли ты еще, отец мой?) говорил: «Что нужно противнику — так это знать, что знаешь ты». И, наконец, Доминик Флэндри не желает больше быть чьей-то пешкой, черт подери!

Он открыл люк. Коридор был пуст. Из кубрика неслась нечеловеческая музыка. Капитан Бруммельман не спешил начинать снижение, и экипаж пользовался случаем передохнуть.

Флэндри нашел ближайшую шлюпку. Если его обнаружат — делать нечего, придется сесть в Хайпорте. И похищение шлюпки мало что добавит к его досье. Он запер внутренний люк ангара, закрыл шлем и привел в действие шлюз. Помпы завывали, выкачивая воздух. Флэндри залез в шлюпку и герметически закрыл ее. Внешний люк ангара открылся автоматически.

Космос мерцал перед ним. Он вывел шлюпку наружу на минимальной мощности. Старкад был словно огромное колесо мрака с красным ободом, и лишь с одного края голубел занимающийся день. Среди звезд сверкал лунный полумесяц. Невесомость вызывала ощущение бесконечного падения.

Оно исчезло, когда Флэндри включил внутреннее поле тяжести и выбрал вектор. Шлюпка пошла по спирали вниз. Флэндри четко представлял себе карту планеты. Он без хлопот доберется до Уянки — до города, который он спас.

Глава 16

Драгойка опустилась на кушетку, опершись на локоть, и сказала Флэндри:

— Не мечись, словно зверь в клетке, Домманик. Приляг со мной. Нам, двум друзьям, не часто удастся побыть вместе.

Ее гортанный голос не мог заглушить звуков за окном: там шаркали ноги, бряцало оружие, стоял гул, подобный шуму прибоа. Флэндри смотрел туда. Переулок Шив был битком набит вооруженными курсовиками. Сборищу не видно было конца: оно тянулось между серыми стенами, крутыми красными крышами, резными шпилями до Улицы, Где Сражались, кольцом окружая дом. В резком свете Саксо сверкали наконечники копий и топоры, шлемы и бердыши; хлопали на ветру знамена, блистали яркими красками щиты с чудищами и стрелами молний. Это была не толпа. Это было войско Уянки, собравшееся по призыву Сестер. На стенах Торгового Замка тоже стояли воины, и корабли в Золотом заливе изготовились к бою.

«Люцифер! — с некоторым испугом подумал Флэндри. — Неужто это я заварил такую кашу?»

Он оглянулся на Драгойку. В полутемной комнате, загроможденной варварскими реликвиями, казалось, что ее рубиновые глаза и полосатый, оранжевый с белым мех светятся, волнующе подчеркивая пышность ее форм. Она откинула назад свою белокурую гриву, и получеловеческое лицо озарилось улыбкой, тепла которой ничуть не умаляли клыки.

— Мы были слишком заняты со времени твоего приезда, — сказала она. — А теперь у нас есть немного времени, и можно поговорить. Поди сюда.

Флэндри прошел по полу, устланному ароматическими листьями в его честь, и занял ложе, стоявшее рядом с ее. Между ними был столик в форме цветка, на котором стояли модель корабля и графин.

— Ты разделишь со мной чашу, Домманик? — спросила Драгойка, отпив.

— Благодарю. — Отказаться он не мог, хотя старкадское вино было ему совсем не по вкусу. И потом, надо привыкать к туземным продуктам: кто знает, сколько он еще здесь будет жить. Флэндри пристроил трубку к своему ротовому клапану и отпил немного.

Хорошо было вновь переодеться в обычный костюм для уровня моря — воздушный шлем, комбинезон и ботинки — после заточения в космическом скафандре. Гонец, которого Драгойка от его имени отправила на террапскую станцию в Высоком квартале, настоял, чтобы ему дали с собой нужное снаряжение.

— Ну, как тебе жилось? — неуклюже начал Флэндри.

— Как всегда. Мы скучали по тебе — я, Ферок и другие старые товарищи. Я рада, что наш «Стрелец» оказался в порту.

— К счастью для меня!

— Нет-нет — тебе помог бы любой. Те, что собрались там внизу — простые матросы, ремесленники, торговцы, крестьяне, — пришли в такой же гнев, как и я. — Драгойка раздула ноздри, хвост ее шевельнулся, развесистые уши встали торчком. — Как смеют эти жирадеки кусать тебя!

— Ты не совсем правильно все понимаешь, — сказал Флэндри. — Я не отрекался от Терры. Мои собратья стали жертвой обмана, и наша задача — представить им все в правильном свете.

— Но они поставили тебя вне закона, так или нет?

— Я не знаю, так ли это. Вести переговоры по радио я не смею. Мерсейцы могут подслушать. Поэтому я послал с твоим гонцом письмо и попросил наших людей передать это письмо адмиралу Энрикесу. А к нему я обращаюсь с просьбой прислать сюда доверенного человека.

— Ты это уже говорил. А я сказала, что ясно дам понять террапам — моего Домманика им не взять. Если они не хотят войны.

— Но...

— Они не хотят ее. Мы нужны им больше, чем они нам, особенно теперь, когда им не удалось достичь согласия с широм, живущими в Злетоваре.

— Не удалось, значит? — Флэндри упал духом.

— Нет — я всегда говорила, что не удастся. Мерсейские подводные лодки не приходили больше. Терраны сделали то, что не могли мы, курсовики, — разбомбили базу широм. Мерсейцы сражались с ними в воздухе. Небеса в ту ночь пылали огнем. С тех пор наши корабли постоянно обстреливаются пловцами, но почти всем судам удается пройти. Говорят, что битвы между терранами и мерсейцами участились и ведутся теперь по всему миру.

Еще один шаг вверх по лестнице, подумал Флэндри. Гибнет все больше людей, тигран, морян. Теперь уж, наверно, ежедневно. И все это запланировано заранее.

— Но ты почти ничего не говорил о своих подвигах, — продолжала Драгойка. — Сказал только, что владеешь великой тайной. Какой?

— Прости. — Флэндри, повинуясь внезапному импульсу, протянул руку и погладил ее гриву. Драгойка потерлась головой о его ладонь. — Я даже тебе не могу сказать этого.

— Как хочешь, — вздохнула она, взяв в руки модель галеры и лаская пальцами мачты и снасти. — Но поделись со мной своими странствиями. Расскажи о своем путешествии.

Он стал рассказывать. Она вслушивалась, стараясь понять.

— Как там все странно. Маленькие звезды делают солнцами, наш мир превращается в пылинку; неведомые народы, огромные страшные машины... — Она крепко сжала корабль. — Не знала, что чей-то рассказ может меня напугать.

— Ты еще научишься принимать Вселенную всем сердцем. Придется научиться.

— Говори дальше, Домманик.

И он продолжил, подвергнув свой рассказ легкой цензуре. Не то что Драгойка была бы против его путешествия с Перси; но она могла бы подумать, что терранская женщина более близкий его друг, чем она, и это обидело бы ее.

— ...Деревья на Мерсее растут выше, чем здесь, и листья на них другие...

Зажужжал передатчик у него на запястье. Он нажал кнопку.

— Мичман Флэндри, — произнес он каким-то тонким голосом. — Прием.

— Говорит адмирал Энрикес, — послышалось из рации. — Следую к вам на «Будро Х-7» с двумя людьми. Укажите место для посадки.

«Энрикес лично? Бог мой, ну и влип же я!»

— Е-есть, сэр.

— Я спрашиваю, где нам сесть, мичман?

Флэндри, заикаясь, дал указания. Флиттер мог сесть, как и предлагалось в письме, на башне дома Драгойки.

— Видите ли, сэр, здесь все... ну, вооружились. Лучше бы избегать возможных осложнений, сэр.

— Ваша работа?

— Нет, сэр. То есть не совсем. Но вы увидите — все собралось и готовы к бою. Они не хотят отдавать меня никому... кто, как они думают, питает ко мне враждебные намерения. Они грозятся напасть на нашу станцию, если... Честное слово, сэр, я не настраивал союзников против нас. Я все объясню.

— Придется. Очень хорошо — считайте, что вы под арестом, но мы пока не будем брать вас под стражу. Будем здесь минуты через три. Конец связи.

— Что он сказал? — прошипела Драгойка, взъерошив мех.

Флэндри перевел. Она соскользнула с ложа и сняла меч со стены.

— Я вызову нескольких воинов, чтобы он не нарушил своего слова.

— Не нарушит. Я уверен, что не нарушит. Но... вид его машины может вызвать волнения. Нельзя ли объяснить горожанам, чтобы они не вступали в бой?

— Можно. — Драгойка соединилась по новоприобретенной рации с обителью Сестер за рекой. Зазвонили колокола, возвещающая перемирие. Тигране зароптали, но остались на месте. Флэндри направился к двери.

— Встречу их на башне.

— Нет, — сказала Драгойка. — Их приведут к тебе с твоего милостивого разрешения. Там Лириоз, он проводит их вниз.

Флэндри сел, ошеломленно тряс головой. И вскочил, вытянувшись, когда вошел Энрикес. Адмирал был один — сопровождающих он, должно быть, оставил во флиттере. Лириоз по знаку Драгойки вернулся присмотреть за ними. Она медленно положила свой меч на стол.

— Вольно, — бросил Энрикес, седой, с носом как лезвие, тощий как пугало. Мундир висел на нем. — Извольте представить меня хозяйке дома.

— Э-э... Драгойка, верховный капитан Янъевара ва-Радовик... Вице-адмирал Хуан Энрикес, Космофлот Терранской Империи.

Адмирал щелкнул каблуками и отвесил поклон, словно перед самой императрицей. Драгойка, присмотревшись к нему, коснулась лба и груди в почетном приветствии.

— Надежда окрепла во мне, — сказала она Флэндри.

— Переведите, — распорядился Энрикес. Его узкий череп вмещал слишком много всего — на языки уже не оставалось места.

— Она... э-э... вы ей понравились, сэр.

Тень улыбки прошла по губам Энрикеса под шлемом.

— Я подозреваю, что она всего лишь готова доверять мне в строго определенных пределах.

— Не соблаговолит ли адмирал присесть?

Энрикес взглянул на Драгойку. Она опустилась на свое ложе, и адмирал сел на другое, держась прямо. Флэндри остался стоять. Его бросило в пот.

— Сэр, — выдал он, — скажите, пожалуйста, у донны д'Ио все хорошо?

— Да, только нервы в плохом состоянии. Она совершила посадку вскоре после вашего сообщения. Капитан «Рискес-селя» под разными предлогами затягивал свое пребывание на орбите. Узнав от вас, что донна д'Ио у него на борту, мы передали, что пришем за ней шлюпку. Тогда он сразу сел. Что там произошло?

— Я... не могу сказать, сэр. Я не присутствовал. Она рассказала вам, как мы бежали с Мерсейн?

— Мы побеседовали наедине по ее просьбе, и она изложила мне всю историю. В общих чертах, однако ее слова подтверждают ваши показания.

— Сэр, мне известно, что замышляют мерсейцы, и это просто чудовищно. Я могу доказать...

— Доказательства должны быть вескими, мичман, — холодно произнес Энрикес. — В послании лорда Хауксберга против вас выдвигаются тяжкие обвинения.

Флэндри тут же перестал нервничать. Он сжал кулаки и воскликнул со слезами ярости на глазах:

— Сэр, меня должен судить трибунал, состоящий из представителей нашей расы. А вы отдали меня в руки мерсейцам!

Худощавое лицо адмирала почти не дрогнуло, и голос остался спокойным.

— Уставом предусмотрено, что нарушившие закон военнослужащие поступают в распоряжение своих непосредственных начальников, по требованию последних. Империя слишком велика, чтобы поступать иначе. Лорд Хауксберг, будучи дворянином, имеет военное звание, соответствующее чину капитана, и это звание автоматически вступило в силу, когда к лорду был прикомандирован командор Абрамс. Лорд Хауксберг вплоть до вашего отзыва считается вашим старшим

командиром. Он заявил, придерживаясь установленной формы, что вы нарушили государственную тайну и поставили под удар миссию, доверенную ему Империей. Мерсейцы передали бы вас ему для ведения следствия. Верно то, что заседание трибунала должно иметь место на имперском корабле или планете, но лорд Хауксберг был бы вправе отложить суд на срок до одного года.

— Этот суд никогда не состоится! Они вышибут мне мозги и убьют меня!

— Держите себя в руках, мичман.

Флэндри глотнул воздуха. Драгойка оскалила зубы, но осталась на месте.

— Могу я услышать, в чем меня, собственно, обвиняют, сэр?

— В государственной измене. В мятеже. В дезертирстве. В похищении. В действиях под угрозой оружия. В нанесении телесных повреждений. В краже. В неповиновении. Перечислять дальше? Думаю, не стоит. Впоследствии вы добавили к этому еще несколько пунктов. Вы не сдались, зная, что на вас объявлен розыск. Вы создали трения между Империей и союзным народом. Что, помимо всего прочего, угрожает безопасности сил его величества на Старкаде. В данный момент вы оказываете сопротивление при аресте. Вам есть за что отвечать, мичман.

— Я согласен отвечать перед вами, сэр, но не перед этими... проклятыми аллигаторами. И не перед террарином, который до того уж их почитает, что до своих братьев-людей ему и дела нет. Бог мой, сэр, вы допустили, чтобы мерсейцы обыскивали имперские корабли!

— Я выполнял приказ.

— Но вы старше Хауксберга по званию!

— Формально и в некоторых процедурных вопросах это так. Однако он имеет при себе мандат от имперского правительства. И уполномочен заключать временные соглашения с Мерсейей, которым предстоит потом определять политику Империи.

Флэндри уловил некоторое колебание в словах адмирала и ухватился за него:

— Вы протестовали против этого приказа, сэр. Верно?

— Я сообщил о своем мнении в приграничный штаб. Ответа пока не получил. В конце концов, здесь только шесть мерсейских военных кораблей, ни один из которых не выше класса «планета», да еще невооруженные грузовые суда, призванные им на помощь. — Энрикес стукнул себя по колену. — Однако

к чему весь этот спор? Самое меньшее, что вы должны были сделать, если желали видеть меня, — это остаться на борту «Рискесселя».

— Чтобы меня потом сдали мерсейцам, сэр?

— Возможно. Это соображение не должно было влиять на вас. Вспомните присягу, которую вы приносили.

Флэндри прошелся по комнате, сцепив руки за спиной. Драгойка положила руку на рукоять меча.

— Нет, — сказал ей Флэндри по-курсовикски. — Что бы ни случилось — нет. — Потом повернулся на каблуках и взглянул на Энрикеса: — Сэр, у меня была и другая причина. Я привез с Мерсейи некие цифры. Вы бы, конечно, передали их куда следует. Но они нуждаются в немедленной проверке — нужно убедиться, прав ли я относительно их значения. А если я прав, то любой, кто займётся этой проверкой, рискует ввязаться в бой. В космический бой. И это будет эскалацией, которую вам запрещено осуществлять. Вы не могли бы дать такое задание, поскольку вас слишком многое связывает. Вам пришлось бы запросить свое командование. И на каком же основании? На основании того, что так сказал я — сопляк, вчерашний кадет, мятежник, изменник. Можете сами представить, как бы они там начали перекладывать решение друг на друга. В лучшем случае вы получили бы положительный ответ только через несколько недель, а вероятнее — месяцев. Война тем временем шла бы своим чередом. И люди бы гибли. Такие, как мой приятель Ян ван Зюйль, жизнь которого едва началась и который мог бы служить Империи еще лет сорок—пятьдесят.

Энрикес ответил так тихо, что слышен был ветер с моря, несущийся по улицам старинного города:

— Мичман ван Зюйль убит в бою четыре дня назад.

— О нет. — Флэндри закрыл глаза.

— Конфликт дошел до такой стадии, что, хотя ни мы, ни мерсейцы не трогаем районы чужого базирования, авиация вступает в бой с противником, где бы он ни встретился.

— И вы все-таки позволили им нас обыскивать. — Флэндри помолчал. — Извините, сэр. Я знаю, что у вас не было выбора. Разрешите мне закончить. Возможно и такое, что моей информации не поверили бы и ничего бы не предприняли. Трудно себе это представить, но... у нас столько бюрократов, столько высокопоставленных лиц вроде лорда Хауксберга, которые твердят, что враг в самом-то деле не желает нам зла... да, Брехдан Железный Рок — умная голова. Я не мог рисковать.

Я должен был устроить все так, чтобы вы, сэр, сделали свой выбор.

— Устроить? Вы? — поднял брови Энрикес. — Мичман Флэндри собственной персоной?

— Да, сэр. Вы ведь уполномочены поступать по собственному усмотрению, не так ли? То есть, когда возникает чрезвычайная ситуация, вы вправе принимать те меры, которые считаете нужными, не запрашивая штаб. Это так?

— Разумеется. Сражения в атмосфере свидетельствуют об этом. — Энрикес подался вперед, забыв о сарказме.

— Так вот, сэр, сейчас у нас чрезвычайная ситуация. Вам нужно сохранить дружеские отношения с курсовиками. Но, как видите, из всех терран они считаются только со мной. Так уж они устроены. У них варварские понятия, они привыкли знать своих вождей; правительство, которое где-то далеко, для них не правительство; они верят, что связаны со мной узами крови и все такое. Так что, если вы хотите сохранить с ними союз, вам придется заключить договор со мной. Хотя я и ренегат.

— Дальше что?

— Дальше то, что, если вы не вышлите в космос разведку, я скажу, чтобы Сестры расторгли союз.

— Что? — опешил Энрикес. Драгойка ошетинилась.

— Я сведу на нет все усилия терран, — сказал Флэндри. — Терре нечего делать на Старкаде. Нас сюда заманили, провели и одурачили. Когда вы представите вещественные доказательства, фотографии и замеры, мы все отправимся восвояси. Черт, да ставлю восемь против одного, что и мерсейцы отправятся домой, как только старый Рунеи узнает о том, что вы сделали. Сначала, конечно, надо будет отправить курьера, чтобы Рунеи с помощью своих кораблей не заставил нас умолкнуть навеки. Но потом свяжитесь с ним и скажите ему все.

— В этой системе нет терранских боевых соединений.

Флэндри усмехнулся — кровь так и пела в нем.

— Быть не может, чтобы Империя проявила такую глупость, сэр. Нужно же как-то застраховать себя от возможного стягивания сюда мерсейских сил. Уж несколько-то кораблей должны курсировать поблизости. За ними можно послать. Круглым путем, чтобы мерсейцы подумали, будто это очередной обратный рейс. Верно?

— Что ж... — Энрикес встал. Драгойка осталась на месте, но крепче стиснула рукоять меча. — Однако вы еще не открыли своей грандиозной тайны.

Флэндри назвал ему цифры. Энрикес стоял, прямой как тотемный столб.

— Это все?

— Да, сэр. Больше ничего и не требуется.

— И как же вы их толкуете?

Флэндри объяснил.

Энрикес молчал долго. В переулке Шив гудели тигране. Адмирал подошел к окну и взглянул вниз, а потом на небо.

— Вы верите в это? — с полным спокойствием спросил он.

— Да, сэр. Больше ничего не подходит, а у меня было много времени, чтобы испробовать. Готов поручиться головой.

— Готовы, значит? — обернулся к нему Энрикес.

— Я это уже делаю, сэр.

— Возможно. Допустим, я вышлю разведку. Как вы сами сказали, она рискует нарваться на мерсейские пикеты. Пойдете вы с этим отрядом?

У Флэндри загремело в голове.

— Да, сэр! — крикнул он.

— Хм. Вы мне настолько доверяете? Это было бы желательно. Вы испытаете на себе истинность ваших утверждений, и у вас есть особый опыт, который может пригодиться. Но если вы не вернетесь, нам несдобровать.

— Курсовики вам больше не понадобятся, — сказал Флэндри. Его охватила дрожь.

— Это в том случае, если ваши предположения правильны. — Энрикес не двигался с места. Тишина сгущалась. Наконец адмирал сказал: — Очень хорошо, мичман Флэндри. Обвинения против вас временно снимаются, и вы поступаете в мое распоряжение. Вернетесь со мной в Хайпорт и будете ожидать там дальнейших приказаний.

Флэндри козырнул, преисполненный радости:

— Есть, сэр!

— О чем вы говорили, Домманик? — обеспокоенно привстала Драгойка.

— Извините, сэр, надо ей сказать. — Флэндри перешел на курсовикский: — Недоразумение разрешилось, по крайней мере, на ближайший срок. Я ухожу со своим капитаном.

— Г-р-р, — потупилась она. — А что потом?

— Ну, потом... мы сядем на летучий корабль и пойдем на битву, которая может положить конец всей этой войне.

— У тебя нет ничего, кроме его слова, — возразила она.

— Разве ты не считаешь его достойным доверия?

— Да. Но я могу ошибаться. И многие Сестры заподозрят здесь хитрость, не говоря уже о простом народе. Мы с тобой

связаны кровью. Думаю, будет лучше, если и я пойду с тобой. Это послужит залогом.

— Но... но...

— Кроме того, это и наша война. Как можно, чтобы никто из нас не участвовал в этом? От имени Сестер и своего я заявляю: без меня ты не уйдешь.

— Есть проблемы? — рявкнул Энрикес.

Флэндри вынужден был объясниться.

Глава 17

Имперская эскадра развернулась и развила ускорение. Со всем небольшой казалась она в этом черном пространстве. Правда, вел ее «Сабик», корабль класса «Звезда» — такие называют карманными линкорами; но он был стар и изношен, устарел во многих отношениях, и Саксо представлял для него последний этап перед отправкой на орбиту для утиля. Никто и не думал, что «Сабику» придется вступить в бой еще раз. На флангах шли легкий крейсер «Умбриэль», такой же потрепанный, и истребители «Антарктика», «Новая Бразилия» и «Земля Мэрдоха». Два разведчика, «Энке» и «Икейя-Секи», в счет не шли: у них на борту было всего по одному лазеру, годному разве что против авиации, и единственная их ценность заключалась в скорости и маневренности. Однако задание выполнить предстояло именно им, остальные только им помогали. На каждом из них имелся пакет, врученный адмиралом Энрикесом.

Поначалу эскадра шла на гравитронах. Это не должно было продолжаться долго. Ей нужно было пройти расстояние в несколько световых дней — в гиперрежиме это ничто, на истинной скорости целая вечность. Однако внезапный скачок с большой орбиты непременно обнаружили бы мерсейцы и заподозрили бы неладное. А их силы в системе Саксо, не говоря уж о тех, что могли ждать впереди, нисколько не уступали силам капитана Эйнарсена. И он желал спокойно вступить в эти глубокие воды.

Но через двадцать четыре часа, истекших без происшествий, капитан приказал «Новой Бразилии» следовать к месту назначения на сверхсветовом режиме. При первом же признаке нахождения там врага она должна была вернуться.

Флэндри и Драгойка сидели в кают-компании «Сабика» с младшим лейтенантом Сергеем Карамзиным, свободным от вахты. Он также горел желанием увидеть новые лица и услышать что-нибудь новое о Вселенной, как и все на борту.

— Почти год на приколе, — сказал он. — Целый год жизни потерян — был, и нету. Но это он на словах прошел так быстро, а на деле тянулся, как все десять.

Флэндри обвел глазами каюту. Ее постарались украсить картинками и домашними занавесками, но попытка не слишком удалась. Сейчас обстановку оживлял гул двигателей, тихий, но проникающий до костей. Чистый привкус смазки ощущался в потоке ускоренно зациркулировавшего воздуха. Но Флэндри даже думать не хотелось, какой должна представляться эта каюта после целого года на орбите без всяких событий. Драгойка, конечно, видела все в ином свете: корабль ослеплял, озадачивал, пугал, восторгал, завораживал ее — никогда еще не наблюдала она таких чудес! Она сидела смирно, встопорщив мех, а глаза так и шмыгали по сторонам.

— Но ведь у вас были какие-то суррогаты? — спрашивал Флэндри. — Псевдосенсорные ощущения и все такое.

— Конечно. Да и камбуз у нас что надо. Но все это только средства, чтобы не спятить окончательно. — Юное лицо Карамзина посуровело. — Надеюсь, мы все же встретимся с неприятелем. От души надеюсь.

— Ну а я с ним столько встречался, что с меня пока хватит.

Флэндри достал зажигалку и закурил сигарету. Странно было снова чувствовать на себе синий мундир с реактивными двигателями на плечах и без бластера на поясе, снова очутиться на корабле, подчиняться дисциплине и традициям. Флэндри не был уверен, что ему это нравится.

Впрочем, его положение на корабле отличалось освежающей аномальностью. Капитан Эйнарсен так и остолбенел, увидев на борту Драгойку: ксено из железного века на его корабле! Но приказ Энрикеса был недвусмысленным. Она — важная персона, настоявшая на том, чтобы сопровождать экспедицию, и может причинить неприятности, если ее не будут ублажать. Поэтому мичмана Флэндри назначили «офицером по связи», добавив наедине, чтобы он держал свою туземку от глаз подальше, если не хочет быть разжалованным в гардемарины. (О том, что Флэндри практически находится под стражей, ни с одной стороны упомянуто не было. Эйнарсен получил ту радиосводку, но считал опасным оповещать свой экипаж о мерсейцах, останавливающих терранские корабли. А послание Энрикеса прояснило то, что капитан и так подозревал.) И как мог Флэндри в свои девятнадцать лет не дать понять, что важная персона кое-что смыслит в астронавтике и желает быть в курсе событий? Так он обеспечил себе прямую связь с мостиком.

Под наружной веселостью и оживлением все в нем сжалось в тугую узел. Он с минуты на минуту ожидал известия от «Новой Бразилии».

— Прошу прощения, — прервала разговор Драгойка. — Мне надо — как это называется — в гальюн. — Это помещение занимало ее больше всех на корабле.

Карамзин посмотрел ей вслед. Воздушный шлем, который она была вынуждена носить в терранской атмосфере, несколько не повлиял на ее мягкую походку. Главной проблемой было запихнуть в шлем ее гриву. Больше на ней ничего не имелось, кроме меча и ножа.

— Ну и ну, — пробормотал Карамзин, — вот это фигура. Как она вообще?

— Будьте любезны не говорить о ней подобным образом, — отчеканил Флэндри.

— Каким? Я не хотел сказать ничего дурного. Она ведь только ксено.

— Она мой друг. И стоит сотни имперских баранов. А то, с чем ей вскоре придется столкнуться и жить всю оставшуюся жизнь...

— С чем это? — облокотился о стол Карамзин. — С какой, собственно, целью мы вышли в космос? Будто бы проверить что-то, что имеется здесь у крокохвостов — а больше нам ничего не сказали.

— Я тоже не могу сказать.

— Но приказа не думать я не получал. И знаете — мне кажется, что все это старкадское дело затеяно для отвода глаз. Они раздувают там войну, привлекают наше внимание к этой дыре, а потом раз — и ударят совсем в другом месте.

— Возможно. — Флэндри выпустил кольцо дыма. Жаль, что я не могу ничего тебе сказать. По своему рангу ты не имеешь права этого знать, но ведь есть еще человеческое право.

— Какой он, этот Старкад? Из нашей сводки много не почерпнешь.

— Ну... — Флэндри не находил слов. Все они были какими-то бескровными. Можно описать, но нельзя сделать реальными белый рассвет над волнующимся морем, медленные тяжелые ветры, ревущие в лесах на горных склонах, старый и гордый город, чарующий мир на темном дне океана, два храбрых народа, биллионы лет, прошедшие с возникновения планеты, весь этот огромный шар... Он все еще бился над этим, когда вернулась Драгойка. Она тихо села рядом, глядя на него.

— ...а еще есть очень интересная палеолитическая культура на острове под названием Райадан...

Завыли сирены.

Карамзин первым выскочил за дверь. Повсюду слышался топот, гул металла, голоса, и все перекрывало пронзительное «вуп-вуп-вуп», отдающееся эхом по всему длинному корпусу. Драгойка сорвала с плеча меч.

— Что происходит? — вскричала она.

— Сигнал стоять по местам. — Флэндри спохватился, что говорит на английском. — Враг... замечен.

— Где же он?

— Там, снаружи — убери свою сталь. Сила и мужество здесь не помогут. Пойдем. — Флэндри вывел ее в коридор.

Они очутились в толпе членов экипажа, бегущих на свои посты. Рядом с навигационным мостиком находилось картохранилище-планетарий, оборудованное для полной аудиовизуальной связи. Командир решил, что здесь будет как раз удобно важной персоне и ее поводырю. Два скафандра висели наготове. Один был приспособлен для старкадийки. Драгойка уже немного обучилась им пользоваться на пути к «Сабику», но Флэндри решил помочь сначала ей, прежде чем самому облачиться.

— Нет, это вот так застегивается. Теперь задержи дыхание, пока я переменю тебе шлем... И зачем только ты пошла в этот рейс?

— Так я бы и отпустила тебя одного, — сказала она, когда он закрыл ее лицевой щиток.

Свой шлем Флэндри оставил открытым, но слышал ее через наушники. Сирена продолжала сверлить уши; потом раздался голос:

— Внимание. Внимание. Капитан обращается ко всем офицерам и рядовым. «Новая Бразилия» докладывает, что обнаружена два гиперследа при подходе к цели. Она возвращается к нам, и неприятель преследует ее. Идем прежним курсом. Приготовиться к переходу на гиперрежим. Приготовиться к бою. Да здравствует император!

Флэндри включил связь и, настроившись на обзорный экран мостика, увидел на своем экране космос, черный и усеянный звездами. При создании квантового поля пространство искривилось. Потом включились компенсаторы, и картина восстановилась; но «Сабик» уже обогнал свет, и километры разматывались у него за кормой быстрее, чем способно охватить воображение. Гул двигателей перешел в лвиный рык, пронизывающий каждую клетку тела.

— Что это означает? — Драгойка прижалась к другу, ища поддержки.

Флэндри включил операционный макет. Семь зеленых точек разного размера шли строем на звездном фоне.

— Смотри, вот наши корабли. Вот это самый большой. — Появились две красные точки. — А это враги, на том расстоянии, на котором мы их видим. Ого, посмотри, как они велики. Значит, мы засекали очень мощные двигатели. Я бы сказал, что один примерно равен нашему, причем, возможно, новее и лучше вооружен. А другой, похоже, тяжелый истребитель.

Драгойка хлопнула руками в перчатках и с восторгом вскричала:

— Да это прямо волшебство!

— Только пользы от него немного. Это так, общая картина. Капитан руководствуется цифрами и вычислениями, которые делают машины.

— Опять машины, — с тревогой сказала Драгойка, потеряв свой энтузиазм. — Я рада, что мне не надо жить в вашем мире, Домманик.

«Боюсь, что тебе придется, — подумал Флэндри. — Хотя бы некоторое время. Если мы останемся в живых».

Он переключился на отсек связи. Операторы сидели у пультов как загипнотизированные. Изредка кто-нибудь нажимал на кнопку или перебрасывался парой слов с соседом. Электромагнитное радио работало только в пределах корабля. Но квантовые колебания гипердвижения при легкой модуляции могли быть использованы и для связи. «Сабик» мог передавать и принимать мгновенно.

Флэндри заметил, как один оператор замер, дрогнувшей рукой оторвал перчатку и вручил ее офицеру, который ходил по проходу. Тот подошел к интеркому и вызвал мостик. Флэндри выслушал его и кивнул.

— Скажи, в чем дело, — взмолилась Драгойка. — Мне так одиноко тут.

— Ш-ш-ш!

— Внимание. Внимание, — послышалось в наушниках. — Капитан всем офицерам и рядовым. Поступило сообщение о шести мерсейских кораблях на орбите Саксо. Они перешли на гипер и движутся на соединение с теми двумя, что преследуют «Новую Бразилию». Перехвачены обрывки переговоров между двумя этими группировками. С их стороны ожидается атака. Первый контакт должен состояться через десять минут. Приготовиться открыть огонь по команде. Состав неприятельской эскадры...

Флэндри показал Драгойке макет. Полдюжины огоньков шли со стороны светящегося шарика, обозначающего ее солнце.

— Один легкий крейсер вроде нашего «Умбриэля» и пять истребителей. А впереди у нас, не забывай, линкор и тяжелый истребитель.

— Восемь против нас пятерых. — Драгойка раздула ноздри под шлемом, ее мех затрещал, и она, ничем больше не напоминая потерянное дитя, сказала тихо и решительно: — Но двое первых выйдут на наш корабль.

— Верно. Ну-ка проверим... — Флэндри попробовал еще один канал. Его должны были заблокировать, но забыли, и мичман стал смотреть через плечо капитана Эйнарсена.

Так и есть — мерсейский офицер на экране внешней связи! Причем высокого ранга.

— Запретная зона, — говорил он на англике с сильным акцентом. — Немедленно поворачивайте назад.

— Правительство его величества не признает никаких запретов в ничейном пространстве, — ответил Эйнарсен. — Противодействуя нам, вы подвергаете себя опасности.

— Куда вы направляетесь? Цель вашего следования?

— Это вас не касается, фодайх. Мы следуем в заданном направлении и на законном основании. Продолжать нам движение мирно или прорываться с боем?

Флэндри слушал и переводил Драгойке. Мерсеец ответил не сразу, и она шепнула:

— Он, конечно, нас пропустит. Чтобы соединиться со своими.

Флэндри вытер лоб. В отсеке было жарко, и внутри скафандра разлило потом.

— Жаль, что ты родилась не в нашей цивилизации. Ты мыслишь, как флотоводец.

— Хорошо, проходите, — медленно сказал мерсеец. — Я починаюсь насилию.

Флэндри подался вперед, ухватившись за край стола, и чуть было не крикнул Эйнарсену, что надо делать. Командир эскадры ответил:

— Очень хорошо. Однако, учитывая тот факт, что на соединение с вами идет другое звено, я вынужден потребовать гарантий. Вы немедленно, на полной скорости, повернете на север Галактики и будете продолжать движение, пока я не вернусь к Саксо.

— Это неслыханно! Вы не имеете права...

— Право мне дает ответственность, которую я несу за эскадру. Если ваше правительство захочет выразить моему протест, пусть выражает. Если вы откажетесь следовать в указанном направлении, я буду считать ваши намерения враждебными и

приму соответствующие меры. Примите мои уверения. Всего хорошего. — И экран погас.

Флэндри, весь дрожа, выключил свой экран с бесстрастным лицом Эйнарсена. Сквозь сумятицу его мыслей пробилось: как видно, старый линейный офицер все-таки соображает не хуже свежеепеченного мичмана. Когда он ввел Драгойку в курс событий, она хладнокровно сказала:

— Давай опять посмотрим на макет.

Мерсейцы не послушались приказа, но разошлись в разные стороны, надеясь, как видно, оттянуть время до прихода помощи. Эйнарсен не стал содействовать им в этом. «Новая Бразилия», как загнанная волчица, обернулась к своему более мелкому преследователю, «Земля Мэрдоха» поспешила ей на помощь. «Умбриэль» и «Сабик» устремились к мерсейскому линкору. «Антарктика» продолжала идти прежним курсом, конвоируя разведчиков.

— Началось, — сказал Флэндри сквозь стиснутые зубы. Его первый космический бой, такой же устрашающий, ошеломляющий и волнующий, как первая женщина. Его снесало желание очутиться сейчас в оружейной башне. Закрыв шлем, он стал смотреть на экран наружного обзора.

С минуту там не было видно ничего, кроме звезд. Потом «Сабик» гроыхнул и содрогнулся. Он выпустил залп ракет — чудовищных ракет, носителем которых может быть только линкор, снабженных собственными гипердвигателями и фазировочными компьютерами. Как они долетят, видно не будет. Расстояние все еще слишком велико. Но в космосе вокруг них начались взрывы — один огненный шар за другим; они вздувались, вспыхивали и исчезали. Если бы экран передавал их истинную мощь, у Флэндри вытекли бы глаза. И даже сквозь вакуум до него доходили толчки газовых волн: палуба качалась, и корпус гудел.

— Что это? — крикнула Драгойка.

— Враг обстрелял нас. Нам удалось перехватить его ракеты и уничтожить их с помощью более мелких. Смотри сюда. — По экрану пробирался металлический цилиндрок. — Она сама ищет цель. Мы выпустили целую кучу таких.

Энергия продолжала бушевать в пространстве. Один разрыв чуть не сбил Флэндри с ног, и в ушах у него загудело. Он включил контроль повреждений. Удар произошел так близко, что «Сабик» получил пробоину. Их отсек защитили переборки. Разбита лазерная пушка, ее расчет разорван в клочья. Но другая, рядом, докладывает, что сохранила боеспособность. Расчет этого орудия, благодаря тяжелому ограждению и электро-

магнитной защите, не получил смертельной дозы радиации; люди могут еще выжить, если им окажут медицинскую помощь в течение суток. Они остались на своем посту.

Флэндри снова обратился к макету. «Умбриэль», опередив оба линкора, втянул в свое поле гигантский вражеский корабль. Как только гиперполя соприкоснулись, «Умбриэль» вышел из фазы как раз настолько, чтобы стать неуязвимым, но недостаточно, чтобы его масса не тормозила врага. Мерсеец, должно быть, старается войти в фазу и уничтожить его, пока... Нет, уже подоспел «Сабик»!

Радиус поля, создаваемого столь мощными генераторами, очень велик. При первом контакте противник казался игрушкой, затерянной среди множества звезд. Но он все рос, превращаясь в акулу, в кита, в стального Левиафана, ошестинившегося орудиями, озаренного мертвенными вспышками.

Исход битвы решали не живые существа. Разве только частично. Они обслуживали орудия, управляли машинами и умирали. При столкновении подобных скоростей, масс и мощностей главную роль играли роботы. Ракета сходилась с ракетой, компьютер состязался с компьютером в фантастическом танце смены фаз. Люди и мерсейцы оперировали, правда, блас-терными орудиями, ощупывая, прожигая, режа металл, как нож режет плоть. Но их шанс нанести серьезный ущерб за такое короткое время был невелик.

Космос полыхнул огнем. Громовой раскат сотряс корабль. Палуба перекосилась, балки прогнулись, броня оплавилась. Взрыв швырнул Флэндри с Драгойкой друг на друга. Они лежали обнявшись, побитые, кровоточащие, оглушенные, а над ними бушевала буря.

И вдруг все утихло.

Медленно, неуверенно поднялись они на ноги. Крики, звучащие повсюду, сказали им о том, что барабанные перепонки у них уцелели. Дверь просела, и в нее сочился дым. Рокотали химические пожаротушители. Кто-то звал врача голосом, рвущимся от боли.

Экран все еще работал. Флэндри успел разглядеть «Умбриэль», прежде чем тот исчез из виду из-за разницы скоростей. В носу крейсера зияла брешь, орудие скрутило под прямым углом, расплавленная и вновь застывшая броня напоминала морскую пену. И все же «Умбриэль» остался на ходу. Как и «Сабик».

Флэндри посмотрел и послушал, а потом представил Драгойке картину событий.

— Мы их одолели. Два наших истребителя разделились с вражеским, не потерпев особого ущерба. Наш корабль пробит в нескольких местах, мы потеряли три башни и ракетную катапульту, перерезана проводка от главного компьютерного банка, мы пользуемся запасными генераторами, пока инженеры чинят основной, и наши потери довольно тяжелы. Однако мы еще кое-как функционируем.

— А где тот линкор, с которым мы сражались?

— Наша боеголовка попала ему в самую диафрагму. Мегатонная, кажется... хотя ты все равно не понимаешь. Он превратился в пыль и газ.

Эскадра воссоединилась и двинулась вперед. Два крошечных зеленых пятнышка на макете оторвались от остальных, далеко опередив их.

— Видишь? Это разведчики. Мы должны прикрывать их, пока они не выполнят задание. Значит, придется драться с мерсейцами, которые идут от Саксо.

— Их шесть, а нас пять, — сосчитала Драгойка. — Наши шансы улучшаются. И потом, у нас еще остался большой корабль — наш — а у них нет.

Флэндри следил, как зеленые точки разворачиваются строем. Это для того, чтобы ни один красный огонек не проскочил и не атаковал разведчиков. Так всю эскадру могут перебить поодиночке, но... Очевидно, мерсейский командир отрядил по одному своему истребителю на каждый истребитель Эйнарсена. Так он выйдет со своим крейсером и двумя истребителями против «Сабика» и «Умбриэля», что было бы прекрасно, не будь два последних так покалечены.

— Да, я сказал бы, что наши шансы равные. Уже хорошо. Если мы задержим врага... ну, скажем, на пару часов, то выполним свою задачу.

— Но какая это задача, Домманик? Ты говорил только, что где-то там таится угроза. — Драгойка взяла его за плечи и посмотрела ему в глаза. — Можешь ты мне сказать или нет?

Да, он мог — никакие тайны не имели больше смысла. Но не хотел. Он тянул время и надеялся, что бой вступит в следующую стадию, прежде чем Драгойка раскусит его хитрость.

— Ну... нам стало известно об одном... небесном теле. Разведчики должны подойти к нему, выяснить, что оно собой представляет, и вычислить его путь. Интересен способ, которым они это сделают. Они отойдут от него быстрее света и так получат картину не того, где оно есть в настоящий момент, а того, где оно было в разные моменты прошлого. Поскольку они знают, где искать, их приборы заснимут тело на протяжении целого светового года. А это больше, чем год во времени.

На основе этого легко будет вычислить, как будет двигаться тело ближайшие несколько лет.

В ее глазах снова отразился страх.

— Неужто и во время можно проникнуть? — прошептала она. — В прошлое с его призраками? Вы, терраны, слишком дерзаете. И однажды скрытые силы обрушат на вас свой гнев.

Флэндри прикусил губу и поморщился, потому что она опухла там, где он ударился ртом о микрофон радио.

— Я и сам думаю, что такое может случиться, Драгойка. Но что мы можем поделать? Наш курс намечен много веков назад, до того еще, как мы оставили свой родной мир, и обратного пути нет.

— Тем доблестнее путь, по которому вы идете. — Она выпрямилась в своем скафандре. — Не на меньшее способна и я. Скажи мне, что это за тело, которое вы отслеживаете сквозь время?

— Это... — Корабль содрогнулся от мощной отдачи, и раздался грохот. — Мы выпустили ракетный залп! Вступаем в бой!

Еще один залп и еще. Эйнарсен, должно быть, расстрелял все гиперснаряды, которые были. Если одна или две ракеты попадут в цель, это может решить исход боя. Если нет, то противник все равно не способен ответить терранам тем же.

На макете Флэндри видел, как рассредоточились мерсейские истребители. Терранам остается только уворачиваться от этих убийц или без конца менять фазу, когда поля пересекутся. Эскадра тоже рассыпалась, и «Антарктика» с «Землей Мэрдоха» вышли против одного врага своего класса. Там будет море огня — мелкие ракеты, лучи и снаряды; это медленнее и, возможно, более жестоко, чем почти абстрактный поединок между двумя крупными кораблями, зато как-то свойственное человеку.

Залпы прекратились. Драгойка издала вопль:

— Гляди, Домманик! Красный огонек погас! Первая кровь за нами!

— Да... да, мы точно сбили один истребитель. Ура-а! — Командир объявил об этом по связи, и ему отозвались ликующие крики тех, чьи шлемы еще были открыты. Другие ракеты, должно быть, прошли мимо цели или были отражены, и теперь они самоуничтожаются, чтобы не создавать угрозы для космоплавания. Макс Абрамс сказал бы, что такое правило внушает надежду.

Еще один мерсейский истребитель спешил на помощь тому, который взяли в клещи два терранских, а «Новая Бразилия» и

третий подкрадывались друг к другу. «Умбриэль» ковылял на перехват тяжелого крейсера и его конвойного судна. А эти последние шли прямо на «Сабик», который поджидал их, заливая раны.

Электричество ярко вспыхнуло и погасло, потом снова загорелось, но слабо. Значит, и с запасным энергоузлом тоже проблемы. И черт, черт, черт — Флэндри ничего не может делать, кроме как смотреть на макет!

Конвой отошел от крейсера и бросился к «Умбриэлю», чтобы измотать его и задержать. Флэндри до боли стиснул зубы.

— Зеленые видят, что у нас не все ладно. И воображают, что крейсер нас одолеет. А может, они и правы.

Красная точка приближалась к зеленой.

— Приготовиться к прямофазному столкновению, — раздалось в наушниках.

— Что это значит? — спросила Драгойка.

— Мы не сможем увернуться, пока не починим одну машину. — Флэндри не мог точнее объяснить по-курсовикски, что им нельзя сменить фазу. — Придется сидеть на месте и отстреливаться.

«Сабик» — не совсем подбитая утка. Он может перейти на субсветовой режим, хотя это была бы отчаянная мера. А в сверхсветовом враг должен войти в фазу «Сабика», чтобы причинить ему ущерб, но тем самым и себя сделает уязвимым. Однако вражескому крейсеру легче уйти от ответного огня. У «Сабика» же нет защиты, кроме противоракетной техники — зато ею он оснащен лучше, чем противник.

Встреча лицом к лицу становилась все ближе.

— Произошло пересечение гиперполей, — прозвучало по интеркому. — Всем вести огонь на свое усмотрение.

Флэндри включил внешний обзор. Мерсеец шел, лавируя, среди звезд. Он то исчезал, то появлялся опять. Это был настоящий космопроходец, вздутый в середине, как груша о двух концах. Звездный свет и тень чередовались на его броне. Драгойка втянула в себя воздух. Сверкнуло пламя.

Ударил титанический кулак. Шум — такой, что перешел пределы всякого шума, — прокатился по кораблю. Переборки лопнули. Палуба встала на дыбы, и Флэндри втянуло во мрак.

Через несколько мгновений он пришел в себя. Он все падал и падал куда-то, ослепший... нет, сообразил он сквозь звон в голове, это свет погас и гравитроны отказали, и теперь он плавает в невесомости посреди воя уходящего воздуха. Кровь

из носа образовала пузыри, грозившие удушением. Флэндри всосал их ртом.

— Драгойка! — прохрипел он. — Драгойка!

Блеснул луч ее нашлемного фонарика. Драгойка казалась тенью позади, но ее голос звучал ясно и звонко:

— Домманик, ты цел? Что случилось? Держись, вот моя рука.

— Прямое попадание. — Флэндри встряхнулся, сустав за суставом — в теле вскипела боль, но серьезных повреждений, о чудо, не обнаружилось. Что ж, скафандр рассчитан на сильные потрясения. — Ничего больше не работает, поэтому я не знаю, в каком состоянии корабль. Давай попробуем выяснить. Да, держись за меня. И отталкивайся от стенок и всего прочего, только не сильно. Будто плаваешь. Тебя не тошнит?

— Нет. Я будто во сне, вот и все. — Она быстро осваивала главные правила движения в невесомости.

Они выбрались в коридор. Свет их фонарей, не рассеиваясь, выхватывал мрачные картины из окружающей тьмы. Перекрученные шпангоуты, рваная броня. Половина человека в скафандре, окруженная кровавым облаком, — Флэндри пришлось стереть кровь со шлема. Радио молчит. Тишина, как в гробнице.

Ядерная боеголовка, пробившая корабль насквозь, не могла быть уж очень большой. Но в месте удара царило полное разрушение. В других отсеках силовые поля, переборки, щиты, отражательные устройства обеспечили посильную защиту. Поэтому Флэндри с Драгойкой уцелели. Уцелел ли кто-нибудь еще? Флэндри звал и звал, но не получал ответа.

Перед ним разверзлась брешь, полная звезд. Он велел Драгойке оставаться на месте и вылетел наружу на импеллерах. Саксо, самая яркая из алмазных точек вокруг, стоял в прозрачной дуге Млечного Пути, давая достаточно света, чтобы осмотреться. Обломок корабля, из которого Флэндри вышел, медленно вращался — это к лучшему, иначе силы Кориолиса вызвали бы тошноту у Флэндри, а может, и у Драгойки. Энергопушка, похоже, не пострадала. Рядом кувыркались обломки побольше, безобразные в холодном безмятежном просторе.

Флэндри снова попробовал радио, выйдя наружу из-за экранирующего металла. Вторичные двигатели остановились, и остатки «Сабика» вернулись в нормальное субсветовое состояние.

— Говорит мичман Флэндри из четвертого отсека. Отзовитесь кто-нибудь. Отзовитесь!

Сквозь свист космических помех к нему пробился голос:

— Командор Ранжит Сингх, второй отсек. Принимаю на себя командование, пока не отзовется кто-либо из старших офицеров. Доложите, в каком состоянии находитесь.

Флэндри доложил и спросил:

— Прикажете присоединиться к вам, сэр?

— Нет. Проверьте свой лазер. Доложите, в рабочем он состоянии или нет. Если да, оставайтесь при нем.

— Но мы же разбиты, сэр. Крейсер ушел и ведет бой в другом месте. Никто не станет с нами возиться.

— Это еще неизвестно, мичман. Если один из истребителей освободится, он может заняться и нами, чтобы уж наверняка dokonать. Ступайте к орудию.

— Есть, сэр.

В башне плавали мертвые тела. Их не покалечило, но два или три рентгена, должно быть, пробили всю защиту, какая была. Флэндри с Драгойкой вытащили мертвых и пустили их в дрейф. Драгойка, глядя, как они тают в звездной дали, запела Траурную Песнь. «Я бы не отказался от таких проводов», — подумал Флэндри.

Лазер действовал. Флэндри показал Драгойке, как управлять им вручную. Теперь можно сменяться — один у гидравлической наводки, другой крутит штурвал, подзаряжающий батареи, от которых орудие работает. Силой Драгойка не уступает Флэндри.

Они ждали.

— Никогда не думала, что умру в таком месте, — сказала она. — Но умру я в бою, и с наилучшим из товарищей. Вот уж наговоримся мы там, в Стране Деревьев!

— Может, мы еще и выживем, — сказал он. Его зубы поблескивали в звездном свете на побитом, окровавленном лице.

— Не обманывайся. Это недостойно тебя.

— Какого там черта недостойно! Ясное дело, я не собираюсь сдаваться, пока жив.

— Понимаю. Быть может, это и сделало вас, терран, столь великими.

И тут появился мерсеец.

Это был истребитель. «Умбриэль», ведущий бой с тяжело раненным вражеским крейсером, повредил и его. «Земля Мэрдоха» была задета, «Антарктика» выбыла из строя — ей требуется серьезный ремонт, однако оба эти корабля расправились со своими противниками. «Новая Бразилия» все еще сражалась с третьим истребителем. У этого, четвертого, сильно пострадал генератор гиперполя. Пока обливающиеся потом

инженеры не починят его, на что уйдет около часа, сверхсветовая скорость истребителя равняется черепашьей; любой корабль в лучшем состоянии может стереть его с лица Вселенной. Его капитан решил вернуться туда, где кружили обломки «Сабика» и посвятить вынужденную паузу уничтожению их. Ибо приказ свыше гласил, что никто, кроме мерсейцев, не может проникнуть в этот сектор и остаться в живых.

Корабль обрел реальность. Он уже расстрелял свои ракеты, но его орудия кусались языками огня и снарядами. Самая крупная часть расчлененного терранского линкора приняла их удар, вспыхнула, раскололась и ответила огнем.

— Йоу-у-у! — В вопле Драгойки слышался лишь азарт и больше ничего. Она крутила штурвал с демонической скоростью. Флэндри занял свое место в седле. Ствол орудия повернулся. Обломок корпуса вращался в обратном направлении. Флэндри поправил пушку, поймал корму истребителя в перекрестье прицела и нажал на спуск.

Конденсаторы исторгли разряд. Запас энергии в них был ограничен — орудие потому и подзарядилось вручную, чтобы сберечь каждый оставшийся эрг для отмщения. Огненный плевок достиг цели через многие километры. Сталь испарилась. Открылась рана. Воздух ринулся оттуда наружу, белый от конденсирующейся воды.

Истребитель включил задний ход. Флэндри не отставал, держа свой луч на том же месте, вгоняя его все глубже и глубже. Четыре прочих осколка «Сабика» тоже изрыгали смерть.

— Ага, — пропел Флэндри, — поймали тигра за хвост!

Неумолимое вращение скрыло от него врага. Флэндри ждал, и внутри у него все кипело. Когда он снова смог стрелять, истребитель уже отступил подальше, превратив перед этим один из обломков линкора в газ. Но прочие продолжали сражаться. Флэндри присоединил свой луч к остальным. Враг уходил на гравитронах. Почему он не включит гиперрежим и не уберется отсюда? Как видно, не может. Флэндри сам старательно целил в генератор квантового поля. Возможно, и попал.

— Курсовики! — вскричала Драгойка у штурвала. — Стрелки, вперед! Да славится Янъевар ва-Радовик!

К ним повернулся вражеский лазер. Флэндри видел его — крошечный на расстоянии, тонкий и смертоносный. Мичман переместил прицел, и его луч расплавил чужой ствол.

Истребитель уходил прочь. И вдруг, откуда ни возьмись, явилась «Новая Бразилия». Флэндри вскочил с сиденья, схватил Драгойку, прижал ее шлем к своей груди и сам закрыл

глаза. Когда он открыл их опять, мерсеец превратился в рой раскаленных добела метеоритов. Двое друзей крепко обнялись в своих скафандрах.

«Умбриэль», «Антарктика» и «Новая Бразилия», пробитые, потрепанные, охромевшие, переполненные тяжелоранеными, преследуемые призраками погибших, но победоносные, приближались к заветной планете. Разведчики давно уже закончили свою работу и ушли в сторону Империи. Однако Ранжит Сингх решил, что его люди должны увидеть завоеванный ими трофей.

Флэндри и Драгойка стояли рядом с командиром на мостике крейсера. Планета заполнила весь передний экран. Она была едва ли больше терранской Луны — и, как и Луна, лишена воздуха, воды и жизни; все это утекло в пространство миллиарды лет назад. Горы над покрытыми мертвым пеплом равнинами щерили клыки на звезды. Голая, пустая, слепая, словно череп скелета, бродячая планета неслась навстречу своей судьбе.

— Одна планета, — выдохнул новый командир. — Одна несчастная бессолнечная планета.

— И этого достаточно, сэр, — сказал Флэндри. Изнеможение накатывало на него огромными мягкими волнами. Спать... спать... и видеть сны, если посчастливится. — Она идет на столкновение с Саксо. Врежется в него в ближайшие пять лет. Такая масса, падающая из бесконечности, несет с собой энергию трехлетнего звездного излучения. И эта энергия должна как-то разрядиться, причем за несколько секунд. А Саксо — недолговечная звезда типа F5, которая должна начать расширение через какой-то бегалод. Он уже и сейчас становится неустойчивым. Происходит столкновение — и Саксо превращается в новую. Взрывается.

— А наш флот...

— Да, сэр. Как же иначе? Все это совершенно невероятно. Расстояния между звездами так велики. Но Вселенная еще более велика. И то, что может случиться, как ни невероятно, иногда все же случается. Перед нами как раз такой случай. Мерсейские исследователи нечаянно обнаружили этот факт. И Брехдан понял его значение. Он развивал бы старкадский конфликт шаг за шагом, направлял бы его, лелеял, строго придерживаясь графика... пока бы мы не собрали здесь свои космические силы, как раз перед взрывом. Вряд ли мы заметили бы эту планету. Она движется за пределами эклиптики, у нее очень низкое альbedo, а под конец она затеряется в сиянии Саксо, и ее скорость возрастет до 700 километров в

секунду. Да мы бы и не смотрели в том направлении. Наше внимание было бы приковано к флоту Брехдана. А мерсейцы были бы готовы, когда их капитаны вскрыли бы запечатанные пакеты с инструкциями. Они бы знали точно, когда убраться прочь на гиперрежиме. Мы же — что ж, первичная радиация движется со скоростью света. Экипажи погибли бы, не успев осознать, что умирают. А около часу спустя первая волна газов превратила бы в пар корабли. Империя осталась бы искалеченной, и мерсейцы получили бы свободу действий. Вот для чего на Старкаде ведется война.

Ранжит Сингх потянул себя за бороду, и боль словно придала ему сил.

— Нельзя ли что-нибудь с этим сделать? Ну, скажем, заложить бомбы, чтобы взорвать это тело?

— Не знаю, сэр. Но сомневаюсь. Слишком много осколков осталось бы на той же орбите, по-моему. Но Старкад, конечно, можно эвакуировать. Мало ли других планет.

— Да. Это мы можем.

— Ну, теперь ты мне скажешь, в чем дело? — спросила Драгойка.

Флэндри сказал. Он не знал, что она умеет плакать.

Глава 18

В Хайпорте было тихо. Люди сидели в своих безобразных казармах, слонялись по пыльным улицам, ждали, когда придет приказ, и рвались домой. Не слышно стало грохота строительных машин, урчания двигателей, воя воздушных машин, идущих в бой. После первых шумных празднований веселье затихло. Уж слишком ошеломил всех такой конец войны. Сначала поступило краткое сообщение, что адмирал Энрикес и фодайх Руinei договорились о прекращении огня, желая снести каждый со своим правительством. Потом дни тянулись за днями, и никто ничего не знал. Потом прибыли корабли и было объявлено, что, поскольку Старкад обречен, Империя и Ройдхунат питают общую надежду на прекращение межрасового конфликта. Мерсейцы быстро отбыли, за исключением нескольких наблюдателей; вскоре предстоит отбыть и почти всему составу Имперского Флота; военных сменят штатские эксперты, которые займутся предварительными исследованиями для осуществления уже другого террактного проекта. И постоянные слухи, сплетни, такой-то знает такого-то, который точно знает, что... Как можно после такого продолжать обыкновенную

жизнь? Теперь уж ничего не будет казаться обыкновенным. Смотришь ночью на звезды и содрогаешься.

Доминик Флэндри шел по тихой улице. Его ботинки издавали мягкий мерный стук. Было прохладно. Саксо сиял всюду на необъятном голубом небе. Пики за горой Нарпа тянули снежные вершины к призраку луны. Никогда еще планета не казалась такой прекрасной.

Дверь в ксенологический отдел стояла открытой. Флэндри зашел. Столы пустовали — весь штат Джона Райднура занимался полевыми изысканиями. Только сам шеф сидел в конторе, заменяя сон стимуляторами, и пытался координировать усилия своих сотрудников, работающих по всему миру. Сейчас он беседовал с посетителем. У Флэндри сердце подскочило к горлу. Лорд Хауксберг!

Все знали, что «Гудящая Маргрета» пришла вчера, чтобы посланник его величества мог совершить заключительный инспекционный осмотр. И Флэндри намеревался держаться от него подальше. Делать нечего — мичман вытянулся, отдавая честь.

— Ну-ну. — Виконт не встал со стула, лишь повернул свой острый профиль. Тело, облаченное в элегантный костюм, осталось неподвижным, голос звучал весело. — Это кто же к нам пришел?

— Мичман Флэндри, сэр. Прошу меня извинить. Я не хотел помешать вам. Я ухожу.

— Нет уж, сядьте. Я все равно собирался повидать вас. Ваше имя я, как ни странно, помню. — Хауксберг кивнул Райднуру. — Продолжайте, пожалуйста. О каких трудностях вы говорите?

Удрученный ксенолог едва обратил внимание на вновь вошедшего. Усталость делала его речь жесткой.

— Пожалуй, лучше показать вам это на типичном примере, милорд — это снято на прошлой неделе. Место действия — дом Сестер в Уянке.

На экране появилось помещение с фресками, изображающими былые славные события. Перед видеофоном сидели терранин и несколько тигранок в перьях и полосатых плащах, что указывало на их высокий ранг. Некоторых Флэндри узнал. И проклял случай, приведший его сюда в эту минуту. Прощание с городом и так было достаточно тяжелым.

Острова, глава Сестер, глядя на изображение подводного жителя на экране, отрезала:

— Никогда. Наши права и наши нужды остаются за нами. Лучше умереть, чем отдать то, что наши матери завоевали ценою жизни.

Действие переместилось под воду, где также работала терранская команда. Флэндри вновь увидел Храм Неба — изнутри. Свет, пронизывая воду, превращал ее в изумруд, в котором плавали вожди морян. В качестве экспертов вызвали Слюду и Полноводного. «С этими мне так и не удалось попрощаться, — подумал Флэндри, — и теперь уж я их никогда не увижу». Внизу за колоннадой виднелся волшебный город Мерцающая Раковина.

— И опять вы будете обкрадывать нас круглый год, как всегда делали, — сказал морянин, выступавший от имени всех. — Так не бывать же этому. Наше достоинство должно принадлежать только нам, когда грядет великое испытание. Не забывайте, что наши ружья остались при нас.

Люди Райднура служили переводчиками на том и другом конце, и Флэндри мог следить за ходом ожесточенного спора по-курсовикски. Хауксберг, не знавший языка, начал нервничать и через несколько минут сказал:

— Все это крайне интересно, но, может быть, вы скажете, о чем идет речь?

— Наша станция, расположенная в Цепи, подготовила резюме. — Райднур переключил аппарат, и на экране появилась лагуна, где солнечный свет играл на легкой зыби и шелестели деревья за широким белым пляжем — такая красивая, что сердцу стало больно... Съемка велась из каюты водного катера, в которой сидел человек с темными кругами у глаз. Он назвал дату, тему резюме и заявил:

— Обе стороны по-прежнему настаивают, что имеют исключительное право на рыболовные угодья архипелага. Наши команды, смягчая выражения при переводе, сумели предотвратить непоправимую вспышку гнева, но о компромиссе пока нет и речи. Мы будем по-прежнему стараться выработать взаимовыгодное соглашение. Успех вероятен, но лишь спустя значительное время.

Райднур выключил аппарат и сказал:

— Видите, милорд? Их нельзя просто так взять и погрузить на космические корабли. Нужно решить, какая из нескольких возможных планет им больше подходит, и подготовить их и в организационном, и в образовательном плане. И в самом идеальном случае психический и культурный шок все же будет ужасен. На подготовку уйдут годы. А тем временем обеим расам нужно как-то обеспечивать себя.

— И они так и будут драться за то, чтобы через каких-то пять лет превратиться в облачко газа? Да стоит ли спасать таких идиотов?

— Они не идиоты, милорд. Просто их потрясло известие о том, что их мир обречен на гибель. Большинству потребуется много времени, чтобы привыкнуть к этому, залечить эту рану, прежде чем они смогут мыслить рационально. Многие так и не смиряются. И, милорд... какими бы логически мыслящими, какими бы развитыми мы себя ни считали, мы все же остаемся животными. Наш разум — не более чем прислужник инстинкта. Не будем же смотреть свысока на старкадийцев. Если бы мы и мерсейцы, большие и крутые космические расы, были бы поумнее, то не воевали бы.

— Мы и не воюем.

— Это еще неизвестно, милорд.

Хауксберг покраснел и сказал холодно:

— Благодарю за фильм. Я упомяну о нем в своем докладе.

— Может быть, ваша светлость соизволит подчеркнуть, как нам необходимы квалифицированные кадры, — взмолился Райднур. — Вы видели лишь немного из того, что предстоит сделать на одном крошечном участке планеты. А ведь перед нами целый мир, миллионы живых существ, тысячи общин. Многие нам неизвестны даже по названию — они лишь белые пятна на карте. Но в этих белых пятнах тоже живут думающие и чувствующие существа. Мы должны добраться до них, спасти их. Всех мы охватить просто не сможем, но каждый спасенный — это лишнее оправдание существования человечества. И видит Бог, милорд, человечество нуждается во всяком оправдании, которое может приобрести.

— Красноречивые слова, — сказал Хауксберг. — Пусть правительство его величества само решает, насколько большой бюрократический аппарат оно готово создать ради кучки дикарей. Это не моя епархия. — Он встал, Райднур тоже. — Всего вам доброго.

— Всего доброго, милорд. Спасибо, что зашли. А, мичман Флэндри. Вам что угодно?

— Я пришел попрощаться, сэр. — Флэндри вытянулся по стойке «смирно». — Мой транспорт уходит через несколько часов.

— Что ж, до свидания. Желаю удачи. — Райднур даже пожал ему руку. Но как только Хауксберг, а следом Флэндри, вышли за дверь, он вернулся к своему столу.

— Пройдемся по городу, — сказал Хауксберг. — Хочу размять ноги. Нет, идите рядом. Нам нужно кое-что обсудить, юноша.

— Да, сэр.

Они молча дошли до луга, поросшего высокой серебристой квазитравой. С ледников дремлющих гор долетал ветерок. Какое-то крылатое создание кружило над головой. «Даже если спасти всех разумных старкадийцев, — подумал Флэндри, — все равно они будут лишь каплей в море жизни, которая радуется солнцу на этой планете».

Плащ Хауксберга хлопал на ветру. Виконт запахнулся поплотнее.

— Итак, — сказал он, глядя прямо на своего спутника, — вот мы и встретились, а?

Флэндри заставил себя не отводить глаз.

— Да, сэр. Надеюсь, последующее пребывание милорда на Мерсейе было приятным.

— Экий наглец! — рассмеялся Хауксберг. — Далеко пойдете, если раньше никто не пристрелит. Да, можно сказать, что у нас с советником Брехданом состоялись весьма интересные беседы, когда пришло известие отсюда.

— Вы... вы, кажется, условились считать, что космический бой произошел лишь потому, что оба командира неверно поняли свои приказы.

— Так и есть. Мерсейю не меньше нас поразило известие о бродячей планете, случайно обнаруженной нашими космическими силами. — Все добродушие Хауксберга пропало. Он с неожиданной силой схватил Флэндри за локоть и сказал сурово: — Всякая информация, противоречащая этому, является государственной тайной. Выдача этой тайны кому-либо, даже намеком, расценивается как измена. Ясно?

— Да, милорд. Меня уже предупредили.

— Это для вашего же блага, — сказал Хауксберг уже мягче. — Соблюдение тайны требует снятия всех обвинений против вас. Сам факт, что они вообще выдвигались, как и тот, что во время нашего визита на Мерсейю случилось нечто из ряда вон, переходят в разряд особо секретных. Вам ничто не грозит, юноша.

Флэндри заложил руки за спину, чтобы не показать, как они сжались в кулаки. Он отдал бы десять последующих лет своей жизни, чтобы разбить в кровь это улыбающееся лицо. Вместо этого он вынужден был сказать:

— Будет ли милорд столь добр, что дарует мне и свое личное прощение?

— Ну конечно же! — просиял Хауксберг, стиснув его плечо. — Вы поступили абсолютно правильно. Из абсолютно ложных побуждений, правда, но счастливая судьба устроила так, что вы добились того, к чему я стремился: мира с Мерсейей. Так зачем же мне на вас злиться? Ну а что касается некой леди, —

подмигнул он, — то чего не бывает между друзьями. Все забыто.

Флэндри не мог больше притворяться.

— Но никакого мира между нами и Мерсейей нет! — взорвался он.

— Как так? Полно — я знаю, вы многое пережили и все такое, но...

— Милорд, они намеревались уничтожить нас. Как же можно позволить, чтобы такое сошло им с рук?

— Успокойтесь. Я уверен, что такого намерения у них не было. Они держали это оружие про запас, на случай, если мы вынудим их использовать его. Вот и все. Если бы мы выказали искреннее желание сотрудничать с ними, они предупредили бы нас загодя.

— Как вы можете так говорить? — поперхнулся Флэндри. — Разве вы не знаете истории? Не слышали мерсейских речей, не читали их книг, не видели наших мертвых и раненых после встреч с мерсейцами в космосе? Они хотят убрать нас из Вселенной!

— Довольно, мичман, — раздул ноздри Хауксберг. — Не забывайтесь. И увольте меня от вашей пропагандистской отрыжки. Истинная природа прошедшего инцидента потому и засекречена, чтобы такие, как вы, не толковали события вкривь и вкось и не портили будущих отношений между обоими правительствами. Брехдан наглядно доказал, что желает мира, полностью убрав свои войска со Старкада.

— И переложив на нас все дорогостоящие хлопоты по спасению планеты. Еще бы.

— Я уже сказал вам, мичман, — держите себя в руках. Вы слишком молоды, чтобы судить об имперской политике.

Флэндри проглотил горькую пилюлю.

— Виноват, милорд.

Хауксберг с минуту смотрел на него и вдруг улыбнулся:

— Нет. На сей раз я перегнул. Извините меня. На самом деле я не такой уж вредный. Да и вы ничего дурного не хотели сказать. Когда-нибудь вы будете судить более здраво. Давайте на этом пожмем друг другу руки.

Флэндри согласился — что ему оставалось? Хауксберг снова подмигнул:

— Дальше я, пожалуй, пойду один. Если хотите познакомиться с донной д'Ию, она в гостевых апартаментах.

Флэндри устремился прочь большими шагами.

Когда он дошел до штаба и преодолел волокиту с получением пропуска, гнев его остыл, оставив после себя пустоту

Он вошел в гостиную и остановился. Зачем идти дальше? Зачем вообще все?

Перси бросилась к нему — в золотом платье и с бриллиантами в волосах.

— О, Ники, Ники! — Она прижалась головой к его груди и разрыдалась.

Он стал машинально утешать ее. Они не часто бывали вместе с тех пор, как он вернулся с бродячей планеты. Он был слишком занят, выполняя поручения Райднура в Уянке. Так занят, что почти возмущался, когда приходилось наведываться в Хайпорт. Перси храбрая и умная, с ней хорошо, и дважды она спасала его от катастрофы, но ей не довелось пережить конец своего мира. И потом, у него с ней разные миры — жить в одном им не дано.

Они сели рядом на диване. Он обнимал ее за талию, держа в другой руке сигарету. Перси опустила глаза.

— Я увижу тебя на Терре? — печально спросила она.

— Не знаю. Боюсь, что некоторое время нет. На меня пришел официальный приказ, я направляюсь на учебу в развед-академию, и командор Абрамс предупредил, что там новичкам спуску не дают.

— А ты не мог бы перевестись обратно? Я наверняка нашла бы тебе место...

— Славное, уютное местечко в конторе с нормированным днем? Нет уж, спасибо, — на содержание идти не собираюсь.

Она застыла, точно он ее ударил.

— Извини, — промямлил он. — Я не хотел. Просто... ну.. для той работы я подхожу, и в ней есть какой-то смысл. Если я от нее откажусь, зачем тогда жить?

— Я могла бы тебе ответить, — тихо сказала она, — но ты, думаю, не поймешь.

«Ну и какого дьявола на это скажешь», — подумал он. Она тронула губами его щеку.

— Что ж, счастливо. Лети.

— А ты... тебе не грозят неприятности, Перси?

— Нет-нет. Марк исключительно цивилизованный человек. Может, мы с ним даже и на Терре не расстанемся еще какое-то время. А нет — так нет. Несмотря на всю цензуру, слухи о моих похождениях все равно просочатся. Я стану прямо-таки сенсацией, и спрос на меня возрастет. Не беспокойся обо мне. Танцовщицы умеют падать на ноги.

В нем шевельнулось смутное удовлетворение — в основном потому, что Перси освободила его от всяких обязательств по

отношению к ней. И в свой прощальный поцелуй он вложил хорошо разыгранное тепло.

Так хорошо, что он вдвойне ощутил свое одиночество, оказавшись на улице. И побежал к Максу Абрамсу.

Командор сидел у себя в кабинете, приводя в порядок дела перед отлетом на том же транспорте, что и Флэндри. Только Абрамс с Терры отправится в отпуск на Дейан. Он оторвался от бумаг, когда Флэндри влетел в дверь.

— А, привет, герой. Что это с тобой?

Мичман повалился на стул.

— К чему все наши старания? — выкрикнул он. — Какой от них прок?

— Хей-хей. Тебе надо выпить. — Абрамс достал из ящика бутылку и налил два стакана. — Я тоже не откажусь. Еле успел ступить на Старкад, как уже велят лететь дальше. — Он поднял свой стакан. — Шалом.

Флэндри трясущейся рукой принял свой и вытянул виски единым духом. Оно обжигало, опускаясь вниз. Абрамс проделал ритуал раскуривания сигары и сказал:

— Ну, сынок, теперь говори.

— Я видел Хауксберга, — выпалил Флэндри.

— Ну? И что, на него так противно смотреть?

— Он... он... этот ублюдок летит домой чистеньким. Без единого пятнышка на своей поганой репутации. Еще, глядишь, и медаль получит, и смеет квакать что-то о мире!

— Тихо, тихо. Он не такой уж мерзавец, просто страдает избыточным желанием верить в то, что говорит. Еще бы — ведь его политическая карьера связана с позицией, которую он занял. Он не может себе позволить признать, что заблуждался. Даже перед самим собой, я полагаю. Нечестно было бы губить его, если б мы даже и могли. И нерационально. Он нам еще пригодится.

— Сэр?

— Подумай. Что станет известно общественности — это неважно. Прикинь, что станет известно Комитету. И как там отнесутся к Хауксбергу. Как славно можно будет нажать на него, если он займет там место — а я надеюсь, что займет. Нет, не шантаж, зачем же так грубо, тем более что всей правды сказать нельзя. Просто поднять бровь в стратегический момент. Пусть помнит каждый раз как открывает рот, во что мы чуть не вляпались по его милости. В массах он определенно будет популярен. И приобретет влияние. Вот и прекрасно. Лучше он, чем другой с теми же взглядами, который еще не успел напортачить. Имей ты в себе хоть крупицу милосердия,

молодой человек, — что в твоём возрасте несбыточно, — ты пожалел бы лорда Хауксберга.

— Я... ну да...

Абрамс нахмурился в облаке дыма.

— И потом, в будущем пацифисты понадобятся нам как противовес кабинетным воякам. Мир мы не можем заключить, но и воевать по-настоящему тоже не можем. Все, что мы можем, — это держать линию. А человек по природе своей — не особенно терпеливое животное.

— Значит, все сводится к нулю? — чуть ли не в голос завопил Флэндри. — Лишь бы удержать то малое, что у нас есть?

Абрамс склонил седеющую голову:

— Если Господь Бог дозволит. А Он скорее милосерден, чем справедлив.

— Тот же Старкад... Смерть, боль, крушение, и в итоге — проклятое статус-кво! Что же мы, получается, тут делали?

Абрамс перехватил взгляд Флэндри и уже не отпустил его.

— Я тебе скажу. Мы должны были прийти сюда. То, что мы это сделали, каким бы никчемным это ни выглядело, какими бы далекими, чужими и не имеющими к нам отношения ни казались бедные жители планеты, внушает мне кое-какую надежду относительно будущего моих внуков. Мы дали отпор врагу, не оставили агрессию безнаказанной, воспользовались шансом, который враг нам дал, чтобы взять над ним верх. И еще раз доказали ему, себе, всей Вселенной, что не уступим ему даже самого малого. Нет, мы пришли сюда не напрасно.

Флэндри глотнул и не нашел слов для ответа.

— В данном конкретном случае, — продолжал Абрамс, — наше присутствие позволило нам спасти две мыслящие расы и то, что они могут сделать в будущем. Мы не могли знать этого заранее — но в нужную минуту оказались на месте. А если бы нас тут не было? Если бы мы махнули рукой на действия врага в этих краях? Стали бы мерсейцы спасать туземцев? Сомневаюсь. Разве что это представляло бы для них какую-то политическую выгоду. Такой уж они народ. — Абрамс выпустил клуб дыма. — Ты знаешь — еще во времена правления Эхнатона в Египте, а то и раньше, возникла школа мысли, утверждающая, что мы должны сложить оружие и положиться на любовь. И если любовь не сработает, то хотя бы умереть безгрешными. Как правило, даже противники этой идеи признавали, что она благородна. А по мне, она смердит. По мне, она не просто нереальна, не просто инфантильна, а еще и вредна. Она отрицает, что мы должны хоть как-то действовать в этой жизни. Ибо как можно действовать, отказываясь от

своих потенциальных возможностей? Нет, сынок, пусть мы смертны — то есть невежественны, глупы и греховны — это второстепенно. Наша гордость в том, что мы, несмотря на это, порой делаем лучшее, на что способны. И изредка добиваемся успеха. Смеем ли мы просить большего?

Флэндри молчал. Абрамс хмыкнул и снова налил стаканы.

— Лекция окончена. Теперь дополнительный вопрос: что ждет тебя? Не надо бы говорить такое парню в твоём склонном к бахвальству возрасте, но поскольку ты нуждаешься в ободрении, то я скажу: когда ты примешься за дело, помоги Боже противнику!

Он говорил еще час. И Флэндри вышел от него, насвистывая.

Содержание

От издательства	7
Дети ветра, <i>перевод с английского Н. Виленской</i>	9
Мичман Флэндри, <i>перевод с английского Н. Виленской</i>	167

МИРЫ ПОЛА АНДЕРСОНА

Собрание фантастических произведений в 30 томах

Том четырнадцатый

Составитель *А. Новиков*
Ответственный за выпуск *Е. Чутов*
Редактор *М. Катаева*
Технический редактор *К. Козаченко*
Корректоры *Ж. Голубева, И. Лаздина*
Операторы компьютерной верстки *Н. Амосова, Е. Глуховская*
Оформление шмуцтитолов. *М. Ермаков*

ЛР № 062455 от 23.03.93.

Подписано в печать 31.1.97. Формат 84×108¹/₃₂.

Гарнитура Таймс Печать высокая.

Усл. печ. л. 18,48. Тираж 8 000 экз.

Заказ № 93.

Издательство «Полярис»

Латвийская Республика, LV-1039, Рига, а/я 22

Отпечатано с готовых диапозитивов
на Тверском ордена Трудового Красного Знамени
полиграфкомбинате детской литературы им 50-летия СССР
Государственного Комитета Российской Федерации
по печати.
170040, г. Тверь, проспект 50-летия Октября, 46.

Дети ветра

Много веков люди и ифриане жили в мире на планете Авалон. Но когда хищная Терранская Империя протягивает к Авалону руки и Сфера Ифри не в силах ее остановить — две расы должны научиться воевать плечо к плечу.

Мичман Флэндри

На границе двух великих держав — Терры и Мерсейи — плывет в пространстве планета Старкад, где несет свою службу молодой мичман. Ему предстоит спасти от гибели не только туземцев Старкада, но и саму Империю, раскусив коварный план зеленокожих мерсейцев — но цена окажется высока.

Имя этого человека — Доминик Флэндри.

